Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

29

КНИГА II

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

* * *

ПУБЛИЦИСТИКА И ПИСЬМА

ТОМА XVIII—XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА"
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1986

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

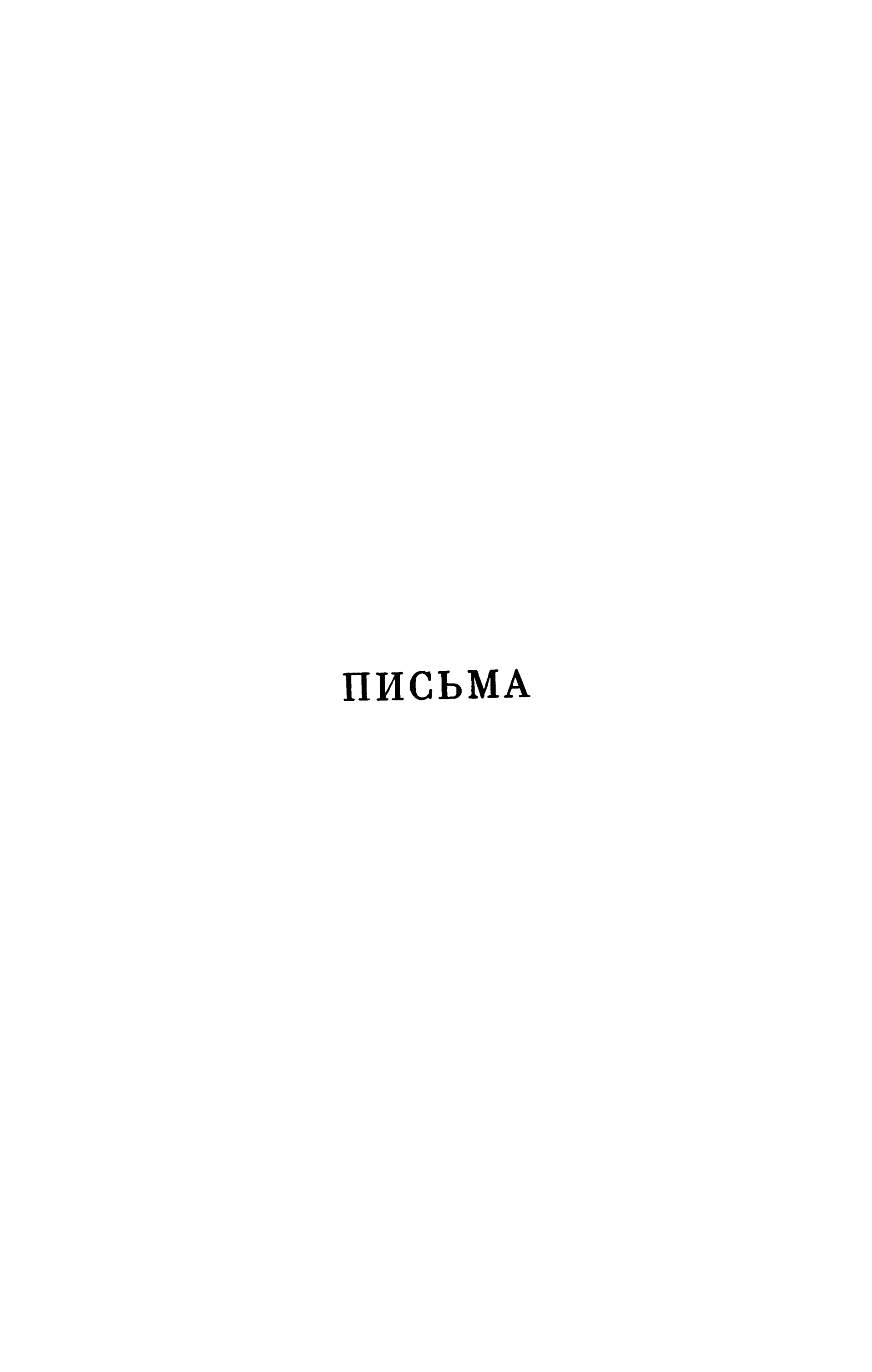
КНИГА ВТОРАЯ

ПИСЬМА

1875—1877

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1986

Д $\frac{4702010100-748}{042(02)-86}$ Подписное

ПИСЬМА

1875

555. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

4 февраля 1875. Новгород

Новгород. 4 февр‹аля› 75.

Милая Аня, ровно в 6 часов пополудни мы приехали в Новгород.[1] Эти клячи летели как ветер и на обеих станциях отдыхали всего по 40 минут. Дорога порядочная, но я на последней пряжке прозяб неестественно, и именно подошвы ног. В моих калошах претонкая подошва. До такой боли прозяб, что хоть кричи. Впрочем, и руки и спина тоже прозябли. Остановился в гостинице Соловьевой хорошенько погреться и напиться чаю.[2] Мне дали № 75. Сижу и читаю «Голос» и пью чай. Тимофей[3] вез превосходно и старательно. Хочет обратно везти меня и поджидать. Это бы прекрасно было. Посылаю тебе одеяло и шейный платок (шарфик), который не нужен. Твердо надеюсь, что ты мне завтра напишешь.[4] Целую тебя и всех троих детишек, Федю, Любу и Неизвестного.[5] Предстоит длиннейший и скучнейший переезд. До свиданья, голубчик, обнимаю тебя.

Твой весь Ф. Достоевский.

Поклон Анне Николаевне.[6]

556. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

5 февраля 1875. Петербург

Петербург. 5 февр‹аля› 75.
10 часов утра.

Милый мой голубчик, Аня. Сегодня в 8 часов прибыл в Петербург благополучно.[1] В тех и других вагонах проспал, скрючившись неестественно, почти всю дорогу, так что все-таки не совсем расстроен нервами, хотя немножко устал. Тимофею я дал одеяло и шарфик для доставки тебе, он вез хорошо, но обещался за мной заехать в гостиницу Соловьевой,[2] чтоб довезти меня к воксалу, и не заехал, так что я чуть-чуть не опоздал. Зато у Соловьевой два часа проспал в №. Теперь, здесь, сижу в Знаменской гостинице,[3] в 48-м №-ре и готовлюсь одеться и пуститься по мытарствам. За № 2 р. цены против летних, сами

говорят, что увеличены, и гостиница во всех отношениях ветховата, но все-таки, может быть, даже лучше иных других. Денег со мной 32 руб., и, однако, сегодня же надо купить сапоги, потому что мои до того *дорогою* разорвались, что даже нехорошо, если зайти в них к Некрасову [4] и Мещерскому.[5] Одним словом, я совершенно здоров и только об вас и думаю. Тоскую очень. Лилю и Федю побольше поцелуй. Я видел во сне, что Федя влез па стул и упал со стула и расшибся, ради бога, не давай им влезать на стулья, а няньку заставь быть внимательнее. Incognito * [6] также люблю. Одним словом, всех Вас крепко обнимаю. Завтра напишу. Пиши, пожалуйста. И так как теперь меня нет, то отдыхай, ради бога, голубчик мой. Чуть заболеешь или дети — тотчас дай знать. Анне Николаевне мое уважение.

Твой Ф. Достоевский.

---

* Неизвестного (*лат.*).

557. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

6 февраля 1975. Петербург

6-го февраля/75. Петербург.

Милая Аня. Вчера первым делом заехал к Некрасову,[1] он ждал меня ужасно, потому что дело не ждет; не описываю всего, но он принял меня чрезвычайно дружески и радушно.[2] Романом он ужасно доволен, хотя 2-й части еще не читал,[а] [3] но передает отзыв Салтыкова который читал и тот очень хвалит.[4] Сам же Некрасов читает, по обыкновению, лишь последнюю корректуру. Салтыков сделался нездоров очень, Некрасов говорит, что почти при смерти.[5] У Некрасова же я продержал часть корректуры, а другие взял с собою на дом.[6] Мне роман в корректурах не очень понравился. Некрасов с охотой обещал вперед денег и на мой спрос пока дал мне 200 руб.[7] Хотел бы отправить тебе хоть 75 и сделаю это завтра или послезавтра, но решительно вижу, что нету времени. Я был у Симонова и взял билетов на неделю, сеансы от 3 до 5 часов.[8] Это такое почти невозможное время, самые деловые часы! И вместо того, чтоб дело делать, я должен сидеть под колоколом. Затем заехал в редакцию «Гражданина» и узнал к чрезвычайному моему огорчению,[б] что князь накануне, 4-го февраля, уехал вдруг в Париж, получив телеграмму, что там умер брат его флигель-адъютант.[9] Пробудет же, может быть, с месяц. Таким образом, у меня в Петербурге почти никого не останется знакомых. У Пуцыковича же узнал, что

[а] *Вместо*: не читал — *было*: не дал
[б] *Было*: изумлению

Sine ira * в «С.-Петербургских ведомостях» — вообрази кто! — Всеволод Сергеевич Соловьев! [10] Затем был у Базунова, его не застал и взял «Русский вестник».[11] Затем после обеда в 7 часов поехал к Майкову. Анна Ивановна [12] уехала в театр. Он же встретил меня по-видимому радушно, но сейчас же увидал я, что сильно со складкой.[13] Вышел и Страхов. Об романе моем ни слова и видимо не желая меня *огорчать*.[14] Об романе Толстого тоже говорили немного,[15] но то, что сказали — выговорили до смешного восторженно. Я было заговорил насчет того, что если Толстой напечатал в «Отеч<ественных> записках»,[16] то почему же обвиняют меня, но Майков сморщился и перебил разговор, но я не настаивал.[17] Одним словом, я вижу, что тут что-то происходит и именно то, что мы говорили с тобой, то есть Майков распространял эту идею обо мне.[18] Когда я уходил, то Страхов стал говорить, что, вероятно, я еще зайду к Майкову и мы увидимся, но Майков, бывший тут, ни словом не выразил, что ему бы приятно видеть меня. Когда я Страхову сказал, чтоб он приходил ко мне в Знаменскую гостиницу вечером чай пить в пятницу, то он сказал: вот мы с Аполлоном Ник<олаевичем> и придем, но Майков тотчас отказался, говоря, что в пятницу ему нельзя и что в субботу можно увидеться у Корнилова.[19] Одним словом, видно много нерасположения. Авсеенко в «Русском мире» обругал «Подростка», но Майков выразился, что это глупо. Статьи «Русского мира» я не видал.[20]

Корректур было много, лег спать я поздно, но выспался. Теперь уже два часа, надо не опоздать к Симонову, а меж тем надо и заехать в «Гражданин» за твоим письмом.[21]

Сейчас принесли еще корректуру — все 2 последние главы, их уже Салтыков не читал,[22] и мне надобно перечитывать со всеми подробностями, так что сегодня, кроме бани, никуда не пойду. До свидания, милая, обнимаю тебя и детишек, не претендуй на деловитый слог письма — времени нет и не знаю, будет ли впредь.

До свиданья.

Твой весь Ф. Достоевский.

Вообрази, Порфирий Ламанский умер от того, что закололся в сердце кинжалом! Его, впрочем, хоронили по христианскому обряду.[23]

---

* Без гнева (*лат.*).

558. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

7 февраля 1875. Петербург

Петербург, февраля 7/75.

Милый друг, Аня, я всё занят ужасно и времени у меня ни на что недостает. Вчера навалили корректур видимо-невидимо, и еще не продержанных начисто.[1] Меж тем во весь день нельзя было заняться ими. Написав к тебе вчерашнее письмо, пошел к Пуцыковичу, где письма от тебя не застал. Затем вдруг, воротясь в гостиницу, получаю повестку от участкового пристава явиться 7-го (то есть сегодня) в 9 часов утра для объяснений по паспорту. Предвидя, что в 9 часов утра мне нельзя, я тотчас поехал в участок; никого не застал, сказали — вечером. Чуть было не опоздал под колокол. Симонов всё просит меня дать осмотреть ему грудь, но для этого надо заехать к нему за полчаса раньше, а я и сегодня предчувствую, что опоздаю.[2] Из-под колокола приехал в гостиницу обедать. Эта Знаменская гостиница ужасно обветшала, а цены огромные. Чуть сел обедать, пришел Пуцыкович и принес от тебя письмецо.[3] (NB. Таким образом твои письма получаются у него чуть не ввечеру). Посидел с Пуцыковичем, пока обедал; я нахожу, что это чрезвычайно порядочный человек. Затем полетел в участок. Там продержали часа два. Пришел наконец паспортист: «У вас-де дан вам билет на жительство; но он временный, а по закону вы должны были давно обменить его на *постоянный* паспорт. Конечно дело; но я стал спорить. Помощник пристава (с Владимиром в петлице)[4] начал спорить тоже: Не дадим вам паспорт, да и только; мы должны наблюдать законы. — Да что же мне делать? — Дайте постоянный вид. — Да где я его теперь возьму? — Это не наше дело. — Ну и в этом роде. Но дурь, однако же, в этом народе. Это всё только, чтоб перед „писателем" шику задать. Я и говорю наконец: — В Петербурге 20 000 беспаспортных, а вы всем известного человека как бродягу задерживаете. — Это мы знаем-с, слишком знаем-с, что вы всей России известный человек, но нам закон. Впрочем, зачем вам беспокоиться? Мы вам завтра иль послезавтра вместо вашего паспорта выдадим свидетельство, так не всё ли вам равно. — Э, черт, так зачем же вы давно не говорили, а спорили!»[5] Затем поехал в баню. Воротясь и напившись чаю, сел за корректуры и просидел до $5^1/_2$ утра. Наконец повалился спать. Вдруг слышу в соседнем №, который был пустой, хохот, женский визг, мужской бас и так часа на три: только что приехал какой-то купец с двумя дамами и остановился. И вот я лежу и не сплю, наконец заснул капельку и пробудился в 1-м часу, но спал всего часа четыре. Чувствую раздражение нервов и даже озноб. Затем пить чай, тебе писать письмо, одеваться, заехать в ре-

дакцию за письмом и успеть попасть к Симонову к $2^1/_2$ часам. Но где же попасть?

До свидания, Аня, обнимаю и целую детей. Сегодня опять, стало быть, ни одного дела не сделаю, но зато кончены корректуры и сегодня[а] ночью, может, высплюсь. Роман Толстого читаю только под колоколом, ибо иначе нет времени. Роман довольно скучный и уж слишком не бог знает что. Чем они восхищаются, понять не могу.[6]

До свидания, Аня, милая, обнимаю тебя и всех детишек.

Твой весь Ф. Достоевский.[б]

Историк Костомаров лежит в тифе. Всеволод Крестовский лежит в тифе. Симонов говорит, что тиф теперь совершенно действует как зараза, вроде чумы, и редко когда так бывало. Но не беспокойся, милочка Аня, за меня. Нас бог бережет, твердо верую, а тебя люблю крепко. Твой.

а *Далее было начато*: высп‹люсь›
б *Далее было начато*: По соо‹бщению›

559. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

8 февраля 1875. Петербург

8-го февраля 75. С.-Петербург.

Милая Аня, вчера от тебя письма не было, если и сегодня не будет, то буду очень беспокоиться. А у меня и без того много досад и расстройств. В нынешнюю ночь лег раньше, в третьем часу, но так как не спал прошедшую ночь, то заснул только разве в четвертом часу. И вот в 7 часов соседи, купец с двумя дамами, подымают опять визг, хохот, самый громкий разговор, доходящий до крику. Отделяется же не стеной, а *одной лишь дверью.* Я вскочил, оделся и немедленно потребовал другой №. Оказался свободным только один, в 3 р. в самом низу, я немедленно переехал и лег, но уже заснуть не мог. Две ночи, таким образом, не спал, расстроен, даже руки дрожат. Меж тем переехать отсюда тоже не могу: паспорт всё еще не выдают, а куда я денусь без паспорта? Предстоит ехать к Трепову.[1]

Вчера опоздал в три часа к Симонову и не мог быть на сеансе. Эти часы, от 3-х до 5 у Симонова, совершенно парализуют всю мою деятельность. Они всё время берут, и я еще ни одного дела не начинал. Утром должен тебе письмо писать и кое-какие делишки, потом куда я успею до 3-х? Здесь же в гостинице всё так медленно исполняют. Закажешь чай и раньше получасу не подадут. Опоздав, заехал к Кашпиреву,[2] просидел у него с час. Затем поехал к Соловьеву:[3] он очень был рад и

кое-что мне рассказал. Жена его больна (от беременности) и не выходит. Однако же он мне ее вывел. Она ужасно молоденькая, имеет вид девочки, с очень большим ртом и с очень выпуклыми глазами; но недурна, пока девочка. Года через три-четыре подурнеет ужасно. И вот он на всю жизнь с женой дурной собою. Он получает жалованье, хорошую плату в «С.-Петербургских ведомостях» и даже в «Пчеле» печатает свою повесть.[4] Денег получает много и в этом смысле спокоен и обеспечен. Живут они еще пока от жильцов, но у них две порядочные комнаты и превосходная (очевидно, его собственная) мебель, картины и фотографии на стенах и проч.

Затем обедал у Вольфа,[5] воротился домой, и в 9 часов пришел Страхов. Он мне искренно и положительно говорил, что Майков ни в каких слухах обо мне не участвовал,[6] да и есть ли слухи, он хорошо не знает. «Подросток» ему не совсем нравится. Он хвалит реализм, но находит не симпатичным, а потому скучноватым. И вообще он мне сказал чрезвычайно много очень дельного и искреннего,[7] что меня, впрочем, не смущает, потому что я надеюсь в следующих частях доказать им, что они слишком ошибаются.[8] В «Биржевых» (или в «Новом времени» — Страхов не запомнил) [а] он читал на днях статью о «Подростке». Довольно длинную. В ней не то что хвалят, но говорят, что до сих пор многие принимали типы Достоевского [б] отчасти за фантастические, но, кажется, пора разубедиться и признать, что они глубоко-реальные и проч. в этом роде.[9] В «Голосе» об «Отечественных записках» принято никогда ничего не печатать.[10]

Теперь час пополудни, сижу с расстроенными нервами, поеду к Симонову, потом, может быть, в участок, вечером заеду на малое время к Корнилову, чтоб только деньги отдать.[11] Деньги страшно выходят, а я еще ничего не купил. Не понимаю, почему ты не пишешь? Эти предстоящие разъезды к Пантелееву,[12] к Полякову [13] и проч. мучат меня одною мыслью о них! А между тем когда я успею это всё сделать? ужас! До свидания. Целую тебя и детишек.

Твой весь Ф. Достоевский.

а *В подлиннике*: не запомнит
б *Далее было*: за

560. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

9 февраля 1875. Петербург

Петербург. Февраля 9/75.

Голубчик мой Аня, вчера вечером получил твои два письма разом. Вероятно, 1-е письмо пролежало лишний день в Старой Руссе на почте.[1] Скажи в почтамте, чтоб этого не делали, а то

я напрасно буду беспокоиться. Известие о провалившемся потолке меня очень тревожит: во-первых, могло убить детей, а во-2-х, уверяю тебя, она [2] не до мая будет ждать, а до апреля, когда ей будет уже не так страшна угроза, что мы съедем ввиду летних жильцов.[3] Да иначе и не может быть, потому что ихняя переделанная квартира, близ самого парка, должна пойти не менее 200 руб. в лето. Пиши мне непременно каждый день, Аня: без известий о тебе и о детишках я не могу пробыть в здешней тоске. Вчера только что написал и запечатал к тебе письмо, отворилась дверь и вошел Некрасов. Он пришел, «чтоб выразить *свой восторг* по прочтении [а] конца первой части» [4] (которого еще он не читал, ибо перечитывает весь номер лишь в окончательной корректуре перед [б] началом печатания книги). «Всю ночь сидел, читал, до того завлекся, а в мои лета и с моим здоровьем не позволил бы этого себе». «И какая, батюшка, у вас свежесть (Ему всего более понравилась последняя сцена с Лизой).[5] Такой свежести в наши лета уже не бывает и нет ни у одного писателя. У Льва Толстого в последнем романе [6] лишь повторение того, что я и прежде у него же читал, только в прежнем лучше» (это Некрасов говорит). Сцену самоубийства и рассказ [7] он находит «верхом совершенства». И вообрази: ему нравятся тоже первые две главы.[8] «Всех слабее, говорит, у вас восьмая глава» (это та самая, где он спрятался у Татьяны Павловны) — «тут много происшествий чисто внешних» — и что же? Когда я сам перечитывал корректуру, то всего более не понравилась мне самому эта восьмая глава и я многое из нее выбросил. Вообще Некрасов доволен ужасно. «Я пришел с вами уговориться о дальнейшем. Ради бога, не спешите и не портите, потому, что слишком уж хорошо началось». Я ему тут и представил мой план: то есть март пропустить и потом апрель и май вторая часть, затем июнь пропустить и июль и август третья часть и т. д.[9] Он на все согласился с охотою «только бы не испортить!». Затем насчет денег: вам, говорит, следует всего без малого 900; 200 руб. вы получили, стало быть, следует без малого 700; если к этому прибавить 500 вперед — довольно ли будет? Я сказал: прибавьте, голубчик, тысячу. Он тотчас согласился. «Я ведь, говорит, только ввиду того, что летом, пред поездкой за границу, вам опять еще пуще понадобится». Одним словом, в результате, то, что мною в «Отеч‹ественных› записках» дорожат чрезмерно и что Некрасов хочет начать совсем дружеские отношения.[10] Просидел у меня часа $1^1/_2$, так что я опять чуть не опоздал к Симонову. Весь вчерашний день я был совсем как больной от расстроенных от неспанья нервов. Деньги, полагаю, что получу завтра или послезавтра. Тогда, Аня, и вышлю то, что по расчету должно остаться у нас, то есть около

[а] *Далее было начато*: вто‹рой›
[б] *Далее было*: последней

1000, а до тех пор как-нибудь займи хоть у батюшки.[11] Потому что не только у меня времени нет выслать эти 75, которые я обещал, но даже и не из чего, потому, что деньги идут в ужасающих размерах. Вчера вечером был у Корнилова и отдал ему 45 р. по 10 взносу в Славянский [12] и в «Любителей» [13] и 25 р. от *неизвестного* (пари).[14] Корнилов принял меня удивительно ласково и внимательно, очень меня расспрашивал, ходил со мной и рассказывал, рекомендовал и знакомил. (Между прочим, познакомил с своим старшим братом.[15] ‹*3 нрзб.*›) [в] Было человек до 20 разного народу (Майков не пришел). Был Страхов и просил зайти к себе вечером в понедельник.[г] Дело в том, голубчик Аня, что за неимением достаточных денег ни у кого (по делам) и быть не могу. Но пуще всего [д] лечебница Симоновá: она пришлась в такие часы (от 3 до 5), что всё мое время парализует. Конечно надо вставать раньше (часов в 9) и ложиться раньше. Но меня в 2 последние ночи измучили, я спал по 4 часа в сутки и менее. Нынешнюю ночь думал наверстать и лег вчера в 2. Но нервы до того расстроены, что часа $1^1/_2$ не мог заснуть, ночью беспрерывно просыпался, и хоть встал в 11-м часу, но все-таки настоящих семи часов не спал. С завтрашнего с понедельника надо как-нибудь приняться за дело. Совсем забыл про иные твои распоряжения, например, надо ли дать сколько-то денег Полякову или нет.[16] Впрочем, думаю, всё обделаю, не беспокойся. Я только об вас беспокоюсь. До свидания, ангел, люблю тебя и чувствую *и сверх* того нужду в тебе ужасно большую. Целую детишек и благословляю. 15-го-то думаю уехать отсюда, наверно, а то так бы и раньше. Обнимаю тебя, голубчик, будь здорова и уведомляй о каждой мелочи. Всем поклон.

Твой весь, тебя целующий муж,
Ф. Достоевский.

[в] *Эта фраза, как и другие места ниже, не поддающиеся прочтению, густо зачеркнута А. Г. Достоевской.*
[г] *Было*: вторник
[д] *Далее было*: то

561. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

10 февраля 1875. Петербург

Понедельник, 10 февраля/75.

Милый брат Коля, я приехал в Петербург по кое-каким моим делам [1] и желал бы с тобой видеться, но хоть и буду на Петербургской у Эмилии Федоровны, а все-таки в *твой дом* не хотел бы вступать.[2] И поэтому не заедешь ли ко мне.[3] Я живу в Знаменской гостинице, № 6. Но бываю дома не иначе как от 11-ти до 12-ти утра. Пробуду в Петербурге дней 5; до свидания, голубчик.

Твой брат Федор Достоевский.

562. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

10 февраля 1875. Петербург

Понедельник, 10 февраля/75.

Голубчик мой, Аня, вчера я от тебя письма не получил. Да ты бы писала и подавала с вечера на почту, чем по утрам-то. Пишешь, что и от меня не получила. Я сам кладу в кружку каждый день и каждый день пишу, но они неровно выбирают, иногда после двух, а иногда и до двух. Вчера был в лечебнице. Лечебница парализует все мои дела, отнимает весь день, пересекает его глупейшим образом надвое. Из лечебницы после обеда поехал к Полякову и отдал ему 50 р. Он мне не сказал ничего нового. Есть в виду какие-то покупщики, да что он поедет с Коршем великим постом в именье и проч.[1] Я попросил его что знает написать тебе.[2] Потом заезжал к Прохоровне,[3] а потом домой, чтобы раньше выспаться и поправить нервы. Не тут-то было: в залах гостиницы праздновалась свадьба купцов-лавочников, сотня пьяных гостей, музыка, конфетти. Я лег в 2. Но до 5½ не мог заснуть, потому что по нашему коридору бродили и кричали [a] забредшие сверху пьяные. Я вскакивал, отворял двери и ругался с ними. Теперь голова болит — мочи нет. Если б только не действие сжатого воздуха, который успокаивает нервы, то, думаю, что у меня от бессоницы и от раздражения наверно бы был припадок. До свидания, голубчик, целую тебя, детишек и всех. Скажи детям, что Прохоровна им кланяется и любит их, а об Феде над его карточкой плачет. У ней и Федя, и Лиля висят на стене. Всем кланяюсь. Как только получу от Некрасова деньги,[4] сейчас поеду к Пантелееву [5] и т. д. Как хотелось бы поскорей домой. Здесь мое здоровье хуже во многих и других отношениях. Целую тебя и детей.

Твой весь Ф. Достоевский.

---

[a] *Далее было начато*: сверх‹у›

563. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

11 февраля 1875. Петербург

Петербург, 11 февраля/75.

Милая Аня, вчера так от тебя и не было письма. Да уж не пропадают ли мои письма? [1] Я, однако же, каждый день пишу. Вчера ничего почти не сделал, был только у Симонова и вечером у Страхова. Страхов знает о моем неудовольствии на Майкова и, кажется, передал ему, потому что Майков прислал мне письмо и приглашает сегодня, во вторник, к себе обедать.[2] Но я еще вчера вечером его видел у Страхова. Было очень друже-

любно, но не нравятся они мне оба, а пуще не нравится мне и сам Страхов; они оба со складкой.[3] Так и быть, обедать у него сегодня буду, но и только. Сегодня утром зашел ко мне брат Коля[4] и теперь сидит у меня, пока я пишу.

От Некрасова всё еще не получил,[5] а самому пойти напоминать как-то совестно. Но если сегодня не получу, то непременно пойду завтра. Жду с нетерпением, наконец, твоего письма и прошу *непременно* писать каждый день, подавай с вечера. Очень целую детей, хочу об них известий. Ужасно мне здесь скучно. Новостей никаких. Целую тебя очень и благословляю детей. До свидания. Обнимаю всех вас.

Твой весь Ф. Достоевский.

564. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

12 февраля 1875. Петербург

Петербург. Среда 12/75.

Милая Аня, получил от тебя письмо от 10 (понедельник) очень напуганное.[1] Не беспокойся обо мне, ради бога; если я чем чувствую себя нехорошо, то это нервами, потому что в гостинице, и не на своем месте, и со всеми этими предстоящими хлопотами — не могу выспаться. Не пугайся же, всё устроится, а я, разумеется, ни одного лишнего дня не буду. Лечебница Симонова взяла всё мое время и не дает мне кончить ни одного из дел. Спешу написать тебе, и пойду сейчас к Некрасову, и, если можно, возьму денег.[2] Пишешь, чтоб я прислал: клянусь, у меня нет ни одной свободной минуты. Получу от Некрасова — всё пришлю, разом; а до тех пор займи у священника.[3] Вчера, как сидел у меня Коля[4] — вошел Корнилов (значит, отдать визит),[5] был чрезвычайно мил и просидел больше получасу. Вот деликатнейший человек. Затем, после Симонова[а] поехал к Майкову обедать. Это дело вот в чем: я Страхову, у Корнилова,[6] выразил часть моей мысли, что Майков встретил меня слишком холодно, так, что я думаю, что он сердится, ну а мне всё равно. Страхов тогда же пригласил меня к себе в понедельник, а пригласительное письмо Майкова[7] было вследствие того, что Страхов ему передал обо мне.[8] [б] Майков, Анна Ивановна и все были очень милы, но зато Страхов был почему-то очень со мной со складкой. Да и Майков, когда стал расспрашивать о Некрасове и когда я рассказал комплименты мне Некрасова[9] — сделал грустный вид, а Страхов так совсем холодный. Нет, Аня, это скверный семинарист[10] и больше ничего; он уже

а после Симонова *вписано*.

б *Далее было начато*: Стр‹ахов›

раз оставлял меня в жизни, именно с падением «Эпохи», и прибежал только после успеха «Преступления и наказания».[11] Майков несравненно лучше, он подосадует, да и опять сблизится, и всё же хороший человек, а не семинарист. Сейчас от Майкова, вечером, зашел к Сниткиным. Александр‹а› Николаевича не было дома, жены его тоже, но я просидел у жены Михаила Николаевича, и потом пришел он из Воспитательного, и я чрезвычайно приятно провел у них время до 11 часов, в разговорах. За тальмой [12] схожу еще раз.

Если в субботу не выеду, то хотелось бы ужасно в воскресенье. До свидания, милая, многого не пишу, потом расскажу. Обнимаю тебя крепко и целую, ты мне очень нужна. Детишек *всех* обнимаю очень, целую и благословляю. Твой тебя крепко любящий

Ф. Достоевский.

Здесь вышел один колоссальный анекдот об известных нам лицах, расскажу как приеду.[13]

Паспорт до сих пор еще не получил, но не беспокойся.

565. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

12 февраля 1875. Петербург

Среда 12/75. Петербург.

Сегодня вечером получил из редакции твое письмецо от 11-го, милая Аня, и сегодня же вечером пишу ответ, хотя отошлю завтра и сам поеду отдавать в большой почтамт. Посылаю тебе, голубчик мой, *девять сот* 900 рублей. Никогда я предположить не мог, чтоб ты так зануждалась и написала мне такие отчаянные просьбы о присылке денег. Но, друг мой, ведь ты сама же говорила, что всегда можешь занять у батюшки или у Анны Гавриловны.[1] Я же так рассуждал, что заем на 2 на 3 дня, при таких верных деньгах, которые я получаю, не может нисколько повредить твоей чести. Это мелочность! Я же писал уже тебе давно, чтоб ты заняла. Я, конечно, мог и из выданных мне Некрасовым 200 отослать тебе,[2] но ей-богу же! не было времени ни капли, чтоб самому ехать посылать. Мало того: нет [a] иногда времени даже в редакцию «Гражданина» заехать. Ну ты представь себе, я съездил к Некрасову, взял сегодня у него деньги,[3] заезжаю домой, чтоб положить их в чемодан, и вдруг входит Владимир Ламанский,[4] сам, услыхавший от кого-то, что я в Петербурге. Неужто мне прогнать его? Вот я с ним и остался. И так каждый час. Притом же я всё не могу выспаться, и у меня расстроены нервы до муки, до ада. А главная

---

[a] *Было*: не было

причина всё та же: что я никак не воображал, что ты будешь стыдиться попросить пустяки у таких добрых знакомых, — тем более, что сама мне про это говорила! Не то, конечно бы, прислал, потому что на столько-то у меня всегда было, и уж конечно я мог поручить Пуцыковичу. Симонова лечебница всё парализует! У меня весь день уходит, но завтра последний сеанс.[б] Между тем дел бесконечное множество. Сегодня был у Эмилии Федоровны. Завтра постараюсь быть у Пантелеевых[5] или где-нибудь, где нужнее. Обнимаю тебя крепко, не сетуй же на меня. Некрасов дал 1600, из них 1000 или без малого вперед, потому что нельзя еще дать точнейшего расчета.[6] Сосчитаемся вперед. У меня в руках 700 с лишком рублей. Деньги идут неестественно, и я здесь ужасно трачусь. Целую детей. В субботу думаю, что никак не выеду: Ламанский звал в субботу, а Некрасов в субботу же хочет везти меня к Салтыкову (а я очень хочу завязать это знакомство).[7] Кроме того, не был у Кони, не был у Порецкого и не сделал почти еще ни одного денежного дела. Одним словом, в письме ничего толком не опишешь, вряд ли и в воскресение выеду, хотя ужасно бы желал, чтоб в понедельник быть вечером у вас. Ужасно хочется поскорее к вам, изо всей силы буду стараться. Послезавтра, в пятницу, напишу наверно, но если скажешь Тимофею,[8] чтобы ждал меня в понедельник в Новгороде, то, кажется, это будет верно.

Целую тебя и детишек триста тысяч раз, твой весь

Ф. Достоевский.

Ты не поверишь, как ты меня расстроила и огорчила этой просьбой денег. Да неужели это так стыдно занять, Аня! Я и не воображал ничего подобного. Ведь мы не воры и не мазурики, и это доказали.

Сегодня Некрасов встречает меня словами: «А у меня для вас давным-давно готовы деньги». Между тем я деликатничал и всё не шел, ожидая, что он сам привезет или пришлет. Если б не зашел, то он и еще три дня бы не подумал прислать.

Сегодня встретил у него книгопродавца Печаткина. Боюсь, что передаст другому Печаткину кредитору, и тот меня здесь разыщет.[в] [9]

У Бунтинга не был,[10] сапогов даже себе еще не успел купить.

Целую тебя ужасно, и ручки и ножки и всю. Люблю тебя и желаю ужасно увидеть.

б *Было*: билет

в *Вместо*: Печаткину ∾ разыщет. — *было*: Печаткину и тот меня разыщет.

566. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

13 февраля 1875. Петербург

Петербург, 13 февр./75. Четверг.

Милая Аня, сейчас послал тебе деньги, но в почтамте сказали, что сегодня не пойдет, стало быть, завтра, в пятницу, ты бы не получила от меня письмо, и потому пишу тебе, сидя у Миши, в Обществе взаимного кредита.[1] Итак, обнимаю тебя, всё благополучно, а деньги получишь в субботу.

Целую детей.

Твой весь Ф. Достоевский.

567. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

13 февраля 1875. Петербург

Петербург, февраля 13/75. Четверг.

Милая Аня, давеча я послал тебе девять сот рубл‹ей›, и, вероятно, получишь их вместе с этим письмом, которое пишу с вечера, потому что завтра утром не будет времени писать. Кроме того, так как в почтамте сказали, что денежное письмо пойдет завтра, в пятницу, то я в Взаимном кредите написал тебе строк 6, сидя у Миши.[1] После того был у Симонова и у Пантелеева. Ему я передал твое письмо,[2] но он *знать ничего не хочет* и настоятельно требует другого расчета. Он хочет 2 векселя Надеина,[3] а Кожанчикова[4] тоже оставляет у себя. Одним словом, путаница. В субботу зайдет ко мне; я, выслушав его, думаю, что нечего его долго тянуть, и хочу отдать ему оба векселя; про те же 54 экземпляра, которые проданы, но деньги не получены, он говорит, что и не может получать.[5] Клейн[6] ему положительно не платит. Он составит счет, я, по возможности, удовлетворю его в субботу, а затем я скажу, чтоб он всё тебе сам написал. В случае же, если я не отдам векселей, то он говорил даже, что будет задерживать продажу экземпляров. Таким образом, я и не знаю теперь, как разделаюсь с Варгуниным;[7] ясно, что нельзя будет опять всего заплатить; денег у меня вовсе не так много, чтоб всем отдать. Затем зашел к Всеволоду Соловьеву[8] и затем к Сниткиным, которых никого не застал дома (одни в театре, другие в гостях) и взял твою тальму у одной из дев. Завтра и послезавтра предстоит страшно много хлопот и визитов. Каждый день у меня на извозчиков до 3-х руб. Вчера вечером был у Эмилии Федоровны. Думаю выехать в воскресенье *непременно*. Так и скажи ямщикам. Лучше, если будет Тимофей. Сейчас же вечером получил и твое письмо из редакции.[9] Если напишешь в пятницу, то, конечно, я получу еще твое письмо, но более писать нечего. Постараюсь непременно

приехать в понедельник, в Федины именины[10] (барабан и посуду Лиле непременно купи и не дари, держи в тайне, потому, что мне здесь решительно нельзя будет купить игрушек, разве какую мелочь). Голубчик мой, у меня страшно расстроены нервы, ужасно боюсь припадка. Никак не могу выспаться, вот беда. Буквально сплю не более 5 часов; непременно будят утреннею вознею в коридоре. Ты видишь сны,[11] а со мной еще хуже. Обнимаю тебя крепко и целую, детишек тоже, очень. Всех вас люблю и благословляю.

Твой весь Ф. Достоевский.

Разве какой-нибудь самый непредвиденный случай, но непременно выеду в воскресенье.

568. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

14 февраля 1875. Петербург

Петербург. Пятница 14 февраля/75.

Милая Аня, сейчас получил твое письмо от четверга и решительно поставлен в самое затруднительное положение и беспокойство. Ты решила почему-то наверно, что я выеду в субботу, и пишешь, что в субботу вышлешь ямщика. Я же не могу выехать раньше воскресенья ни за что. Теперь уж я знаю, что в воскресенье выеду наверно. Вчера же, высылая тебе письмо с деньгами, я узнал в почтамте, что ты получишь его только в субботу. В нем я написал уже почти *наверно*, что выезжаю в воскресенье.[1] В том же письме,[а] которое я написал вчера из Общества взаимного кредита,[2] в 6 строк, я кажется забыл написать, что выезжаю в воскресенье. Итак, ты получишь в субботу мое извещение, что надо выслать ямщика в воскресение, а он уже выслан тобою за день, в воскресенье, подождет поезда, увидит, что я не приехал, и поедет преспокойно назад, а я в понедельник сиди без лошадей. То-то будет история! Одним словом, я в беспокойстве ужаснейшем. Да и как можно высылать, не подождавши моего извещения.

Сегодня езжу и бегаю и живу, как в аде. В целые 2 недели ни разу в театр не сходил. Жил самым подлейшим образом, бегал по комиссиям или сидел в лечебнице. Завтра черт знает сколько еще хлопот. Сегодня был у Тришина,[3] у Варгунина,[4] у Бунтинга, в Гостином дворе и в заседании Славянского комитета.[5] Обо всех подробностях потом. Процентов у Варгунина насчиталось 156 р‹уб›. Он даст счет. Скажи[б] детям, что привезу игрушек. Денег идет бесчисленно много, не знаю даже

[а] *Вместо*: В том же письме — *было начато*: То же письмо
[б] *Вместо*: Скажи — *было*: Напиши

как быть. Авось в понедельник вечером буду у вас. Обнимаю тебя тысячу раз и целую. Детей благословляю и целую, скажи, чтоб ждали меня в понедельник. Нервы у меня расстроены очень. Множество еще визитов и дел не сделано. Обнимаю тебя крепко, люби меня.

Твой весь Ф. Достоевский.

Это письмо пишу в полночь и пошлю завтра в субботу в полдень, — стало быть, это письмо будет *последнее*. Обнимаю тебя, Аня. Скоро поцелую уже взаправду. И как мне детишек увидеть хочется!

569. П. А. ИСАЕВУ

23 февраля 1875. Старая Русса

Старая Русса, 23 февраля/75.

Любезнейший Паша, посылаю тебе, по просьбе твоей,[1] 30 р.; извини, что никак не могу выслать всех пятидесяти. Причем считаю нужным предупредить тебя, что и впредь не в состоянии буду, в настоящем положении моем, помогать тебе. Следственно, и не рассчитывай. Ты пишешь, что тебе «даже непонятно теперь, когда ты уже действительно на месте», как мог ты прожить это время и чем. А между тем тут же прибавляешь, что задолжал Елене Павловне[2] сто рублей. (Сто ли, не больше ли? Но, сделав такой долг, конечно, можно было прожить.) При этом замечу тебе, что я нисколько не намерен заплатить за тебя Елене Павловне. Уж не уверял ли ты ее, что я за тебя заплачу? Ты просишь адресовать тебе письмо в Банк, а не к Елене Павловне: не потому ли, что боишься показать ей, что получил деньги?[3] Хоть я и не хочу вредить тебе ни в чем, но, право, следовало бы уведомить Елену Павловну с моей стороны, что долг твой я не могу гарантировать. И вообще мне желалось бы знать правду. Ты обманул меня в первом письме,[4] написав, что уже получил место; между тем пишешь, что только теперь *действительно* на месте; но на месте ли, не обманываешь ли и этот раз? И наконец, чем же ты из 75 р. заплатишь Елене Павловне? А если *действительно* на месте, то разве ты на нем удержишься: ты мигом войдешь в амбицию и оставишь место, не рассудив, что на такие места и без того по 100 кандидатов имеется и что ими надо дорожить. Но ты и представить себя не можешь иначе как на 150—200 рублях жалования! Миша,[5] в Петербурге, 5 лет сидит на 75, но ценит и держится крепко, и вот только теперь получил 20 рублей прибавки и получает 95. Но ведь Миша и Павел Александрович — разница! Я по опыту говорю, ты просишь у меня 150 р. и, когда я посылаю тебе 25, фыркаешь из-за обиды (на меня-то!)[6] и отсылаешь мне их назад:

понятно, как ты фыркать должен там, где ты служишь, если уж на меня фыркаешь. Отослав 25 р., ты разрываешь со мной и даже после письма моего[a] [7] не пишешь, отговариваясь делами (которых у тебя не было, ибо ты только теперь поступил на службу). А между тем, не говоря уже о наших отношениях (то есть отчима к пасынку) — вспомни, что и все люди, покровительствовавшие тебе и сделавшие для тебя всё, что ты имеешь (Майков, Ламанский, Порецкий и проч.) — все эти люди делали всё это *лишь для меня* и по просьбе моей.[8] Ты же, фыркая на меня, даже и не подумал, что я могу наконец потерять терпение: «Когда надо, напишу ему, и опять для меня всё сделает» — вот как ты, вероятно, думаешь обо мне. Если ты теперь написал мне, то наверно потому, что тебе понадобились деньги. Молчал же ты единственно потому, что изволил обидеться (на меня-то!) и пресек со мной сношения. Я не так прост, чтоб не понять этого, зная твой характер. В письме своем ты пишешь Анне Григорьевне свой поклон. Замечу тебе, друг мой, что это чрезвычайно неприлично с твоей стороны; такой поклон, после твоей выходки, как ни в чем не бывало — есть непозволительная бесцеремонность. В том письме своем, при котором отослал мне 25 руб., ты позволил себе выразиться (мне в лицо) насчет письма Анны Григорьевны[9] в выражениях дерзких («верх неприличия» и проч.). И после того, как ни в чем не бывало, ей же поклон! Ни поклонов, *ни извинений твоих* ей не нужно; это знай твердо. Переменят об тебе мнение лишь тогда, когда ты поступками своими заставишь уважать себя как хорошего человека. Какими поступками? Это я скажу тебе. На первый случай — вот тебе два поступка: 1) если *действительно* ты на месте, то *удержись* на нем и будь доволен 75-рублевым жалованием (предупреждаю тебя: ей-богу, не буду более просить за тебя никого!). 2) Не должай более Елене Павловне и старайся ей возвратить хоть помаленьку. Нельзя пользоваться до такой огромной суммы добротой этой деликатнейшей и добрейшей женщины. Да и чем ты отдашь ей — не понимаю! И потому прекрати жить в долг, если в самом деле имеешь жалованье: на это жалованье еще можно прожить. Смотри же, Паша, сделай мне это одолжение: это слишком важно. Ты оставляешь долги везде, где поселяешься, и их не платишь. Неужели и Елену Павловну ждет та же участь. Согласись, что если б ты, достав место, хранил его, не фыркав и не бросав его из-за твоего дурного характера, то имел бы чем жить и не делал бы долгов.

Один из главных доброжелателей твоих, благороднейший Порфирий Иванович Ламанский умер; знаешь ли ты это?[10]

Желаю тебе всего хорошего и, главное, стать наконец хорошим человеком.

Твой Ф. Достоевский.

---

[a] *Вместо*: после письма моего — *было*: на письмо мое

P. S. Очень сожалею, что ты всё нездоров. Старайся выздоровсть, особенно от лихорадочных припадков. Если к твоим неудачам привяжется наконец и нездоровье, то что же тогда будет?

570. П. А. КОЗЛОВУ

1 марта 1875. Старая Русса

Старая Русса, 1-е марта/75.

Милостивый государь,

Простите мою забывчивость, по которой и не выставляю Вашего имени-отчества.

В сборнике Вашем принять участие я готов бы со всею охотою, но успею ли?[1] Я задавлен работой по печатающемуся в «Отеч‹ественных› записках» большому моему роману, и так будет вплоть до осени.[2] Если успею, то доставлю что-нибудь непременно, но во всяком случае к самому позднему сроку, то есть не раньше августа.[3]

Двух-трех листов доставить тоже ни за что не могу. Вещица может быть в один печатный разве лист, немного менее или более листа.[4]

Не понял я хорошо, что Вы пишете об условиях: 350—400 руб. за лист или за всю статью? Так как Вы предполагали 2—3 листа, то, если за всю статью, стало быть, ценили ее в 150 р. за лист.[5] Но, в этом случае, я согласиться не могу. За роман в *сорок* листов я получаю с Некрасова *сплошь* по 250 р. с листа.[6] А потому и не могу взять за один лист менее 350 р. с листа.

Будет ли в Вашем альманахе критическая статья (обзор литературы за год)? Этим чрезвычайно бы выиграло издание, особенно при хорошей статье. Всего более нужна теперь в литературе критика, и всего более ее ищут и читают.

Если Вам угодно будет всё что я здесь изложил, то сообщите; и тогда уже я Вам пришлю мою фотогр‹афическую› карточку.[7]

Примите уверение в моем совершенном почтении и преданности.

Федор Достоевский.

Старая Русса, Новгородской губернии. По Ильинской улице, в доме Леонтьева.

571. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

2 марта 1875. Старая Русса

Старая Русса, 2 марта/75.

Милостивый государь Александр Николаевич,

Александра Павловна Орлова,[1] жительница Старой Руссы и желающая получить здесь, при летнем сезонном театре, место агента со стороны Общества драматических писателей,[2] просила меня, как живущего в Старой Руссе и уже три лета приезжающего на здешние воды,[3] засвидетельствовать о ее способностях к искомой ею должности и ее характере. Сим с удовольствием свидетельствую о моем глубочайшем уважении к личности и характеру Александры Павловны, которую имею честь знать уже три года. Здешний же летний театр ей особенно известен, так как сама она, артистка в душе и нуждаясь в средствах к жизни, неоднократно и удачно исполняла на нем роли, но безо всякого контакта с антрепренером и к составу труппы не принадлежала. К сему прибавлю, что Александра Павловна женщина уже известных лет, живет одиноко и независимо и бесспорно пользуется глубочайшим уважением всего старорусского общества.

При сем прошу принять уверение в совершенном моем уважении и таковой же преданности.

Покорный слуга Ваш Ф. Достоевский.

572. Н. А. НЕКРАСОВУ

20—23 марта 1875. Старая Русса

26 [a] марта 75. Старая Русса.

Многоуважаемый Николай Алексеевич,

Вот как я располагал, при самом строгом расчислении:

К 25—26 выслать Вам листа 3 второй части, а засим дослать еще к 1-му и 5 апреля, — всего думал выслать до 5 листов, то есть первую половину 2-й части; и выслал бы. (Причем замечу, что 2-я половина 2-й части, то есть на майскую книгу, была бы несколько менее первой, то есть в 4 или $4^1/_2$ листа.) [1]

Это до Вашего письма. Но, получив письмо Ваше, вижу, что у Вас в сроках 25-го числа каждого месяца заключается нечто сакраментальное и действительно могущее Вам вредить, если не поспевать к этому роковому сроку. И потому на Ваши оба предложения [2] отвечаю следующее:

---

[a] *В дате — описка Достоевского.*

Если разбить на три книги, то для эффекта романа (то есть собственно для меня) будет не совсем выгодно. А потому вот на чем остановился:

К 25—26 марта вышлю Вам не менее 3-х листов и затем, никак не позже 29-го, еще немного, всего от $3^1/_2$ до 4-х листов (то есть на 4-ую книгу). Затем к 25 апреля вышлю *неуклонно* уже окончание 2-й части.

Таким образом оставляю всё на Ваше решение. То есть, если не захотите ждать до 29-го марта — напечатайте только то, что получите к 26-му. Точно то же может повториться и к 25 апреля.

Мне же, напротив, желалось бы, чтоб Вы́ подождали этот кончик до 29-го. Признаюсь Вам, что и это решение для меня тяжеленько, не в смысле срока, а в смысле эффекта.

При 5 печатных листах, то есть как я сам проектировал сначала, кончилось бы несравненно любопытнее и яснее.[3] Но нечего делать, наверстаю во 2-й половине 2-й части. Впрочем, не тужу.[б]

Переждать же еще месяц, то есть не печатать совсем и в апреле, мне кажется, вышло бы неловко.

При сем еще раз Вам повторю, что говорил лично: не думайте, что я гоню и спешу; напротив, сам себя упрекаю в излишней кропотливости. Почти весь роман написан уже начерно, и я только редактирую, так сказать, уже написанное.

Чрезвычайно бы желал узнать от Вас (по получении Вами к 26-му), как Вы поступите? Мне бы желалось, как выше сказано: к 26-му и к 29-му и потом окончание 2-й части к 25 апреля.[4]

Весь Ваш Ф. Достоевский.

[б] *Далее было начато*: Делит‹ь›

573. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

6 апреля 1875. Старая Русса

Старая Русса, 6 апреля [а]/75.

Милая Аня, всего только 5 часов с тех пор, как ты уехала,[1] и нового у нас, конечно, немного. Я проспал еще часа 2 и освежился, детки же ведут себя превосходно, играют и не плачут; к ним пришла Фиса.[2] Конечно, ты до Шимска уже доехала, но как-то далее будет? До твоей телеграммы буду в беспокойстве.[3] Как-то не верится, чтоб ты скоро кончила в Петербурге. К тому же, к твоему возвращению наверно будет и распутица, и Шелонь пройдет. Ну что, в самом деле, если мы и Святую [4] встре-

---

[а] *Было*: марта

тим без тебя? Очень будет тяжело. Думаю, как-нибудь присесть поскорее за работу. В «Отеч‹ественные› записки» не ходи: сам сегодня пошлю в редакцию письмо.[5]

Боюсь я за тебя и за всех неизвестных,[6] боюсь, что заболеешь и выйдет что-нибудь худое. Беспокоюсь очень. Обнимаю тебя и целую, детки тоже.

По крайней мере цели достигни. Подействуй на Ив‹ана› Гр‹игорьевича› как-нибудь убедительнее, *заручи* его чем-нибудь: пусть действительно что-нибудь *сделает* и построже, не жертвуя судьбою детей как легкомысленный человек. Каждый *кузнец* будет бить его детей при такой матери.[7] В аренду непременно, и пусть сам едет в именье без малодушного глупого стыда. Только нам в аренду ввязываться не знаю хорошо ли? [8]

До свиданья, Аня, обнимаю еще раз и целую. Об нас думай, шляпку купи.

Твой весь Ф. Достоевский.

574. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

12 мая 1875. Петербург

Петербург, 12 мая/75.

Милый голубчик Аня, я только что приехал, теперь 10 часов. Остановился в Знаменской гостинице и в том же 6-м номере.[1] Дорога была прескверная, ни капли не заснул, в Чудове ждали часа два, а поезд был хуже, чем когда-нибудь: все места до единого заняты, духота, теснота. Телеграмма твоя здесь получена, но никто еще не взял ее.[2] Впрочем, в эту минуту не пришли еще почтовый и курьерский поезда (10 и 11 часов утра).[3] Я, однако, в 11 часов уже отправлюсь по моим мытарствам. Завтра напишу, вероятно, побольше. Здесь хоть и солнце яркое, но холодно, зелени совсем почти нет. Что детишки? Целуй их крепко, Лилю и Федю. Постараюсь поскорее прибыть к вам: как уехал от вас, так и грустно ужасно. Вас, милостивая государыня, ужасно люблю и считаю великолепнейшим существом. Обнимаю и целую тебя, милая, крепко. Детишек тоже.

Твой весь Ф. Достоевский.

Смотри за детками, голубчик, ради Христа.

575. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

13 мая 1875. Петербург

Петербург, 13 мая/75. Вторник.

Милый друг, Аня, запоздал и не знаю, получишь ли это письмо завтра. На железной дороге в ящике вынимают [a] лишь от 12 до 1 часу. Вчера прибыл и остановился в Знаменской гостинице (№ 16) Иван Григорьевич и Ольга Кирилловна,[1] но утром я их еще не видел, а увидел только вечером, уже в 8-м часу, потому что в 11 часов вышел из дому. Был у Некрасова, взял корректуру [2] на дом и взял у него 300 р., обещался прийти ко мне сам в среду (завтра) — вероятно, чтоб говорить об деньгах, о которых я еще не начинал говорить.[3] Пишу всё без подробностей, потому что всего не упишешь, затем был у Мещерского, просил к себе в среду. Очень расположен.[4] Затем у Полякова. Этот почему-то *и сам хотел бы* не закладывать именье и прежде меня это высказал, так и решили.[5] Затем зашел в гостиницу и виделся с Ив‹аном› Григорьевичем одним без Ольги. О подробностях после. Копию письма Ольги он не получил и о письме ее едва знал, а ее сам разыскал в Москве.[6] Затем заказал себе платье. Затем пришел домой, и так как предыдущую ночь не спал, то был в таком состоянии, в каком даже никогда себя не чувствовал — так кружилась голова и были расстроены нервы. Затем сел за корректуры, но пришел Пуцыкович, сидел и говорил час. Затем пришел Иван Григорьевич, и потом, когда Пуцыкович ушел, сходил за Ольгой и привел ее. Я должен был, по уговору с ним, показать вид, что мне ничего неизвестно. Они же пришли ко мне *судиться*, то есть изложили всю свою историю [7] под видом, что это случилось у них, по соседству, с какими-то помещиками, и, изложив свою историю, спросили моего мнения про разные вопросы. Затем, когда они ушли в 12 часов, я сел за корректуру, *буквально* едва держась на ногах, отсмотрел корректуру и лег спать в 2 часа, спал часов 10 и проснулся лишь в 1-м часу сегодня.

Об Ив‹ане› Григорьевиче и об Ольге Кир‹илловне› ничего не могу написать теперь, потому что тут такая путаница, что если б и на словах рассказывать, то и тут нельзя выразиться понятно. Сейчас опять приходил Ив‹ан› Григорьевич, ничего у них не решено и, по-моему, положение их всех — безвыходное. В денежном только отношении он, кажется, обеспечен, да и то только теперь, то есть сегодня утром. Я выеду в четверг, а в пятницу буду у вас в Старой Руссе. На мой положительный и неоднократный вопрос Ив‹ану› Григорьевичу, будет ли Ольга жить

---

[a] *Было начато*: от‹крывают›

в Ст‹арой› Руссе,[8] он отвечал, что ничего не решено, да и она, видимо, не хочет. Путаница непомерная.

Обнимаю тебя крепко. Детишек целую, Лилю и Федюрку etc.* [9]

Очень люблю тебя.

Тв‹ой› Ф. Достоевский.

Не знаю, напишу ль тебе еще что-нибудь отсюда до четверга.[10]

---

* и так далее (*лат.*).

576. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

14 мая 1875. Петербург

Петербург 14 мая/75. Среда.

Милый друг Аня, теперь первый час; сижу дома и жду Некрасова, который обещался быть ровно в полдень и вот не приходит. Между тем дел набралась куча. Прислал карточку Корш, просит назначить видеться,[1] и два раза уже был Казанский [2] и не заставал дома. Хочет прийти в 3 часа, а я даже и к Пуцыковичу не могу сходить за твоим письмецом, потому что должен сидеть и ждать всех этих господ дома, Иван Григорьевич, кажется, сегодня с Ольгой [a] уезжают.[3] Очевидно, в Старую Руссу не будет. У них ничего ровно не решено, и положение их дела хуже, чем когда-либо. Так что он сам не знает, что будет, и, кажется, он очень придавлен всем этим. На всякий случай пишу тебе для того лишь, чтоб в случае, если в пятницу не успею к 6 приехать, то чтоб ты не оставалась в неведении. Был у Майкова и был у Сниткиных.[4] У Кони еще не успел побывать. Мочи моей нет. Не тревожься обо мне. А о вас всех я думаю и тоскую.

4 часа пополудни. Был Казанский, говорил об имении рязанском, ничего особенного, передам при свидании. Был Некрасов, с ним всё устроил, но деньги получу лишь завтра.[5] Иван Григорьевич с Ольгой Кирилловной уезжают *сегодня* к себе в деревню, в Руссу не будут. До свидания, дела много, а ничего еще не устроил, и деньги только завтра. Обнимаю тебя и целую и всех троих.

Твой весь Достоевский.

---

[a] *Было начато*: же‹ной›

577. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

24 мая 1875. Петербург

Петербург, 25 [а] мая/75. Суббота.

Милый голубчик, Аня, я кое-как вчера приехал и не знаю только, успею ли уехать завтра, в воскресенье. Есть поезд, который, отправившись завтра утром в 11 часов, будет в Берлине в понедельник, то есть на другой день, в полночь. Это бы всего лучше, но предчувствую, что меня завтра задержат, и к тому же, может быть, в сегодняшнюю ночь не высплюсь. У Шармера [1] все-таки задержали платье на сутки для последних поправок, а сегодня еще не принесли его, как обещали. Кроме того, они сами вызвались и взялись сшить мне жилет за 8 рублей к сегодня вечером или к завтраму утром. Но если завтра они принесут позже 9, то вот уж и нельзя отправиться, ибо поезд уходит в 11. Взял сапоги, был у Пуцыковича и у Мещерского. Майков к обеду не пришел и заранее отказался, отговорившись, что где-то обедает. Слишком ясно, что не захотел со мной видеться: я к нему и не зайду.[2] Был у Каширевых, они очень радостно меня приняли и восторженно отзываются о «Подростке».[3] Был у Корша: он на даче где-то, верст за 50, и бывает лишь в Петербурге по вторникам, середам и четвергам.[4] Заходил в банк к Мише: ничего особенного, он готов не закладывать имения и ждать.[5] Александра Михайловна подает [б] опять просьбу и хочет непременно тягаться, по указаниям судебной палаты.[6] Поляков черт знает зачем едет в Рязанскую губ‹ернию›.[7]

Я вчера очень устал. Нынешнюю ночь хоть и спал хорошо, но надо бы часом или двумя больше. Здесь ясное солнце, но холодно. Здесь, Аня, *все* женщины, почти без исключений, надели черное и ходят во всём черном, что очень недурно ‹*нрзб.*› — мода, что ли, такая, не знаю. Скажи Федичке, что я очень, очень долго его видел с парохода, а Лиличку, как она мне кланялась. В самом деле, я видел и разглядел ясно, как вы все пошли с парохода. Аня, голубчик, ради бога, смотри за ними и сбереги их. А тебя люблю бесконечно, ты мне ночью снилась. Пиши о себе всё до *последней подробности*, не забудь бабку и баню. До свидания, голубчик, теперь уже напишу из Эмса. Очень вероятно, почти на половину шансов, что завтра не успею выехать и меня задержут, тогда завтра напишу отсюда. Квартир здесь пропасть, но все дороги. Купил Суворина (в дороге он утомителен),[8] «Русский вестник» [9] мне пришлют

[а] *Описка Достоевского, следует*: 24
[б] *Было начато*: хочет подать

в Ems.* Целую твои глазки и всех наших деток, твой вечный и неизменный муж

Ф. Достоевский.

Впрочем, изменный к лучшему.

На конверте:

В Старую Руссу (Новгородской губернии)
Ее высокоблагородию Анне Григорьевне Достоевской
По Перерытице, в доме Гриббе.

---

* Эмс *(нем.)*.

578. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

27 мая (8 июня) 1875. Берлин

27 мая/8 июня/75. Берлин. Вторник.

Милый голубчик Аня, вчера в полночь приехал в Берлин и сегодня же уеду в Эмс, где буду завтра. Пишу для того, чтоб поскорее вызвать и тебя на ответ, хоть днем раньше; а то ты, пожалуй, всё будешь ожидать от меня из Эмса, а до тех пор не напишешь, а это слишком для меня долго. Из Петербурга выехал в воскресение в 9 часов утра, и совсем не выспавшись; очень измялся в дороге, хотя погода была хорошая, теплая. Денег не швыряю, а вышло уж много. Переезд сюда сто́ил сорок рублей за одно место. Выспался в Берлине ужасно плохо (всего 5 часов), не дали: стук, гам. Взял ванну. Цены здесь ужасные. В дороге чемодан исцарапался ужасно, я сам был свидетелем, до какой степени с кладью небрежны, особенно за границей Träger'ы.*

Что-то с вами: думаю о тебе, о Федичке и о милой Лиличке беспрерывно, и о многом думаю и беспокоюсь. Пиши чаще, установи в корреспонденции правильность. Ради бога, будь весела. В Петербурге был у меня Коля,[1] Корша не застал,[2] у Майкова не был, видел Мишу.[3] Был у Сниткиных, Михаил Николаевич только улыбается на мои и твои сомнения и говорит, что ты, по всем признакам, должна превосходно родить.[4] Боюсь, чтоб тебя что не расстроило, ты такая была нервная в последнее время. До свидания, ангел мой, завтра, может, еще напишу. Люблю всех вас очень-преочень. Крепко обнимаю тебя, целую детишечек.

Твой весь Ф. Достоевский.

---

* носильщики (*нем.*).

579. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

29 мая (10 июня) 1875. Эмс

29/мая/10 июня/75. *Эмс.* Четверг.

Милый голубчик мой Аня, я приехал сюда вчера и сейчас пошел на почту и вовсе не нашел твоего письма, обещанного poste restante,* что меня очень смутило, так что я теперь в большом беспокойстве. Утешаю себя только соображением, что ты, может быть, послала в субботу позже 9 утра, и оно пошло лишь в воскресение, а я уж в воскресение уехал из Петербурга и так как вплоть до Эмса ехал на курьерском поезде, то, несмотря на суточную остановку в Берлине, обогнал почту. Думаю, не придет ли что сегодня.[1] Но если сегодня не придет, буду очень беспокоиться. Опять же, если ты, чтоб писать ко мне, положила ждать прежде от меня из Эмса и уже тогда отвечать, то не скоро же мне придется от тебя получить что-нибудь. Вот почему и послал тебе несколько строк из Берлина,[2] чтобы вызвать тебя поскорей на ответ. И надо положить в письмах правильность: не дожидаясь взаимно писем, писать, например, в каждые трое суток. Теперь, например, я пишу в четверг, следующее письмо пошлю в воскресение, не дожидаясь ответа. Это, впрочем, не должно нарушать возможности писем и сейчас по получении письма, если что-нибудь случится, требующее немедленного ответа. Ходил вчера тоже на телеграф справиться, нет ли телеграммы[а] от тебя poste restante? И вообще в беспокойстве большом.[3]

В Берлине я проскучал сутки, при гадкой ветряной и дождливой погоде. Купил зонтик и шляпу. За зонтик мне сказали в отеле, что я переплатил 2 талера. Я заплатил 10 талер‹ов›, впрочем, шелк очень недурной. За шляпу заплатил 5 талер‹ов›, рубашек *не нашел* купить и не купил. Портсигар забыл купить. Выехал из Берлина во вторник в 11 часов вечера. Дорогою хоть немного, да спал. Вчера день был горячий, жаркий, солнечный, а сегодня дождь как из ведра, так что не знаю, как и пойду. Эмс ужасно гадок при дожде. Мне весь день вчера было страшно тоскливо и скучно, а ночью опять не успел выспаться, не дают. Первый взгляд на Эмс произвел на меня самое гадкое, мизерное впечатление. Был у доктора: он нашел меня несравненно лучше, чем в прошлом году. Незажившая болячка увеличилась, но зато три другие, зажившие в прошлом году, не возвратились. Он меня раздел всего и тщательнейшим образом осмотрел и выслушал. Телом он нашел меня удивительно поправившимся за зиму (и, уж разумеется, оттого, что мы жили не в Петербурге[4]). Он надеется на успех. Положили начать лечение с се-

---

[а] *Было:* ответ‹а›

* до востребования (*франц.*).

годня же, то есть с четверга. 2 стакана утром с молоком и 1 вечером, потом будет постепенно увеличивать. Сегодня начну после обеда и выпью один первый стакан, а завтра уж начну вставать в 6 часов утра. Если это лечение не поможет и я даром ездил, то я буду слишком несчастен, истратив столько времени (и в такое время) с вами в разлуке и столько денег.

Вчера же нанял и квартиру, не в «Hôtel d'Alger»,[5] там занято, а 2 дома дальше в «Hôtel „Lucerne"».** Но не во 2-м, а в 3-м этаже, зато две недурные комнаты и с балконом. Нанял совершенно за те же цены, как в «Hôtel d'Alger», и на тех же условиях. Mme Bach*** [6] (из «Hôtel d'Alger») предлагала мне у нее, в 3-м этаже, без балкона, и хоть и спускала капельку цены и очень желала, чтоб я переехал, но эта теперешняя квартира в Hôtel «Люцерн» несравненно лучше, не знаю только, спокойнее ли: есть сосед, который говорит и стучит слишком громко по утрам,[6] а вверху дряннейшая ученица на фортепьяно, выдержавшая меня $1^1/_2$ часа на дряннейшей школьной игре. Посмотрю, впрочем, если что, перееду к Бах, когда опростается у ней (скоро) моя прошлогодняя квартира. Теперешняя хозяйка моя M[me] Moser**** высокая (на два вершка выше меня), сухая как щепка, рыжая немка, еще не старая, с официальными улыбками. Не знаю, уживусь ли.

Здесь русских очень немного еще, настоящий сезон здесь еще едва начался. Я встретил лишь Тачалова, священника, он здесь на одну минуту.[7] Он же и сообщил мне, что никого нет. В Листе, издающемся от кургауза,[8] есть имен 15 русских (всё русские иностранцы), да несколько незнакомых имен, из аристократии и из купцов. Есть граф Комаровский, славянофил,[9] но я не знаком; старик, князь Вяземский, поэт,[10] из Гомбурга, но я, верно, не познакомлюсь, и наконец, Аксаков из Москвы, но кажется не Иван Сергеевич, а может быть, другой, нигилист.[11] Аксаковых теперь очень много. Тачалов не знает. Таким образом я здесь в самом полном уединении, и скучища, предвижу, будет невероятная.

Только бы от тебя письмо получить поскорее. Мочи нет, как тяжело действует неизвестность. Что-то детки? Пиши об них подробнее как можно. Вчера с мучением думал о тебе и о твоем здоровье и продумал весь вечер. Аня, голубчик, будь бодра, бог милостив, может быть, отлично всё устроится к лучшему. Обнимаю тебя всей душой. Об детках думаю беспрерывно. Поцелуй Лилечку лишний раз и скажи Феде, что маленькие лошадки (ослы и мулы) стоят у моста, оседланные в красные

---

[6] *Далее было:* когда уходит

* «Алжирская гостиница» (*франц.*).

** Гостиница «Люцерн» (*франц.*).

*** Мадам Бах (*франц.*).

**** Мадам Мозер (*франц.*).

седла, хорошенькие, и их нанимают кататься девицы и маленькие мальчики и девочки, и что уж у меня спрашивали: зачем я не привез Федю? И я сказал, что привезу непременно на следующее лето. Скажи им, что я им непременно привезу гостинцу. Пиши мне, Аня, подробнее, как ты проводишь время.

Деньги здесь так и идут. Дорога стоит недешево, жизнь здесь тоже.. Вчера купил клубники и вишен, чтоб заговеться на всё время, ибо всё это запрещено доктором. Желудок мой в дороге очень поправился. Странно, что у меня всегда поправляется желудок в дороге. Вчера я надел шармеровское платье в первый раз, и мне стыдно стало: удивительно, как я вдруг стал похож на модную картинку, ей-богу так. Сшито безукоризненно; шляпу я купил себе совсем другой формы и нахожу, что удивительно идет ко мне. Воображаю, каким фатом ты меня сочтешь за эти слова. Целую твои глазки и обнимаю тебя всю, ангел мой милый. Ты мне дороже всего на свете и таких жен, как ты, нет. Я, впрочем, это тебе говорил, но ты не знаешь, как часто я это чувствую. Главное, будь бодрее. А писать мне тоже не ленись. Всем поклон. Детишек целую тысячу раз. Чувствую себя ужасно изломанным с дороги; вчера, засыпая, страшно вздрагивал, что в последнее время случалось редко. Первую неделю кренхена — обыкновенно дурной сон, дурные сны-кошмары, страшная раздражительность и расстройство печени, так будет неделю или больше.

Государь сегодня должен отсюда уехать, мне так и не удалось увидать его.[12] Император Вильгельм приехал.[13] Вчера всё играла музыка под его окнами. В саду публики множество, всё нахалы и франты и множество хорошеньких дам, всех национальностей.

Что, если не получу и сегодня от тебя письма. Написал бы и вчера, но опоздал, ибо только до 3-х часов положенное письмо идет в тот же день. Обнимаю вас всех крепко.

Твой весь Ф. Достоевский.

Вообрази, вчера, только лишь приехал в 11 часов и остановился в отеле, приказал чай и ростбиф, мне принесли, а я сел па диван, капельку закрыл глаза и вдруг заснул на полтора часа. До того изломан.

580. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

1 (13) июня 1875. Эмс

Эмс, 13/1 июня/75. Воскресение.

Милый друг мой, Аня, получил твое письмо еще в четверг и сегодня жду, по обещанию твоему, опять письма.[1] Так хотелось бы тебя видеть и поцеловать. А я здесь скучаю смертельно, мучительски. Погода, с самого четверга, холодная и дождливая.

Были два дня такого ветра, что я даже и нигде не запомню, целая буря. Дождь льет как из ведра, больше по утрам, к вечеру же проглядывает иногда солнце. Зато 13 и много что 15 градусов тепла, так что я постоянно надеваю пальто. Хотел было поберечь зонтик, но нечего делать, надобно защищаться от ливня. Здоровье мое порядочно, разумеется, от вод еще не ощущаю никакого действия. Да и пью я всего 3 стакана в день, в микроскопических приемах (по 4 унции[2] воды). Хочу опять спорить с доктором; пойду к нему сегодня, по уговору с ним. Сон и аппетит хорошие, но вздрагиваю по ночам, и, кажется, будет падучая. Мои товарищи по соседству иногда гремят и топают, и боюсь, что не дадут мне спокойно работать, когда начну. Теперь же сижу больше дома и кое-что читаю. И рад бы ходить, да и требуется это лечением, но невозможно. Вот и в эту минуту дождь льет как из ведра. Из русских здесь никого знакомого, да и русских еще совсем мало. Аксаков этот верно из других Аксаковых, а не мой знакомый.[3] А то всё по печатному листу прибывших какие-то Мясоедовы, Дундуковы да Веберы из России. Вообще из России множество немцев. Итак, у меня ни одного знакомого, предвижу, что и не будет. Повторяю, скука невыносимая. Обед мне приносят, за 20 грошей — довольно невкусный. Хозяин и хозяйка со мной очень предупредительны, а маленькие дети их (с Лилю и Федю) принесли мне вчера в подарок цветов. Надо бы им купить гостинцу, а здесь и гостинцу-то нет. Одним словом, скучно.

Что-то ты, Аня? Всё хочется поцеловать тебя, и ночью ты мне снилась. Думаю про вас всякую свободную минуту, а свободных минут у меня множество. Пиши *подробнее* о деточках. Милая Аня, как я горевал, что у вас бани не было, несмотря на мои просьбы! Во-первых, я бы желал, чтобы тебя та осмотрела,[4] а во-вторых, мысль, что дети по $1/2$ месяца без бани — ужасна. Это вредит развитию их тела, заклеивает его, не дает ему питаться воздухом; не одним только ртом питается тело. Так мне было грустно прочитать это в письме твоем, что я целый тот день думал, да и теперь думаю. Аня, голубчик, как-нибудь сладимся, сделаем так, чтоб у нас это как-нибудь устроилось с детьми.

Что тебе еще написать о себе? Здесь в Курзале всего из русских газет один только «Голос». Пуцыкович хотел мне высылать «Гражданин», но я не получил. Уговорился тоже у Базунова, что «Русский вестник» мне пришлют сюда. Сегодня в первый раз видел императора Вильгельма.[5] Музыка здесь очень недурна, два больших хора, инструментальный и духовой. Но, главное, скука, скука и скука. Просто с ума думаю сойти. За занятия еще и не садился.[6] А дождю даже и конца не предвижу.

Целую и обнимаю тебя сто раз, детишек тоже, поговори им обо мне, скажи, что я об них думаю и спрашиваю. Анечка, го-

лубчик, не кричи на них нетерпеливо. Я верю, ангел мой, и понимаю, что в твоем положении тебе трудно, а она, должно быть, часто мучает тебя. Но, ради бога, смотри за нянькой. Всё-то я беспокоюсь и мучаюсь, и, признаюсь тебе, расположение моего духа очень мрачно. А всего пуще боюсь за тебя; что если лечение мне не принесет особенной пользы — зачем же я тебя оставлял в таком случае! Упрекаю себя и мучаюсь. До свидания, голубчик, крепко, крепко обнимаю тебя, перецелуй деточек. Поклоны всем, кому надо.

Твой весь Ф. Достоевский.

Не сердись на меня за то, что я написал о бане. Люблю тебя, как моего ангела, который меня хранит и дал мне счастье. Грустно мне, Аня, здесь без тебя.

581. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

4 (16) июня 1875. Эмс

Эмс 4/16 июня 75. Среда.

Голубчик мой Аня, получил твое письмецо от 28 мая третьего дня, ужас, как долго идет. Благодарю за письмецо, за то, что в бане были, и за известия о тебе и о детишках. Пожалуйста, разнообразь время, ходи в театр и гулять почаще и всеми силами *бодрись*, то есть сопротивляйся окислению. В твоем положении стоит только начать поддаваться и уступать разным давлениям, как втрое станет тяжеле. Главное, пиши почаще, срочно, непременно в три дня (по крайней мере) раз, а то я здесь бог знает что выдумаю. С детишками говори иногда обо мне. Федина песенка премиленькая. Лилю целую особенно. Я здесь, Аня, буквально мучаюсь. Ни единого знакомого (хоть бы Кублицкий [1] приехал). Не с кем слова молвить. Русские есть, но все совершенно мне неизвестные, и наполовину всё русские иностранцы и русские купцы. Неужели так всё время останется, очень тяжело. Погода у нас сквернейшая. До вчерашнего дня был сплошь дождь и ветер, а вчера дождь шел всего только три раза в день. Поутру, в семь часов, тринадцать и 14 градусов, затем к двум часам возрастает до 24-х и потом вдруг, в какой-нибудь час, вихрь, и падает опять на 15 и на 14. Третьего дня я почувствовал, что простудился, а вчера был весь день страшнейший насморк, чихал в час раз по 200 и по 300 (без малейшего преувеличения) и испортил в один день 5 платков и целое полотенце, в которое принужден был начать сморкаться. К вечеру жар, головная боль и большая слабость, так что я даже и испугался; но сегодня утром встал несравненно бодрее, чем предполагал, ложась. Насморк хоть и продолжается, но впятеро меньше. Жару тоже нет, только не-

множко болит голова. Главное же ободрило меня, что аппетит всё тот же (прекрасный) и язык *совершенно* чист (то есть завтра буду совсем здоров). Вот почему и не пойду к доктору, а пойду в свое время, чтоб не платить лишних талеров. Затем скука адская, тоска невыразимая. Народу здесь очень много, по курлисту уже 5000 имен. До невероятности чванные, жеманные, нахальные и грубые рожи. Развлечений никаких, гулять негде (все полно гадостью). Я был в Духов день [2] в русской церкви, народу много, больше, чем я ожидал, но всё бог знает кто. Дамы жеманничают, садятся на стульях и падают в обмороки. При мне в церкви три упали в обморок (от ладану и от духоты будто бы), а небось на бале пропляшет всю ночь или такой наворотит обед, что и двум мужикам было бы в сытость. Гадко. Доктор прибавил мне три стакана утром, по 6 унцев, и 2 после обеда, по 4 унца. Про лечение еще нечего сказать. Сквернее всего то, что еще и не думал начинать работу: и тоска, и все эти хворости и свинства всякую охоту из меня вышибают.[3] А другие-то думают, что я за границу веселиться поехал. Анна Гавриловна и Александра Павловна, кажется, это думают.[4] Кстати, которой из них нужна карточка Гамбетты, я забыл? Гамбетту я еще не сыскал, да и не до него мне, да и не понимаю нетерпения, чтоб посылать в письме. Подождут пока привезу. Если не отыщу здесь, то в Берлине надобно нарочно поискать его; там-то найду. Голубчик мой милый Аня, всё ужасаюсь взятых на себя обязательств: вижу, что как ни старайся я, но почти не будет времени писать.[5] Между тем чуть выеду отсюда, то уж и совсем нельзя будет писать с дорогой, с переездом в Петербург и потом ввиду того, что последует.[6] Просто прихожу в большую тоску. Да подумывай тоже и об том, Аня, как нам решить насчет квартиры в Петербурге: должен ли я там отыскать ее, проездом, или мы вместе приедем из Руссы, хоть в гостиницу, и потом уже найдем? Об этом нужно твердо и окончательно решить.[7] Также и об служанках: недурно, если б поехала с нами Лукерья.[8]

Написать тебе еще ничего не имею. Желал бы сегодня совсем выздороветь. Воду пью аккуратно. Встаю в 6 утра, а ложусь в 11-м вечера. Жить здесь не совсем дешево, но я особенно денег не бросаю. Целую и обнимаю тебя чрезмерно, но любишь ли ты-то меня, голубчик, вот вопрос! Я об вас думаю беспрерывно. Детей целуй и пиши мне об них подробности. Хорошо, кабы ты всякую подробность, которую мне пишешь о детях, вписывала бы и для себя, на память, в особую тетрадку. Для этого можно бы особую книгу купить. И как бы это было хорошо, как пригодится и им и нам, чрез много лет, если удастся еще пожить. У тебя была идея в этом роде.

Милая Аня, верь моей любви бесконечной, умоляю, береги себя и детей. Кстати, не подумай обеспокоиться моим насморком. Всё это вздор. А может, прочтя это, засмеешься и назо-

вешь меня фатом. Я потому написал: не беспокойся, что знаю доброе, милое сердечко моей женки, без которой, увы, живу вот уже две недели. Аня, милая, люби меня и думай обо мне иногда, от мысли о том мне будет веселее.

Деток целую, всем поклон. Нет ли известий от мамы,[9] от Иван<а> Григорьевича? Ах, Аня, как я боюсь, что у них там опять что-нибудь выйдет и на тебя это подействует. Проклятая Ольга Кирилловна, гадкое купецкое отродье! [10]

Обнимаю вас всех и всех.

Твой весь Ф. Достоевский.

582. Е. П. ИВАНОВОЙ

5 (17) июня 1875. Эмс

Эмс 5/17 июня/75.

Многоуважаемая и любезнейшая Елена Павловна, пишу Вам из Эмса (близ Рейна), где лечусь от моей грудной болезни здешними минеральными водами. Послали доктора хором и предсказывали самый дурной исход, если не поеду (вроде как с П. М. Леонтьевым, покойником, который тем же самым был болен).[1] В прошлом году мне Эмс помог ужасно, и, конечно, вижу теперь ясно, что если бы прошлым летом [a] не был в Эмсе, то наверно бы прошлою зимою умер. От этой болезни умирают иногда вдруг, от малейшей простуды, от насморка, если уж болезнь овладела до того организмом. Здесь я сижу, пью воду и скучаю до того, что боюсь с ума сойти. Не думайте, дорогая Елена Павловна, что я взял перо от скуки: у меня и без того работы как у каторжного с моим романом, который теперь пишу.[2] А просто я давным-давно хотел уведомить Вас и напомнить Вам о себе, с тем чтобы вызвать и Вас хоть на самый маленький отзыв.[3] Но писать? Когда я пишу? Я писем писать решительно не могу, и не от лени вовсе, — меня нельзя упрекнуть ленью, а потому что совсем не знаю, что в письме написать и даже как письма пишутся. Точно так же не писал с лишком год и Софье Александровне.[4] При сем прилагаю к ней письмецо [5] и очень прошу Вас ей сообщить, как только ее увидите. А вместе с тем попрошу и Вас это письмо мое к Софье Александровне прочитать. Писано оно мною но тому поводу, что услышал наверно о том, какие слухи обо мне в Москве (теперь уже узнал не от одного Ивана Григорьевича,[6] а еще и из других источников).[7] Софья Александровна, вместе с другими, слухам поддалась и меня обвинила. Бог с нею, если у ней так это легко делается и обвинить человека и разорвать с ним ничего ей не стоит. Узнав о ее мнении, я был очень печален,

---

[a] *Вместо*: прошлым летом — *было*: прошлою зимою

убеждать ее я не намерен, но раз протестовать надо, а затем уж как она хочет. Но я подумал тоже и об Вас и с удовольствием почувствовал в сердце моем, что Ваше мнение обо мне, то есть об чести моей, совести, об душе моей [6] и об моем сердце, для меня очень дорого: мне слишком бы не хотелось, чтоб и Вы обо мне что-нибудь черное подумали. А потому и прошу Вас взглянуть на письмо мое к Софье Александровне; а вместе и попрошу, если Соня рассердится на письмо мое, сказать ей, чтоб не сердилась, а подождала бы лучшего конца. Впрочем, как ей угодно; может быть, только мне одному так тяжело разрывать в клочки все прежнее,[8] прочие же гораздо меня благоразумнее.

В Москве ли Павел Александрович Исаев? Я знал, что он у Вас проживал некоторое время в номерах. Не наделал ли Вам каких хлопот? Если можете и не забудете, черкните мне хоть что-нибудь о нем. Он, конечно, сердится на меня, что я ему не дал 150 р. взаймы, но у меня, во-1-х, не было, а во-вторых, я и в эту же зиму ему достаточно помог в разное время и недавно еще, проездом в Петербурге, заплатил его долг в 25 р.[9] Впрочем, очень попрошу Вас, дорогая Елена Павловна, не сообщать ему, что я об нем спрашивал Вас. Ей-богу, я ужасно стал бояться людей. Пренебрегать то, что о нас думают и говорят люди и как они на нас клевещут — и можно и должно, но есть степень, где всё вместе обращается в большой вред. Впрочем, думаю, что Паша обо мне не говорит дурно (слишком было бы ему стыдно это), но жена его [10] дело другое.

Всю эту зиму я прожил в Старой Руссе, где прошлым летом купались дети; там они и теперь остались. А остался я в Руссе, во-первых, потому что дела много взял на себя (писал роман) [11] и полное уединение не только не могло мешать, но могло и способствовать работе, а во-вторых и главное, потому, что климат петербургский для меня решительно становится невыносим. Тем не менее непременно придется воротиться в Петербург на предстоящую зиму и опять пробыть в нем до лета. Но это, кажется, в последний раз, и если бог даст веку, непременно устроюсь где-нибудь не в Петербурге. Полагаю, что перееду окончательно в Москву; в Москве хоть или очень многое так же дурно (если не хуже) как в Петербурге, но все-таки климат-то лучше.[12] А мне с моею болезнью в нем уже оставаться нельзя.

Здесь, в Эмсе, я нынешнее лето совсем один. Прошлым летом нашел здесь очень много русских знакомых или перезнакомился, нынче же, хоть и много русских, но ни одного знакомого лица. Посетителей вод, со всех концов земли, бездна, по листу курзала в настоящую минуту здесь 5000 фамилий. И всё это в самом тесном пространстве, хоть и в живописном, но в смер-

[6] *Было*: моем

тельно надоевшем мне ущелье между горами... Но не хочется об Эмсе и говорить. Я здесь всего еще 8 дней, а уж жду не дождусь, когда кончится мой срок, — точно в остроге сижу. Пробуду же я здесь примерно до 5-го или даже до 8-го июля нашего стиля. Если захотите мне черкнуть хоть две маленькие строчки, то вот адрес:

Allemagne, Bad-Ems
A M-r Théodor Dostoewsky
Poste restante *

А если и ничего не пришлете, то всё по-прежнему буду о Вас так же думать и вспоминать и за Ваше счастье богу молиться. А теперь крепко жму Вашу руку.

Ваш весь Ф. Достоевский.

---

* Германия, Бад-Эмс. Г-ну Федору Достоевскому. До востребования (*франц.*).

583. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

7 (19) июня 1875. Эмс

Эмс. 7/19 июня. Суббота.

Милый мой голубчик Аня, прошу тебя очень, еще раз, пиши мне аккуратно каждые трое суток, чтоб мне приходилось получать от тебя известия непременно в три дня раз — иначе пропаду с тоски по вас и скуки здесь. Сам тоже буду писать в три дня по разу аккуратно (кроме, разумеется, каких-нибудь самых экстренных случаев). Все-таки надеюсь получить от тебя что-нибудь сегодня, но не наверно.[1] Теперь 11 часов, а почта откроется лишь в час (то есть после прихода почты и разбора писем). Что-то с вами? Эти 4 дня, что не получал письма, кажутся веками. Я же по-прежнему: скучно, грустно, гадко и смутно. Насморк мой прошел. В свое время был у доктора (хожу в каждые 5 дней по разу), он не нашел лихорадки. Но я, однако же, сильно кашляю, по вечерам потею, в груди хрип сильнее, чем зимой, и отхаркиванье тугое. Может быть, действие вод, а может быть, и просто от подлейшего здешнего климата. Это Петербург в своем роде. До третьего дня всё шел дождь, вчера же и сегодня хоть и солнце, но страшно холодно, по утрам 13 градусов и даже меньше, в три пополудни при солнце 15, — точь-в-точь как у нас в Старой Руссе, в середине апреля. Пью я по три стакана в 6 унцов утром и по 2 в 4 унца вечером. Но рана в груди всё продолжает сказываться. Впрочем, сегодня всего еще 8-й день лечения. Слишком горько будет, если не получу совсем облегчения и ездил даром, убив и деньги и время. В теперешней квартире моей не совсем хорошо: под окном,

в спальне моей, в доме рядом — мастерская, слесаря и лудильщики встают раньше 5 часов и начинают стучать молотками. Два дня сряду пробуждался я в 5 часов утра. Я жаловался хозяевам; хозяин ходил просить, чтоб начинали работу в 6 часов, но зато днем опять-таки целый день без остановки тик-тик, одуреешь совсем и нервы расстраиваются. В «Ville d'Alger» рядом квартира опросталась — и вот не знаю, съехать ли мне или нет? Не решаюсь и колеблюсь. Между тем работа еще не начиналась. Я даже не понимаю, как я напишу что-нибудь. Положим, мне еще здесь пробыть недели 4, но что я сделаю один, без тебя, и притом я еще не готов прямо сесть и писать, не выделал плана в частностях.[2] Но уж после этих 4-х недель (а может, и всего только 3-х), когда выеду отсюда, предвижу, писать уже нельзя будет: в Петербурге надо биться нанимать квартиру, приехав же к вам, тотчас опять собираться в путь — когда же работать? Всё тяжелые мысли и сомнения, и вечно один, сам с собой. Не поверишь, до какого исступления, до какой истерики мне здесь скучно. Ни одного знакомого лица, ни одного слова не с кем сказать, всё один и один — нет, это невыносимо! Никогда в жизни не было у меня времени подлее. А вдруг к тому же пожалует припадок, и нельзя будет уж совсем писать! Ох, тяжела даже мысль об этом, а это, может быть, наверно будет.

Жду, что хоть что-нибудь напишешь, над чем можно будет пожить душой хоть минутку, то есть фактов и фактов, это главное. Вероятнее всего, что почтмейстер скажет мне сейчас nichts da.*

Пуцыкович начал мне присылать «Гражданина». С Базуновым я уговорился о «Русском вестнике», чтоб прислали 5-ю книгу сюда, и вдруг здесь, из объявления о выходе ее в «Моск‹овских› ведомостях», читаю, что без «Анны Карениной».[3] Так что и тут скука. Однако каково же: я по крайней мере прервал роман у Некрасова, кончив 2-ю часть,[4] а тут прерывают прямо на середине 3-й части. Не очень-то церемонятся с публикой. Нам будет предстоять, кажется, очень тяжелая осень в Петербурге, друг ты мой, Аня. Во-первых, твое состояние, тут же моя работа, деньги и решение на будущий год, — то есть что я стану делать, чем промышлять, издавать ли «Дневник» или не удастся? [5] Обо всем этом думаю беспрерывно, и уже всю голову изломал на этом. Дети мне даже снятся ночью. Надобно для них работать, нельзя их без ничего оставить, — а как это сделать? Задача. Жду твоего содействия во всём. При том же, бог располагает. Но это еще далеко. Только бы нам поскорее увидеться. А и увидеться спешить — хочется нравственно, а действительные обстоятельства не позволяют: не написав хоть сколько-нибудь романа, нельзя домой ехать.

---

* нет ничего (*нем.*).

Деньги все-таки идут. Здесь не так-то дешево. Так или этак, а всё идут. Кормить меня стали (из отеля) плохо, и я там на время отказал, хочу поискать чего-нибудь получше. А то стали приносить сущую гадость. Вообще, 22 или 23 непременно надо начать писать уже начисто и успеть сделать план, иначе ничего не успею привезть в «Отеч‹ественные› записки».[6] Милый друг мой, целую тебя, как моего доброго ангела, без которого, вижу, что жить не могу. Без детей тоже жить совсем *не могу*.

Здесь, для меня по крайней мере, никаких происшествий. Всё глухо и мертво. У кургауза[7] и в парке теснота и толкотня невыносимые (мне уже облили пальто из стакана кренхеном). Рожи нестерпимые. Слышится и русский говор, но всё черт знает кто. Какие-то Мясоедовы, Вараксины и проч. Вчера вечером ушел бродить за город, места хорошие, но грустные. Здесь теперь очень много цветов. До свидания, ангел мой, обнимаю и целую тебя до того, что и самой тебе бы надоело. Целую твои ручки и *ножки*. Смотри, смотри, ради Христа, за детками, умоляю, ангел мой. Благословляю детей и целую. Карточку Гамбетты отыскал, но старую и нехорошую; лицо ужасно глупое, но все-таки в письмо не вложу: возбудит подозрение на почте, распечатают, будут читать, и письмо пропадет или запоздает. Не большая беда, если и подождут, сам привезу.[8] Здесь должен был пожертвовать 3 талера на русскую церковь и талер на глухонемых.

Сейчас ходил на почту и получил от тебя письмо, одну крошечную страничку и удивился: письмо помечено тобою от 31 мая (суббота); а штемпель на конверте от Старорусского почтамта[а] от 3-го июня! Неужели 4 дня лежало на почте? Непременно так, потому что, если б не так, то до 3-го июня ты бы наверно уже успела получить мое письмо из Берлина и что-нибудь мне об этом приписала; да и странно: я из Берлина написал во вторник, 27 мая, так что даже и в субботу, 31 мая, от которого ты пишешь, ты уже должна бы его получить. Итак, в результате твое письмо от 31 мая пришло ко мне 7-го июня! Прошу покорно![б] Прошу тебя, расспроси в Старорусском почтамте и внуши им: что же это такое? Уж не читает ли кто наших писем![9] Смешно. Я привезу конверт в Старую Руссу. Ясно на нем отмечено, что письмо отправлено 3 июня. Клеймо С‹анкт›-Петербургского почтамта от 4-го июня. Но как же это берлинсксе мое письмо не дошло? Если даже оно в среду пошло из Берлина, а не во вторник (как я положил), то в субботу уже должно было быть у тебя. И вот теперь уже я беспокоюсь. Это ужас. И эмское мое письмо должно было уже ко вторнику дойти к тебе: я его послал к тебе 29 мая отсюда (по нашему стилю).[10]

[а] *Вместо*: от Старорусского почтамта — *было*: из Старой Руссы

[б] *Далее было начато*: Если же

Пишешь, что у тебя расстроены нервы, жалею тебя очень, ради бога, развлекайся, гуляй, ходи в театр. Не подражай мне в скучании!

Спасибо [в] за несколько строчек. Спаси бог тебя и детей.

Твой весь Ф. Достоевский.

А в почтамте поговори. Я сохраню конверт.

[в] *Далее было*: очень

584. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

10 (22) июня 1875. Эмс

Эмс 10/22 июня/75. Вторник.

Письмецо твое, дорогая моя Анечка, получил я в воскресенье, то есть то, которое ты писала во вторник от 3-го июня и пометила, что в 7 часов утра. И, однако, оно в тот же день из Старой Руссы не пошло, потому что на конверте печать старорусская от 4-го июня, и это именно потому, что в почтамте у вас *нарочно* задержали письмо на сутки, для того, чтоб от 3-го успеть отправить прежнее письмо (от 28 мая),[1] провалявшееся [а] в почтамте 5 дней. Если б они послали оба письма разом, то тогда явно бы изобличилась их небрежность.[2] Пожалуйста, побранись с ними хорошенько, Аня, чтоб они не делали глупостей. Очень меня беспокоит то, что ты пишешь о своих нервах и о своей раздражительности.[3] К чему же это приведет? Я здесь от всего беспокоюсь, потому что сам раздражаюсь ужасно. Ради бога, голубчик, не смотри мрачно, есть в тысячу нашего хуже, а нам еще и радоваться можно, хоть бы на деток. Мне так приятно было прочесть то, что ты об них пишешь. Но всё забочусь, и день и ночь об них думаю, и обо всех нас: всё хорошо, а вдруг случай какой-нибудь. Случайного я пуще всего боюсь.

Во всяком случае увидимся скоро. Не думаю, чтобы здесь я долго зажился. И хоть даже ничего не успею написать романа,[4] все-таки приеду раньше. Не знаю, принесет ли этот раз мне какую-нибудь пользу леченье. Пока никакой пользы не вижу. Правда, сегодня всего еще десять дней леченью. Мокроты скопляется еще больше, чем в Старой Руссе, и ранка, чувствую это ясно,[б] не заживает. Да к тому же и климат совершенно во вред лечению. С последнего письма моего, до самого сегодня, дождь лил как из ведра, буквально не прерываясь: что будет

[а] *Вместо*: провалявшееся — *было начато*: пролежав<шее>
[б] *Вместо*: ясно — *было*: по ощущению

хорошего лечиться в такой сырости, беспрерывно слегка простужаешься. Сырость и к тому же скука; я думаю, я с ума наконец сойду от скуки или сделаю какой-нибудь пепстовый поступок! Невозможно больше выносить, чем я выношу. Это буквально пытка, это хуже заключения в тюрьме. Главное, хоть бы я работал, тогда бы я увлекся. Но и этого не могу, потому что план не сладился и вижу чрезвычайные трудности.[5] Не высидев мыслью, нельзя приступать, да и вдохновения нет в такой тоске, а оно главное. Читаю об *Илье и Энохе* (это прекрасно) [6] и «Наш век» Бессонова. Вислоухие примечания и объяснения Бессонова, который даже по-русски изъясняться не умеет, приводят меня в бешенство на каждой странице.[7] Читаю книгу Иова, и она приводит меня в болезненный восторг: бросаю читать и хожу по часу в комнате, чуть не плача, и если б только не подлейшие примечания переводчика, то, может быть, я был бы счастлив. Эта книга, Аня, странно это — одна из первых, которая поразила меня в жизни, я был еще тогда почти младенцем! [8]

Кроме этого, развлечений здесь никаких, ни малейших. Только и есть что два раза в день на водах музыка, но и та испортилась: редко-редко играет что-нибудь интересное, а то всё какое-нибудь попурри, или «Марш немецкой славы» какой-нибудь, Штраус, Оффенбах и, наконец, даже «Emspastillen Polka»,* так что уж и не слушаешь.[9] К тому же мешает толпа, густая, пятитысячная, на теснейшем сравнительно пространстве, толкаются, ходят без толку, точно куры. Но в эти дни дождя еще теснее, все жмутся мокрые, с мокрыми зонтиками под какую-нибудь галерею, и главное все разом, потому что пьют воду, а не являться в определенный час нельзя, и вот в это время оркестр играет «Emspastillen Polka». Газет русских всего выписывается две. Я получил «Русский вестник» — весь наполнен дрянью.[10] Русские хоть и есть, но еще не так много, и все, как и прежде, незнакомые. По курлисту прочел, что приехал Иловайский (московск‹ий› профессор) с дочерью, — тот самый Иловайский, который председательствовал в обществе Любителей российской словесности, когда читалось, как Анна Каренина ехала в вагоне, и когда при этом Иловайский громко провозгласил, что им (любителям) не надо мрачных романов, хотя бы и с талантом (то есть моих), а надо легкого и игривого, как у графа Толстого.[11] Я его в лицо не знаю, но не думаю, чтобы он захотел знакомиться, а я, разумеется, сам не начну. Всё надеюсь, не приедет ли еще хоть кто-нибудь, но тогда, бог даст, я буду уже сидеть за романом [12] и мне времени не будет. Ах, что-то удастся написать и удастся ли хоть что-нибудь написать. Беспокоюсь ужасно, потому что один. Хоть я и дома, в Руссе,

* полька «Эмские таблетки» (*нем.*).

сидел один, но знал, по крайней мере, что в другой комнате детки, мог выйти к ним иногда, поговорить с ними, даже подосадовать на то, что они кричат — это придавало мне только жизни и силы. А пуще всего знал, что подле — Аня, которая действительно моя половина и с которою разлучаться, как вижу теперь, действительно невозможно, и чем дальше, тем невозможнее.

Ну вот и всё обо мне. Я раздумал съезжать [13] и остался в Hotel «Luzern». Кстати, вот тебе на всякий случай мой адрес: Bad-Ems, Haus Luzern, Logements N 10, a M-r Dostoewsky.* (То есть ты по-прежнему всегда пиши Poste restante, а это я тебе на всякий случай.) Все-таки хозяева эти довольно деликатные люди, как я вижу больше и больше. Под окнами стучат меньше, а дети хозяев 4-х и 3-х лет, девочка и мальчик, полюбили меня и приносят мне цветов. Эти хозяин и хозяйка (Meuser ** [14]) имеют дом и землю, и хозяйка сама стряпает и варит кофей, а он — учитель в школе и дает уроки. Соседи мои весь день не дома и являются домой лишь чтоб спать, это один бравый, молодой и очень красивый немец из Берлина, купец, и один 19-летний подросток, француз m-r Galopin,*** весьма учтивый молодой человек. Внизу, в бельэтаже, прямо подо мной, приезжее немецкое семейство снимает три комнаты. Барыня, мать этого семейства, довольно толстая немка, до того рассеяна, что вместо 2-х лестниц всходит иногда 4 в 3-й этаж и попадает прямо в мою дверь, отворит ее с размаха и стоит, секунды на три, не узнавая, куда зашла. Потом крик: «Ah mein Gott!**** и бежит к себе вниз: так было уже два раза, раз утром, другой раз — вечером. Впрочем, я и сам точно так же рассеян: не далее как вчера вместо своего отеля Luzern'a вошел рядом в отель «Genz», взял с доски мой ключ, то есть 10 №, поднялся в 3-й этаж и начинаю отворять мой 10-й № (совершенно точно так же расположено, как и в «Luzern»), но хозяйка и служанка прибежали и объяснили мне, что я живу не здесь, а рядом в «Luzerne». Хорошо еще, что они уже узнали меня в лицо, то есть что я живу в соседнем «Luzern'e»; а то, конечно, могли принять за вора.

Аня, милочка, пиши мне каждые три дня, и [в] пиши как можно больше подробностей. Писем я жду, как манны небесной. Не сердись на меня, ангел мой, что я в моих письмах хандрлив. Бог даст, сяду за работу и забуду хандру. А тут, пожалуй, и лечение пойдет успешнее. Сегодня солнце и тепло. От одной

[в] *Далее было начато*: пр‹исылай?›

* Бад-Эмс, гостиница «Люцерн», квартира № 10, г-ну Достоевскому *(нем. и франц.)*.

** Мозер (*франц.*).

*** г-н Галопен (*франц.*).

**** Боже мой! *(нем.)*.

тоски знаю, что не избавлюсь, это но вас: всё боюсь, что с вами случится что-нибудь. Обабился я дома за эти 8 лет ужасно, Аня: не могу с вами расставаться даже и на малый срок — вот до чего дошло. Аня, милочка, всё думаю о будущем, и о ближайшем и об отдаленном одно: дал бы бог веку, и мы с тобой что-нибудь устроили бы для детей.

Голубчик, живи веселее, ходи, гуляй, отгоняй дурные мысли. Есть ли у тебя доктор? [15] Надо непременно бы пригласить, чтоб ездил. Известия об Ив‹ане› Григорьевиче ужасно характерны. Он *несчастен* в полном смысле слова; одного боюсь, что у него терпения недостанет.[16] Но он, как и ты, Аня, исполнен чувства долга, знает, что обязан детьми, и наверно укрепится и не решится на что-нибудь. А с ней надо действительно построже: ее надо совсем бы бросить.

Обнимаю тебя и благословляю детей, всех. Аня, почему не назвать, если будет девочка, Анной? Пусть будет в семье вторая Нюта! Так ли? Я даже очень так хочу.

Еще раз обнимаю тебя и всех вас.

Твой весь Ф. Достоевский.

Всем поклон.

Снишься *ты мне часто*. Впрочем, начались сниться и кошмарные сны (действие воды). Ужасно боюсь припадка, слишком долго не было. Значит, если придет, то в месяц раза три, так всегда после долгого перерыва. Что тогда делать с романом?

585. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

13 (25) июня 1875. Эмс

Эмс 13/25 июня 75/Пятница.

Милый мой голубчик, Аня, милое письмецо твое от субботы (7-го июня) получил вчера, в четверг, и за него благодарю. Главное, за успокоительные известия, и что ты призывала доктора.[1] Это особенно меня беспокоило. Мне всё тяжело было, что ты из *этого* во что бы то ни стало, до самого последнего времени, как бы хотела сделать тайну. За детишек тоже благодарю — и за то, что смотришь за ними и довольна ими, и за то, что их доктору показывала. Все-таки я от тебя получаю лишь в 4 дня раз письмо, а сам пишу в 3 дня раз. Последнее письмо я послал тебе во вторник.[2] В тот же день вдруг над всем Эмсом повис туман, совершенно молочный, непрозрачный до того, что за 20, за 30 шагов различить было нельзя, и так висел сутки при 20 градусах тепла и безветрия — значит, духота и сырость, так что совершенно не знаешь, во что одеться — в легкое, простудишься от сырости, а в тяжелое — вспотеешь и опять простудишься. Так простояло сутки, и вдруг пошел дождь. С тех

пор вот уж третьи сутки льет как из ведра. Когда я пишу *из ведра*, то понимай буквально. Это ливень, который у нас, в нашем климате, в сильную грозу продолжается лишь $1/4$ часа. Здесь же третьи сутки — буквально без перерыва, с шумом льет вода — изволь жить, изволь ходить пить воду. Я всё платье промочил. Здесь почва каменная, и чуть солнце — ужасно быстро просыхает, но в эти три дня до того размокло, что идешь, как в каше, мочишь ноги и панталоны. Зонтик уже не защищает. Какая тут польза от лечения, когда у меня беспрерывная простуда, легкая, но простуда — насморк и кашель. Пророчат, что сегодня к вечеру разгуляется. Впрочем, насчет моего лечения я еще не знаю, что сказать, потому что, несмотря на климат, мне кажется, по некоторым признакам, что некоторая польза может быть. Я теперь уже пью maximum, по 4 стакана утром и по 2 после обеда. Но сама можешь представить, какая мне здесь тоска и до чего у меня расстроены нервы. Пуще всего мучает меня неуспех работы: до сих пор сижу, мучаюсь и сомневаюсь и нет сил начать. Нет, не так надо писать художественные произведения, не на заказ из-под палки, а имея время и волю. Но, кажется, наконец скоро сяду за настоящую работу, но что выйдет — не знаю. В этой тоске могу испортить самую идею.[3] Припадка жду каждый день, но не приходит. Странно и то: мне кажется, что я начал телом худеть, чего не было прошлого года, хотя, очевидно, это действие вод. Впрочем, аппетит и пищеварение у меня хороши. Ну, вот и всё об моем здоровье.

Мне, главное, о тебе. Жду, что напишешь мне насчет найма квартиры.[4] Полагаю, что я здесь не очень долго теперь пролечусь, следственно, и квартира будет нанята рано, то есть наверно еще в 1-й половине июля. Я бы очень желал поскорее к вам: по крайней мере хоть не так буду беспокоиться о вас, когда вы уже на глазах будете. Да и оживу я с вами. А главное, ты, Аня, будешь у меня на глазах в эту тяжелую пору,[5] а здесь всё боюсь какой-нибудь случайности. Но роман, и когда напишу, сбивает меня с последнего толку. Опоздать нельзя, да и денег надо.[6] Как-то у нас пойдет в эту зиму, Аня, что-то будет. От меня, однако, решительно все отвернулись в литературе; я за ними не пойду.[7] Даже «Journal de St.-Petersbourg» * похвалил было «Подростка», но. вероятно, кто-нибудь дал приказ ругать, и вот в последнем № прочел, что в окончании 2-й части всё вяло «et il n'y a rien de saillant». ** [8] То есть всё, что угодно, можно сказать, упрекнуть даже за прежние эффекты, но нельзя сказать, что нет сальянтного. Впрочем, вижу, что роман пропал: его погребут со всеми почестями под всеобщим презрением. Довольно, будущее покажет,[9] а я энергии на будущее не теряю

---

* «Петербургская газета» (*франц.*).
** «и ничего выдающегося» (*франц.*).

нисколько. Только будь ты здорова, моя помощница, и мы кое-как справимся.

Я по-прежнему совершенно здесь один, знакомых никого. Русских приехало довольно но, все aus Reval, aus Livland,* какие-то Шторхп, Борхп, а из русских имен — Пашковы, Панчулидзевы и проч. Всё незнакомые. Но странно: меня, кажется, знают. Давеча, у источника, обратился к какому-то джентльмену с самым пустым вопросом по-немецки, тот мне тотчас же ответил по-русски, а я и не знал, что он русский. Значит, он знал [а] уже обо мне, потому что тоже не мог бог знает с чего догадаться, что я русский. Я, впрочем, от всех удаляюсь. Жить мне гадко, нестерпимо. Хозяева готовят кофей и Abendbrod ** ужасно скверно; но обед я беру из другого отеля (1-й уже бросил), и приносят буквально вдвое лучше обед, чем из отеля «Goedeke». «Гражданина» мне прислали один номер и вдруг забастовали. Не стоит писать, чтоб высылали.[10] Встречаю довольно часто императора Вильгельма на водах.[11] Он очень прост и мил, красивый старик 80 лет, а кажется не более 60. Одевается по-штатски щеголем. В толпе сидела раз дама с стаканом, высокая и худая, лет 30, в черной очень измятой шали и в черном простейшем платье. Вдруг к ней подходит император, как к знакомой, проговорил с ней почти четверть часа и, прощаясь, снял ей шляпу и подал руку, которую та пожала как самому простейшему смертному, совершенно без особого этикетного реверанса. Это была какая-то герцогиня, из владетельного прежде роду, и богачка. А между тем казалась в толпе простушкой, и наши русские светские шлюхи, должно [б] быть проходя, посматривали на нее с пренебрежением, а тут вдруг все разинули рты.

Я сегодня видел во сне и Федю и Лилю, и беспокоюсь: не случилось ли с ними чего! Ах, Аня, я об них думаю день и ночь. Ну умру, что я им оставлю. Только бы кончить проклятую эту теперешнюю работу, а там бы предпринять что-нибудь. Но это всё при свидании. А теперь дай бог, чтоб насущное как-нибудь уладилось. Целую и благословляю Федю и Лилю и . . .[12] Впрочем, что ты, Анька, пишешь о *двойнс*? Ах ты! Впрочем, целую и двойню, и давай бог, а тебя целую тридцать пять раз, как говорит Федя. Пиши об себе чаще. Я же буду уведомлять по-прежнему аккуратно в 3 дня раз.

Целую тебя миллион раз с детьми.

Твой весь Ф. Достоевский.

Поклонись кому следует.

Не слышно ли чего об Иване Григорьевиче? [13]

[а] *Было*: знает

[б] *Было*: должны

* из Ревеля, из Лифляндии (*нем.*).

** ужин (*нем.*).

586. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

15 (27) июня 1875. Эмс

Эмс 15/27 июня/75. Воскресенье.

Милый мой голубчик Аня, письмо пошлю завтра, в понедельник, пишу же его теперь в воскресение, с вечера, для того, что по утрам теперь намерен работать, а писание писем уж конечно очень бы отвлекало меня от работы, и так всегда теперь будет. Письмо твое от понедельника (9-го) получил вчера, в субботу,[a] каждый раз, получая твое письмо, радуюсь хоть тому, что с вами ничего не случилось худого, но на другой же день, каждый раз, опять начинаю сомневаться и опасаться за вас. Скоро ли кончится моя здешняя мука — не знаю. Но вряд ли больше $2^1/_2$ недель здесь проживу, много трех. Лечение мне, кажется, идет на пользу, но бог знает, особенно при такой погоде; впрочем, вчера и сегодня, по крайней мере, дождь нейдет, хотя барометр упорно продолжает стоять на Regen und Wind.* Про работу мою думаю так, что пропало дело: начал писать, но чтоб я поспел к 25 июля доставить в редакцию, то этого, видимо, быть не может.[1] А не поспею доставить, тогда Некрасов рассердится и денег не даст в самое нужное время; да и роману плохо.[2] Здесь же, в таком уединении и такой тоске, чувствую, что не напишется хорошо; кроме того, каждый день жду припадка. Голубчик мой милый, Аня, мне тебя недостает, вот что. При тебе всё пошло бы лучше во всех отношениях. Если б не было ежечасной, тяжелой думы об этой работе, может быть, мне было бы легче. Особенно тоска подступает ко мне всегда к вечеру; по утрам же легче; вот почему и выбрал утреннее время для работы.

Спасибо тебе за подробности о детях, они меня здесь ужасно оживляют. Непременно заведи такую книжечку и слова их записывай. Спасибо тебе тоже за то, что отгоняешь от себя дурные мысли и мечты насчет своего положения, как ты пишешь; только правда ли? Если ты и впрямь стала умнее и отгоняешь опасные фантазии, то зато я здесь об тебе думаю и опасаюсь за тебя день и ночь, и всё потому, что мы в разлуке. Кроме того, мечтаю о тебе и целую тебя день и ночь беспрерывно... Я стараюсь много ходить и утомлять себя, сплю даже мало, почти менее семи часов. Да как ходить здесь, когда вот только теперь, сегодня, чуть-чуть просохло. Развлечений же здесь никаких, да и не пошел бы я никуда и без того, если б и были. Всё кажется, что я время теряю, а в результате хоть и дома сижу, ничего не работается: едва лишь начал первую страницу, да и тем недоволен.

---

[a] *Было*: пятницу

* дождь и ветер (*нем.*).

Пуцыкович прислал мне 2 №№ «Гражданина» разом. Ну, уж до чего дописался князь Мещерский в своем «Лорде-апостоле», так это ужас.[3] А Порецкий уже окончательно с ума сошел на Толстом.[4] Из развлечений была у нас здесь одна «Regatta», то есть попросту призовая гонка на здешней речонке лодок, на пари франкфуртцев с Кельном. Избрали же нашу речонку, потому, что здесь император,[5] так чтоб потешить его и проехать мимо него. При этом, разумеется, нескладные немецкие хоры, похожие на рев, музыка, а пуще всего то, что дело происходило в проливной дождь, но буквально вся публика высыпала к перилам набережной и так простояла более 2½ часов под сильнейшим дождем. Император же смотрел из окна вокзала. Публика здесь прескучная, всего больше немцев. Наших русских довольно, мужчины еще туда-сюда, но дамы русские ужасны. Пищат, визжат, смеются, наглы и трусихи вместе. По смеху уж слышно, что она смеется не для себя, а для того, чтоб обратили на нее внимание. Немки не таковы: та и захохочет, и закричит, и кавалера по плечу ударит чуть не кулаком, но видно, что она смеется для себя и не думает, что на нее глядят. И как бы наши русские, особенно grand mond'a,* где-нибудь на Елагином острове осмеяли ее за манеры, да жаль, нельзя. Одна при мне закричала, подзывая кавалера: pst, pst, а как он подошел, шлепнула его по плечу. И вдруг слышу подле русские дамские голоса: «Это что еще, кто такая? что за манеры», и один русский вдруг отвечает им: «Это княгиня Tourn et Taxis» ** (то есть считается владетельным домом). Но наплевать на наших русских холопов. Газеты тоже русские не могу читать, ни на одну минуту не свободны, все читают русские. Один русский молодой человек держит в салоне «Голос» по целым дням, не вставая с места. Ждешь, ждешь и уйдешь.

Впрочем, мне нечего, решительно нечего здесь описывать. Вот не знаю только, когда мне уведомить тебя, чтобы ты перестала писать, чтоб не посылать писем даром, когда уже я уеду отсюдова. Впрочем, лучше не уведомлять: пиши до последнего раза. Уведомь меня, не забудь, насчет твоего решения о квартире: непременно ли я должен ее сыскать теперь, проездом по возвращении, или уже потом, когда мы воротимся и станем хоть в гостинице.[6] Но до этого еще далеко, предстоят еще недели три муки и — работа, работа, ужас! Эта поездка в Эмс была ужасна во всех отношениях, и хоть бы я здоровье-то отсюдова вывез.

Ты пишешь о деньгах, что идут; идут и у меня, голубчик, а они, однако, нам ух как нужны. Ну, а насчет няньки и кухарки как ты думаешь? Ведь не одним же нам с детьми в Петербург возвращаться.

---

* высшего света (*франц.*).
** Турн е Таксис (*франц.*).

Всё боюсь, что ты получишь какие-нибудь дурные вести об Ив‹ане› Григорьевиче и затревожишься.[7] Ну, до свидания, ангел мой бесценный, будь здорова (и не снись мне по ночам, сделай одолжение). Обо мне не беспокойся, как-нибудь перемелется. Детишкам обо мне напоминай. Помнят ли они меня в лицо? Спроси, пожалуйста, Федю, какой я собою. Бедные в середине лета принуждены будут в Петербург воротиться.

Благословляю вас всех, люблю, целую и жду с бесконечным нетерпением, когда брошу проклятый Эмс и ворочусь к вам. Люблю вас всех четверых.[8] До свидания, обнимаю тебя. Поклон кому следует.

Твой весь Ф. Достоевский.

P. S. Голубчик Анечка, прошу тебя очень, пошли немедленно хоть 3 рубля (не меньше) на моршанских погорельцев[9] в редакцию «Московских ведомостей». Письмо же напиши так:

В редакцию газеты[6] «Московские ведомости».

Покорнейше просят принять прилагаемые три рубля на Моршанских погорельцев *от Ф. Л. и неизвестного.*

Ф. Л. и неизвестный,

то есть от Феди, Любы и неизвестного, но лучше написать буквами: от Ф. Л. и неизвестного, чтоб не догадались, пожалуй, что неизвестный есть будущий.

Подписка же на моршанских погорельцев открыта по разным ведомствам и в редакциях всех почти газет.

Твой Д‹остоевский›.

Еще раз всех вас обнимаю.

---

[6] *Было*: журн‹ала›

587. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

18 (30) июня 1875. Эмс

Эмс.[а] 18/30 июня. Среда.

Милый друг Анечка, письмо это пишу в среду, а пойдет оно завтра, в четверг, как я уже и писал тебе.

Только сегодня, в среду, получил я письмо твое, которое ты писала от 12 июня, в четверг, и которое, по словам твоим, должно было отправиться на другой же день, то есть в пятницу, стало быть, 13 числа. Между тем на конверте печатью старорусского почтамта помечено от 14-го числа, то есть оно пошло лишь в субботу, а получил я его не вчера, во вторник, как бы должен был получить, а лишь сегодня только, в среду. Ясное дело,

---

[а] *Вместо*: Эмс — *было начато*: Старая Р‹усса›.

что письма в старорусском почтамте задерживают и непременно вскрывают, и очень может быть, что Готский.[1] Непременно, Аня, говори, кричи в почтамте, требуй, чтоб в тот же день было отправлено. Это черт знает что такое!

Письмо твое, разумеется, прочел с наслаждением и рад, что все здоровы, тем более, что всегда перед письмами начинаю очень беспокоиться о тебе и о детях. Жаль только, Аня, что ты ничего мне не пишешь об очень важном деле, несмотря на неоднократные мои запросы: именно, как мне нанять квартиру в Петербурге.[2] 1) Непременно ли я должен нанять ее, проездом, и 2) Что мне будет делать, если квартира долго не наймется? Уведомляю тебя, Аня, что мне время теперь очень дорого, что в Петербурге, если я уже очень долго заживусь, я не в состоянии буду и нанимать квартиру и писать в то же время роман. А главное, если я очень заживусь, более недели в Петербурге, то что мне тогда делать? И не лучше ли нам всем вместе нанять квартиру уже возвратясь? Если остановимся и в гостинице, то столько же переплатим за № (если не гораздо меньше), сколько переплатим за квартиру за время, пока еще она будет стоять пустою и пока-то мы двинемся из Старой Руссы. Я, конечно, готов пробыть два или три дня в Петербурге, но желал бы не больше. Во всяком случае, прошу тебя (и наконец *настоятельно*) обратить внимание на этот вопрос мой, который я уже неоднократно задаю тебе, и написать мне наконец твое решение. Если на это письмо ответишь тотчас же (с попуждением *на почте* отправить его тотчас же, а не через день или через два), то очень успокоишь меня. Ко всем моим, уже и так многочисленным беспокойствам беспокойство о найме квартиры и об житии для нас в Петербурге примешивается самым мучительным образом. По крайней мере одно из сомнений моих будет разрешено.

Я могу отсюда скоро выехать, но ты не сомневайся и продолжай мне писать. Я напишу, когда тебе перестать писать. А в настоящую минуту сам не знаю, когда выеду. Завтра, 1 ‹июля›/19 июня, будет ровно 3 недели моему здешнему лечению. Доктор же говорит, что более 4-х недель здесь почти не лечатся (да и совсем не надо). 5 же недель назначается только в самых исключительных случаях, ввиду особых соображений. Итак, через 8 дней, в следующий четверг, то есть по здешнему[6] стилю 8 июля, а по-нашему 26 июня, я могу и кончить лечение и уехать по-нашему 27 или 28 июня. Но только к тому времени доктор посмотрит грудь мою. Теперь же, когда не вышло курса лечению (то есть 4-х недель), решить этого нельзя, то есть о том, кончить или еще на неделю остаться. Очень может быть, что я останусь и еще на неделю, а в таком случае выеду отсюда уже не 27-го июня по нашему стилю,

---

[6] *Было*: нашему

а около 5 июля.[3] Итак, *верно только то*, что я далее 5-го июля по нашему стилю здесь не пробуду. (Значит, мог бы, правильным путем, быть около 10-го июля в Руссе, если не останавливаться в Петербурге.) Впрочем, повторяю, на 3 дня я готов остановиться. Можно и в три дня что-нибудь нанять: это ведь на счастье.

Что же касается до лечения моего, то я решительно не могу сказать ничего положительного об успехе. Кажется, будет облегчение. Сам же я здоров. Здесь скверно то, что лечат почти одни воды, а доктор не вмешивается и даже не укажет порядком. Докторов хоть и много, но все осаждены и так, что придешь и ждешь буквально по 50 человек очереди. А потому они говорят с больными наскоро, почти небрежно. Пример со мной: неделю назад я был у Орта[4] и жаловался, что всё простужаюсь и кашляю. Он осмотрел горло и велел мне в тот же день взять у источника стакан кессельбруннена (другой горячий источник) и прополоскать горло (это называется gargariser. gargarisation).* Я исполнил и в тот же вечер почувствовал облегчение. 3-го дня прихожу к доктору и говорю: так как мне уже раз gargarisation кессельбрунненом принесло пользу, то нельзя ли мне постоянно полоскать горло, потому что у меня постоянно раздражено горло, уже несколько лет (как муха в горле), так не будет ли, дескать, облегчения? Он удивился на это и вдруг спрашивает: «Так вы один только раз и ходили полоскать, а ведь я же вам велел постоянно! Вот вы неделю потеряли! Непременно в день по 2 раза». Итак, я неделю потерял, но решительно по его вине, потому что он положительно *не сказал*, чтобы продолжать постоянно, а доказательство тому, что о полоскании 2 раза в сутки, и подробности о том, что наблюдать при этом, объяснил только третьего дня, а если б велел 8 дней назад, то я знал бы об этих подробностях еще тогда, потому что при гаргаризации они всеми здесь неуклонно наблюдаются и их непременно надо растолковать больному заранее, а он 8 дней назад ничего не растолковал о подробностях.

Таким образом, к лечению моему присоединилось и полоскание горла кессельбрунненом. Если в эту 4-ю неделю увижу пользу и поздоровеет горло, то рискну сам остаться еще на неделю (то есть до 5-го июля), потому что раздражительность горла — один из самых главных припадков моей болезни. Я и не знал, что на водах, тут же при источниках, устроено 2 кабинета, собственно для гаргаризации, мужской и дамский. В кабинете до 20 мест, вроде как в писсуарах, и все 20 человек полоскают горло разом. Такая музыка. А полоскает несколько сот больных.

Ну, так вот обо мне главнейшее. Что же до остального, то у меня нет совсем новостей и подробностей. Я здоров, и погода

* полоскать горло, полоскание (*франц.*).

у нас дня три уже не дурная (хотя не жаркая). Я по-прежнему один. Знакомых никого. Сосед мой, немец, уехал в Берлин, а рядом со мною нанял один приехавший русский (имени его не знаю и знать не хочу). Русских множество — все незнакомы. Какой-то один господин Сорокин подскочил ко мне сегодня и уведомил, что видел меня у Лизаветы Атамаровны (Барановой).[5] Я его совсем забыл. Пошел рядом и заговорил тотчас об литературе. Я очень рад был, когда он повернул в свое место. Что же касается до моей работы, то и не пишу тебе ничего о ней: всё стоит и не двигается, план только составил уже окончательный, а работа еще не начиналась.[6] Ни страницы не написано. Что со мною будет — понять не могу. Сверх того боюсь припадка.

Подробности, которые сообщаешь о детках, — живят меня и радуют, но что ты, ангел мой милый, так мало пишешь о себе? Разве не знаешь, как я люблю тебя и как мне весело узнать хотя бы малейшее о тебе происшествие. Целуй детей, напоминай им обо мне, чтоб не забывали. Песни Лиличкины записывай особо в книжку, пожалуйста (это очень важно и нужно). То, что ты пишешь об Иване Григорьевиче, просто ужасно. Нет, с этой сукой надо поступать как с собакой, а не человеком.[7] Она еще наделает ему неприятностей небось. Вот если б он решился наконец окончательно разойтись с ней (то есть отречься от надежды и намерения жить опять вместе), то тогда бы он мог поступить и спокойно и строго, и это бы могло ее наконец вразумить. Но увидим, что далее, только бы спас бог его голову. Не столкнулись бы как-нибудь с Кукарекиным? и что ему Кукарекин? Кукарекин[в] и бросит Ольгу, так та сейчас другого заведет. Боюсь, чтоб ты об них как-нибудь не беспокоилась и не тревожилась.

А об тебе и о *двух* я очень тревожусь. И почему два?[8] Уж не имеешь ли ты какого намека от бабки? Как бы я желал быть с вами! А тут еще найти здесь столько душевного спокойствия, чтоб работать, роман писать — да разве это возможно!

Ну, до свидания, голубчик, следующее письмо напишу в субботу, а пошлю в воскресение.[9] Обнимаю тебя крепко, целую тебя тысячу раз. Деток благословляю! Милые! Ты не поверишь, в каком я здесь заточении, Аня! Главное этого вообразить нельзя постороннему.

Твой весь Ф. Достоевский.

Музыка сегодня исправилась (с погодою, должно быть), играли две пьесы Бетховена — верх восхищения!

[в] *Вместо*: Кукарекин — *было начато*: Он бр<осит>

588. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

21 июня (3 июля) 1875. Эмс

Эмс. 3 июля/21 [а] июня/75.
Суббота.

Милый мой голубчик Аня, пишу тебе это письмо сегодня после обеда в субботу, а пойдет оно к тебе лишь завтра, в воскресенье, по примеру последних двух писем.

Ты как-то писала, что к тебе мои письма запаздывают. Да и ко мне твои письма непременно запаздывают лишним днем. Сейчас получил письмо твое от воскресения, 15 июня. Ты в нем пишешь положительно, что завтра, в понедельник (то есть 16 июня), снесешь его на почту в своѐ время (то есть не опоздав ни часу) и что, таким образом, оно непременно должно отправиться ко мне в понедельник, 16-го числа. И вот на конверте печатью старорусского почтамта помечено, что оно пошло 17 июня [б] (все конверты я сохраню). Ясное дело, что письма задерживают и читают. Разве брать в почтамте расписку, что письмо принято и будет отправлено такого-то числа? Да не дадут они такой расписки.[1]

На это письмо мое *еще отвечай* мне сюда, в Эмс. Но на следующее письмо мое, которое пошлю тебе в среду, 27 июня/ 6-го июля,[в] [2] уже не отвечай, потому что, как полагаю, оно уже не застанет меня в Эмсе. А я все-таки буду продолжать писать тебе в прежние сроки. Ты же мне (не медля, впрочем) напиши тогда письмо уже в Петербург, до востребования, чтоб я мог найти его, туда приехав. Да еще прошу тебя очень, если б с тобой что случилось, то все-таки отправь в Эмс телеграмму Hôtel «Luzern» à m-r Dostoewsky, № 10.

Из письма твоего, голубчик ты мой, замечу, что ты очень мучаешься разными сомнениями по случаю предстоящего события и точно собираешься умирать.[3] Эх, Аня, как мне это тяжело! Я знаю, ты очень мужественна, но ты ужасно мнительна. Но случаи несчастных родов не только реже случаев заболевания горячкой или какой бы то ни было болезни, но даже реже случаев раздавления на улице лошадьми! Это положительный факт, спроси кого хочешь. Не пугайся же, друг мой, вспомни, что ты родишь в четвертый раз, а с теми, которые уже привычны рождать, еще реже несчастные случаи, чем с непривычными рождать. К тому же здоровье твое, благодаря тому, что мы долго жили вне Петербурга, улучшилось сравнительно с прежним. И потому прошу тебя очень, подумай об всем этом

[а] *Было*: 23

[б] *К этим словам на полях примечание Достоевского*: а не 16-го в понедельник, пошло 17 во вторник.

[в] *Описка Достоевского, следует*: 25 июня/7 июля.

и постарайся ободриться. Впрочем, что писать об этом! Думаю, что за всеми задержками, начиная от сего числа, через три недели я уже буду вместе с вами: а тогда будем толковать (и тосковать, если надо) вдвоем. Я кладу на всё три недели, но полагаю, что это maximum, а что и очень может быть, что и раньше трех недель (от сего числа) свидимся. В следующий четверг, на будущей неделе, то есть 26 июня/8 июля, минет ровно месяц моему здешнему лечению, а в понедельник, послезавтра, то есть 23 июня/5 июля, пойду к доктору и спрошу его окончательного мнения: оставаться ли мне еще, на 5-ю неделю, или уезжать? Полагаю, что он оставит меня непременно еще на одну неделю, значит я тогда 3/15 июля кончу лечение и 4-го или 5-го выеду,[4] затем со всем, с житьем в Петербурге, еще надо положить неделю, итак, значит, около 12-го июля (нашего стиля) я могу быть уже в Старой Руссе. Так я полагаю, но может случиться, что доктор и не оставит на 5-ю неделю. Здесь считают *важным* не перелечиться. Лишнее лечение считается даже во вред. Я здесь купил книжку об Эмсе и его водах, русскую, изданную в Петербурге прошлого года.[5] В книжке этой, между прочим, высоко ценятся некоторые мнения моего доктора Орта об эмском лечении. Говорится тоже и о вреде слишком долгого и большого питья вод. Но особенно упоминается о мнении врачей (по свидетельству бесчисленных примеров), что часто весьма бывает так, что больные, кончив курс, не только не чувствуют большого или даже заметного облегчения, но, напротив, некоторые так чувствуют себя даже хуже в сравнении с тем, как приехали, и только впоследствии, несколько месяцев спустя, уж зимой, начинают чувствовать нередко огромное облегчение и благословляют судьбу, что съездили в Эмс. Я могу засвидетельствовать [г] несомненно, что то же самое случилось со мною после поездки в Эмс прошлого года. Не будет ли так же и в нынешнем году? А [д] если такова моя природа, то не тем ли объяснять, что я до сих пор, пролечившись уже $3^1/_2$ недели, особенного облегчения не замечаю никакого. Так, конечно, было со мной и прошлого года, сколько помню. Теперь же, правда, кашель, исключая беглых простуд, гораздо уменьшился, но хриплость груди почти та же. Впрочем, гаргаризация горла кажется приносит пользу. Одним словом: как решит Орт. Потребую от него послезавтра, чтоб он осмотрел меня как можно внимательнее.

В этой же книжке я вычитал ужасную вещь: именно — что необходимо вполне изменить свой прежний образ жизни во время лечения, строго соблюдать диету и не предаваться *ни-ка-ким* умственным занятиям, а не то не только не окажется пользы от лечения, но *непременно* происходит вред и болезнь, по многим

[г] *Далее было*: уже
[д] *Было*: Но

опытам, несомненно ухудшается. Умственные же занятия, в диете, поставлены на *первом плане*, в смысле вреда. Каково мне! Это же говорил мне и Орт еще в прошлом году, но я мало обратил внимания. Но в прошлом году я вовсе не так работал, или, по крайней мере, заботился и тосковал, как в нынешнем. Значит, теперь только лишь я серьезно сел за работу — бросить ее? А Некрасов? А «Отеч‹ественные› записки»? [6]

Я решился и написал сегодня Некрасову письмо, где всё это изложил.[7] Я очень извиняюсь и очень прошу его о следующем: 1) Чтоб позволил мне начать печатать не в августе, а с сентябрьской книжки. За это обещаю, что напишу хорошо (да и действительно, кажется, напишу хорошо, план вышел восхитительный, и недаром я здесь над ним сидел).[8] 2) Если никак нельзя ему принять это предложение, то уведомил его, что более $2^1/_2$ листов на августовскую книжку доставить не могу, а главное — уничтожится всякий эффект.[9] На этот вопрос мой я прошу его немедленного ответа, но не в Эмс, а в редакцию «Отеч‹ественных› записок», где проездом через Петербург получу его ответ. Письмо адресовал в редакцию «Отеч‹ественных› записок»,[10] с просьбою к редакции переслать прилагаемое к Некрасову письмо туда, где он теперь находится (конечно, они знают его адрес). Какой-то ответ будет, не знаю,[11] но я все-таки работу здесь не оставлю, а лишь уменьшу занятия наполовину. Ну вот как я решил, уведомляю тебя об этом. Но заметь, что, во всяком случае, произойдет задержка в деньгах в самое нужное для нас время. Нельзя же взять вперед, если уже и без того забрано.

Сосед мой — русский жид, и к нему ходит множество здешних жидов, и всё гешефт и целый кагал, — такого уж послал бог соседа. Об здешних новостях решительно ничего не имею написать: всё по-прежнему, всё мне надоело, ни одного знакомого, всё та же пестрая многоязычная толпа. Два дня было жару, а сегодня опять дождь. Впрочем, я чувствую себя довольно бодрым, и желудок мой хорош, а это всё хорошие признаки. За известия о детях благодарю; ради бога, записывай их словечки и песенки в особую книжку; слишком прошу.[12] Почему, Анечка, ты не хочешь, чтоб, если дочка, назвать Аней? Тебе не мило имя, так мне мило. Очень, очень прошу.

Расскажи деткам, когда меня ждать. Что им привезти только, не знаю. Напиши мне в Петербург и о квартире, то есть сидеть ли мне нанимать или нет? Если, н‹а›прим‹ер›, нет, а между тем вдруг представится в Петербурге удобная для нас квартира, то нанять ее или нет? несмотря на ранний срок? [13]

Бедный Кублицкий.[14] Это тот самый; хороший был человек. Он тогда был в заседании «Любителей словесности», когда читали о том, как Анна Каренина ехала в вагоне из Москвы в Петербург.[15] Так и не дождался окончания «Анны Карениной».[16]

До свидания, Аня, милочка, может быть, уже и до близкого. Целую тебя тысячи тысяч раз и всё буду тосковать о тебе, потому, что ты тоскуешь. Ах, мне надо быть с тобой поскорее. Целую деток и благословляю. Говори им обо мне. До свидания, милая, обожаю тебя.

Твой весь Ф. Достоевский.

Поклоны.

589. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

23 июня (5 июля) 1875. Эмс

Эмс. 5 июля

В ‹Старую› Руссу.

Staraja Russa Madame Dostoewsky.
Ich bin ganz gesund; warum fragen
Sie.[1] Schreibe alle drei Tage einen
Brief. Dostoewsky.*

---

* Старая Русса, госпоже Достоевской. Я вполне здоров; чем вызван запрос. Пишу Вам каждые три дня. Достоевский *(нем.)*.

590. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

23 июня (5 июля) 1875. Эмс

Эмс 5 июля/23 июня. Понедельник вечером.

Письмо это пойдет завтра, во вторник, милая Аня, сегодня, в час пополудни, получил от тебя телеграмму.[1] Она меня очень удивила и измучила. С чего ты взяла, что я болен? Значит, ты совсем перестала получать мои письма, то есть пропало одно письмо. Но чего же из-за этого беспокоиться? Поверь, бесценный друг мой, что со мной ровно ничего не может случиться. Последнее письмо я тебе отправил *вчера, в воскресенье*. Перед тем отправил *в четверг* (то есть предпоследнее), и затем, перед четвергом, отправлено было письмо *в понедельник*. То есть ровно 8 дней назад.[2] Таким образом, *три* письма в 8 дней. Я пишу постоянно и аккуратно в каждые три дня по письму. Я ответил тебе сейчас же телеграммой, которая и пошла во 2-м часу.[3] Теперь уж девятый час, и она уже должна дойти; но я продолжаю ужасно беспокоиться. Во-первых, телеграмма твоя была на немецком языке и дошла вся перевранная. Старая Русса названа Skraja Russe, имени моего и следа не осталось. Дошла

единственно потому, что обозначено было Haus «Luzern» * № 10. Таким образом, переврут (в Берлине) и мою телеграмму и что, если не дойдет в Руссу, или пошлют ее в Рузу? И вот если не дойдет до тебя телеграмма, мне и мечтается всё теперь, что в пятницу или в субботу ты вдруг отворишь мою дверь и вбежишь сюда ко мне в Hôtel «Luzern». Ты не поверишь, Аня, как это мучительно! Как можно лечиться в таком расположении духа. Давеча я помертвел, получив твою телеграмму, и упал на стул. Я написал в телеграмме: Ich bin ganz gesund,** и теперь кляну себя, зачем написал ganz: ничего не стоит в Берлине перековеркать ganz в nicht gesund.*** Судя по тому, как переврана твоя телеграмма, всё возможно. Теперь всю неделю буду в страшном беспокойстве.

Я сегодня в 4 часа был у доктора после целой недели отсутствия и попросил его, ввиду истекающих через три дня 4-х недель моего лечения, подробно и серьезно осмотреть меня. Он осматривал меня долго, подробно и серьезно и нашел, что грудь в превосходном состоянии, всё зажило. Но осталась хриплость и затруднительность дыхания; он сказал, что это может пройти само собою и что если я хочу, то в четверг (ровно после 4-х недель лечения) могу уехать. Полоскание же горла кессельбрунненом хотя и произвело в эту последнюю неделю большие успехи, но горло *всё еще* раздражено, «так что если б еще неделю, с сегодня начиная, полечиться, то не было бы ничего дурного». Так и решили. Итак ровно неделю, начиная с сегодня, буду еще лечиться. Сегодня 5 июля/23 июня, а в следующий понедельник будет 11 июля/30 июня, и вот в этот следующий понедельник (то есть по нашему стилю 30-го июня) — ровно через неделю я и выеду отсюда. Итак, ты уже более сюда ко мне не пиши, а напиши мне *сейчас с получением сего письма* в Петербург, poste restante. В письме этом напиши: нанимать ли мне квартиру в Петербурге, несмотря на такой ранний срок, или не нанимать и сколько времени сидеть нанимать и проч.?[4] Об этом настоятельнейше и уже в последний раз прошу тебя.

Ты понимаешь, что со вчерашнего письма,[5] которое ты, верно, уже получишь перед этим письмом, со мной нового ничего не могло произойти, кроме того разве, что роман мой совсем не двигается и не пишется. Жду покоя, когда-то будет. А здесь до того тошно, до того тошно жить, что буду долго вспоминать этот адский месяц.

Не забудь черкнуть мне хоть что-нибудь в письме про детей.

Если выеду 11-го/30, то значит в пятницу или даже в четверг могу быть в Петербурге. А если б не сидеть в Петербурге

---

* гостиница «Люцерн» (*нем.*).

** Я вполне здоров (*нем.*).

*** не здоров (*нем.*).

очень долго, то в понедельник, 7-го июля, мог бы уже быть в Старой Руссе.[6] Это значит ровно через две недели.

До свидания, ради Христа, будь покойна; осталось так немного до свидания. Обнимаю и целую тебя и буду всё мечтать о тебе. Благословляю деток; поклоны. (Черкни, не надо ли что купить в Петербурге?) Скажи деткам, что скоро приеду.

Твой весь вечный и неизменный Ф. Достоевский.

Чуть что с тобой случится (не дай боже) в *известном отношении*,[7] то тотчас же телеграмму ко мне сюда, до 30-го июня нашего стиля я здесь. С твоею нервностью,[а] пожалуй, и случится. Ах, Аня, как тяжела разлука в такое время!

[а] *Далее было*: всё

591. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

25 июня (7 июля) 1875. Эмс

Эмс 25 июня/7 июля. Среда.

Милый друг Аня, письмо это пойдет завтра, в четверг.[а] Пишу тебе всего несколько строк, тебе же отправил письмо вчера, во вторник.[1] Но вчера получил и твое письмо (писанное в среду, от 18-го, но которое пошло из Старой Руссы не в четверг, 19, а в пятницу, 20, судя по штемпелю почтамта Старой Руссы).[2] В письме этом ты пишешь, между прочим, о найме квартиры проездом чрез Петербург и предлагаешь сама приехать, чтоб вместе со мной искать квартиру.[3] Вот на этот-то пункт и спешу поскорее написать тебе. Приехать тебе ко мне — было бы сущею нелепостью в твоем положении. *Ради бога*, не приезжай и не думай; только напрасно измучаешь себя. Найду квартиру я сам, только больше 3-х или 4-х дней искать не буду. Надеюсь, что найду и в этот срок. Ты, видно, меня не так поняла прежде: я не предлагал тебе приехать ко мне в Петербург, чтобы вместе отыскивать квартиру, а я думал, что, уже собравшись из Руссы совсем в Петербург переехать, с детьми и со всеми вещами, стать в гостинице, в номерах или у родственников и тут-то вместе сыскать квартиру; об этом я и написал тебе в одном из моих последних писем.[4] Но теперь я сыщу один. Во всяком случае, увидим, но ты *во всяком случае* не трогайся с места. В Петербург мне напиши *до востребования*. Я вчера написал тебе, что выеду в понедельник. Так и сделаю. (В субботу, впрочем, пошлю письмо.) [5] В Петербург приеду в пятницу, но вернее что в четверг. Из Петербурга сейчас на-

---

[а] *Было*: в среду.

пишу тебе.[6] Прошу тебя, голубчик милый, будь покойна во всех отношениях. Здоровье мое прекрасно, только бы нам поскорее свидеться. Предстоит длиннейший путь. Деток целую, скажи им, что скоро приеду. Благословляю и люблю вас всех.

Твой весь Ф. Достоевский.

592. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

27—28 июня (9—10 июля) 1875. Эмс

Эмс. 9 июля/27 июня. Пятница.

Милый друг, Анечка, пишу тебе еще несколько строк; пойдет письмо завтра, в субботу.

Я вчера получил твое письмецо от субботы (пошло оно из Старой Руссы на этот раз правильно, то есть 22-го, в тот же день, как подала в воскресение). Письмо это доставило мне много радости, я прочел в нем, как ты меня любишь, тем более, что вот уже несколько дней, и день и ночь, всё мечтаю о том, как сам тебя люблю.[1] Бог даст, скоро свидимся и тогда наговоримся, а я в тебя влюблен *более*, чем накануне свадьбы. Теперь несколько нужных слов: я писал тебе, друг мой, что выеду в понедельник, но по некоторым соображениям я это отменил: выеду я не в понедельник (30), а в среду, 2-го июля. Впрочем, может быть, во вторник, но знай, что *ни за что не позже среды*. Таким образом буду в Петербурге или в пятницу или в субботу.[2] Если поеду во вторник, то отсюда уже более не напишу, а прямо из Петербурга напишу тебе. Если же поеду в среду, то напишу отсюда несколько строк во вторник от 1-го июля. Таким образом, не получая от меня какой-нибудь лишний день писем — не беспокойся: значит, я в дороге. Побудили меня отложить отъезд на целых 2 дня главное две причины: 1) Что из письма твоего от субботы вижу, что всё было исправно, и письма мои хоть запаздывали, но регулярно доходили, а потому и не понимаю, что такое произошло, что в вторник[a] ты прислала мне телеграмму?[3] Если я выеду в понедельник, то, может быть, и не дождусь здесь от тебя письма в объяснение (отсюда шнельцуг[4] в 6 часов в 20 м‹инут› утра) и буду доро́гой беспокоиться, и потому останусь до твоего письма, которое, вероятно, придет в понедельник или во вторник.[5] (Есть у меня и еще мысль страшная: не переврана ли телеграмма и вместо Sind sie wirklich Krank * не было ли: Ich bin wirklich Krank? **).[6] Что, если так? Во всяком случае узнаю это здесь наверно и дождусь письма. А вторая причина замедления та,

---

[a] *Было*: в понедельник

* Вы действительно больны? (*нем.*).

** Я действительно больна (*нем.*).

что все-таки я два дня лишних пропью воду и буду полоскать горло. Таким образом, будет всего 4 недели и 5 дней лечения. Это почти столько же, что и прошлого года, когда болезнь была хуже.

Ну, а теперь обнимаю тебя, голубчик, может быть, до петербургского письма. Но вернее, что еще напишу во вторник. Только, ради бога, ты, Анечка, не езди из Руссы в Петербург.[8] Это безумие. Этого только и трепещу теперь.

Может, увидимся 8-го или 9-го июля.

Обнимаю тебя и целую несчетно. Деток тоже. Наконец-то я увижу их.

Твой весь Ф. Достоевский.

Выеду *ни за что не позже среды.*

NB. В Петербурге у меня денег достанет, чтоб отдать за месяц вперед за квартиру.

Post scriptum. 10 июля/28 ‹июня›. Суббота.

Сейчас, в половину 12-го утра, только что я запечатал письмо, чтобы нести на почту, вошел почтальон и подал мне твое письмо от вторника (23 июня, день телеграммы).[9] Так вот разгадка телеграммы! А я думал, что письма не доходят. Но только какая странность! И надо же было непременно подвернуться этому бегемоту,[10] чтоб так напугать тебя. А я именно никогда не чувствовал себя лучше здоровьем, как в этом скверном Эмсе; припадки бог знает сколько времени не были, груди очевидно лучше, а телом совершенно бодр и свеж. Ах, голубчик, как это они тебя так испугали и огорчили! Утешаюсь одним, что ты получила вовремя телеграмму, но когда? Очень поздно. Ты выслала в 10 часов, это значит по-нашему в 8 (для телеграфа меридианов не существует). Стало быть, тащилась твоя телеграмма ко мне 5 часов (получил в час пополудни, отвечал в 2). А что, если мою телеграмму как-нибудь еще переврали![11] И кто эту глупость мог напечатать (конечно серьезно, а не в насмешку, да и к чему бы такая насмешка?).[12] Ох, беда быть «*великим человеком*»! Голубчик милый, во всяком случае ты теперь можешь быть спокойна, но я-то неспокоен, не повлияло бы в самом деле на роды! Может быть, еще дождусь здесь от тебя последующих писем! Выезжаю же я по-прежнему во вторник или в среду, но если что-нибудь в письме напишешь о здоровье своем беспокойное, то, разумеется, немедленно выеду. До свидания, голубчик, обнимаю тебя и целую сто тысяч раз.

Твой весь Ф. Достоевский.

У нас стояли три жаркие дня, а сегодня буря, дождь, вихрь, холод. Барометр стоит на Sturm.*

NB. Впрочем, очень может быть, что выеду и во вторник 1-го июля.

---

* буря (*нем.*).

593. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

1 (13) июля 1875. Эмс

Вторник. 1/13 июля 75. Эмс.

Пишу тебе, голубчик Анечка, последнее письмо отсюда, и пойдет оно сегодня же. Всё не соберусь выехать и отложил отъезд до [а] послезавтра, то есть до четверга (в $6^1/_2$ часов утра).[1] Всё разные мелочи мешают, то прачка белья не несет, то бьюсь с укладкой чемодана: много вещей, трудно уложить. А, между прочим, захотелось хоть один лишний день еще полечиться. Завтра, в среду, будет ровно 5 недель моему лечению без одного дня. Я к тому, что действие вод в последнюю неделю оказывается столь ощутительным, что если б была возможность, то, ей-богу, я бы остался еще на неделю или, по крайней мере, до субботы включительно (то есть до 5-го нашего стиля). Особенно удачно полоскание горла. Мерзавец Орт! Он до того небрежен с больными, благо что у него собирается по 50 больных в приемные часы! Он еще прошлого года должен бы был мне сказать о полоскании горла кессельбрунненом, а он ни слова, от грубейшей небрежности. Но — ужасно меня взволновали вот эти последние события. А впрочем, думаю, что и 5 недель лечения довольно. К тому же здесь я беспрерывно простужаюсь. Вот уже 4-й день дождь, ветер, вихрь и холод. Сегодня утром в 7 часов термометр [б] показывал *одиннадцать* градусов Реомюра. От сырости у меня разболелись зубы, и я невыносимо страдаю. Я этому не мог бы поверить: все корни зубов, которые все у меня остались — заболели, как будто и впрямь зубов полон рот, а передний уцелевший зуб до того болит, что за ночь вспухла десна и теперь тяжело носить вставную челюсть. В четверг постараюсь наверно выехать. Не знаю, получу ли еще от тебя здесь письмецо и не перестала ли ты уже писать в Эмс, по моей же просьбе. Последнее письмо, в котором пишешь, что у тебя головная боль, меня сильно беспокоит.[2] Бог знает, может, ты что и скрываешь. Ну до свидания, ангел мой, писать больше нечего, а надо стараться поскорее увидеться. Тяжелая мне дорога предстоит. Да и роман меня мучает.[3] Денег у меня, кажется, недостанет, если придется в Петербурге заплатить за месяц вперед за квартиру; впрочем, не знаю, но не беспокойся: в случае нужды прихвачу капельку у Тришиных [4] (с тем, чтоб сейчас же по приезде отдать им). Представь, княгиня Шаликова третьего дня приехала-таки, вместе с племянницей, дочерью Каткова (16 лет), которой предписано пить воду в Эмсе.[5] Пелагею Егоровну она оставила в Венеции, где та купается

[а] *Было*: на

[б] *Было начато*: бароме<тр>

в море.[6] Мы на лету только сказали несколько слов. Но вчера и сегодня я их не встречал, вероятно, так и уеду не встретив.

Милый Федя, милая Лиля! Как они меня любят! Наконец-то выберусь из этой подлейшей дыры и обниму вас всех. *До свидания*, целую вас бессчетно, в виде предисловия, а потом

Твой *тебя обожающий* муж Ф. Достоевский.

594. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

6 июля 1875. Петербург

Петербург. Воскресенье 6 июля 75.

Бесценный друг Аня, сегодня, в воскресенье, приехал я в Петербург в 7 часов пополудни, на скором поезде. Значит, тащился из Эмса с 6-ти часов утра четверга. Правда, ночь четверга и всю пятницу промучался от скуки в Берлине, а выехал из Берлина в пятницу в 11 часов вечера. В самую ночь отъезда из Эмса, с середы на четверг, произошел у меня припадок падучей, так что я спал всего в ту ночь не более 4-х с ½ часов. В Берлине же опять не выспался. Можешь себе представить, как в таком состоянии и духа и тела могла подействовать на меня дорога, особенно с Берлина до Петербурга. Я был очень расстроен нервами и думаю, что не совсем в здравом рассудке; да и теперь тоже, особенно, когда еще не выспался. Завтра придется идти нанимать квартиру, а мне так хотелось бы к вам и у вас отдохнуть.[1] Ты Анечка, вероятно, поймешь, как я устал, а потому мне не до описаний дороги; пишу же теперь потому, что предчувствую, сколько завтра будет хлопот, так чтоб отправить письмо пораньше. Первым делом поеду в почтамт узнать, нет ли от тебя писем?[2] Денег у меня меньше, чем я ожидал. Надо будет занять у Тришиных:[3] это меня несколько беспокоит. Если не займу у Тришиных, то постараюсь как-нибудь найти на квартирный задаток. Потому расскажу, каким образом у меня так мало вышло денег. В дороге я встретил Писемского и Павла Анненкова, ехали в Петербург из Баден-Бадена (где теперь Тургенев и Салтыков). Я не вытерпел и заплатил Анненкову (то есть для передачи Тургеневу) 50 талеров! Вот что и подкузьмило меня. Но *никак* не мог сделать иначе: тут честь.[4] И Писемский, и Анненков превосходно обошлись со мной, но мне, и голове и телу, было очень тяжело. Здесь в гостинице (в Знаменской) — встретили меня восклицаниями: «А мы читали в газетах, что вы опасно так больны!».[5]

Обнимаю тебя, дорогая моя, может, скоро увидимся. Но на это письмо все-таки ответь мне на редакцию «Гражданина».[6]

Только на это, а там не пиши. В случае же какой надобности телеграфируй в Знаменскую гостиницу *мне*.

Детей обнимаю. Крепко целую. Скажи им, что я приехал. Ах проклятая квартира, еще не видя ее, проклинаю. До свидания ангел мой. Твой весь Достоевский.

595. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

21 августа 1875. Старая Русса

Старая Русса, 21 августа 75.

Дорогой и многоуважаемый Алексей Николаевич!

Прости, что тебя беспокою. Я выслал 3 главы (всего будет 5 на сентябр‹ьскую› книгу) 3-й части моего романа.[1] Не знаю, в Петербурге ли Николай Алексеевич? Кажется, наверно нет,[2] а потому, как к старому другу, обращаюсь к тебе: нельзя ли закинуть кому-нибудь хоть словечко, чтоб не поленились мне сюда прислать корректуры *как можно скорее*?[3] Я думаю, что к 5-му сентября буду в Петербурге.[4] Но выслать ничему не помешает... И вот что главное: нельзя ли как-нибудь, чтоб ничего не выкидывали? У меня каждое лицо говорит своим языком и своими понятиями. При том же «*Странник*», говорящий «от Писания», у меня говорит чрезвычайно осторожно, я сам держал цензуру каждого слова.[5] Ради бога, Алексей Николаевич, если можешь, помоги в чем-нибудь хоть капельку.

Весь твой Ф. Достоевский.

596. П. Е. КЕХРИБАРДЖИ

7 ноября 1875. Петербург

Ноября 7/75.

Милостивый государь,

Я могу согласиться на Ваше предложение лишь под тем условием, что получу сейчас же, при подписании контракта, *не менее* 1000 р., а при выходе книги в январе оставшиеся 200 р. Мне не будет никакой выгоды иначе. Я и продаю издание в *чужие руки* единственно потому, что в настоящую минуту должен и принужден уплатить один долг и продажа издания «Подростка» представляет мне один из выходов из моего положения.[1] Но для сего надо получить 1000 р. разом. Да и никогда со мной не было, чтобы при продаже моих изданий я деньги получал после,

Во всяком случае это мое последнее слово.
За сим свидетельствую мое глубокое уважение.

Ф. Достоевский.

На конверте:

Г-ну П. Е. Кехрибарджи
От Достоевского

597. Н. П. ВАГНЕРУ

4 декабря 1875. Петербург

Декабря 4 75.

Многоуважаемый Николай Петрович,

«Сказку Кота-Мурлыки» напечатать в «Отечест‹венных› записках» *не могут*, и я уже взял ее из редакции.[1] При свидании объясню подробнее причины, представленные мне Некрасовым, теперь же скажу одно: причиною всё тот же поднявшийся на Вас гам за статью о медиумизме.[2] Так что сказку Кота (которую я доставил Некрасову тогда не лично, как и говорил уже Вам,[3] а оставил ее, не застав его дома, у него на квартире и приложил тут же написанное мною у него письмо[4]) Некрасов *и не развертывал*, а в том же виде, как была доставлена мною,[а] прочитав только письмо мое, тотчас же и отправил в редакцию до востребования автором: «Не либерально-де выйдет, если Вас печатать».[5] Сказка у меня уже дня три. До свидания.

Я всё был[б] занят, но наконец кончаю. Очень бы желал с Вами повидаться. Крепко жму Вам руку, мой усердный поклон Вашей супруге.

Весь Ваш Ф. Достоевский.

[а] *Далее было начато*: тот‹час›
[б] был *вписано*.

598. М. А. и Е. А. РЫКАЧЕВЫМ

9 декабря 1875. Петербург

9 декабря/75.

Милостивый государь Михаил Александрович и милая и дорогая Евгения Андреевна,

Мне чрезвычайно приятно было получить Ваше письмо.[1] На днях брат Андрей Михайлович писал мне из Ярославля[2] и уведомлял о том, что Вы намерены посетить меня. Первый праздник будет в воскресенье, 14 декабря, а потому, если пожелаете, буду ждать Вас, — впрочем, ранее 2-х часов пополудни я никого

не могу принимать, потому что занимаюсь по ночам, а просыпаюсь не ранее 1-го часу пополудни.

Без сомнения, я тоже Вас помню, милая Евгения Андреевна, хотя тому немало минуло времени, а Вы тогда еще были ребенком; но тем приятнее будет узнать Вас теперь, равно как и уважаемого Михаила Александровича.[3] Жена благодарит Вас за внимание и кланяется Вам.

Примите уверение в моем глубоком уважении.

Ваш Ф. Достоевский.

599. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

10 декабря 1875. Петербург

Петербург, 10 декабря/75.

Многоуважаемый и любезнейший брат Андрей Михайлович,

письмо твое, от 1-го декабря, я получил[1] несколько дней тому и не мог сейчас ответить, потому что был завален занятиями;[2] теперь же отработался и спешу ответить тебе с удовольствием. Если в твоем семействе, как ты пишешь, наблюдаются родственные связи, то уж я-то, кажется, от них никогда был не прочь,[3] и если наши родные, сплошь почти, знать не хотят родственных связей, то уж конечно не по моей вине. И теперь еще живут здесь, в доме сестры Александры Михайловны, двое племянников моих, верочкиных детей, Виктор и Алексей, учатся в Путей сообщения,[4] и вот уже Виктор 3 года, а Алексей год, как здесь, а ни разу у меня не были; я же в детстве их немало передарил им гостинцев и игрушек. Сестра же Александра Михайловна и Шевяков не удостоили и меня (как и тебя) уведомить об их супружестве.[5] Да мало ли еще найдется. Вот ты, милый Андрей Михайлович, пишешь же, что мы с тобой 5 лет не видались, тогда как мы виделись зимой в 72-м году и ты был у меня и познакомился с моей женой (еще помню был недоволен, что сестра Александра Михайловна приняла тебя с некоторым недружелюбием). Этому всего три года или без малого три, а ты пишешь, что 5, стало быть, и ты можешь быть не тверд в воспоминаниях насчет родственных связей и разных отношений.[6]

До тебя дошли слухи, что будто я негодовал на тебя,[7] что сохранили (вы с Варей)[8] на меня документы тетке в 10 000.[9] Но это неправда, и сплетням не верь. На этот счет я негодовал, но не на тебя, потому что, по смерти тетки, тебе самовольно нельзя было уничтожить такие важные документы. Я негодовал на покойника Александра Павловича,[10] при котором было написано завещание; выключая же меня из завещания, в то же время непременно надо было напомнить тетке, что надо разо-

рвать документы.[11] Мог бы, правда, напомнить потом и ты о том же самом, тетке или бабушке, но я тебя не обвинял, потому что не знаю до сих пор, известно ли тебе было, до смерти ее, содержание ее завещания.

От Евгении Андреевны я получил третьего дня любезное письмо, в коем просят меня (она и муж ее) назначить им день для посещения и по возможности ближайший праздник. Я и назначил ближайшее воскресенье, 14-го декабря.[12]

Пишешь, что приедешь с супругою на праздники в Петербург. Это очень хорошо, — вот тогда увидимся и переговорим. Я, дорогой мой, всегда и постоянно занят, а потому, если редко переписываемся, то в том нет никакого знака охлаждения сношений и проч. А с тобой мне совсем не из-за чего ссориться.

Здесь пропустили слух, еще два года назад, что это я, особенно, старался отбить наследство у наследников по завещанию.[13] Напротив, не у них, а у Шеров, которые завели дело. Глупее сплетен как по поводу этого завещания и не было. Особенно тут старался Шевяков. Я же с самого начала объявил и Александре Михайловне и московским, что, отбивая у Шеров мою долю (по закону), хлопочу об их же интересах и, получив деньги, тотчас же разделю их между ними, а себе только возьму за издержки по ведению дел и ни копейки более. А меня же и обозвали грабителем, тогда как я, отдавая им то, что мне *следует по закону* — законное у собственных детей моих отнимаю.

Ты спрашиваешь о моих детях: детей у меня трое — двоих ты знаешь, а третий родился нынешнего лета в августе,[14] и теперь жена его кормит. Я прожил прошлую зиму в Старой Руссе потому, что жена и дети каждое лето ездят туда на воды и берут ванны (я же, уже два лета сряду, езжу в Эмс, потому что грудная болезнь моя принимает весьма серьезные размеры). Возвратясь в конце лета в Старую Руссу, я рассудил, что, взяв большую работу в один из журналов, мог бы с особенным успехом начать и кончить ее в уединении, так и сделал, и остался в Старой Руссе в полном уединении на прошлую зиму, в том еще расчет, что весной и летом семейство и без того должно быть в Старой Руссе, а я опять ехать в Эмс; теперь же, ради дел моих, опять поселился в Петербурге и уже чувствую ухудшение здоровья.

Я едва помню твоих детей, но люблю их уже за то одно, что ты ими доволен. Нынче редко отцы довольны своими детьми.

Мой усердный поклон твоей супруге. Жена благодарит тебя за привет и шлет свой. А затем пребываю любящим тебя братом.

Ф. Достоевский.

600. Н. П. ВАГНЕРУ

21 декабря 1875. Петербург

21 декабря/75.

Многоуважаемый Николай Петрович,

Несмотря на всё мое желание быть у Вас (Вы подзывали меня тоже, в один из вторников, кажется, познакомиться с Бестужевым-Рюминым) [1] — не мог никак исполнить желание: у меня в доме заболели дети, сначала один, а теперь другая, скарлатиной [2] — болезнь прилипчивая, а Вы человек семейный. Кроме того, нездорова и Анна Григорьевна, жабой, хотя и *не* злокачественной. Можете представить, в каком я нелегком положении.

Что у Аксакова? Будут ли, наконец, сеансы? Я готов обратиться к нему сам (когда у меня все выздоровеют, разумеется): не допустит ли он меня к себе хоть на один сеанс? [3] Я против статьи Бутлерова, и она меня раздражила еще более. Я решительно не могу, наконец, к спиритизму относиться хладнокровно.[4] Между тем лучшее свободное мое время пропадает; потому что решительно прекратил ко всем посещения, и хоть свободен от литературы, но дела много и дома с больными и с уходом за ними.

А пока заочно жму Вам руку.

Весь Ваш Ф. Достоевский.

Супруге Вашей глубочайший поклон.

601. Вс. С. СОЛОВЬЕВУ

28 декабря 1875. Петербург

Декабря 28/75.

Многоуважаемый и дорогой Всеволод Сергеевич, весьма сочувствую Вашему привету и благодарю за него. Действительно, Вам никак нельзя быть у меня, но потому и я Вас не посетил по окончании работы. Теперь убедился, что с скарлатиной, имея детей, шутить нельзя. Федя выдержал и *выдерживает* чрезвычайно трудную скарлатину. Лиля — та очень легкую, хоть ничего еще не кончено. Анна Григорьевна хоть и поправилась, но выходить с своею болью горла никуда не решается ни шагу.[1]

Статьи Ваши в «Русском мире» читаю постоянно и №№ эти аккуратно покупаю.[2] Порадовался за независимое положение Ваше в этой газете. Самый последний фельетон Ваш читал с особенным удовольствием.[3] Очень занимательно и понятно, что для теперешних читателей самое важное.

Вы пишете, что лежали больной: об этом не слыхал, а если б слышал, то написал бы Вам непременно. Не хворайте хоть те-

перь. Зубная боль — это ужас, а я слишком компетентный человек, чтоб судить об этом ужасе, много перенес этой боли.

Может, из газет увидали — что я объявил о «Дневнике писателя».[4] Пускаюсь в новое предприятие, и что выйдет — не знаю. Всё зависеть будет от 1-го №, который выдам в конце января.

Свидетельствую глубочайшее уважение и искренний поклон от себя и от Анны Григорьевны Вашей супруге. Анна Григорьевна посылает Вам свой привет.

А я весь Ваш и крепко жму Вам руку.

Ф. Достоевский.

1876

602. Н. П. ВАГНЕРУ

2 января 1876. Петербург

2 января/75.[a]

Многоуважаемый Николай Петрович, от всего сердца благодарю Вас за Ваш привет и за поздравление с Новым годом мне и жене моей. Поздравляю Вас и супругу Вашу, желаю всего лучшего (ибо к чему же стремиться человеку, как не к лучшему!) и да хранит бог Вашу дорогую Вам семью. Мы еще мало знакомы, а я уже видел от Вас много теплого, и поверьте, что ценю это.

В доме у меня до сих пор плохо. Болен Федя скарлатиной с тифом вот уже 4 недели, а теперь ему опять хуже. Но перенесет еще несколько дней, и — если не беда — то несомненно ему будет лучше, так как болезнь эта имеет свои строгие законы развития. Но только б не случилось беды! За другого же ребенка (за Лилю) я не беспокоюсь: скарлатина была из очень легких. Анна Григорьевна теперь почти здорова, но страшно устала и расстроена нервами, должно быть, и я тоже.

Ваше известие об интересном госте из Англии прочел с большим удовольствием — и авось к тому времени я уже смогу выйти к людям.[1] (Семейным; не семейных я и теперь посещаю).

«Дневник писателя» будет, что будет. Когда выйдет — непременно Вам пришлю №.[2] А теперь так расстроен, что даже и заниматься «Дневником» не в силах. До свидания. Крепко жму Вам руку. Глубокий мой привет Вашей супруге, а моя Вам кланяется.

Весь Ваш Ф. Достоевский.

P. S. Одна большая просьба. Если приедет гость еще прежде, чем я буду у Вас или извещу Вас о себе, то черкните мне только два слова, что он приехал.[3]

Д‹остоевский›.

---

[a] *Описка Достоевского, следует*: 76.

603. Н. П. ВАГНЕРУ

7 января 1876. Петербург

7 января/76.

Многоуважаемый Николай Петрович,

Я не ответил Вам сию минуту на добрейшее и полное сочувствия письмо Ваше,[1] но я ждал окончательного решения судьбы, и теперь вижу и, кажется, знаю, что бог нас помиловал: мальчик вдруг, среди ночи, повеселел, встал в своей кроватке, спросил есть, начал с нами разговаривать и смеяться; и вот с тех пор уже более суток просит есть с жадностию и потом спит по 8 часов сряду. И хоть симптомы продолжаются, но на исходе, и доктор *не нарадуется* и отвечает за жизнь безусловно. Что же до девочки, то она давно уже ходит и играет по всем комнатам. Одним словом, мы вздохнули...[2]

604. П. А. ИСАЕВУ

7 января 1876. Петербург

Петербург. 7 января 76

Любезнейший Павел Александрович, я посылаю тебе просимые 30 р‹ублей›.[1] Ты так подробно описал свою болезнь, что теперь полагаю, конечно, уже здоров.[2] Тришины говорили мне, что ты и в октябре пролежал две недели. С новым годом желаю тебе побольше счастья и получше здоровья.

Ты пишешь, что писал ко мне два письма. Я ни одного *не получал*, да и признаюсь тебе, это даже невероятно: почему всякое письмо ко мне доходит, а твои два ко мне не дошли?[3]

Еще скажу тебе, Павел Александрович, что посылаю тебе из последних моих денег. Кончив работу и выбрав за нее всё,[4] я[а] к настоящей минуте почти без гроша. Я никакого журнала не издаю, я хотел бы издавать сочинение и, не имея к тому средств, думаю издать по подписке.[5] Но подписка только что объявлена, и совсем неизвестно,[б] окуплю ли я не только труд мой, но даже издание?

Вот почему, посылая тебе 30 р‹ублей›, отымаю у несчастных детей моих. Я знаю, что скоро умру, а когда они останутся без меня, то *ни одна рука не подаст им гроша*. Я же продолжал до сих пор платить старые долги по журналу и еще месяц тому назад заплатил 1100 р‹ублей› Евг‹ению› Печаткину, за поставленную на журнал десять лет назад бумагу, по документам, *принятым мною на себя* за чужих.[6] За это я получил только

[а] *Далее было*: ровно

[б] *Вместо*: совсем неизвестно — *было*: вряд ли

швырка. Сверх того, слышал, что в Москве осуждали меня за то, что «я тебя бросил и тебе не помогаю».[7] Позволь тебя спросить, я ли не помогал тебе и деньгами, и ходя кланяться за тебя иногда таким лицам, которые моего посещения не стоят, а через тебя принимали меня свысока? Не десятки ли раз я лично и через людей рекомендовал тебя на места? Я ль виноват, что ты нигде не мог удержаться.[8]

Когда твоя мать умирала, то сказала мне: «Не оставь Пашу».[9] Я тебя не оставлял до сих пор, но теперь тебе близ 30-ти лет[в] и в обстоятельствах твоей жизни виноват не я. Полагаю, что могу уже больше и не помогать тебе, имея своих маленьких детей, ничем неповинных.[10] Это знай.

Я полагаю, что с тобой происходит нечто странное: заранее уведомляешь, что хоть и получишь деньги, но отвечать не будешь *потому, что завален делами*. Но ведь это дико.[11]

Если ты забыл поклониться в письме жене моей, то мог бы хоть прислать поцелуй моим детям. Они лежат теперь в скарлатине, и Федя целую неделю был при смерти.[12]

До свидания.

Твой искренний Ф. Достоевский.

Я знал, что Мих‹аил› Михайлович собирался в Москву, но что он уже ездил и приехал назад, о том ничего не слыхал.[13] Детей твоих очень целую.[14]

[в] *Вместо*: близ 30-ти лет — *было*: 30 лет

605. Вс. С. СОЛОВЬЕВУ

11 января 1876. Петербург

11 января/76.

Многоуважаемый и дорогой Всеволод Сергеевич, у меня до сих пор карантин (хотя дети выздоравливают), и вот почему я к Вам до сих пор не заходил.[1] Мысль Ваша пустить в публику несколько сведений о «Дневнике писателя», конечно, очень мне нравится (сами можете это представить),[2] но в настоящую минуту ничего еще почти не могу сообщить Вам, кроме самого общегс. В 1-м № будет, во-первых, самое маленькое *предисловие*, затем кое-что *о детях* — о детях вообще, о детях с отцами, о детях без отцов в особенности, о детях на елках, без елок, о детях преступниках... Разумеется,[а] это не какие-нибудь строгие этюды или отчеты, а лишь несколько горячих слов и указаний... Затем о *слышанном и прочитанном*, — всё[б] или кое-что,

---

[а] *Далее было*: все статьи
[б] *Далее было*: что

поразившее меня лично за месяц. Без сомнения, «Дневник писателя» будет похож на фельетон, но с тою разницею, что фельетон за месяц естественно не может быть похож на фельетон за неделю... Тут отчет о событии,[в] не столько как о новости, сколько о том, что́ из него[г] (из события) останется нам более постоянного, более связанного с общей, с цельной идеей. Наконец, я вовсе не хочу связывать себя даванием отчета... Я не летописец; это, напротив, совершенный *дневник* в полном смысле слова, то есть отчет о том, что наиболее меня заинтересовало лично,[3] — тут даже каприз. Сам не знаю, добрейший Всеволод Сергеевич, выйдет ли что-нибудь путное, порой кажется, что напрасно взялся; а, впрочем, что бог пошлет, только (между нами это) почти ни одной строки еще не написано! Матерьялов же (на 1-й №) собрано и *записано* более чем на 4[е] печатных листа.[4]

Спасибо за пожелание здоровья «Дневнику».[5] Я же желаю здоровья Вам и семейству Вашему, а статьи Ваши и без того *довольно здоровы*. Некоторые из них приятно поразили меня своею обдуманностью (NB. Вовсе не потому, что Вы обо мне писали, за что, впрочем, Вам благодарен.)[6]

Извините за помарки, страшно спешу. До свидания, голубчик, крепко жму Вашу руку.

Ваш весь Ф. Достоевский.

«Голос» (воскресенье 11-е января) публикует (в объявлениях) о том, что печатается книга «Исторические исследования и статьи К. П. Победоносцева». Вот об чем упомяните непременно. Это должно быть нечто чрезвычайно серьезное, прекрасное и любопытное очень. Я жду чего-нибудь очень важного от этой книги. Это огромный ум. Выйдет в конце января.[7]

В конце же января появится[д] в «Р‹усском› вестнике» «Анна Каренина» — вот Вам и есть об чем поговорить, о близком появлении этих 3-х вещей.[8] А «Подросток» выйдет в свет 16-го января. Так мне сказал издатель Кехрибарджи.[9]

Д‹остоевский›.

[в] *Было*: не столько о событии
[г] *Было*: в нем
[д] *Было*: появятся

606. В. К. АБАЗЕ

3 февраля 1876. Петербург

3 февраля/76.

Милостивый государь Василий Константинович,

Не беспокойтесь, я деньги получил из магазина Базунова аккуратно.[1] Возвращаю Вам билет.[2]

«Дневник» январь *выслал Вам* в Верхнеднепровск по Вашему адрессу.[3]

P. S. О Базунове я слышал двояко, и сам не знаю, на чем остановиться. Есть слухи, его оправдывающие. Во всяком случае магазин продолжит дела и до времени я оставляю там подписку. Впрочем, вероятнее, что он бежал, обманув люд; но магазин кому-то сдан.[4]

С истинным уважением имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.[5]

Ф. Достоевский.

607. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

4 февраля 1876. Петербург

4 февраля/76.

Многоуважаемый Яков Петрович,

Благодарю за привет и рад, что от Вас.[1] К Вам собираюсь месяца три, но всё разные хлопоты, доходившие *до мучений*, мешали. «Дневником» моим я мало доволен, хотелось бы в 100 раз больше сказать. Хотел очень (и хочу) писать о литературе и об том именно, о чем никто с тридцатых еще годов ничего не писал: *О ЧИСТОЙ КРАСОТЕ*. Но желал бы не сесть с этими темами и не утопить «Дневник».[2] В четыре дня продал 3000 экземпляров в Петербурге. Что же до Москвы и до городов, то не знаю, продастся ли там хоть один экземпляр, так это не организовано, и к тому же все буквально не понимают, что такое «Дневник» — журнал или книга?[3] Но о «Дневнике» потом. Ну, как можно, скажите, так всё хворать?[4] А давно я Вас не видел. Непременно зайду на днях.[5] А теперь еще раз благодарю за письмо.

Весь Ваш Ф. Достоевский.

P. S. Да кем же нам и быть, как не одинако‹во›го[a] пошиба людям?[6]

---

[a] *Было*: одного

608. Н. Ф. ЮШКОВУ

5 февраля 1876. Петербург

Петербург. 5 февраля/76.

Милостивый государь,

Я вполне сочувствую всему, что Вы написали о Вашей деятельности как редактора «Каз‹анских› губерн‹ских› ведомостей», и всегда смотрел на развитие сил нашей окраинской прессы как

на указатель общего развития сил нашей родины. Дело это еще в будущем, но людей твердых и с ясными взглядами на дело желательно бы иметь заране, и письмо Ваше я прочел с большим удовольствием.[1]

Высылаю Вам желаемые Вами два экземпляра моего «Дневника» и 10 на комиссию. Казань — город чуть не в 100 000 жит‹елей›. Может, что и сделаете с «Дневником».[2] Здесь в Петербурге он имел успех для меня[a] неожиданный в эти первые 5 дней по появлении.[3]

Остаюсь готовый к услугам

Ваш Ф. Достоевский.

---

[a] *Было:* даже для меня

609. Х. Д. АЛЧЕВСКОЙ

3 марта 1876. Петербург

Петербург 3 марта/76.

Глубокоуважаемая Христина Даниловна!

Позвольте мне поблагодарить Вас за Ваш искренний и радушный привет.[1] Писателю всегда милее и важнее услышать доброе и ободряющее слово прямо от сочувствующего ему читателя, чем прочесть какие угодно себе похвалы в печати. Право, не знаю, чем это объяснить: тут, прямо от читателя, — как бы более правды, как бы более в *самом деле*.[2] Итак, благодарю Вас и если несколько опоздал ответом, то потому, что уж очень работал над февральским выпуском и едва поспел к сроку.[3]

Примите уверение самого глубокого к Вам уважения.

Ваш слуга Федор Достоевский.

На конверте:

В Харьков.

Ее Высокородию Христине Даниловне Алчевской.

610. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

10 марта 1876. Петербург

Петербург, 10 марта/76.

Милый и многоуважаемый брат Андрей Михайлович, посылаю тебе мою весьма беспорядочно изданную книгопродавцем Кехрибарджи книгу.[1] Издал, объявил в газетах, заложил куда-то издание и только через 2 месяца пустил в продажу, что повредило книге. О себе скажу, что очень занят постоянно, взял даже не по силам дело. Издаю «Дневник писателя», подписка

не велика, но покупают отдельно (по всей России) довольно много. Всего печатаю в 6000 экземплярах и все продаю, так что оно, пожалуй, и идет. Анна Григорьевна мне помогает,[2] но до того истощено ее здоровье (особенно кормлением ребенка),[3] что я за нее стал серьезно бояться. С твоими детьми иногда вижусь. Я, голубчик брат, хотел бы тебе высказать, что с чрезвычайно радостным чувством смотрю на твою семью. Тебе одному, кажется, досталось с честью вести[а] род наш: твое семейство примерное и образованное, а на детей твоих смотришь с отрадным чувством. По крайней мере, семья твоя не выражает ординарного вида каждой среды и средины, а все члены ее имеют благородный вид выдающихся *лучших* людей. Заметь себе и проникнись тем, брат Андрей Михайлович, что идея непременного и высшего стремления *в лучшие люди* (в буквальном, самом *высшем* смысле слова) была основною идеей и отца и матери наших, несмотря на все уклонения. Ты эту самую идею в созданной тобою семье твоей выражаешь наиболее из всех Достоевских. Повторяю, вся семья твоя произвела на меня такое впечатление. Семья брата Миши очень упала, очень низменна, необразованна.[4] Моя же так мала, что и не знаю, что будет. Чрезвычайно бы хотел прожить лет хоть 7 еще, чтоб хоть немного ее устроить и поставить на ноги. Да и мысль, что детки мои будут помнить мое лицо, по смерти моей, была бы мне очень приятна. Желаю тебе всякого счастья. Целую руку и дружески[б] жму ее у твоей жены.[5] Детям твоим обо мне напомни.[6] Мои выздоровели, берегу их. Какая миленькая девочка у Рыкачевых. Мы у них были, и мне на них было очень приятно смотреть.[7] Дочка твоя была у меня на днях. Я же сам захворал лихорадкой и вот уже 5-й день сижу дома и принимаю хинин, и всё идет благополучно. Анна Григорьевна Вам от души кланяется.

А пока твой весь Ф. Достоевский.[в]

[а] *Было*: продолжить

[б] *Было*: крепко

[в] *Ниже приписка А. Г. Достоевской*: «Мне очень приятно подтвердить всё то, что написал Вам муж, а вместе с тем и повторить уверение в самом искреннем моем уважении и привязанности моей к Вам и к семейству Вашему. Анна Достоевская».

611. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

29 марта 1876. Петербург

29.

Многоуважаемый Михаил Александрович,

Даю еще два полулиста оригиналу (30 и 31).[1] Тот оригинал, который Вы получили вчера, 28-го, в 8 часов утра, *не был еще*

набран вечером в 7 часов. Сделайте одолжение, Михаил Александрович, распорядитесь. Не жертвуйте мною «Гражданину».[2]

Завтра днем же,[3] в 6 часов, доставлю еще оригиналу, а 30 утром в 8 часов доставлю окончание.[4]

Ради бога, не утопите.

В‹аш› Ф. Достоевский.

612. Х. Д. АЛЧЕВСКОЙ

9 апреля 1876. Петербург

Петербург. 9 апреля/76.

Глубокоуважаемая Христина Даниловна! [a]

Очень прошу Вас извинить, что отвечаю Вам не сейчас. Когда я получил письмо Ваше от 9 марта,[1] то уже сел за работу. Хоть я и кончаю работу примерно к 25-му месяца, но остаются хлопоты с типографией, затем с рассылкой и проч‹ее›.[2] А нынешний месяц к тому же заболел простудой, да и теперь еще не выздоровел.

Письмо Ваше доставило мне большое удовольствие, особенно приложение главы из Вашего дневника; это прелесть; но я вывел заключение, что Вы одна из тех, которые имеют дар «одно *хорошее* видеть».

Про приют г-жи Чертковой я, впрочем, ничего не знаю (но узнаю при первой возможности); я верю, что всё так и есть, как Вы написали, но может быть, рядом есть и что-нибудь нежелательное, — *этого Вы не хотели заметить*.[3] Всё это рисует характер, и я слишком Вас уважаю за эту самую черту. Кроме того, вижу, что Вы сама — из новых людей (в добром смысле слова) — деятель, и хотите действовать. Я очень рад, что познакомился с Вами хоть в письмах. Не знаю, куда меня пошлют на лето доктора: думаю, что в Эмс, куда езжу уже два года, но, может быть, и в Ессентуки, на Кавказ; в последнем случае, хоть, может быть, и крюку сделаю, а заеду в Харьков, на обратном пути. Я давно уже собирался побывать на нашем юге, где никогда не был. *Тогда*, если бог приведет и если Вы мне сделаете эту честь, познакомимся лично.[4]

Вы сообщаете мне мысль о том, что я в «Дневнике» разменяюсь на мелочи. Я это уже слышал и здесь.[5] Но вот что я, *между прочим*, Вам скажу: я вывел неотразимое заключение, что писатель — художественный, кроме поэмы,[6] должен знать до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую действительность. У нас, по-моему, один только блистает этим — граф Лев Толстой.[7] Victor Hugo,* которого я высоко ценю как

---

[a] *Было*: Давыдовна

* Виктор Гюго (*франц.*).

романиста[б] (за что, представьте себе, покойник Ф. Тютчев на меня даже раз рассердился, сказавши, что «Преступление и наказание» (мой роман) выше «Misérables» *), хотя и очень иногда растянут в изучении подробностей, но, однако, дал такие удивительные этюды, которые, не было бы его, так бы и остались совсем неизвестными миру.[8] Вот почему, готовясь написать один очень большой роман, я и задумал погрузиться специально в изучение — не действительности, собственно, я с нею и без того знаком, а подробностей текущего. Одна из самых важных задач в этом текущем, для меня, например, молодое поколение, а вместе с тем — современная русская семья, которая, я предчувствую это, далеко не такова, как всего еще двадцать лет назад.[9] Но есть и еще многое кроме того.

Имея 53 года,[10] можно легко отстать от поколения при первой небрежности. Я на днях встретил Гончарова, и на мой искренний вопрос: понимает ли он всё в текущей действительности или кое-что уже перестал понимать, он мне прямо ответил, что многое перестал понимать. Конечно, я про себя знаю, что этот *большой ум* не только понимает, но и учителей научит, но в том известном смысле, в котором я спрашивал (и что он понял с 1/4 слова. NB. Это между нами) он, разумеется, — не то что не понимает, а не хочет понимать. «Мне дороги мои идеалы и то, что я так излюбил в жизни, прибавил он, я и хочу с этим провести те немного лет, которые мне остались, а штудировать этих (он указал мне на проходившую толпу на Невском проспекте) мне обременительно, потому, что на них пойдет мое дорогое время»...[11] Не знаю, понятно ли я Вам это выразил, Христина Даниловна,[в] но меня как-то влечет еще написать что-нибудь с полным знанием дела, вот почему я, некоторое время, и буду штудировать и рядом вести «Дневник писателя», чтоб не пропадало даром множество впечатлений.[12] Всё это, конечно, идеал! Верите ли Вы, например, тому, что я еще не успел уяснить себе форму «Дневника», да и не знаю, налажу ли это когда-нибудь, так что «Дневник» хоть и два года, например, будет продолжаться, а всё будет вещью неудавшеюся. Например: у меня 10—15 тем, когда сажусь писать (не меньше); но темы, которые я излюбил больше, я поневоле откладываю: места займут много, жару много возьмут (дело Кронеберга, например[13]), №-ру повредят, будет неразнообразно, мало статей; и вот пишешь не то, что хотел. С другой стороны, я слишком наивно думал, что это будет *настоящий* дневник. Настоящий дневник почти невозможен, а только показной, для публики. Я встречаю факты и выношу много впечатлений, которыми очень бываю занят, — но как об ином писать? Иногда просто

б *Было*: романтика

в *Было*: Давыдовна

* «Отверженных» (*франц.*).

невозможно.[14] Например: вот уже три месяца, как я получаю отовсюду очень много писем, подписанных и анонимных, — всё сочувственные. Иные писаны чрезвычайно любопытно и оригинально, и к тому же всех возможных существующих теперь *направлений.*

По поводу этих всех *возможных* направлений, слившихся в общем мне приветствии, я и хотел было написать статью, и именно впечатление от этих писем (без обозначения имен).[15] К тому же тут мысль, всего более меня занимающая: «в чем наша *общность,* где те пункты, в которых мы могли бы все, разных направлений, сойтись?». Но, обдумав уже статью, я вдруг увидал, что ее, *со всею искренностью,* ни за что написать нельзя; ну, а если без искренности — то стоит ли писать? Да и горячего чувства не будет.

Вдруг, третьего дня, утром, входят ко мне две девицы, обе лет по 20. Входят и говорят: «Мы хотели с Вами познакомиться еще с поста. Над нами все смеялись и сказали, что Вы нас не примете, а если и примете, то ничего с нами не скажете. Но мы решили попытаться, и вот пришли, такая-то и такая-то». Их приняла сначала жена, потом вышел я. Они рассказали, что они студентки Медицинской академии, что их там женщин уже до 500 и что они «вступили в академию, чтоб получить высшее образование и приносить потом пользу».[16] Этого типа новых девиц я не встречал (старых же *нигилисток* знаю множество, знаком лично и хорошо изучил).[17] Верите ли, что редко я провел лучше время, как те два часа с этими девицами. Что за простота, натуральность, свежесть чувства, чистота ума и сердца, *самая искренняя серьезность* и самая искренняя веселость! Через них я конечно познакомился со многими, такими же, и признаюсь Вам — впечатление было сильное и светлое. Но как описать его? Со всею искренностью и радостью за молодежь — невозможно.[18] Да и личность почти. А в таком случае, какие же я должен заносить впечатления?

Вчера вдруг узнаю, что один молодой человек, еще из учащихся (где — не могу сказать), и которого мне показали, будучи в знакомом доме, зашел в комнату домашнего учителя, учившего детей в этом семействе, и, увидав на столе его *запрещенную книгу*, донес об этом хозяину дома, и тот тотчас же выгнал гувернера. Когда молодому человеку, в другом уже семействе, заметили, что он *сделал низость*, то он этого *не понял.* Вот Вам другая сторона медали. Ну как я расскажу об этом? Это личность, а между тем тут не личность, тут характерен был особенно, как мне передавали, тот процесс мышления и убеждений, вследствие которых он *не понял*, и об чем можно было бы сказать любопытное словцо.

Но я заболтался, к тому же я ужасно не умею писать пи-

[г] *Было*: письма

сем.[г] Простите и за почерк, у меня грипп, болит голова и нынешний день — лом в глазах, потому пишу, почти не видя букв.

Позвольте пожать Вам руку и сделайте мне честь считать меня в числе многих глубоко уважающих Вас людей.

Примите в том мои уверения.

Ваш слуга Федор Достоевский.

613. П. В. БЫКОВУ

15 апреля 1876. Петербург

Петербург, 15 апреля/76.

Милостивый государь Петр Васильевич,

Простите, что долго не отвечал на письмо Ваше от 18 марта:[1] или был занят, или нездоров. Благодарю Вас сердечно за Ваши хорошие слова обо мне. Что касается до Вашего предложения прислать Вам мою точную биографию, то прямо Вам заявляю, что в настоящее время к тому не способен. Это возьмет у меня много времени и даже труда, и для меня это не так легко, как Вы думаете. Вследствие падучей моей болезни, которая, впрочем, почти уже меня не беспокоит, я отчасти потерял память и — верите ли — забыл (буквально забыл, без малейшего преувеличения) сюжеты моих романов и лица, выведенные, даже «Преступление и наказание». Тем не менее общую-то связь жизни моей помню.[2] Неподписанные статьи мои хоть и были (критические, во «Времени»), но я от них отрекаюсь. Но вот что я могу Вам обещать: летом, в июле, я, вероятно, буду в Эмсе, где буду лечить мою грудь,[3] и там составлю Вам мою биографию — и такую, какой еще нигде не бывало, хотя и не бог знает какую длинную (в $^1/_2$ листа печатных),[4] напишу по-своему, так как не пишут биографий литераторов в лексиконах.[5] С этим материалом и сделайте, что Вам угодно.

Биографию же брата моего не обещаю в полноте, ибо наполовину не знаю, где и когда он напечатал иные свои вещи.[6]

Что же до фотографической карточки, то ее у меня никогда не бывало. Есть какая-то в продаже, но не знаю, откуда она: я никогда не снимался, — на меня совсем непохожая. К лету, однако же, может быть, и снимусь (многие пишут и просят), тогда и пришлю Вам.[7]

Прошу принять уверение в глубочайшем к Вам уважении Вашего покорнейшего слуги.

Ф. Достоевский.

614. С. Е. ЛУРЬЕ

16 апреля 1876. Петербург

16 апреля.

Многоуважаемая Софья Ефимовна,

Мне очень трудно так прямо, в письме, переслать к Вам несколько названий необходимых для Вас книг. Не захотите ли сами зайти ко мне на одну минутку в один из текущих дней, от 3-х до 4-х пополудни? Хоть я и занят, но для Вас найду несколько минут ввиду Вашей чрезвычайной ко мне доверенности, которую умею оценить. Книгу выбрать надо сообразно с складом ума, а потому лучше узнать друг друга ближе.[1]

А в ожидании

Ф. Достоевский.

615. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

28 апреля 1876. Петербург

28 апреля 6 часов утра.

Многоуважаемый Михаил Александрович,

Вот Вам подписанная корректура первого листа и *окончательный* текст: «За умершего»,[1] 3½ полулистка, 7 страниц. Больше ничего не будет. Заметьте, что это *моя рука*, то есть вместо 7 выйдет, наверно, 9 страниц[a] прежнего письма.[2] Теперь вопрос: как Вы справитесь? (то есть не с печатанием: всё доставлено вовремя, и я не опоздал), а с числом листов? Ясное дело, что более 1-го листа и ¾-й; *пусть будет два листа*, но как Вы их разместите, не останется ли пустой страницы? Об этом обо всём, о чем желал бы поговорить лично, но до сих пор я Вас не мог застать, а в понедельник всё у Вас было заперто. Я сидел всю ночь и проснусь разве в третьем часу пополудни. К 5 буду в типографии. Но, если надо быть раньше, дайте знать, и если надо меня разбудить, то пусть разбудят.[3] На письмах ужасно тяжело объясняться.

Ваш Ф. Достоевский.

---

[a] *Было*: обыкновенных страниц

616. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

28 мая 1876. Петербург

Любезнейший Михаил Александрович, посылаю Вам окончание майского №.[a] Кроме *первого листа* выдано мною *26 стра-*

---

[a] *Далее было*: Всего по моему счету 26 страниц. На втору‹ю›

ниц. Боюсь очень, что составит (с объявлением, которое, впрочем, можно сократить) *более полулиста.* Между тем, если выдать № в лист и три четверти, то не имею и положительно *не могу* доставить более ни строчки текста. Итак, во что бы то ни стало надобно выдать № в $1^1/_2$ листа, не более.[1] Как сделать? Вчера целый день жаждал с Вами переговорить.[2]

Кроме того, вчера в 10 часов вечера видел, что доставленные вчера мною листки и не начались набираться. Беда в том, что цензор Ратынский может даже завтра вечером уехать. Он, однако же, будет ждать днем, чтоб подписать. С другим же цензором можно и опоздать, да и условился я в Цензурном комитете, что этот номер подпишет Ратынский.[3] Итак, выручите, Михаил Александрович, всё теперь зависит от Вас.

Ф. Достоевский.

NB. Эти листки пометил особой нумерацией: забыл цифру, на которой остановился.[4]

617. Х. Д. АЛЧЕВСКОЙ

29 мая 1876. Петербург

Суббота, 29 мая 76 г.

Многоуважаемая и дорогая Христина Даниловна!

Как только получили третьего дня Ваше письмо, тотчас же с Анной Григорьевной положили ехать к Вам опять в тот же вечер.[1] Но случилось столько бед с «Дневником» (исчезновение метранпажа, закрытие типографии и проч.), что я до первого часу ночи *прохлопотал,* а потом с часу до шести утра я работал, пересчитывал строчки[2] (Вы этой глупейшей мудрости не знаете, счастливая Христина Даниловна!). Наконец, в субботу, положили ехать к Вам наверно, но в 7 часов утра я лег, а в одиннадцать меня разбудили — беда! — 165 строк лишних надобно выкинуть или дать еще двести слишком строк оригиналу, чтоб было или $1^1/_2$ листа, или $1^3/_4$ листа. Вскочил, оделся, побежал в типографию, просидел до 5 часов пополудни, ждал оттисков и, наконец-то, режа по живому телу, нашел возможность выбросить 165 строк.[3] Иду домой; думаю, теперь пообедаем, и к Вам. И вдруг новость — присылают из типографии известие, что исчез мой цензор, уехал из Петербурга,[4] так «что теперь делать?» Не пообедав и не отдохнув, беру оттиски, бросаюсь к другому цензору, Лебедеву, у Исакиевского собора (с которым не знаком), и — не застаю дома. Сажусь у него и начинаю описывать ему мое положение в письме,[5] оставляю корректуры, и, однако, голова уже кружится. Еду в типографию, там с метранпажем рассчитываем каждую оставшуюся минуту, на-

сколько потерпит выход № от промедления, — слава богу, есть надежда, что выйдет в понедельник. Домой воротился в 1/2 девятого, *пообедали* — половина десятого, подумали-подумали и решили с женой *не ехать*: и поздно, и, может быть, опять какое-нибудь известие из типографии. (Но так и всегда в самом конце каждого месяца.) Решился написать Вам всё это, дорогая и добрейшая Христина Даниловна, — завтра от 5 до 7 часов *у Вас будем*,[6] пожалуйста, не осудите, поверьте, что едва на ногах стою. Ваше доброе расположение к нам нас с женой трогает, как если бы Вы были наша дорогая, родная сестра, или еще гораздо больше, так мы Вас оба любим и ценим. Не беспокойтесь, я Вас два раза видел и слушал и составил уже о Вас твердое мнение. Вы редкое, доброе и умное существо. Такие, как Вы, везде теперь нужны. А мы с женой именно Вас любим по-родственному, как правдивое и искреннее *умное* сердце.

Но, довольно. Отнесите тоже к нервам и расстройству. Крепко жму Вам руки. Жена Вам клапяется. Алексею Кирилловичу мой глубокий поклон.[7]

Ваш весь Ф. Достоевский.

На конверте:

Здесь
Ее высокородию
Христине Даниловне Алчевской.
В Большой Конюшенной в отель Демут
от Ф. М. Достоевского.

618. Х. Д. АЛЧЕВСКОЙ

1 июня 1876. Петербург

1 июня/76.
Вторник.

Многоуважаемая Христина Даниловна,

Жена уехала в почтамт с тюками «Дневника» для отсылки книгопродавцам одиннадцати губерний. Мне поручила Вас принять и удержать до ее возвращения, если на случай она опоздает.[1] Но она опоздала, и Ваше письмо я прочел, предчувствуя, что Вы уезжаете.[2] И во-первых, ужасно погоревал, что уже Вас не увижу, а жена будет ужасно[a] горевать. Предчувствую, в каких Вы хлопотах, если Вам уезжать. Крепко жму Вам руку за себя и за Анну Григорьевну. Хоть иногда да напишите что-нибудь нам сюда, а мы Вам. Когда же увидимся? Не будете ли хоть осенью али зимой? Помните о нас хорошо: повторяю Вам, мы оба, я и жена, редко кого так полюбили и оценили, как

[a] *Было*: еще пуще

Вас, и любим Вас искренно. Жить на свете недолго, мгновение, и до восьмидесяти лет проживешь, а много ли потом вспомнишь людей искренно любивших, искренно дружески преданных. Дай бог счастья Вашим малюткам. Алексею Кирилловичу мое глубочайшее уважение и крепкое рукопожатие.[3]

Весь Вам преданный Ф. Достоевский.[б]

[б] *Ниже приписка А. Г. Достоевской*: «P. S. Сейчас воротилась и я и ужасно, ужасно (чуть не до слез) жалею, что Вас не увижу, утешаю себя мыслью, что, может быть, увидимся еще раз в этом году и тогда, бог даст, нам удастся видаться чаще и поближе сойтись. Дорогая Христина Даниловна, если б Вы знали, какое отрадное впечатление Вы на нас произвели и как мы искренно Вас полюбили! Неужели Вы не будете писать нам? Пожалуйста, мы будем ждать от Вас весточки даже летом (адрес: Ф. М. Д. в Старую Руссу). До свидания, дорогая Христина Даниловна, крепко жму Вашу руку и остаюсь любящею Вас искренно Анна Достоевская. Алексею Кирилловичу, пожалуйста, передайте мое глубокое уважение. Деточек поцелуйте покрепче, особенно Николу за Крым».

619. В. А. АЛЕКСЕЕВУ

7 июня 1876. Петербург

Милостивый государь,

Извините, что отвечаю только сегодня на письмо Ваше от 3-го июня, но был нездоров припадком падучей болезни.

Вы задаете вопрос мудреный — тем собственно, что на него отвечать долго.[1] Дело же само по себе ясное. В искушении диавола явились[а] три колоссальные мировые идеи, и вот прошло 18 веков, а труднее, то есть мудренее,[б] этих идей нет и их всё еще не могут решить.

«Камни и хлебы» значит теперешний социальный вопрос, *среда*. Это не пророчество, это всегда было. «Чем идти-то к разоренным нищим, похожим от голодухи и притеснений скорее на зверей, чем на людей — идти и начать проповедовать голодным воздержание от грехов, смирение, целомудрие — не лучше ли *накормить* их сначала? Это будет гуманнее. И до Тебя приходили проповедовать, но ведь Ты Сын божий, Тебя ожидал весь мир с нетерпением; поступи же так, как высший над всеми умом и справедливостью. Дай им всем пищу, *обеспечь* их, дай им такое устройство социальное, чтоб хлеб и порядок у них был всегда — и тогда уже спрашивай с них греха. Тогда, если согрешат, то будут неблагодарными, а теперь — с голоду грешат. Грешно с них и спрашивать.

Ты — Сын божий, стало быть, Ты всё можешь. Вот камни,

[а] *Было*: собрали

[б] *Было*: выше

видишь, как много. Тебе стоит только повелеть — и камни обратятся в хлеб.

Повели же и впредь, чтоб земля рождала без труда, научи людей такой науке или научи их такому порядку, чтоб жизнь их была впредь обеспечена. Неужто не веришь, что главнейшие пороки и беды человека произошли от голоду, холоду, нищеты и из всевозможной борьбы за существование».

Вот 1-я идея, которую задал злой дух Христу. Согласитесь, что с ней трудно справиться. Нынешний *социализм* в Европе, да и у нас, везде устраняет Христа и хлопочет прежде всего о *хлебе*, призывает науку и утверждает, что причиною всех бедствий человеческих одно — *нищета*, борьба за существование, «среда заела».

На это Христос отвечал: «не одним хлебом бывает жив человек», — то есть сказал аксиому и о духовном происхождении человека. Дьяволова идея могла подходить только к человеку-скоту, Христос же знал, что хлебом одним не оживишь человека. Если притом не будет жизни духовной, идеала Красоты, то затоскует человек, умрет, с ума сойдет, убьет себя или пустится в языческие фантазии. А так как Христос в Себе и в Слове своем нес идеал Красоты, то и решил: лучше вселить в души идеал Красоты; имея его в душе, все станут один другому братьями и тогда, конечно, работая друг на друга, будут и богаты. Тогда как дай им хлеба, и они от скуки станут, пожалуй, врагами друг другу.

Но если дать и Красоту и Хлеб вместе? Тогда будет отнят у человека *труд, личность, самопожертвование своим добром ради ближнего* — одним словом, отнята вся жизнь, идеал жизни. И потому лучше возвестить один свет духовный.

Доказательство же, что дело в этом коротеньком отрывке из Евангелия шло именно об этой идее, а не о том только, что Христос был голоден и дьявол посоветовал ему взять камень и приказать ему стать хлебом, — доказательство именно то, что Христос ответил разоблачением тайны природы: «Не одним хлебом (то есть как животные) жив человек».

Если б дело шло только об одном утолении голода Христу, то к чему было бы заводить речь о духовной природе человека вообще? И некстати, да и без дьяволова совета Он мог и прежде достать хлеба, если б захотел. Кстати: вспомните о нынешних теориях Дарвина и других о происхождении человека от обезьяны.[2] Не вдаваясь ни в какие теории, Христос прямо объявляет о том, что в человеке, кроме мира животного, есть и духовный. Ну и что же — пусть откуда угодно произошел человек (в Библии вовсе не объяснено, как бог лепил его из глины, взял от земли), но зато бог *вдунул в него дыхание жизни* (но скверно, что грехами человек может обратиться опять в скота).

Покорный слуга Ваш Ф. Достоевский.

Писарева училась и якшалась с новейшей молодежью, где дела не было до религии, а где мечтают о социализме, то есть о таком устройстве мира, где прежде всего будет хлеб и хлеб будет раздаваться поровну, а имений не будет. Вот эти-то социалисты, по моему примечанию, в ожидании будущего устройства общества без личной ответственности, покамест страшно любят деньги и ценят их даже чрезмерно, но именно по идее, которую им придают.

620. П. П. ПОТОЦКОМУ

10 июня 1876. Петербург

Вторник, июнь.

Вы пишете, что я нападаю на этот небольшой кружок такого рода женщин.[1] Вы ошиблись: я ни на кого не нападаю, я говорю о Писаревой совсем ‹*нрзб.*›,[a] как это Вам пришло в голову. Ошиблись также, говоря про «небольшой кружок» — он большой, и чем дальше, тем больше.

Это всё те мужчины и женщины, которые ищут что-нибудь повыше средины и рутины, которые хотят жить *духовно*, хотят участвовать в деле человеческом, готовы на подвиги и на великодушие. Но, уходя из домов своих, попадаются в круги лиц, уверяющих их, что духовной жизни нет и что жизнь духовная — сказка, а не реализм. Что великодушия тоже нет, а есть только борьба за существование.

Писарева спрашивает тогда «что делать?». Ей отвечают: быть повивальной бабкой. По крайней мере, будете полезны обществу. Уверовав, Писарева поступает в бабки: долгие годы учения, духовной пищи никакой, ей бы хотелось что-нибудь узнать, расширить взгляд, ум, приобрести образование, а между тем безо всякого образования натолкнули прямо на трудную специальность. Если она человек с сердцем, то, разумеется, надорвется и устанет. «Я бы желала видеть красоту людей и мира, проявить сама великодушие», думает она иногда про себя, а между тем везде одна борьба за существование! Наконец, ее поражает мысль: «великодушия нет, а ступайте в повивальные бабки — будьте тем полезны». Но если нет великодушия, *не надо быть и полезным. Кому это*? Под конец полное разочарование.

Вы пишете, чтоб я отыскал причины и не нападал на этих женщин. Повторяю — я не нападаю, а причины я Вам указал. Прибавлю и еще одну: необразованность, плохое воспитание в семье еще с детских лет и, при великодушных наклонностях, довольно сильная неразвитость ума ‹*нрзб.*› причин, не было ‹*нрзб.*›.

---

[a] *Здесь и ниже на месте неразобранных слов копиистом написано*: (не ясно).

Я не знаю, каких Вы лет. Многого в Вашем письме я совсем не понял. Мне ничего не «удивительно», а мне только жалко.

А Вам совет: бойтесь относиться к такому, например, делу, как дело с Писаревой, так поверхностно. Лучше думать, и тогда, может быть, Вам понятно будет, что если сказать человеку: нет великодушия, а есть стихийная борьба за существование (эгоизм), — то это значит отнимать у человека личность и *свободу*. А это человек отдаст всегда с трудом и отчаянием. Мне, впрочем, нравится, что Вы мне написали. Одно принять присоветую (и вправе): пишите разборчивее.[2]

Сегодня я выезжаю из Петербурга на месяц, а потому наша переписка, естественно, должна прекратиться.[3]

Ваш доброжелатель Достоевский.

621. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

21 июня 1876. Старая Русса

Старая Русса, 21-го июня. Понедельник.

Почтеннейший Михаил Александрович,

Посылаю Вам текст 1-й главы июньского «Дневника писателя» для набора.[1] Десять полулистков, значит, не более или немного более полулиста. Всего же в июньском № будет полтора и никак не более. Велите набрать и пошлите к цензору, но особенно прошу и умоляю продержать тщательно корректуру. (Теперешняя корректура, *между нами сказать, похуже прежней.*) Сам я буду в Петербурге не раньше 28-го июня (но 28-го наверно). Но до этого времени постараюсь хоть что-нибудь выслать, хоть еще пол-листа. Боюсь, что письмо это как-нибудь заблудится и долго не дойдет до Вас. Печатать будем в 6000-х экземплярах по-прежнему. Адрес мой здесь (на всякий случай): В Старую Руссу, Новгородской губернии, Ф. М. Достоевскому.

До свидания же, жму Вам руку. Ваш Ф. Достоевский.

622. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

24 июня 1876. Старая Русса

24 июня/76. *Старая Русса.*

Многоуважаемый Михаил Александрович,

Посылаю Вам продолжение *июньского* «Дневника писателя», первую половину второй главы, всего 4[a] почтовых листа (8 по-

---

[a] *Далее начато*: полу

лулистов от 10-го до 18-го), а всего, с преждевысланными от 21-го[б] июня — у Вас теперь 18 полулистов, что составляет лист или почти лист. Осталось теперь всего выслать[в] на пол-листа печатных, ибо всего будет только полтора листа, как и в прежнем №.[1] Опять-таки прошу о корректуре и о цензоре. Уполномочиваю Вас печатать, если надо будет уже начать, в 6000 экземплярах; сам надеюсь быть в Петербурге 28 числа. Кажется, не опоздаем, не так ли? [2]

До свидания.

Ваш весь Ф. Достоевский.

[б] *Далее было*: числа
[в] *Далее начато*: по

623. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

26 июня 1876. Старая Русса

Старая Русса, 26 июня/76.

Многоуважаемый Михаил Александрович,

Посылаю Вам еще 18 полулистков (продолжение «Дневника») и 19-й полулисток не полный. Припоминая прошлый номер, думаю, что уже довольно текста.[1] Если же, на случай, недостанется, то пустите какое-нибудь поболее объявление из прежних. Впрочем, я сам к тому времени прибуду, и может быть, даже раньше, чем получите настоящее письмо. Но, может случиться, что прибуду и 29-го, но уж никак не позже. Вообще считайте лучше, что более на этот № уже не будет тексту.

Но до свидания.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Тут есть одна вставочка под знаком √‾*. Пожалуйста, не забудьте ее вставить, по примеру прежних №№.[2]

В конце объявлений будет вместо обыкновенного извещения о дне выхода «Дневника», следующее:

«Следующий выпуск „Дневника писателя“ появится 31-го августа, за июль и за август вместе, в двойном количестве листов».[3]

624. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

28 или 29 июня 1876. Петербург

Люб‹езный› Мих‹аил› Александрович, почти ни одной из вчера исправленных мною ошибок, во 2-й корректуре, не было поправлено вовсе, и даже из чрезвычайно важных, из меняющих

смысл. Ужасть как этот № прошел несчастно! Но так как Вы уже *начали печатать*, то я и не исправлял ошибок.

Ф. Достоевский.

625. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

30 июня 1876. Петербург

30 июня. 5 часов утра.

Любезнейший Михаил Александрович,

Посылаю Вам тексту на 4 полулистка.[1] Думаю, что довольно будет на три страницы. Писал не переписывая — разборчиво ли будет?

Что-то у нас с цензором? В 1-ом часу пополудни постараюсь быть в типографии.

Я прибавил заметку об опечатках в конце.[2] Обратите внимание.

Весь Ваш Ф. Достоевский.

626. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

2 июля 1876. Петербург

2 июля/76.

Любезный брат Николай Михайлович, я уже три дня как здесь с Анной Григорьевной. Если пожелаешь нас видеть, то зайди к нам. Я еду в Эмс, и думаю, в воскресенье (утром).[1] Время теперь у нас очень хлопотливое, и мы мечемся туда и сюда. Думаю, что всего удобнее застать кого-нибудь из нас было бы поутру, примерно от 12 до 2-х часов.[2] Здоров ли ты? Мы ждали тебя 30-го июня, по твоему обещанию.

До свидания, голубчик.

Весь твой Ф. Достоевский.

P. S. Мы на нашей квартире.[3]

627. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

7 (19) июля 1876. Берлин

Берлин. Среда 7/19 июля.

Милый друг мой, Анечка, сегодня, в половину седьмого утра, я приехал в Берлин и остановился в «Britisch-Hotel» Unter den Linden.* Но где-то ты теперь, вероятно, еще в Новгороде? [1]

---

* «Английском отеле» на Унтер ден Линден (*нем.*).

Я ужасно беспокоился о тебе, Аня, всю дорогу. Главное, что ты все последние дни ничего не спала, а работала и металась за четверых, а теперь опять этот переезд. Пока не получу от тебя письма (а когда еще это будет),[2] беспокоиться не перестану и всё время для меня будет отравлено, я теперь это узнал по опыту, несмотря на развлечения дороги и хлопоты. Что до меня, то я доехал порядочно, без больших оказий, и в вагоне, за эти двое суток, успел-таки поспать. Впрочем, и в русском, и в немецком вагонах было не просторно, а, напротив, набито, но люди были сносные. Подъезжая только к Эйдкунену, ко мне привязался один жид, севший в Вильно, так сказать из высших жидов, богатый, имеющий двух сыновей в Петербурге — одного доктора, а другого адвоката. Он ужасно и беспрерывно плевал в вагоне и наплевал целые озера. С этими качествами он уселся напротив меня и начал излагать мне длиннейшую историю о том, как он едет в Карлсбад лечиться от геморроя, и какой у него геморрой, и когда закрылся, и какие шишки и проч. и проч., и я всё это должен был выслушать из деликатности, но никакой возможности не было избежать, так что он промучил меня часа четыре. В Эйдкунене разменял 100 руб., и дали с первого слова 265 марок с дробью, а в Петербурге едва-едва дали 262 марки. Пожалел, что остальные деньги были запрятаны и нельзя было разменять тут же. Затем вагон полетел. Товарищи — всё немцы, народ превежливый и преласковый, всё купцы, всё об деньгах и о процентах, и не понимаю только, чем я им показался, но все просто ухаживали за мной и относились ко мне почти с почтением. Они-то и дали мне поспать, выдвинув для меня подушки вагона и проч. Один был молодой немец из Петербурга и всё рассказывал остальным, что у него в Петербурге торгует папаша, что он бывает в Петербурге в высшем обществе, ездил в одном самом высшем обществе на охоту за медведями, представлял, как медведь встает на дыбы и ревет, как он выстрелил и ранил медведя и как тот, раненный, пустился бежать, выбежал на железную дорогу и бежал рядом с поездом, летевшим по дороге в Москву, и только на 8-й версте помер. Этот немецкий Хлестаков имел чрезвычайно солидный вид и, по-видимому, дельно толковал об гешефтах и процентах, потому что остальные немцы (и особенно один) были, кажется, знатоки дела и люди весьма солидные. Но и в русских, и в немецких вагонах — всё только об гешефтах и процентах, да об цене на предметы, на товары, об веселой матерьяльной жизни с камелиями и с офицерами — и только. Ни образования, ни высших каких-нибудь интересов — ничего! Я решительно не понимаю, кто теперь может что-нибудь читать и почему «Дневник писателя» еще имеет несколько тысяч покупщиков? Но все-таки эти немцы народ деликатный и ласковый, если не выведут из терпения, конечно, когда нельзя не обругать их. В Бромберге в час ночи объявил кондуктор, что стоим 8 минут. Этот шнельцуг[3] коли 8 минут,

то значит три. Я побежал поспеть в известное место на минутку, едва отыскал и вдруг слышу два звонка, бросился бежать назад (ужасно далеко) и вдруг слышу, что кондуктор уже захлопывает вагоны. Бегу сколько сил есть, прибегаю и не могу отыскать вагона, а №, 163, в темноте не видно. Кондуктор уже ушел дальше, свисток, хотят трогать. Вдруг в одно отворенное окошко, вагона за два от места, где стою, слышу: pst, pst, hier, hier! * А, думаю, это наши: увидали меня и кличут; подбегаю, смотрю; выставил немец голову из вагона и — не знакомый. Я ему кричу, однако: Ist das hier? ** Он мне: Was hier? *** Эй, черт! хочу бежать дальше, а он мне: Hören Sie, hören Sie, was suchen Sie? A, der Teufel, mein Wagon! 163, ist das hier? — O nein, das ist nicht hier...**** — Ну так чего же ты орешь, олух! и вдруг начинают трогаться и вдруг я узнаю рядом мой вагон! [4] На лету отворил, мои помогли и успел вскочить, а то бы остался. Это со мной другой раз в жизни на этой дороге случается. Помнишь, как в Дрездене мы спрашивали немца, где Gemälde-Galerie? ***** [5]

Затем с одним из немцев, весьма почтенной и богатой наружности, вдруг сделалась рвота, и его рвало до самого Берлина, ь окно, разумеется. Мы все, шесть человек, приняли участие, и каждый ему что-нибудь советовал — один выпить пива *побольше*, и он на первой станции вскочил и выпил — не помогло. Я посоветовал коньяку. — «Коньяку, я и сам это думал!» Вскочил на следующей станции и выпил. Советы доходили до того, что один посоветовал съесть марципанный пряник (они начали продаваться с самого Эйдкунена), и он съел пряник. Наконец, немец-Хлестаков посоветовал шампанского, но уже подъезжали к Берлину, и тот сказал, что как только войдет в Берлине в отель, то непременно спросит шампанского. Ночью поднялся дождь, и мы въехали в скучный Берлин в проливной дождь, который продолжается и теперь. Между тем надо ехать на почту, потому что не знаю, как афраншировать [6] письмо. Вечером в Эмс отправлюсь в 10 часов.

Голубчик Аня, поцелуй деток милых и Лешеньку особенно. Как-то мне его особенно жалко. Как жалею, что не могу походить по Берлину, а должен сидеть в отеле. Вижу, что надо бы купить плед: ночи холодные. Не забудь написать адрес Прохоровны и как вы порешили с пальто? [7] Прости, голубчик, за все беспокойства, которые я тебе наделал. Жалею эти 500 руб. на Эмс. Одним утешаюсь, что из этих 500 сделаю 5000, если получу здоровья. Милая моя, как мне хочется тебя поцеловать.

---

* пст, пст, здесь, здесь (*нем.*).

** Это здесь? (*нем.*).

*** Что здесь? (*нем.*).

**** Послушайте, послушайте, что Вы ищете? — А, черт, мой вагон! 163 — это здесь? О, нет, это не здесь (*нем.*).

***** Картинная галерея (*нем.*).

Поцелуй Лилю и Федю, и Лилю особенно и Федю тоже. Поговори с ними обо мне, с Федей побольше. Как скучно мне будет. Дай тебе бог отдохнуть и поправиться, ангел мой.

Целую тебя всю, много раз, столько же, *сколько накануне отъезда*. Вспоминай меня.

Твой весь и весь ваш Ф. Достоевский.

P. S. Пиши обо всём, поболе частностей, мелочей. Теперь напишу не ранее как послезавтра, когда уже буду у Орта и успею нанять квартиру.

Твой Достоевский.

На конверте:

Russie.
Staraya-Roussa (Gouvernement Nowgorod)
В Старую Руссу Новгородской губернии
Ее Высокоблагородию Анне Григорьевне *Достоевской*

628. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

9 (21) июля 1876. Эмс

Эмс. Пятница, 9/27[а] июля/76.

Милая моя Анечка, вчера в половину двенадцатого прибыл благополучно в Эмс. В Берлине, после того как написал тебе письмо, отправился на извозчике в проливной дождь на почту и, отдав письмо, вместо того, чтоб лечь спать (потому что всё же я две ночи не спал), отправился в Музей смотреть картины, статуи и древности, где пробыл часа три.[1] Выйдя из него, и в продолжавшийся дождь, пошел в берлинский Aquarium,[2] в котором платят за вход одну марку и о котором я еще и в Петербурге слышал много, и провел там часа два, рассматривая различные чуда, огромных крокодилов, змей, черепах, морских живых диковин, рыб, птиц и, наконец, настоящего, живого орангутана, которого видел первый раз в жизни; затем обедал, затем хотел купить плед и не купил, отложив до обратного пути, и наконец поехал на железную дорогу, от скуки и чтобы не опоздать, за два часа до срока. Дорогой тоже кое-как заснул, немцы опять были вежливы, но влезли в вагон один русский с дочерью — всё, что есть казенного, пошлого, надутого из скитающихся за границею, а дочь труперда и дуботолка, они меня даже рассердили. На рассвете, не доезжая до Гиссена,[б] видел одну картинку Шама (Scham) в натуре.[3] Остановились на десять минут, перед тем долго не останавливались, и все, естественно, побежали в местечко pour Hommes,* и вот, в самый разгар, в местечко pour

[а] *Описка Достоевского, следует*: 21
[б] *Далее было*: случилось
* для мужчин (*франц.*).

Hommes, наполненное десятками двумя посетителей, *вбегает* — одна прекрасно одетая дама, по всем признакам англичанка. Вероятно, ей было очень *нужно*, потому что добежала почти до половины помещения, прежде чем заметила свою ошибку, то есть что вошла к Männer,* вместо того, чтоб войти рядом в отделение für die Frauen.** Она вдруг остановилась, как пораженная громом, с видом глубочайшего и испуганного изумления, продолжавшегося не более секунды, затем вдруг чрезвычайно громко вскрикнула или, вернее, взвизгнула, точь-в-точь как ты взвизгиваешь иногда, когда вдруг испугаешься, затем всплеснула перед собой, размашисто, и подняв их несколько над головой, свои руки, так что раздался звук от плеска. Надобно заметить, что она увидела всё, то есть буквально *всё* и во всей откровенности, потому что никто ничего не успел припрятать, и напротив, все смотрели на нее в таком же остолбенении. Затем после всплеска она вдруг закрыла обеими ладонями свое лицо[в] и, довольно медленно повернувшись (всё пропало, всё кончено, спешить нечего!) и наклонясь всем станом вперед, неторопливо и не без величия вышла из *помещения*. Не знаю, пошла ли она für die Frauen; если англичанка, то, я думаю, тут же и умерла от целомудрия. Но замечательно, что хохоту не было, немцы все мрачно промолчали, тогда как у нас наверно бы захохотали и загоготали от восторга.[4]

Остановился я здесь сперва в гостинице, день довольно холодный, 14 Реомюра, ветер и изредка дождь, а говорят, что всё была хорошая погода. Сходил в ванну, затем, переодевшись, пошел на почту и на телеграф, разумеется, ничего не нашел. Но на почте, да и везде, во всем Эмсе (лавочники, трегеры,[5] бабы, продающие фрукты, магазинщики) все меня узнают и все мне с улыбкою кланяются. Эмс показался мне до безобразия скучным. Толпа большая. Затем пошел к Орту. Он тотчас узнал меня и осмотрел всего внимательно, раздевши догола. Результат постукивания и осмотра тот, что в верхних частях груди, справа и слева — *улучшение* (оттого и не ноет орган как прежде), но зато место под правым соском, под 5-м ребром, на которое я иногда зимой жаловался, что болит, и которое еще одиннадцать лет тому назад указал Боткин, предсказав, что отсюда разовьется болезнь, — *ухудшилось*, и, может быть, очень. Орт, впрочем, говорит, что еще не может определить, потому что я позволил себе большую надсадку, почти не выходя из вагона с понедельника до четверга, но что дня через три, когда я отдохну, он еще раз меня осмотрит. Затем, на мой усиленный вопрос, сказал, что смерть еще далеко и что я еще долго проживу, но что, конечно, петербургский климат, — надобно брать предосторожности и т. д.,

---

[в] *Было*: свои глаза
* мужчинам (*нем.*).
** для дам (*нем.*).

и т. д. Прописал мне кренхен, сначала по два стакана утром и по стакану вечером, с молоком, и по стакану гаргаризации[6] горла, утром и вечером, кессельбрунненом. Ну вот и всё пока про лечение. Затем пошел искать квартиру: в «Люцерне» всё занято, но встретили меня чуть не с восторгом и рекомендовали мне разом две или три квартиры; но третьегодняшняя M-me Бах, владелица отеля «Ville d'Alger», в котором я жил третьего года, поймала меня на дороге, у своих ворот (она почти рядом с «Люцерном»), и заманила меня к себе.[7] Я прямо ей объявил, что она очень дорога, хотя мне у ней было очень покойно, но она, поторговавшись, спустила охотно все цены, так что за комнату с спальней, прекрасно меблированную и которая третьего года ходила (я помню это) за 14 талеров в неделю, взяла теперь с меня всего десять. Равномерно спустила с завтрака, с чая и с ужина, и даже обед мне будут приносить па дом лишь за $1^1/_2$ марки, вместо 2-х, как третьего года. Сторговавшись, я тотчас и переехал. Моя комната рядом с той комнатой (точно такой же, как моя), в которой я прожил третьего года. Но переехав, я тотчас наткнулся на неприятность: эту комнату рядом (мою третьегодняшнюю) и отделенную от теперешней моей лишь запертою дверью заняли две только что приехавшие дамы, мать и дочь, кажется из Греции, говорят по-гречески и по-французски, но можешь себе представить — они говорят без умолку, особенно мать, но не то что говорят, а кричат буквально, и главное без умолку, ни одной секунды перерыва. В жизнь мою я не встречал такой неутомимой болтливости, и, однако, мне надо будет работать, читать, писать, — как это делать при такой беспрерывной болтовне? и потому очень бы желал перебраться в верхний этаж, который дешевле и без балкона, и хуже, но в котором тихо. Но M-me Бах говорит, что ту квартиру уже обещала и что не знает, как решить. Хорошо, кабы она решилась. Во всяком случае, мой адресс: Bad-Ems, Allemagne а M-r T. Dos‹toievsk›y, poste restante, а в экстренных случаях (телеграммы, например) *Allemagne*, Bad-Ems, *Hotel Ville d'Alger*.

Я прожил вчера вечером очень тяжелые минуты. Мне ужасно всегда оставаться одному. Пока в дороге — еще не было так больно, а теперь, как уже *живу* без вас, один, — очень тяжело. Думаю, что ты уже у детей. Как-то ты, бедная, доехала? Поскорей бы от вас хоть что-нибудь. Вчера на ночь горячо об вас молился; тебя видел во сне. Хотел поспать подольше, но в шесть часов раздались стуки по всему дому и затрещали за дверью чечетки. Лечение я начну завтра, ибо день надо отдохнуть, но сегодня вечером все-таки схожу пополоскать горло кессельбрунненом, а может быть, и выпью вечерний стакан кренхена. Анечка, голубчик, смотри за детьми, ради бога; води их в чистоте и говори им обо мне. Что Леша? Феди скоро рождение.[8] Обнимаю тебя крепко-накрепко. Люблю душой и еще другим образом до последнего атома. Пошли бог тебе здоровья. Кла-

няйся маме и всем нянькам. Целуй детей. Теперь напишу *в понедельник*. Вероятно, получу до того времени от тебя письмо. Целую твои руки и глазки.

Твой весь Ф. Достоевский.

Был вчера в курзале. Там, к удивлению моему, не нашел ни одной русской газеты.[г] Прошлого года было 5 или 6 газет. Не знаю, чему приписать. Впрочем, схожу еще раз.

Купил печатный лист посетителей; русских множество, но всё или Strogonoff, или Golitzin, или Kobyline, chambellan de la cour,* да и то их только жены с семействами, а самих нет, — или русские жиды и немцы из банкиров и закладчиков. Ни одного знакомого.

[г] *Далее было*: Там в курзале

* камергер двора (*франц.*).

629. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

13 (25) июля 1876. Эмс

Эмс 25/13 июля, вторник/76.

Бесценный голубчик мой Анечка, твое (первое) письмо от середы получил только сегодня, во вторник, и теперь припоминаю, что, кажется, и прошлого года приходили на 5-й только день. Это задерживают в проклятом петербургском почтамте. Но только я такую муку вынес вчера, что̀ и не знаю, каких только мыслей не перебывало у меня в голове о тебе. Главное, у меня какое-то убеждение было, что с тобой что-нибудь случится в дороге, болезнь или что-нибудь. Вспомни, и прощаясь в Петербурге, я об этом всё говорил тебе.[а] Вчерашнюю ночь спал не более 4-х часов, всё не мог заснуть и думал. Это лечению не поможет, здесь главное, чтоб был покой. Но, слава богу, теперь я так *рад* и пишу сейчас. Вчерашнее письмо мое, может быть, тебе очень не понравилось: что мне делать, голубчик, я чуть с ума не сошел.[1] В зачеркнутых строчках во вчерашнем письме я было написал, что если и по телеграфу во вторник не получу ответа, то в среду уеду отсюда, и так бы непременно сделал. Но, слава богу, всё хорошо, а тебя целую и обожаю. Ужасно рад тому, что ты написала о детях. Как ты удивительно хорошо умеешь писать, Аня! Твое письмо я каждые три или четыре строчки целовал, читая. Рад за Федю и за Лешу особенно, но об Лиле ты мало упомянула. Вообще жду от тебя больше подробностей в следующем письме, которое получу, стало быть, послезавтра, в четверг.[2] Должно быть, я имел очень отчаянный вид вчера на почте, потому что, представь себе, почтмейстер

[а] *Далее было*: И во сне и

прислал мне твое письмо сам, на квартиру, узнав, где я живу по курлисту адрессов, в 10 ч. утра, только что пришла почта и когда почтамт был еще заперт для всей остальной публики. Какова любезность! Главное сделал это сам, потому что, уж конечно, я не вправе был его просить об этом. Сделает это какой-нибудь наш г<--->й чиновник!

Теперь расскажу тебе о себе. Вообще приключений никаких и скука нестерпимая. Два дня стояли до того жарких, что надо было по нескольку раз менять рубашку. А между тем вчера, в жарчайший день, вдруг два раза, утром и вечером, всё померкло, начинался вихрь, налетали тучи (совершенно как бы неожиданно) и лил дождь, правда, неподолгу. Здесь ужасно легко простудиться, и я уже простуживался. Третьего дня со мной было некоторое действие вод (чего не было в прошлые годы): вдруг вроде обморока (eblouissement),* но не более как на секунду, я тогда шел по аллее и ухватился за дерево. Затем настало сердцебиение, продолжавшееся до ночи, и чрезвычайный прилив крови к темени. Но я нисколько не растревожился: всё это написано в книге об эмских водах,[3] только разница в том, что надо мной действие вод сказалось слишком поспешно, то есть в первые трое суток. Орт сказал мне вчера, что это и прекрасно, и увеличил прием кренхена до трех стаканов поутру. Я встаю в 6 часов утра, в 7 пью воды, и это берет $1^1/_2$ часа. Тут играет музыка, и снует кругом и везде шеститысячная толпа. Затем в половину девятого пью кофей с сухарями, — сквернейший кофей, но с ужасным аппетитом. Впрочем, такой кофей пью не я один, а вся Германия. Во всей Германии не знают лучше. Затем в час обедаю два грубые блюда супу и говядины с картофелем и компот (2 марки) — но аппетит от вод усиливается, и я ем как будто обед Дюссо.[4] Вечером в 5-м часу пью опять воду и слушаю музыку, затем иду гулять, а в 8 часов пью чай, съедаю маленький кусочек говядины и в 10 ложусь спать. Беда только в том, что всё не могу выспаться, вчера например, да и третьего дня, к тому же будят соседи, особенно слишком рано поутру.

Я моих греческих чеченок-соседок не вынес[5] (возможности не было), и M-me Бах пустила меня наверх, и теперь я занимаю две комнаты несколько пониже и хуже меблированных, но дешевле. Не знаю только, будет ли мне в этом «Ville d'Alger» хорошо, хотя M-me Бах очень внимательна. Она овдовела и оказалось, что она француженка, но из Алжира, а я и не знал этого, по крайней мере теперь говорю по-французски. Ей тридцать три года, и к ней ходит *жених* — степеннейший сорокалетний эмзец, тоже гутбезитцер,[6] и которого она не принимает в комнатах, а сидит с ним лишь на скамейке у ворот, но зато все сутки. Когда я выхожу, то она вся краснеет, как виноватая.

---

* головокружение, помрачение (*франц.*).

Я ей сказал, что самое лучшее ей поскорей выйти замуж, хотя у ней трое детей и на лицо она уже старенька. Затем купил галстучки, записался на библиотеку, разложился с вещами, отдал мыть белье, пожертвовал на blödige Kinder * и т. д. и т. д.[7] Знакомых никого, русских пропасть, в курзале есть четыре русские газеты, «Нового времени» нет. Двое русских попались на променаде навстречу, и один сказал другому (я слышал это) — «знаешь, ведь это Достоевский». А между тем знакомых нет.

Многие мысли меня мучат, мучат буквально и ужасно. Главное то, что надо писать «Дневник», а у меня и мыслей нет, и когда начну — не знаю, а Орт, когда я его спросил о литературных занятиях, положительно запретил их. Разумеется, я его не послушаюсь, но вот уже 5 дней прошло, а я еще ничего не сделал. Про детей, об которых думаю с какою-то болью в сердце, я не беспокоюсь, потому что ты с ними, а на тебя ли не понадеяться. Но беда в том, чтоб не захворала ты, вот об чем мучаюсь. Ты очень надорвалась в последнее время. Тогда кто за вами всеми присмотрит?

Анечка, голубчик, я только и делаю, что об тебе думаю; думаю во всевозможных картинах и представлениях. Ты знаешь, что я каждый раз после длинной разлуки в тебя влюбляюсь и приезжаю в тебя влюбленный. Но, ангел мой, этот раз несколько иначе: вероятно, ты заметила, что я и уехал из Петербурга этот раз уже в тебя влюбленный. После нашей крупной ссоры я мог брюзжать и, укладываясь в дорогу, быть нетерпеливым (это уж мой характер), но в то же время я начал в тебя влюбляться и тогда же дал себе в этом отчет, даже подивился. Во время нашего девятилетнего супружества я был влюблен в тебя раза четыре или пять, по нескольку времени каждый раз. (Раз и теперь с наслаждением вспоминаю, как года 4 назад я влюбился в тебя, когда мы как-то крупно поссорились и друг с другом несколько дней не говорили; мы куда-то поехали в гости, и я сел в угол и смотрел оттуда на тебя, и с замиранием сердца любовался, как ты весело с другими говорила.) Представь себе, мне здесь пришло в голову, что я влюбился в тебя в Петербурге в последние дни отчасти и потому, что мы вместе спали. Мы давно уже с тобой не спим вместе, много лет (начиная с детей), и это вдруг на меня могло подействовать. Не говори, Аня, что эта мысль слишком матерьяльна; тут не одна матерьяльность. Мысль, что это существо мое всецело, не хочет от меня обособляться и даже спит со мной в одной постели, — эта мысль ужасно действует. Правда, я был эгоист: ты спала на стульях, и тебе было неловко, но все-таки, каждый раз, как я, к утру, ложился сам, мне становилось так приятно, что ты подле, что, уж конечно, это ощущение было для меня совсем *новое*, хоть прежде мы и спали, но я это давно забыл. Суди же теперь,

---

* слабоумных детей (*нем.*).

когда уже мы в разлуке, с какою сладостью я об тебе вспоминаю. И хоть, повторяю это, я и был в тебя влюблен раза четыре по нескольку дней, в разное время, но никогда как теперь. Думаю о тебе и представляю тебя каждую минуту, перебираю всё, что мы переговорили. Но ты была так занята, только один раз и было, когда мы возвратились с обеда накануне отъезда, да еще безумные *‹одна строка нрзб.›* [б] Вспоминаю теперь, ангел мой, что я тебе позволил *‹нрзб.›*, и теперь боюсь. Ты может смеешься слову позволил. Божество моя, Аня, знаю, что всё в одной [в] твоей власти и *‹2 нрзб.›*, но я так высоко ценю и верю в твой ум и характер, что знаю одно *‹несколько слов нрзб.›*, но если моя Аня скажет сама себе в сердце своем *‹шесть строк нрзб.›*, но, Аня, верю в твой огромный ум *‹несколько слов нрзб.›*. Пиши мне, голубчик, хотелось бы тебе исписать страниц 10 на эту тему. Целую тебя всю до последнего атома, а сам здесь целую тебя поминутно всю, всю решительно. Я до мучения тебя люблю, Аня, не смейся надо мной. Мне сладостно даже признаваться тебе в любви. Целуй детей. Благословляю их всех.

Твой Ф. Достоевский.

Всем поклоны. Дома ли мама или уехала? [8]

[б] *Эта строка, как и ниже другие места, не поддающиеся прочтению, густо зачеркнуты А. Г. Достоевской.*

[в] одной *вписано.*

630. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

15 (27) июля 1876. Эмс

Эмс, 15/27 июля. Четверг/76.

Милый друг мой Аня, вчера получил 2-е крошечное письмо твое от 9-го июля и спешу, не дожидаясь наших сроков, тотчас тебе ответить. Дело в том, что письмо твое произвело на меня тяжелое впечатление. Значит, тебе трудно будет поправиться здоровьем; но почему же ты пишешь, что придется взять лишь 15 ванн. Но, может быть, регулы и не 10 дней будут, а в новом воздухе и при новых условиях жизни пройдут обыкновенно, и к тому же, если даже и 10 дней, то всё же останется тебе с лишком месяц для ванн: разве ты их берешь через день? И разве нельзя брать каждый день? Ангел мой, я только и мечтаю здесь об том, что ты, после этого года родов, кормления и трудов за «Дневником», поправишь наконец в Руссе свое здоровье. Ах, родная моя, у меня сердце болит по тебе; я здесь перебрал всё, как ты мучилась, как ты работала — и для какой награды? Хоть бы мы денег получили побольше, а то ведь нет, и если есть что, так разве еще в надежде на будущий год, а это жу-

равль в небе. Я, Аня, до того влюбился в тебя, что у меня и мысли нет другой, как ты. Я мечтаю о будущей зиме: понравились бы здоровьем в Руссе, и, переехав в Петербург, уже больше не будешь мне стенографировать и переписывать, я это решил, а если будет много подписчиков, то *непременно* возьмешь помощницу, хоть Никифорову.[1] Но, впрочем, подробнее изложу все мои мысли, когда свидимся. Рад за детей, если здоровы. Люби Лешу, мне так хотелось бы видеть Федю. Не пренебрегай Лилей и, если можно, начни ее хоть помаленьку учить читать. У Лили, по-моему, твой характер: будет и добрая, и умная, и честная, и в то же время *широкая*; а у Феди мой, мое простодушие. Я ведь этим только, может быть, и могу похвалиться, хотя знаю, что ты про себя, может быть, не раз над моим простодушием смеялась. Так ли, Аня? Но, впрочем, тебе всё позволено: ты хозяйка моя и повелительница, ты владычица, а мне счастье подчиняться тебе. То есть я свое за собой оставляю и уж от капризов и ипохондрии моей избавиться не могу, но ты никогда не знала, Аня, сколько у меня, несмотря на всё это, любви к тебе было, а теперь, я чувствую, точно обновился и точно вновь начал любить тебя, да и никогда не любил тебя так, как теперь. Подожди, ангел мой, я еще тобой займусь, и ты, может быть, увидишь и во мне хорошее.

Про себя мне почти нечего написать: умираю здесь от скуки, а главное — *без тебя*. Лечение мое до сих пор идет просто плохо. Нервы расстроены ужасно, бывает горловая спазма, что, в последние годы, чрезвычайно редко случалось, разве при крайнем расстройстве нервов. Вчера и третьего дня начинал чувствовать как бы наступление припадка, то есть захватывало душу, как бывает в последнее мгновение перед припадком, когда он случался наяву. Возможность припадка пугает меня, тогда что станется с «Дневником», за который еще я не принимался?[2] Да и напишу ли еще что, потому что чувствую себя расстроенным и как-то расслабившимся. Впрочем, хожу, гуляю, аппетит есть, но сплю мало, часа по три, по четыре в ночь, потому что всё потею. Потею и днем ужасно, и это не от того, что стоят жаркие дни: это кризис вод, я знаю это, и кто знает, — может быть, мне и не пойдут на этот раз впрок воды, ибо они оказывают хорошее влияние под непременным условием спокойствия нервов. По ночам же, когда в поту, является скверный, сухой кашель. Здесь, несмотря на прелестные дни,[а] не проходит дня, чтоб не налетал часами вдруг вихрь, в буквальном смысле слова, а третьего дня была страшная гроза. С этим вихрем ужасно легко при постоянной испарине простудиться.

Приготовляясь писать, перечитываю мои прежние[б] заметки в моих письменных книгах и, кроме того, перечитал всю захва-

---

[а] *Далее начато*: явл‹яется?›
[б] *Было*: ст‹арые›

ченную мною сюда переписку. Подписался в библиотеке для чтения (жалкая библиотека), взял Zolà,[3] потому что ужасно пренебрегал за последние годы европейской литературой, и представь себе: едва могу читать, такая гадость. А у нас кричат про Zolà как про знаменитость, светило реализма.[4] Что до житья моего, то кормят меня скверно и не скажу, чтоб мне было очень покойно: жильцы ужасно бесцеремонны, стучат по лестницам, хлопают дверями, кричат громко. Не знаю, что скажет Орт; ему бы только поскорей отвязаться от больного, никогда не рассмотрит подробно, кроме 1-го разу, да и первый-то этот раз единственно смотрит из приличия, чтоб не испугать больного небрежностью с самого первого разу. Впрочем, может быть, и поправлюсь; только бы нервы успокоить, тогда лечение пойдет на лад. Но непременно пошло бы на лад, если б мы приехали сюда с тобой вместе, то есть если б только это было возможно. *Без тебя* я не могу оставаться подолгу, это положительно. А между тем, уезжая, я хоть и знал, как мне тяжело будет, но всё же, в основе, радовался, что отъездом — *облегчу* тебя, потому что слишком заморил тебя при себе и скукой и работой, так что ты *отдохнула бы от меня* и освежилась душой. И вот в своем post scriptum'е ты вдруг поражаешь меня. Да и написаны-то эти 4 строчки таким быстрым почерком и такими разбежавшимися литерами, точно у тебя рука дрожала от волнения. Значит, ты встретила *его* в самый последний час, в субботу утром. Да еще прибавляешь «подробности после» — это значит мне дожидаться до воскресения![5] А между тем, Анька, я просто боюсь. Друг мой милый и единственный: хоть я знаю, что муж, не скрывающий в этом случае *своего страху*, сам ставит себя в смешной вид в глазах жены, но я имею глупость, Аня, не скрывать: я боюсь, действительно боюсь, и если ты, смеясь своим милым смехом (который я так люблю), приписала: «*Ревнуй*», то достигла цели. Да, я ревную, Аня! у меня характер Федин, и я не могу скрыть перед тобой моего первого ощущения. Голубчик, я тебе сказал: «Веселись, поиграй с кем захочешь», но это потому *позволил*, что люблю тебя даже до невозможности. Твой богатый, милый, роскошный характер (сердце и ум), при твоей *широкости*, небывалой у других женщин, завял и соскучился подле меня, в тоске и в работе, и я мог позволить ‹*одна строка нрзб.*›, веря в широкость, в совесть и, главное, в ум Аньки. ‹*Десять строк нрзб.*›, веселая и очаровательная ‹*одиннадцать строк нрзб.*›. Милая, прелестная ты моя, я пишу это всё и как бы еще надеюсь, а между тем это так мучает всего меня. Пишешь, что ты любишь меня и скучаешь, но ведь ты это писала еще до встречи с ним, до post scriptum'а. Анечка, Анечка, ты ‹*2 нрзб.*›, а попомни меня, *не обидь* очень, потеряю в тебе тогда моего друга. Главное, ведь ты мне всего не расскажешь, это наверно. Повторяю тебе: всё в твоей воле. ‹*Девять строк нрзб.*›. Анька, идол мой, милая, честная моя, ‹*нрзб.*› не

забудь меня. А что идол мой, бог мой — так это так. Обожаю каждый атом твоего тела и твоей души и целую всю тебя, *всю*, потому, что это *мое*, *мое*! До свидания, — а когда оно будет! Напиши все подробности (хоть все-то и скроешь). В каком платье ты была? Становлюсь перед тобой на колени и целую каждую из твоих ножек бесконечно. Воображаю это поминутно и наслаждаюсь. Анька, бог мой, не обидь.

Детей благословляю, целую, говори с ними обо мне, Аня! Еще раз целую тебя, да каждую минуту тебя целую, и даже письмо твое, это самое, 2-е, целовал, целовал раз 50.

Твой весь Ф. Достоевский.

631. Вс. С. СОЛОВЬЕВУ

16 (28) июля 1876. Эмс

Эмс 16/28 июля/76.

Милый и дорогой Всеволод Сергеевич, приветливое письмецо Ваше от 3-го июля из Петергофа я получил лишь вчера здесь, в Эмсе. Мы были в Старой Руссе, но, чтоб выпустить июньский «Дневник», приехали с женой, оставив детей в Руссе с бабушкой,[1] в Петербург и, выпуская, сидели на своей петербургской квартире вплоть до 5-го июля. Дела накопилось тогда много, и, кроме того, Анна Григорьевна снаряжала меня за границу, куда я и отправился 5-го июля. Таким образом, Ваше письмо от 3-го июля попало в Старую Руссу и уже оттуда — лишь Анна Григорьевна, промедлившая за делами в Новгороде, переслала мне его сюда, в Эмс.[2] Так мы и растерялись. Но, честное слово даю Вам, что, выезжая из Старой Руссы, я и прежде Вашего письма намеревался побывать у Вас в Петергофе, как обещал Вам. Но никак не мог исполнить моего желания — совершенно сбившись с ног от хлопот (разных и неожиданных, кроме выхода №, вдруг навязавшихся.) Я уехал, не порешив и с некоторыми собственными, самыми необходимыми делами. Но теперь здесь, в скуке, на водах, Ваше письмецо решительно оживило меня и дошло прямо к сердцу, а то я стал было и очень уж тосковать, так как не знаю почему, как попадаю в Эмс, сейчас начинаю тосковать мучительно, с ипохондрией, иногда почти беспредметно. Уединение ли тому причиною среди восьмитысячной многоязычной толпы, климат ли здешний, — не знаю, но тоскую здесь, как никто. Вы пишете, что Вам нужно меня видеть; а мне-то как желалось Вас теперь видеть.

Итак, июньская тетрадь «Дневника» Вам понравилась.[3] Я очень рад тому и имею на то большую причину. Я никогда еще не позволял себе в моих писаниях довести *некоторые* мои убеждения до конца, сказать *самое последнее* слово. Один умный корреспондент из провинции укорял меня даже, что я

о многом завожу речь в «Дневнике», многое затронул, но ничего еще не довел до конца, и ободрял не робеть.[4] И вот я взял, да и высказал последнее слово моих убеждений — мечтаний насчет роли и назначения России среди человечества, и выразил мысль, что это не только случится в ближайшем будущем, но уже и начинает сбываться.[а] И что же, как раз случилось то, что я предугадывал: даже дружественные мне газеты и издания сейчас же закричали, что у меня парадокс на парадоксе, а прочие журналы даже и внимания не обратили, тогда как, мне кажется, я затронул самый важнейший вопрос.[5] Вот что значит доводить мысль до конца! Поставьте[б] какой угодно парадокс, но не доводите его до конца, и у вас выйдет и остроумно, и тонко, и comme il faut,* доведите же иное рискованное слово до конца, скажите, например, вдруг: «вот это-то и есть Мессия», прямо и не намеком, и вам никто не поверит именно за вашу наивность, именно за то, что довели до конца, сказали самое последнее ваше слово. А впрочем, с другой стороны, если б многие из известнейших остроумцев, Вольтер например,[6] вместо насмешек, намеков, полуслов и недомолвок, вдруг решились бы высказать всё, чему они верят, показали бы всю свою подкладку разом, сущность свою, — то, поверьте, и десятой доли прежнего эффекта не стяжали бы. Мало того: над ними бы только посмеялись. Да человек и вообще как-то не любит ни в чем последнего слова, «изреченной» мысли, говорит, что:

Мысль изреченная есть ложь.[7]

И вот, сами судите, дорого ли мне иль нет, после всего этого, Ваше приветливое слово за июньский №. Значит, Вам понятно было мое слово, и Вы приняли его именно так, как я мечтал, когда писал статью мою. За это спасибо, а то я был уже немножко разочарован и укорял себя, что *поторопился.* И если таких *понимателей*, как Вы, найдется в публике еще немного, то цель моя достигнута и я доволен: значит, не пропало высказанное слово. А тут как раз и обрадовались: «парадоксы! парадоксы!» ... и это говорят именно те, у которых никогда ни одной мысли своей не бывало в голове.

Кстати, здесь в вокзале получаются из русских газет «Московск‹ие› ведомости», «Инвалид», «Голос» и «Journal de St. Petersbourg». «Русского мира» нет. Если, неравно, Вы что-нибудь об июньском № написали в «Русском мире», то осчастливьте меня здесь, в моем мраке, пришлите мне фельетон этот в письме (то есть в простом и обыкновенном конверте, — дойдет).[8] Адрес мой здесь: Allemagne, Bad-Ems. A M-r Theòdor Dostoievsky. Poste restante. Я же пробуду здесь до 7-го августа (нашего стиля).

[а] *Было*: случаться
[б] *Было*: Выводите
* благопристойно (*франц.*).

Пью здесь воды, по никогда бы не решился на муку жить здесь, если б эти воды не помогали мне действительно. Описывать Эмс нечего, нечего! Я обещал августовск‹ий› «Дневник» в двойном числе листов,[9] а между тем еще и не начинал, да и скука, апатия такая, что на предстоящее писание смотрю с отвращением, как на предстоящее несчастье. Предчувствую, что выдет сквернейший №. Во всяком случае, черкните мне сюда, голубчик.

А я Ваш весь и обнимаю Вас сердечно.

Ф. Достоевский.

Супруге Вашей передайте мой поклон и искренне желание всего хорошего, самого лучшего.

632. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

18 (30) июля 1876. Эмс

Эмс 18/30 июля. Воскресение/76.

Милый друг мой, Аня, получил вчера твое письмецо (от понедельника, 12 июля). В том, что ты пишешь о няньках, вижу большие затруднения и предчувствую, что, может быть, и совсем не придется, коли всё так, добыть хорошую няньку, а это и для тебя и для детей очень будет вредно.[1] Как это, право, несносно, вот тебе Старая-то Русса, а что всему вредят Прасковья и Аграфена, то в этом сомнения нет. И какая же мерзкая эта нянька, если била Федю. Помнишь, 4 года назад, когда мы вдруг уехали в Петербург из Руссы с Любочкой, то оставили Федю на Прохоровну; ну вдруг теперь бы случилось уехать и пришлось бы оставить детей лишь на няньку, как тогда, и она бы принялась бить их — что бы они вынесли одни, без папы и без мамы? Как тосковали бы в грусти их маленькие, обиженные души. Кстати, ради бога, береги их от коклюша, про который ты пишешь. Но все-таки дал бы бог тебе няньку, а то в самом деле тебе отдохнуть и успокоиться нельзя будет. Это меня очень беспокоит. Обрадовало меня, однако же, то,[а] что сама со вторника начнешь (то есть теперь в эту минуту давно начала уже) купаться. Значит, регулы были не 10 дней, а всего только три [б]-четыре дня. Это прекрасно; я верю водам и что они тебя непременно поправят, а я об этом только и мечтаю. Напиши мне и о няньках, и о твоем купанье в подробностях. То, что пишешь об Леше и что он умнеет, меня очень позабавило. Поцелуй и Лилю от меня, за то, что хочет «потрудиться для бога»; [2] а Федю поцелуй и скажи, что здесь все большие и

[а] *Далее*: что ты пишешь
[б] *Было*: три дня

дети катаются на ослах, и что очень много[в] собачек возят тележки, и что я непременно когда-нибудь повезу его с Лилей за границу посмотреть и покататься. Мне здесь по-прежнему ужасно скучно, хотя нервы поправились, сплю я хорошо и вошел мало-помалу в силу. Орт утверждает, что всё это — самое обыкновенное действие вод, над всеми наблюдаемое, и утверждает, что лечение мое идет правильно и успешно и что у меня расширилась и очистилась грудь, так что воздуху я вдыхаю за раз больше и легче. Это и действительно так. Я в третьем этаже, 4 лестницы, а я всхожу по ним без малейшей одышки. У Орта я бываю каждые 6[г] дней и даю ему каждый раз 10 марок, то есть три талера 10 грошей (малый золотой), чтоб был внимательнее. Думаю описать Эмс в «Дневнике»,[3] но «Дневник» еще только составляю, а всё еще не начал, и он ужасно меня беспокоит. Когда гуляю, всё останавливаюсь у детей и любуюсь ими или заговариваю. Останавливаюсь и у маленьких годовых ребят — всё воображаю в каждом Лешу, который наверно меня не узнает. Какой-то Мельницкий, из Москвы, еще молодой человек, подошел раз ко мне и объявил, что мы познакомились в Эмсе еще третьего года;[д] я обошелся вежливо, но его не помню, и он теперь не подходит. Здесь много чрезвычайно даже хорошеньких женщин и прекрасно одетых, но я на них не смотрю. Читаю газеты и изредка Zolà.[4] Табак у меня кончился, и я сел на сквернейшие папиросы. Деньги так и идут, хотя и сильно экономизирую. Много думаю (с тоской и мукой) об окончании года, о «Дневнике» и обязательстве Некрасову.[5] Ужасно, ужасно! А главное, я совсем один, совсем один.

Ты, «чтоб я не очень беспокоился» (твои слова), разъясняешь мне встречу «*с ним*» — встречей в Петербурге твоего прежнего жениха В. Милый друг Аня (хотя друг коварный), я думаю, что ты меня капельку обманываешь, с самым, впрочем, добрым намерением с твоей стороны, именно, «чтоб меня успокоить». Ты, будучи в приятном и веселом волнении, кончила запрошлое письмо известным post scriptum'ом.[6] Этот post scriptum совсем не гармонирует с письмом: видно, что он вдруг приписался, от волнения, почти нечаянно, а кончая письмо, ты и не знала, что напишешь его, если б в промежутке не последовало встречи с ним ‹*3 нрзб.*›. Да и почерк другой, литеры поставлены как попало, рука дрожала — это всё видно, ну могло ль бы это быть, если б встреча эта относилась к В-ну еще 4 дня назад? Отчего же ты в первом своем письме не написала об этой встрече, а только во 2-м?[7] И наконец, ты сама знаешь, я никогда, никогда не ревновал тебя к В-ну, да и знаешь, что не буду ревновать, а ты пишешь: «отгадай кого и ревнуй».

в *Далее начато*: езд‹ят›
г *Было*: 5
д *Далее начато*: когд‹а›

Просто-запросто я объясняю так: встретила его, ‹*нрзб.*› хорошо танцующего и *похожего на меня*, была увлечена, сердечко вспрыгнуло и вот, чтоб подразнить папу (что, впрочем, очень было мило, потому, что невинно и весело) — написала post scriptum: «угадай кого и ревнуй». Затем, отослав, задумалась, раскаялась, пожалела папу: «начнет, дескать, ревновать», дай напишу про В-на. ‹*Три строки нрзб.*›. Что же до В-на, то, конечно, и того повстречала в понедельник в Гостином дворе, и я этому совершенно верю. Вот он и пригодился теперь как отвод. Весь этот вывод, Аня, я сделал невольно, на тебя не сержусь, ножки твои целую, а все-таки мне тяжело, что ты отнимаешь от меня доверие, потому что это дурной для меня знак. Ты уж не вздумай рассердиться на меня; я надеюсь на твой ум, ты не рассердишься. Но, голубчик мой бесценный, очень тяжело здесь мечтать и соображать, подводить выводы, шансы и проч. Ну, довольно, целую тебя беспрерывно, а любовь моя прибавляется с каждым днем. Не вздумай, что это ревность прибавляет любви и что помучить человека ревностью в таком случае иногда очень полезно.

Что же до г-на В., то я, ангел мой, с большим, с большим удовольствием прочел, что ты обошлась с ним ласково и приветливо и что вы «расстались друзьями». Об этом г-не В. я здесь довольно много думал и сообщу о нем тебе мои мысли при свидании. Что же до мнения Марьи Михайловны, то она хоть и премилая женщина, но и довольно ограниченная, и никогда не поймет иных вещей. По-моему, твои слова: «А право, я была тронута таким восторженным приемом» — самые естественные и благородные. Нельзя не интересоваться таким искренним и *совершенно бескорыстным* чувством, как его чувство к тебе. Сколько я о нем получил через тебя понятия — это не такой человек, который бы решился загрязнить свое чистое чувство к тебе исканием интриги: тогда разрушился бы его идеал, воплощенный в тебе, и он бы разочаровался и стал несчастным. Равно и ты. Ты до того развита и великодушна, что сама понять не можешь, что перейдя через меру, — только горестно удивишь его и не только не станешь ему милее, но даже выйдет совсем напротив. К нему-то уж я никогда ревновать не буду, да ведь ты и сама это знала. Вот почему и слова твои в post scriptum: «Отгадай кого и ревнуй» и восклицание: «*Его!*», я совсем не могу отнести к нему: совсем неправдоподобно. Напротив, если я ревновал (а я тебя всего и ревновал-то однажды), то это именно к тому ‹*три строки нрзб.*› не сердись, не сердись, ангел мой, Анька, женка ты моя бесценная, согласись, что если и есть во мне маленькая ревность, то ведь это чувство «невольное»...

Целуй детей покрепче, меня не забывай. Дай вам всем господь покой и порядок, чтобы хоть недели-то три отдохнуть. Пиши, Анька. Всякое известие о тебе и о вас всех — обновляет

меня здесь и оживляет, точно лекарство. Письмо твое, каждое, по обыкновению перечитываю раз по десяти. А обо мне не беспокойся, я сам об себе беспокоюсь. Кстати, здесь ужасно легко простудиться. Например, третьего дня: накануне стоял жар в 24 градуса в тени. Утром в 6 часов просыпаюсь — туман сел на всё, всё белое, как зимой. Выхожу ровно в 7 часов на источник и вдруг чувствую такой холод, что воротился и надел пальто. Когда пришел к источнику и взглянул на термометр, — то увидал, веришь ли 10° в тени — ведь это зима! Прошел час, взошло солнце, туман исчез, подхожу к термометру — 18° в тени. В тот же день в час пополудни — 24° в тени. На расстоянии шести часов — 14° разницы!

Ангел мой, сегодня утром слышал увертюру из «Фиделио» Бетховена.[8] Выше этого ничего не создавалось! Это в легкограциозном роде, но с страстью, у Бетховена везде страсть и любовь. Это поэт любви, счастья и тоски любовной! Ну до свидания, до свидания все! Молюсь за тебя. Итак, мама уехала! Дай вам бог покоя. Боюсь за вас ужасно!

Если б случилось что с тобой или с детьми, — то ничего не скрывай, пиши тотчас.

Твой весь Ф. Достоевский,
целует тебя бессчетно, день и ночь!

633. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

21 июля (2 августа) 1876. Эмс

Эмс. 21 июля / 2 августа /76. *Среда.*

Милочка Анечка, вчера получил твое письмо от 15 июля. Во-первых и прежде всего, расцелуй Федю и поздравь его с прошедшим днем рождения; если я и не написал прежде, то здесь про себя помнил о его празднике и мысленно поздравил его. Во-вторых, напиши маме и поблагодари ее от меня за ее приписку и поздравление.[1] Милый друг, если мама уехала,[2] а у тебя еще и няньки нет,[3] то воображаю, как тебе тяжело оставаться одной с детьми при нашей дрянной прислуге. Да неужели нет возможности переменить их всех, — иначе они нас просто в кабалу возьмут, а тебя измучают. Всё это меня беспокоит немало, верь мне, Анька. Я очень рад, что ты вздумала отслужить молебен, так и надо.[4] Всего больше скучаю о том, что так редко получаю твои письма: из двух дней в третий (а в сущности в 4-й) получать от тебя известия очень тяжело. Нельзя ли, голубчик, через день; хоть ничего нового не будет [a] в письме, а все-таки я прочту твое: «мы здоровы» и буду спокойнее. Я не

[a] *Было*: нет

требую больших писем, пиши хоть по одной страничке (да и нельзя иначе при переписке очень частой), а все-таки присылай почаще.[5] Все-таки я буду покойнее. Я, мой ангел, замечаю, что становлюсь как бы больше к вам приклеенным и решительно не могу уже теперь, как прежде, выносить с вами разлуки. Ты можешь обратить этот факт в свою пользу и *поработить* меня теперь еще более, чем прежде, но порабощай, Анька, и чем больше поработишь, тем я буду счастливее. Je ne demande pas mieux.* С 18 на 19 число я вынес ночью ужасный кошмар, то, что я тебя лишился. Если б ты знала, Аня, как я мучался. Вся твоя жизнь со мною припомнилась мне, и я укорял себя, как мало ты была вознаграждена, и, поверишь ли, кошмар продолжался и весь день после того, как я пробудился, так он был жив. Всё 19-е число я продумал о тебе и протосковал, и если б возможно было хоть на 10 минут с тобой свидеться, то, кажется, я был бы безмерно осчастливлен. Напиши непременно, не случилось ли с[б] тобой чего-нибудь восемнадцатого или 19-го числа. А в следующую ночь, то есть на утро в 5 часов, когда проснулся и встал ногами с постели, то почувствовал такое сильное головокружение, что не мог держаться на ногах и падал, и так было минуты три. Затем головокружение, хоть и в меньшей степени гораздо, продолжалось весь день. Я был на источнике, потом у обедни, но всё не проходило. Когда стал читать, то буквы мелькали тускло, хотя и мог читать. Вечером пошел к Орту (о котором отчасти переменил мнение: он человек довольно симпатичный, и когда очень надо, то вникнет, а знание его, как врача, здесь не подвержено сомнению и он пользуется даже славой). Я попросил его осмотреть меня и сказать, не будет ли со мной удара? Он осмотрел меня чрезвычайно внимательно, со всеми приемами: сжимал мне голову, прислушивался, закрывал мне глаза и внезапно открывал их, — и положительно сказал мне, что нет ни малейшей опасности,[в] что не только удара не может быть, но что у меня даже и не к голове прилив крови, а только так кажется; но что всё это происходит от моей болезни (легких), что вследствие эффекта действия вод несколько парализован был желудок, который, в моей болезни, совершенно подчинен расстроенным легким, но что всё это временное и при дальнейшем питье кренхепа уничтожится; кроме того, воды действуют на меня на этот раз несколько сильнее, чем прежде, но что всё это по ходу болезни и что все эти припадки головокружения через два-три дня пройдут сами собой. Впрочем, дал мне порошки (Зейдлица) от нервов и желудка и приказал, не ужинав, принять на ночь — «и вы проспите прекрасно и всё пройдет». Так я и сделал, принял порошок и спал

[б] *Далее было*: того чего
[в] *Далее было*: но что всё
* Я не желаю ничего лучшего (*франц.*).

превосходно и сегодня, 21-го, чувствую себя как всегда. На вопрос же мой (положительный) — так ли развилась моя болезнь, что мне уже недолго жить? — он даже засмеялся и сказал мне, что я не только 8 лет проживу, но даже 15, — но прибавил: «разумеется, если климат, если не будете простужаться, если не будете всячески злоупотреблять своими силами, и вообще, если не будете нарушать осторожную диету». Всё это, милый мой ангел, пишу тебе в такой подробности, чтоб ты за меня не беспокоилась (что видно из письма твоего): всё, стало быть, по-старому; болезнь хоть не пройдет, но будет действовать очень медленно, разумеется, при некоторых мерах всегдашней предосторожности; но мало-помалу ведь и это можно устроить.

Здесь вчера на водах я встретил Елисеева (обозреватель «Внутренних дел» в «Отеч‹ественных› записках»), он здесь вместе с женой, лечится, и сам подошел ко мне. Впрочем, не думаю, чтоб я с ними сошелся: старый «отрицатель» ничему не верит, на всё вопросы и споры, и главное, совершенно семинарское самодовольство свысока.[6] Жена его тоже, должно быть, какая-нибудь поповна, но из разряду новых «передовых» женщин, отрицательниц.[7] Он хотел здесь по случаю приезда священника склонить его торжественно отслужить молебен за успех черногорского оружия (была телеграмма о большом сражении и победе черногорцев)[8] и склонял меня уговаривать Тачалова (священника).[9] К обедне сам не пошел, а я Тачалову сказал, но тот благоразумно уклонился под предлогом, что известие о победе еще недостаточно подтвердилось (и правда), но я уговорил Тачалова сделать русским приглашение подписаться на славян. Это он сделал, был у меня, написал бумагу (воззвание), под которой подписался и сам пожертвовал 15 марок, я подписался сейчас после него и тоже дал 15[г] марок, затем от меня он пошел к Елисееву: не знаю только, подпишется ли Елисеев, ибо семинаристы любят лишь манифестации, а пожертвовать что-нибудь очень не любят. Затем бумага пойдет через церковного сторожа по всем русским. Составится ли что-нибудь, неизвестно. Сегодня я Елисеевых на водах не встречал. Не рассердился ль он на меня за то, что я вчера кольнул семинаристов. Жена же его на меня положительно осердилась: она заспорила со мной о существовании бога, а я ей, между прочим, сказал, что она повторяет только мысли своего мужа. Это ее рассердило очень. Вообрази характер и самоуверенность этих семинаристов: приехали оба лечиться, по совету петербургского доктора Белоголовова,[10] а здесь не взяли никакого доктора, свысока уверяют, что это вовсе не нужно, и принялись пить кренхен без всякой меры: «Чем больше стаканов выпьем, тем лучше» — и не имея даже понятия о диете.

[г] *Было*: несколько

Голубчик мой, я всё еще не принимался за работу, и клянусь тебе, Аня, отчасти виною ты: всё об тебе думаю, мечтаю, жду твоих писем, — и не работается. В такой тоске, в которой я пробыл 19-е, можно ли было работать? Но, ради бога, пиши мне о всех своих обстоятельствах и не скрывая в письмах неприятностей: иначе я буду мучиться и преувеличивать. Есть ли, наконец, нянька? Ах, ангел мой, тяжело мне здесь без вас. Я, впрочем, всё исполняю: пью воды, делаю моцион. С кушанием только справиться не могу: дают страшную скверность. Напрасно, милочка, не прислала мне письмо того провинциала, который ругается. Мне это очень нужно для «Дневника».[11] Там будет отдел: «Ответ на письма, которые я получил».[12] И потому, если можно, пришли его с первой почтой, не жалея марок и *не уменьшая письма своего*. Напиши мне тоже *ясно* и *точно* и *непременно* о моем пальто: где я его, приехав в Петербург, найду? Ну, до свидания, ангел мой, целую тебя до последнего атома и в особенности ножки твои. Госпожа ты моя и владычица, не стою я тебя, но обожаю, и женку мою никому не отдам, хоть и не стою. Целуй детей, Федю, Любу, особенно Лешу. Благословляю их.

Твой весь всем сердцем Ф. Достоевский.

На конверте:

Russie
Staraya-Roussa
(Gouvernement de Nowgorod)
В старую Руссу (Новгородской губернии).
Ее высокоблагородию Анне Григорьевне *Достоевской.*
(дом Гриббе).

634. Л. В. ГОЛОВИНОЙ

23 июля (4 августа) 1876. Эмс

Эмс. $\frac{\text{23 июля}}{\text{4 августа}}$ 76.

Многоуважаемая Любовь Валерьяновна,

Пишу к Вам в город Гадяч, а сам не уверен, точно ли Вы этот город назначили мне, когда позволили писать к Вам, — такова моя ужасная память.[1] Я понадеялся на нее и не записал Ваш адрес тогда же, вот будет беда, если я ошибся, и это тем более, что, очутившись в Эмсе совершенно один, ощутил истинную потребность напомнить о себе всем из тех, от которых видел искреннее и дорогое для меня участие. Здесь я всего две недели, а в Петербурге, в последний месяц особенно, так был занят и столько было у меня хлопот, что даже и теперь вспо-

минаю с тоской.[2] А, впрочем, и здесь пе лучше: я пикак не могу быть один. Здесь шумная, многотысячная толпа со всего света съехавшихся лечиться, и хоть русских много и нашел даже знакомых, но всё не те, а потому скучаю ужасно. Восхитительные здешние виды и окрестностей и города даже еще усиливают тоску: любуешься, а не с кем поделиться.

Но я всё о себе. Каково Ваше здоровье? Весело ли Вам? Сколько я Вас разглядел, Вы прекрасная мать, любите Ваш дом и сверх того любите Вашу Малороссию. О том, как Вы будете жить летом в Гадяче, Вы говорили мне с весельем и удовольствием. Лучше этого, то есть лучше таких чувств и наклонностей, ничего бы и не надо. Но неужели Вы и вправду не светская женщина?[3] Если б я был па Вашем месте, мне кажется, я непременно, хоть на время, стал бы светской женщиной, несмотря на то, что это и вправду скучное запятие. Пусть это было бы даже и жертва, но я счел бы себя даже обязанным принесть эту жертву. Впрочем, развивать этого не стану, да и сопоставление себя с светской женщиной считаю очень смешным, хотя, право, у меня была какая-то мысль.

Мне хочется тоже пожелать Вам как можно больше счастья. Мне кажется, счастье всего больше Вам пристало, оно к Вам идет. Я хоть и довольно уединенный человек, но знаю нескольких женщин, даже немало, которые со мной и искренни и доверчивы. Так как я всего более люблю искренность, то поневоле часто вспоминаю о друзьях моих, в то время когда случается их покинуть, как теперь например. Перебирая в воображении и в сердце все эти знакомые и милые лица, я всякой из них чего-нибудь да пожелаю, и именно того, что, по взгляду моему, каждой из них наиболее идет. Одной я пожелал даже испытать какое-нибудь сильное ощущение, вроде даже горя — потому что, показалось мне, ей это решительно необходимо, ну уже конечно на минутку. Но Вам, воображая Вас, я несколько раз даже пожелал уже беспрерывного счастья, без малейшего облачка, и это во всю жизнь. Так мне кажется. Припоминая Ваш образ и Ваше лицо, я не могу представить Вас иначе, как в счастье. Оно к Вам идет и именно пристало, почему — не знаю. Зато знаю то, что желаю Вам счастья, и не потому только, что оно к Вам *идет*, а и от всего искреннего моего сердца, много, много, и да благославит Вас бог.

Здесь я встретил барона Гана, помните того артиллерийского генерала, с которым мы лечились вместе под колоколом.[4] Я бы его не узнал, он был в штатском платье. «Как, вы не узнаете меня, а помните, как мы вместе сидели под колоколом, а вместе с нами такие хорошенькие дамы». После этого напоминания я конечно сейчас узнал его. Он рассказал мне, что Фрёрих в Берлине приговаривал его к смерти и что болезнь его неизлечима, но что сейчас затем он поехал к вундерфрау[5] в Мюнхен (о которой Вы, верно, что-нибудь слышали; она лечит каким-то осо-

бенным секретом, и к ней съезжаются со всего света) и что та ему чрезвычайно помогла, — «но это было прошлого года, а нынешний год, представьте себе, она прогнала меня и не захотела лечить, и вот я здесь». Здесь же, то есть в Эмсе, он лечится уже не сгущенным, а разреженным воздухом — «и представьте, ведь помогает». Я сказал ему, что и я тоже приговорен и из неизлечимых, и мы несколько даже погоревали над нашей участью, а потом вдруг рассмеялись. И в самом деле, тем больше будем дорожить тем кончиком жизни, который остался, и право, имея в виду скорый исход, действительно можно улучшить не только жизнь, но даже себя, — ведь так? И все-таки я упорствую и не верю докторам, и хоть они и сказали все, хором, что я неизлечим, но прибавили в утешение, что могу еще довольно долго прожить, но с тем, однако ж, непременным условием, чтоб непрерывно держать диету, избегать всяческих излишеств, всего более заботиться о спокойствии нервов, отнюдь не раздражаться, отнюдь не напрягаться умственно, как можно меньше писать (то есть сочинять) и — боже упаси — простужаться; тогда, о тогда при соблюдении всех этих условий «вы можете еще довольно долго прожить». Это меня, разумеется, совершенно обнадежило.

Впрочем, барон Ган совершенно не собирается умирать. Статское платье его сшито щегольски, и он с видимым удовольствием его носит. (Генералы наши, я заметил это, с особенным удовольствием надевают статское платье, когда едут за границу.) [6] К тому же здесь так много «хорошеньких дам» со всего света и так прелестно одетых. Он, наверно, снимет с себя здесь фотографию, в светском платье, и подарит карточки своим знакомым в Петербурге. Но это премилый человек.

Вы любите и семью, и дом, и родину, и стало быть, Вы патриотка. А коли патриотка, то любите и близкое России, совсем русское дело освобождения славян. Здесь, в курзале, множество газет, есть и несколько русских. Большое развлечение час прихода почты, когда тотчас же схватываешь газеты и читаешь — разумеется, прежде всего о славянах. Если Вы следите тоже за этой драмой у славян, то советую Вам читать «Московские ведомости»; в этой газете всё об Восточном вопросе изложено яснее и понятнее, чем во всех других. Это именно высшее понимание дела. — Ну вот исписал все 4 страницы, а меж тем, право, хотел Вам сказать хоть не больше, так что-нибудь получше. Но так всегда; я писем писать совсем не умею. Но не взыщите, многоуважаемая и добрая Любовь Валерьяновна, и поверьте моему глубочайшему к Вам уважению и всем тем хорошим чувствам, которые ощущаю в сердце моем всегда, когда вспоминаю Вас.

Вам очень преданный Федор Достоевский.

635. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

24 июля (5 августа) 1876. Эмс

$\frac{\text{24 июля}}{\text{5 авг.}}$ Суббота/76.

Бесценная моя женка Анечка, целую тебя за твое ангельское письмецо от 18 июля взасос. Дорогая моя радость, с чего ты взяла, что ты «золотая средина»? [1] Ты редкая из женщин, кроме того, что ты лучше всех их. Ты и сама не подозреваешь своих способностей. Ты ведешь не только целый дом, не только дела мои, но и нас всех, капризных и хлопотливых, с меня начиная до Леши, ведешь за собою. Но ты в моих делах лишь разменялась на мелкую монету. Ты ночей не спишь, ведя продажу и «контору» «Дневника», а между тем мы пока еще собираем гроши, да и будут ли рубли-то впоследствии? Но сравнительно с тобою это всё мелочь. Сделай тебя королевой и дай тебе целое королевство, и клянусь тебе, ты управишь им, как никто — столько у тебя ума, здравого смысла, сердца и распорядительности. Ты приписываешь «как могу я любить такую старую и некрасивую женщину, как ты». Тут ты уж совершенно лжешь. Для меня ты прелесть, и подобной тебе нет. Да и всякий человек с сердцем и вкусом должен сказать это, если приглядится к тебе, — вот почему я иногда и ревную тебя. Ты сама не знаешь, какая прелесть твои глаза, твоя улыбка и твое иногда одушевление в разговоре. Вся вина в том, что ты мало бываешь в людях, а то сама бы подивилась своим победам; но мне, впрочем, это на руку, хотя, Анька, царица моя и госпожа души моей, я пожертвовал бы всем и даже приливами ревности, если б ты полюбила выезжать и развлекаться. Как бы я был счастлив мыслью, что тебе весело. А если б и ревновал, то мстил бы тебе любовью. Я вправду тебе скажу, Анька, что когда ты чуть-чуть принарядишься для выезда и капельку оденешься, то ты не поверишь, как ты вдруг делаешься безмерно моложе на вид и хороша удивительно! Я много раз даже дивился. Вся беда, что ты вечно дома в работе, а потому иногда просто неряшлива.

Нет, Анька, повторяю это, ты должна в эту зиму наделать себе костюмов и выезжать со мною или без меня, всё равно. Ты должна веселиться для моего наслаждения. Работы должно быть меньше, и с «Дневником» во что бы то ни стало надо устроиться иначе, что и введем постепенно, но как можно в скором времени. И наконец, как ты можешь дивиться, что я так люблю тебя, то есть как муж и мужчина? Да кто же меня так балует, как ты, кто слилась со мной в одно тело и в одну душу? Да все тайны наши *на этот счет* общие. И я не должен после того обожать каждый твой атом и целовать тебя *всю* без насыщения, как и бывает? Ведь ты и сама понять не можешь,[a]

[a] *Было*: имеешь

какая ты на этот счет ангел-женочка! Но всё докажу тебе возвратясь. Пусть я страстный человек, но неужели ты думаешь, что (хоть страстный[6] человек) можно любить до такой ненасытности женщину, как я тысячу раз уже тебе доказывал. Правда, все те бывшие доказательства — ничто; а теперь, возвратясь, я тебя, кажется, съем! (Ведь это письмо никто не прочтет и ты никому не *покажешь.*)

Ну, теперь о деле: мама уехала, а ты одна, а про няньку ни слова, значит, ее всё еще нет, ну так какое же после того твое спокойствие? Не успокоюсь прежде чем узнаю о няньке. Рад, что берешь ванны. Милый Лешка, я ужасно буду рад, когда его увижу. Пиши тоже мне и об Феде. Милая Лилька! Ах, Анька, как бы нам что-нибудь заработать. Ты пишешь мне свою обыкновенную поговорку, что мы странные люди: десять лет прожили, а всё больше и больше любим друг друга. Но проживем и 20 лет и пророчу тебе, что и тогда ты напишешь: «странные мы, 20 лет прожили, а всё больше и больше любим друг друга». Я, по крайней мере, за себя отвечаю, но проживу ли 10 лет, за это не отвечаю. Впрочем, здоровье мое хорошо, но не знаю, успешно ли будет лечение. Нервами я несравненно крепче, во время прогулок мне надобно вдвое против прежнего пройти, чтоб устать. Впрочем, и лечение, кажется, будет успешное. Здесь мне встретился некто барон Ган, артиллерийский генерал в Петербурге, с которым мы вместе сиживали у Симонова под колоколом.[2] Он рассказал мне, что Фрёрих в Берлине сказал ему, что он *неизлечим*, но он (прошлого года) ездил к вундерфрау[3] в Мюнхен (ты, вероятно, слышала, она лечит всех от болезней каким-то своим секретным способом и всех вылечивает, и к ней съезжаются со всего света, а доктора в Германии — ни слова не смеют сказать против, потому, что вылечивает совсем неизлечимых) и что она *очень* помогла ему, так что и теперь он себя чувствует прекрасно. Впрочем, он тоже пьет здесь кренхен. Вот бы на будущее лето мне съездить в Мюнхен, да и с тобой бы (от малокровия), тем более, что она денег почти не берет. Всё лечение у ней не более 10 дней, так что, в случае неудачи, всегда можно отправиться потом на кренхен. Это я, разумеется, в том случае говорю, когда твердо буду уверен, что 500 руб. на поездку воротятся потом пятью тысячами. Но во всяком случае здесь, теперь, и здоровье и, кажется, лечение мое как нельзя лучше идут. Но вот в чем страшная беда, Анька: «Дневник», «Дневник»! Я только что сел писать и вижу по всему, что запоздал до невозможности.[4] Мне остается здесь писать дней 12, но что это за дни! Веришь ли, совсем нет времени! Встаю в 6, одеваюсь и в 7 пью воду. Возвращаюсь в 9, завтракаю и отдыхаю до 10 (ибо всё моцион делал). С 10 писать, полчаса на приготовку и пишу до 12, но

[6] *Было*: и в страсти

с 12 до часу опять моцион, так предписано. В час обед, после обеда нельзя сейчас приниматься, а главное, это время у меня на письма иногда уходит (вот почему, Анька, не сердись, если теперь начну писать маленькие письма). В 4 часа опять на воды, в 6-м домой; тут надо сесть за переписку, но в 7 опять вставать и делать большой моцион! В 8 чай, а затем в 10 спать, — так что, в сущности, всего часа 2 на сочинение и часа $1^1/_2$ — на переписку — ужас, ужас! Что я написать могу? то ли дело дома ночью? Да и «Дневник» выходит такой дрянной, такой мизерный, а его, как нарочно, надо бы издать как можно щеголеватее, иначе капут! Одним словом, Анька, я в тоске, в литературной тоске. Да, кроме того, тоска об вас: не случилось ли с вами чего? От этого я уже решил, что не могу избавиться. Я думаю, Аня, что выеду отсюда 7-го августа. Я рассчитал, что могу еще дней 9 заниматься и писать в Старой Руссе, то-то бы хорошо. Ангел, я у твоих ног, целую и обожаю тебя. Молюсь тебе и за тебя. Целую взасос, всю, *всю*. Целую деток. Скажи им, что папа приедет скоро. Ах, голубчик, кабы вас уберег господь! Ах Анька, кабы бог тебе послал хоть капельку поздороветь. Пишешь, что нет книг. Но друг мой, ведь есть «Библиотека для чтения», на которую можно подписаться. Не жалеть же грошей.

Твой весь, обожатель твой и влюбленный в тебя муж твой

Ф. Достоевский.

P. S. Анька, радость, вспомни, что ты мне давно обещала писать всё, всё. Сдержи слово моя ‹*нрзб.*›. Это очень важно, очень важно. Слышишь ли, *понимаешь ли*? ‹*3 нрзб.*›.

Целую 5 пальчиков на твоей ножке.

Целуй детишек.

636. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

26 июля (7 августа) 1876. Эмс

Эмс. $\frac{\text{26 июля}}{\text{7 августа}}$ 76. Понедельник.

Бесценная Анечка, спешу ответить на твое письмо от 21 (именно спешу, потому что времени совсем нет из-за «Дневника»). Напрасно, ангел мой, так встревожилась моею ревностью, я хоть и помучился, но теперь я опять *во всё* хорошее верю, а в Аньку я всегда верил и буду верить. Но об этом потом, приеду, наговоримся. Аня, я решил, что 7-го августа (то есть в субботу, на будущей неделе) непременно отсюда выеду, потому что в пятницу кончится ровно 4 недели моему леченью.[1] Орт говорит, что и не надо больше. Вот только не знаю, пойдет ли впрок мне леченье. Боюсь, что мало, хотя уже теперь

чувствую себя сильно укрепившимся: нервы спокойны и даже физической силы больше, нужно вдвое пройти пешком против прежнего, чтоб почувствовать усталость. Зато здесь с самого приезда чувствую усиление хрипоты (орган), но вместе с тем ощущаю ясно и чрезвычайное расширение дыхания, то есть уменьшение одышки. Что-то скажет конец лечения. Гаргаризирую горло и боюсь не простужусь ли, потому что беспрерывно осипаю. Завтра схожу к Орту. Елисеевы находят, что я очень поправился, и удивлялись, когда я сказал, что мне 54 года; они дают мне 40 лет *с небольшим.* (Ужасно странные люди, она же пресмешная нигиляшка, хотя и из умеренных.) [2] Но во всяком случае выеду 7-го, и потому, милый ангел, на это письмо ты мне ответь, а потом напиши 2-го августа (*непременно*, то есть напиши 1-го, а чтоб непременно пошло 2-го). Я получу его 6-го, то есть накануне отъезда. Ты же после этого письма, то есть которое *отправишь* 2-го, уже не пиши больше. Я же буду продолжать писать до конца и даже напишу накануне, чтоб ты успела выслать Андрея [3] туда, где пристают пароходы (у Звада,[4] что ли?). Но вот беда: хоть и решил, что выеду 7-го, но не знаю, приеду ли в Руссу 12-го, ибо, пожалуй, замешкаюсь день и приеду 13-го. Впрочем,[а] напишу еще [б] накануне выезда, а если надо будет, то и из Берлина, потому что письмо из Берлина во всяком случае прибудет в Руссу раньше моего.

Пишешь о детях и опять ничего о няньке! Стало быть, всё еще нет этой проклятой няньки, и тебе не удастся отдохнуть! Да и не понимаю, как же живут теперь дети без няньки. Не можешь ты всё за ними *ходить*, а они не могут подле тебя сидеть. Целуй детей крепко. Ангел мой, за работой бьюсь и тоскую: нет времени работать, да и только; подвигаюсь ничтожно, выходит дрянно.[5] Вообрази, сегодня мог только писать, но ни строчки не успел переписать. Давно надо сходить в ванну и не нахожу [в] времени. Письма писать буду маленькие. Вс. Соловьев прислал мне ответ на мое письмо и статью свою в «Р‹усском› мире» об июньском «Дневнике», наполненную самыми восторженными похвалами.[6] Статья длинная. Пишет, что отрывки из нее перепечатало «Новое время» и отозвалось *с величайшей похвалой.* Он пишет, что июньский «Дневник» производит сильнейшее впечатление, и что он знает это наверно, и что слышал и слышит беспрерывно множество хвалебных отзывов.

Ты, ангел мой, пишешь, чтоб я не беспокоился и как приеду, ты мне всё перепишешь. Но, добрейшая ты моя, каково же мне-то, только что приеду и сейчас опять тебя впрячь в работу. Это мне слишком тяжело, слишком огорчительно. Впрочем, хотя медленно, а всё же подвигаюсь. Главное, я надеюсь, что, при-

---

а *Далее было*: если
б *Далее было*: или
в *Было*: нет

ехав, буду иметь еще дней 9 или даже 10 работы и что-нибудь всё же успею сделать. Хоть бы в два-то с $1/2$-й листа выдать, и кабы не совсем дрянь.

До свидания, моя бесценная, моя жена и любовница ‹*полторы строки нрзб.*›. Голубчик, обещаешься потолстеть, потолстеть, — вот это так прелесть: и здоровья больше и *всего* будет больше. Ангел мой, не взыщи за слова, я тебя во сне вижу. Целую тебя беспрерывно. Целуй детей. Твой весь до капли муж

Ф. Достоевский,

а ты его госпожа.

P. S. Да любишь ли ты меня? Правда ли?

P. P. S. Не беспокойся за меня, что я мучаю себя работой. Я не мучаю. Напротив, время от 8 до 10 вечера перед сном положил совсем не работать, чтоб свежее была голова, и тем сам у себя уменьшил часы работы. Во всяком случае работа тем хороша, что ужасно сокращает время. А то скука, скука!

Целую твою ножку и пяточку. (Целую и не нацелуюсь, всё воображаю это.)

А ты меня ни разу во сне не видала?

637. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

30 июля (11 августа) 1876. Эмс

Эмс: $\frac{\text{30 июля}}{\text{11 августа}}$/76. Пятница.

Бесценная моя Аня, вчера получил твое письмо от 24 июля, суббота (а пошло из Старой Руссы в воскресенье 25-го, что значится по конверту) и отвечаю лишь сегодня, потому что страшно занят работой, а подвигаюсь ужасно медленно и ничтожно; что из этого выйдет — и думать боюсь. Но не беспокойся обо мне. Итак, няньки нет. Нет, Аня, что ты там ни пиши, а без няньки худо, и не верю я, чтоб дети не мучили тебе нервы? Да неужели, опять-таки, нельзя прогнать совсем Лукерью и Аграфену, иначе они нас в кабалу возьмут. Я из письма твоего даже замечаю, что ты недовольна Лукерьей.[1] За известия о детях спасибо, милый друг. И как ты умеешь хорошо это всё заметить и написать. Федины слова об ослах верх совершенства.[2] Верю, что ты возишься с детками и наблюдаешь их не хуже няньки, но это худо, худо. Правду ли ты пишешь, что леченье тебе приносит пользу? Ах кабы так, милочка. Ты была очень расстроена и устала, и трудно представить, чтобы уж одиннадцатью ваннами ты начала поправляться. Обещалась потолстеть, дай тебе бог не для одного *того. То* само собою, и мы спуску не дадим. Но дай тебе бог совсем поправиться и стать к 30 годам толстой, здоровой барыней. Вот уж целовать-то буду за это и

утешаться на тебя. И совесть, и дух, и сердце мое будут спокойны.

Я уже тебе написал в последнем письме, что 7-го августа, в субботу, наверно отсюда выеду. Так и постараюсь сделать. Если правильно поеду, без особых задержек и приключений, то 12-го буду в Руссе. Во всяком случае, двенадцатого вышли лошадей в то место, куда пристает пароход. Впрочем.[а] напишу об этом накануне выезда отсюдова. Леченье, кажется, принесет мне пользу наверно и даже приносит и теперь. Язык у меня совершенно чистый, чего никогда не бывает в Петербурге, а аппетит у меня жестокий, хотя кормят меня решительно дрянью. И веришь ли, я потолстел, и если не похудею к 12-му, то сама заметишь, потолстел наверно больше твоего. Вот только нервы иногда расстроены, и боюсь, не навернулся бы припадок: вот уже будет некстати. К тому же здесь, наконец, скука становится до безобразия невыносимою, и хоть и тяжело работать, но работа всё же сокращает время. Елисеевы, кажется, на меня рассердились и сторонятся.[3] Дряннейшие казенные либералишки и расстроили даже мне нервы. Сами лезут и встречаются поминутно, а третируют меня, вроде как бы наблюдая осторожность: «не замараться бы об его ретроградство». Самолюбивейшие твари, особенно она, казенная книжка с либеральными правилами: «ах, что он говорит, ах, что он защищает»!.. Эти два[б] думают учить такого как я. Сюда приехала Лихачева (Лихачевой и Сувориной издания), была в Белграде из либерализма, нечто засушенное в либерализме и только и говорит, что о гуманном сострадании к сербам, но, кажется, сплетница.[4] Узнав, что я фельетонов Суворина из Константинополя не читал с Петербурга, она предложила мне «Новое время»,[5] которое было при ней, и прислала его мне с своим сыном, 16-‹летни›м подростком. Он тоже был в Белграде, и мне понравился. Я оставил его у себя на четверть часа и начал учить *не*либерализму, причем ввернул, что *семинаристы* у нас многому повредили, не намекая ничуть на Елисеева. Вечером же, встретив их, увидал холодность и полагаю (по некоторым данным), что мальчик передал мой разговор матери, а та им. Очень рад буду не встречать их. Встречаясь с ними, я только расстраивал мои нервы.

До свидания, ангельчик мой, красавица моя, свет мой и *надежда* моя. Ты лучше и выше всех женщин; ни одна-то не стоит тебя. Мы сошлись по душе. Дай бог еще нам подольше прожить вместе. А что я буду чем дальше, тем больше тебя любить — это факт! Ну, до свидания, до близкого, кажется, слава богу. Но только как тяжело будет тянуться эта неделя.

Твой весь Ф. Достоевский.

[а] *Далее было*: еще
[б] *Начато*: *а.* гад‹а› *б.* г‹---›

Деток благословляю, перецелуй их.

Целую обе твои ножки и *всё, всё*. Часто очень тебя вижу во сне. Госпожа ты моя, а я тем счастлив.

638. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

2 (14) августа 1876. Эмс

Эмс. 2/14 августа. Понедельник/76.

Дорогая моя милочка Анечка, вчера получил твое письмецо от вторника 27 (пошло 28). Рад, что вы все здоровы, но ты[a] наколола палец, боюсь, чтоб не разболелось, как у меня 10 лет назад. Во всяком случае, с нарывом, должно быть, страдала. Сумела ли лечить-то?[1] Насчет няньки я всё тех же мыслей, как и прежде, и не успокоюсь до тех пор, пока не будет няньки. Пойми, голубчик, что когда я приеду, то тебе втрое тяжелее будет ходить за детьми, да и нам будет это страх неподручно во всех отношениях. Ты говоришь, что дети ведут себя хорошо, но смотреть-то ведь все-таки за ними надо же. Хорошо, кабы ты взяла побольше ванн еще до моего приезда. Я всё в той же уверенности, что выеду в субботу, 7-го августа; так и готовлюсь. Надоело мне здесь, как каторга, несмотря на то, что дни стоят восхитительные, зато просто замучила удушающая невозможная жара. 26 градусов в тени, и это почти уже две недели. Поди, работай в такое время. Ты спрашиваешь насчет гаргаризации? Но ведь я об этом писал: не знаю, что будет, а полощу горло прилежно. Непременно что-нибудь будет, эмские воды действуют сильно. Если хочешь всю правду, то я склоняюсь к одному заключению, к тому именно, что курс мой должен быть в *6* недель, а не в 4. Здесь курс двух видов: в *4* и в *6*. На одних довольно 4-х, другим мало, и им *6*. Это здесь по старому, вековому опыту. Мне страшно помогли воды 3-го года, когда они совсем переродили меня. Тогда я лечился 5 недель и 5 дней. Прошлый же год я лечился всего 4 недели и 5 дней, и уже действие вод было не совсем такое. Если б возможно было пробыть и нынешний раз *6* недель, то, может быть, что-нибудь и вышло бы вроде 3-го года. Но ведь нет никакой возможности пробыть 6 недель ввиду «Дневника». К тому же утешаюсь, что всё это — лишь одно мое предположение. Иные лечутся всего 3 недели. Прошлая зима была очень тяжела погодой, а потому и чувствовал себя хуже, чем 3-го года. К тому же ощущаю, что питье вод сильно на меня действует, то есть нынешний год. В первую половину лечения обыкновенно расстраиваются нервы, снятся кошмары и проч.; это признак, что воды сильно подействовали. Никогда не было этого расстройства и таких кошма-

---

[a] *Было*: так

ров, как в этот раз. Стало быть, и думаю, что воды подействовали. Теперь у меня нервы здоровы, аппетит хороший, силы больше и проч. и проч. Об этом я писал уже.

Письма, присланные тобою (от корреспондентов), я не развертывал вовсе, некогда.[2] Целый день занят, пишу и переписываю, а подвигается так медленно, как никогда.[3] Приехав в Петербург, сдам в типографию, по расчету не более *1 листа* и 4-х страниц. Значит, большую половину придется кончить в Ст‹арой› Руссе. О содержании уж и не говорю, плох. На этот счет я в очень дурном расположении духа.[б] А, впрочем, увидим. В Ст‹арой› Руссе выгадаю себе minimum 10 дней работы, если только не будет припадка.

Очень сержусь на тебя, зачем не ходила ни к Славянскому, ни к Вейнбергу, ни в театр.[4] Несравненно бы сделала мне больше удовольствия, если б пошла, да мало того: взяла бы ложу, а в ложу детишек. Им пора повидать комедию. Ну да не будет же этого. Ворочусь, и всю эту зиму ты должна не отказывать себе в удовольствиях. Я так хочу, слышишь ли, иначе я буду несчастлив.

Здесь у меня всё по-прежнему. За небольшие письма и наскоро — не сердись. Право, слишком много дела. Ну, да скоро встретимся, тогда обо всём переговорим. (Ради бога, к тому времени найди няньку и не торопись, а получше.) Деток перецелуй, говори им, что я скоро приеду. Полагаю, что буду 12. Распорядись насчет лошадей. Жду не дождусь, когда обниму тебя. Долго я пробыл без тебя (не в одном в этом отношении говорю, а душа истосковалась. Иногда нападает вдруг ужасный и внезапный страх: не случилось ли с вами чего?). Да и говорить с тобой хочется, душой поделиться, слишком долго я пробыл один. Да и *в этом отношении* пора бы нам встретиться (ух пора!). Анька, ангел ты мой, всё мое, альфа и омега! А, так и ты видишь меня во сне и, «просыпаясь, тоскуешь, что меня нет». Это ужасно как хорошо, и люблю я это. Тоскуй, ангел мой, тоскуй во всех отношениях обо мне — значит, любишь. Это мне слаще меду. Приеду, зацелую тебя. А ты мне снишься не только во сне, но и днем. Но обожаю и не за одно это. Ты в высшей степени мне друг — вот это хорошо. Не изменяй мне в этом, напротив, умножь дружбу собственной откровенностью (которой у тебя *иногда* нет), тогда у нас пойдет еще в 10 раз лучше. Счастье будет, Анька, слышишь.

Не понимаю, для чего я так понадобился Языкову.[5] Пустяки какие-нибудь. Елисеевы опять[в] повернули ко мне, и любезнее, чем когда-либо.[6] Ну, да всё равно. Хотели уехать 5-го, но теперь как-то оттягивают. Боюсь, чтоб не пришлось возвращаться с ними в одном поезде. Это беда. Но довольно. Еще раз напишу в пят-

---

[б] *Было*: духом
[в] *Далее было*: вчера

ницу. Тогда напишу *наверно*, когда выеду, и все-таки ты письмо получишь дня за 2 до моего приезда. А теперь целую тебя всю, жадно, с мучением и ножку твою бессчетно. Люби меня и жди меня. Деток благословляю, сохрани их бог.

Твой весь, весь Ф. Достоевский.

На конверте:

Russie
Staraya-Roussa
(Gouvernement de Nowgorod)
В *Старую Руссу* (Новгородской губернии)
Ее высокоблагородию Анне Григорьевне *Достоевской*
(дом Гриббе)

639. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

6 (18) августа 1876. Эмс

Пятница, 6/18 августа/76. *Эмс.*

Бесценная моя Аня, получил твое письмо и сегодня, в пятницу, последнее. Хорошо, что пришло сегодня, а то завтра, в субботу, отправлюсь отсюда в 6½ часов утра, и если б пришло в субботу, то я бы не получил. Теперь же пишу лишь несколько строк, потому что занят ужасно, а укладываться даже и не начинал, и скверная прачка не приносит белья. Таким образом, если не будет задержек в дороге, прибуду 12 августа (вышли лошадей). Если будет задержка (которой не предвижу вовсе), то уведомлю из Берлина, а если не будет — не напишу уж больше ничего. Пишешь о квартире и о 50 экземплярах.[1] То-то и беда, что если ключи у Коли, то как успею я дать ему знать и взять их у него, когда в Петербурге буду всего одни сутки?[2] У меня с одной типографией будет столько возни: всё написанное мною и что сдам в типографию, надо будет еще раз перечитать с пером в руках, потому, что здесь не успел.[3] И потому, если ты сама не напишешь Коле, то и не знаю, как это сделать. (NB. С получением же этого письма нечего уже Коле писать: будет поздно.) Думаю, что достану 50 экз‹емпляров› из типографии. Впрочем, как-нибудь дело решится. Пишешь тоже, что Федя ждет, что я привезу; но, голубчик, если мне и удастся купить им платьице, то это не произведет никакого эффекта: он ждет диковинок, игрушек, а как я привезу[a] игрушки? Я об этом много и сам думал, а теперь еще больше озабочен.

Медлить мне здесь лечиться совсем невозможно было, иначе ни за что бы не был кончен «Дневник», а теперь еще есть

---

[a] *Далее было*: еще

надежда, что я допишу его в Ст‹арой› Руссе. Приехав, расскажу мои расчеты. Вчера простился с Ортом; он осмотрел меня подробно и положительно сказал мне: «Vous aurez un bon hiver».* На мое сожаление о невозможности остаться дольше он ответил мне, что дольше 4-х недель и совсем мне не надо оставаться, потому что для приезжающих каждое лето совершенно довольно 4-х-недельного срока. Но довольно, голубчик, спешу; тысячу мелочей еще сделать надо. Обнимаю тебя и целую крепко детишек, тоже и благословляю их. Боюсь в дороге припадка. Спасибо, что хочешь написать еще письмецо на имя Александрова.[4] Елисеевы едут завтра же, но — в Париж. Обнимаю тебя и целую.[б]

Тв(ой) Ф. Достоевский.

Твоя чрезвычайная забота о покупке ‹*нрзб.*› меня очень раздразнила. Эта забота так мила, что я размечтался. Значит, ты очень готовишься. Готовься... прелесть моя, готовься в самом настоящем смысле, а я только целую тебя отсюда мильон раз. Расход ‹*нрзб.*› на ‹*нрзб.*› как-нибудь покрою... Кстати о петербургских расходах: ужасно будет жаль мне, если не удастся сделать, по недостатку денег или почему-нибудь, один тоже совершенно дозволенный расход в Петербурге. Это меня очень озабочивает, тем более что и здесь слишком много думал об этом расходе. Сокровище ты мое, ангел моя женочка, целую твои[в] ножки, о которых мечтаю со страстью. Но до свидания, до свидания.

На конверте:

Russie.
Staraya-Roussa
(Gouvernement de Nowgorod)
В Старую Руссу (Новгородской губернии)
Ее высокоблагородию Анне Григорьевне Достоевской
(дом Гриббе)

б *Далее было*: Кстати.
в *Далее было начато*: руч‹ки›
* «Зимой у Вас все будет по-хорошему» (*франц.*).

640. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

21 августа 1876. Старая Русса

Любезнейший и многоуважаемый Михаил Александрович, вот Вам начало «Третьей главы» (июль-августовского №).[1] Набирайте.[а] Но корректуру уж не присылайте, так как намереваюсь отсюда выехать в Петербург 26-го (стало быть, могу 27-го уже

а *Было*: Печатайте.

быть в типографии).[2] Но еще до приезда моего надеюсь опять что-нибудь выслать.[3]

Мы написали *Печаткину*, чтоб в типографию было доставлено 38 стоп бумаги, но сомневаемся в том, что поставили плохой адрес, так что письмо к Печаткину могло и не дойти.[4] Итак: если Вы в типографии еще не получили бумагу и не получите до понедельника, то пошлите в понедельник к Печаткину напомнить там и объяснить. Опять-таки насчет цензора [6]...[5] Впрочем, к тому времени я сам буду. Вся беда в том, успеем ли справиться, а я здесь всё нездоров.

До свидания, жму Вашу руку.

Ваш Ф. Достоевский.

21 августа. Суббота.

---

[6] *Далее было*: Если б случилось

641. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

23 августа 1876. Старая Русса

23 августа 1876 г.

Многоуважаемый Михаил Александрович,

Напрасно Вы так говорите.[1] Уезжая, я Вам дал полномочие (словесно) на всё, и, уже разумеется, и печатать.

За бумагой, если не получили, надо сходить к Печаткину (Красносельская фабрика Константина Петровича Печаткина) и потребовать 38 стоп. Прошу Вас печатать и не терять времени.

«1876 г.
Июль—август»

Это так, но ведь и об этом мы с Вами уговорились, именно об этом самом заголовке и еще до поездки моей в Эмс, я это очень хорошо помню.

А что же я Вам напишу насчет цензурных вымарок, если я их не видал? [2] Нечего делать, печатайте как есть без меня. И не грех Вам не написать мне, что именно вымарано? Вы пишете: часть главы, но которая? И много ли? Теперь, до приезда в Петербург, день и ночь буду думать, как на угольях. А всего-то стоило написать полстрочки.

Я приеду, как и обещал, не 26-го, а 27-го августа, да и то в самом удачном случае. Я выеду 26-го, но здешние дороги не от меня зависят.

Перед выездом вышлю Вам еще тексту.

А пока Вам преданный Ф. Достоевский.

642. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

25 августа 1876. Старая Русса

25 августа/76. Старая Русса.

Многоуважаемый Михаил Александрович, посылаю Вам еще тексту.[1] Вся беда в том, что не знаю, что именно запрещено цензурою, в какой главе и какой номер. И потому очень прошу Вас вникнуть в нижеследующее.

Если цензор вычеркнул из «Главы второй» и именно об «Идеалисте-цинике» и «Постыдно ли быть идеалистом» (то есть 1 и 2 малые главы),[2] то надо выкинуть их вовсе, а взамен того к «Главе второй» *пристегнуть* две маленькие главы из «Главы третьей» (1. «Русский или французский язык?» 2. «На каком языке говорить отцу отечества?»), переменив, разумеется, соответственно только номера маленьких глав (то есть вместо 1 и 2 «Русский или французский язык?» и т. д. поставить 3 и 4 №№). А затем «Главу третью» начать уже с того, что я Вам теперь (с этим письмом) высылаю, то есть со слов: «Эмс я описывать не буду» (листик 10), и №№ маленьких глав опять переменить соответственно, то есть вместо 3 и 4 поставить 1 и 2-ю, а продолжение я уже Вам сам привезу.[3]

Выезжаю я отсюда не в четверг 26-го августа, а в пятницу, 27-го. В субботу, вероятно, увидимся. Думаю, *наверно*, что 31-го августа *не* успеем выйти. В таком случае, приехав в Петербург, объявлю в газетах, что по независящим обстоятельствам № июль—август выйдет 4-го сентября. Очень может быть, что провозимся до этого срока, но надобно иметь в виду, чтоб уж никак не позже[a] 4-го сентября.[4] А впрочем, всё решится при нашем свидании. Пока набирайте и делайте, что возможно.

До свидания.

Ваш весь Ф. Достоевский.

---

[a] *Было*: дальше

643. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

29 августа 1876. Петербург

29 августа 76.

Многоуважаемый Михаил Александрович,

К Ратынскому письма не прилагаю, но зато исправил всё по его желанию и указанию. Если надо будет, то поеду к нему сам.[a] [1]

---

[a] *Далее было*: Дальнейшей рукописи не присылаю, потому что багажа еще не получил.

Дальнейшую рукопись (глава четвертая, III и IV) при сем прилагаю: семь полулистков. Но будет еще V-я малая глава «Главы четвертой». А затем «P‹ost› scriptum». Окончание главы четвертой, то есть V-ю малую главу, постараюсь доставить завтра же, 30 августа.[2] А «P‹ost› scriptum», как сказано, 1-го сентября.

А засим весь Ваш Ф. Достоевский.

Надеюсь завтра увидимся.

644. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

30 августа 1876. Петербург

30 августа.

Многоуважаемый Михаил Александрович,

Посылаю Вам V-ю малую главу (три полулистка). Этой V-й малой главой заканчивается «Глава четвертая». Теперь останется «Post scriptum», за который и принимаюсь.[1]

Ваш весь Ф. Достоевский.

645. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

6 сентября 1876. Петербург

Петербург, 6 сентября.

Милый и дорогой брат Андрей Михайлович, поздравляем тебя я и жена моя, и многоуважаемую добрейшую супругу[1] твою с счастьем детей Ваших, а стало быть, и с Вашим. Мои детки маленькие, я до такого счастья не доживу. Не думай, что завидую, говоря это. Пишешь, что грустно будет оставаться без Варвары Андреевны; ничего, милый мой, этакая грусть лишь свидетельствует об общем и непрерывающемся счастье в семье. Я очень жалею, что никак не могу урваться даже и на день к Вам на свадьбу.[2] В письме моем к Варваре Андреевне объясняю причины.[3] Только как это всё странно, милый мой Андрей Михайлович, — ну давно ли мы были с тобой совсем маленькие? Я очень, очень хорошо помню минуту, когда нас, меня и покойного брата, в пятом часу утра, рядом спавших, разбудил радостный отец и объявил нам, что у нас родился брат Андрюшенька,[4] и вот ты выдаешь замуж дочку и об этом извещаешь меня и Анну Григорьевну. Наше время пролетело, как мечта. Я знаю, что моя жизнь уже недолговечна, а между тем не только не хочу умирать, но ощущаю себя, напротив, так, как будто бы лишь начинаю жить. Не устал я нисколько, а между тем уже 55 лет, ух! Тебе же желаю, особенно теперь, как можно

больше здоровья и долголетия, чтобы любоваться на детей и ласкать внуков. Ничего не может быть лучше в жизни.

Обнимаю тебя и желаю тебе всего лучшего. Супруге твоей передай мое горячее пожелание и поздравление. Равно и от жены моей.

Брат твой Ф. Достоевский.

646. Л. Х. ХОХРЯКОВОЙ

7—10 сентября 1876. Петербург

Ваше письмо застало меня в Эмсе на самом выезде. Прибыв в Старую Руссу, я хворал и писал августовский №. Цензура выбросила печатный лист в самые последние дни,[1] затем переезд из Старой Руссы (дней 10 назад) [2] и искание Вашего адреса. Вы, по дамскому обыкновению, не выставляете Вашего адреса при каждом письме: дескать, он должен знать.[3] Но наизусть знать нельзя, а тетрадка с адресами может затеряться (как и случилось). А потому пишу по первому старому, очень неопределенному адресу, и не знаю, дойдет ли.

Про здоровье мое я ничего не могу сказать: кажется, плохо, а больше ничего не знаю. Если придете, то, конечно, переговорим. А теперь очень занят и спешу кончить. Итак, приходите.[4]

Весь Ваш Ф. Достоевский.

647. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

19 сентября 1876. Петербург

19 сентября/76.

Любезный друг Коля, жив ли и здоров ли ты? От тебя ни слуху, ни духу. Мы тебя ждали наверно на 17-е и давно уже говорили, что ты нейдешь.[1] Зайди, если можешь, хоть я и очень занят, но ты мне никогда не мешаешь. А не можешь зайти, то непременно уведомь об себе письменно или пришли кого-нибудь.

Я всё хвораю, хворала и Анна Григорьевна. Очень захватило грудь у меня, а теперь привязалась лихорадка, и я на лекарстве сижу дома и пишу и днем и ночью,[2] нередко в жестоком ознобе. Боюсь, что придется прекратить работу. Да и, кроме того, были кое-какие неприятности.[3]

Итак, до свидания, дай об себе знать.

Твой брат Ф. Достоевский.

648. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

28 сентября 1876. Петербург

28 сентября.

Многоуважаемый Михаил Александрович,

Посылаю Вам всё, тут конец.[1] Довольно ли для $1^1/_2$ листа? Если останется белая страница, то можно, по примеру прошлого №, пустить *объявление о полугодовой подписке*.[2] Впрочем, думаю, что достанет.

Ваш весь Ф. Достоевский.

649. М. П. НАДЕИНУ

16 октября 1876. Петербург

16 октября/76.

Многоуважаемый Митрофан Петрович,

Прошлого года Базунов, перед самой своей внезапной поездкой за границу, даже, может быть, накануне поездки, нашел нужным, однако, расплатиться со мной и выдал мне все сполна, накопившиеся у него подписные деньги за «Дневник».[1] Я полагаю, он руководствовался всё тем же, неминуемым в сем случае соображением, что мне не отдать *всех грешнее*, что тут значит взять последнее у того, который в 54 года от роду всё еще живет тягчайшим литературным трудом, работает по ночам, к сроку, несмотря на свои две большие болезни... Не говорю уже о том, что и деньги-то эти не «счеты или расчеты» какие-нибудь, а просто подписные, за издания, которые прежде книгопродавцы и не слышно было, чтоб удерживали в свою пользу, и на что мода только лишь недавно завелась.

Там по счету 330 р., и я вполне уверен, что сосчитано верно, по крайней мере, как бы ни проверять эти 330 р., все-таки проверка не коснулась бы более как каких-нибудь нескольких рублей. Триста-то уже бесспорны. Из них мне кто-то выдал из магазина 5 дней тому 50 р. Если по стольку будут выдавать (да и будут ли?), то когда же я получу? А между тем, сами знаете, теперь для всякого издания самое наитруднейшее время.

Не можете ли, Митрофан Петрович, сказать что-нибудь и при этом сделать что-нибудь посущественнее, чем 50 р.? Да и тяжело и неприлично мне ходить теперь в магазин за деньгами. Вникните в мою просьбу, очень прошу Вас. Если б было не дозарезу, не стал бы Вас беспокоить.[2]

А главное, надо что-нибудь наверно, просто успокоительных фраз лучше и не произносить. Во всяком случае крепко жму Вашу руку и желаю Вам искренно всего лучшего.

Ваш весь Ф. Достоевский.

P. S. Не сочтите это письмо в какую-нибудь дурную сторону. Я Вас, как человека, всегда отличу от какого-нибудь неудавшегося расчета или непредвиденного несчастья.

650. Н. П. ВАГНЕРУ

24 октября 1876. Петербург

24 окт./76.

Многоуважаемый Николай Петрович,

Непременно постараюсь отвести требуемые полстранички, а Вас поздравляю с предприятием.[1] Простите, что до сих пор не зашел к Вам: очень было много со мной разных обстоятельств.[2] До 31-го числа буду день и ночь в работе,[3] по Вы мне *не помешаете*. Милости просим, как Вам только угодно. Анна Григорьевна Вам кланяется. Мое глубокое почтение Вашей супруге.

Весь Ваш [a]

P. S. По ошибке начал письмо не с той страницы, проглядел. Извините.

---

[a] *Подпись на письме вырезана.*

651. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

27 октября 1876. Петербург

27 [a] октября.

Многоуважаемый Михаил Александрович,

Вчера я ошибся: «Глава первая» была Вам вчера доставлена *не вся*. Есть еще 4 отдел, который теперь и посылаю, а вместе с тем и начало «Главы второй». Всё же посылаю теперь *три листка*, от 18 до 23 *полулистка* включительно.[1]

Ваш весь Ф. Достоевский.

---

[a] *Было*: 26

652. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

28 октября 1876. Петербург

28 октября.

Многоуважаемый Михаил Александрович,

Мне пришлось в корректуре выбросить сряду почти весь столбец [a] (выброшенное войдет потом в конец «Главы второй»,

---

[a] *Было*: две стр‹аницы›

еще не дописанной) и многое перемарать и пересочинить в других местах.[1] Само собою, это разрушит Ваш первый лист и, кроме того, придется, может быть, еще к цензору. Но что делать, так должно быть.

Посылаю, во-1-х, продолжение «Главы второй»,[б] от 24 до 27 полулистка включительно (NB. Выписку из «Москов‹ских› ведом‹остей›» прошу сделать непременно *петитом*),[2] и, во-2-х, то объявление Вагнера об издании его журнала «Свет» и которое войдет под конец в объявления, на последних страницах.[3] Это[в] объявление должно непременно быть напечатано. Пожалуйста, подберите и шрифт, как пригодно будет к смыслу строк объявлений.

Задаю я Вам, однако, хлопот.

Ваш Достоевский.

[б] *Было начато*: 2-ой
[в] *Было начато*: Пожал‹уйста›

653. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

28 октября 1876. Петербург

Люб‹езный› Михаил Александрович, посылаю Вам главу третью.[1] Две вырезки из газет, № 1-й и 2-й, сделайте петитом в отмеченных мною местах.[2] Завтра кончу всё, а 29-го утром получите.[3] Странно, что у Вас приходят за корректурами и статьями в полдень. У меня с 8-ми утра готово.

Если можете, зайдите завтра. Очень бы надо знать, сколько еще писать.[4]

Ваш весь Ф. Достоевский.

28 октября.

654. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

30 октября 1876. Петербург

30 окт‹ября›.

Многоуважаемый Михаил Александрович,

Посылаю Вам окончание от 36 до 38 включительно. Кажется, довольно. Боюсь, чтоб не было еще с лишком.[1]

В самом конце я прибавил p‹ost› scriptum. Прошу Вас очень, прочтите его внимательно. Это корректурные ошибки, страшноважные, особенно первая, где удержано *не* вместо *но* и *искажающая вполне смысл*. Не понимаю, как эти ошибки удержались, я слишком помню, как поправил в корректуре. В этом № страшно много ошибок.[2]

Особенная просьба моя та: справьтесь сами[a]: выправлено ли это *не*? (Может быть, я получил от Вас вчера какой-нибудь не тот оттиск 1-го листа.) И если не выправлено, то мой p‹ost› scriptum *непременно* напечатайте. А если выправлено, то, разумеется, отбросьте post scriptum.

Ради бога, сделайте это.

Ваш весь Ф. Достоевский.

---

[a] *Далее было начато*: пож‹алуйста›

655. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

1 ноября 1876. Петербург

1-е ноября/76.

Милый мой голубчик, Коля, благодарю тебя за третьедневошнее поздравление.[1] Вчера не мог отвечать за адскими хлопотами (выход №).[2] Телеграфируешь, что нездоров. Это очень беспокоит меня. Если не можешь приехать сам (а я бы очень желал с тобой увидеться), то напиши непременно сейчас же по получении сего (то есть болен ли и теперь или нет, и чем?). Чуть освобожусь и, в случае, если ты болен, предприму к тебе путешествие, рискуя даже встретиться с Ш‹евяковы›ми.[3] А то, если не болен, приезжай сам, не медля.

Я же пока страшно занят. Только что отписался, как надо теперь отвечать на иные в срок прибывшие письма, да еще кой-куда съездить и кой-кого повидать, и всё не терпит. Целую и обнимаю тебя очень. Все тебе кланяются и желают здоровья.

Твой брат и друг Ф. Достоевский.

656. К. И. МАСЛЯННИКОВУ

5 ноября 1876. Петербург

5 ноября 1876 г.

Милостивый государь, многоуважаемый г. К. И. М.

Боюсь, что опоздал отвечать Вам и Вы, справившись раз или два, уже не придете более в магазин Исакова за письмом.[1]

Во-первых, благодарю Вас за Ваше лестное мнение о моей статье, а во-вторых, за Ваше доброе мнение обо мне самом.[2] Я и сам желал посетить Корнилову, впрочем, вряд ли надеясь подать ей помощь. А Ваше письмо меня прямо направило на дорогу.

Я тотчас отправился к прокурору Фуксу. Выслушав о моем желании повидаться с Корниловой и о просьбе па Высочайшее имя о помиловании, он ответил мне, что всё это возможно, и

просил меня прибыть к нему на другой день в канцелярию, а он тем временем справится. На другой день он послал бумагу к управляющему в тюрьме о пропуске меня к Корниловой *несколько раз,* сам же чрезвычайно обязательно обещал мне *содействовать* и в дальнейшем. Но главное в том, что в настоящее время *нельзя* подавать просьбу, потому что защитник Корниловой два дня назад уже подал на кассацию приговора в сенат, а потому дело не имеет еще окончательного вида, и только тогда как сенат откажет, и наступит срок просьбы на высочайшее имя.[3]

Так как в этот день идти в тюрьму было уже поздно, то я пошел лишь на другой день. Мысль моя (которую одобрил и прокурор) была — удостовериться сначала, хочет ли еще Корнилова и помилования, то есть возвратиться к мужу и проч.? Я ее увидел в лазарете: она всего 5 дней как родила. Признаюсь Вам, что я был необыкновенно изумлен результатом свидания: оказалось, что я *почти* угадал в моей статье всё буквально. И муж приходит к ней, и плачут вместе, и даже девочку хотел он привести, «да ее из приюта не пускают», как, с печалью, сообщила мне Корнилова. Но есть и разница против моей картины, но небольшая: он крестьянин настоящий, но ходит в немецком сюртуке, служит черпальщиком в экспедиции заготовления государственных бумаг за 30 руб. в месяц, но вот, кажется, и вся разница.[4]

С Корниловой я проговорил полчаса наедине. Она *очень* симпатична. Сначала я лишь вообще объяснил ей, что желал бы ей помочь. Она скоро мне доверилась, конечно, и по тому соображению, что из-за *пустяков* не разрешил бы прокурор мне с ней видеться. Ум у ней довольно твердый и ясный, но русский и простой, даже простодушный. Она была швеей, да и замужем продолжала заказную работу и добывала деньги. Очень моложава на лицо, недурна собой. В лице прекрасный тихий душевный оттенок, но несомненно, что она принадлежит к простодушно-веселым женским типам. Она теперь довольно спокойна, но ей «*очень скучно*», «поскорей бы уже решили». Я, еще ничего не говоря ей о ее *беременном состоянии*, спросил: как это она сделала? Коротким, проникнутым голосом она мне отвечала: сама не знаю, «точно что чужая во мне воля была». Еще черта: «я как оделась, так я в участок не хотела идти, а *так вышла* на улицу и уж сама не знаю, как в участок прибыла». На вопрос мой: хотела бы она с мужем опять сойтись, она ответила: «Ах, да!» и заплакала! Она прибавила мне с проникнутым выражением, что «*муж приходит и плачет о ней*», то есть выставляя на вид мне: «вот, дескать, какой он хороший». Она горько заплакала, припоминая показание тюремного пристава против нее в том, что будто она с самого начала своего брака возненавидела и мужа, и падчерицу: «Неправда это, никогда я этого не могла ему сказать», «С мужем под конец стало мне горько,

я всё плакала, а он всё бранил» и в утро, когда случилось преступление, он побил ее.

Я ей не утаил о возможности просьбы на высочайшее имя, если не удастся кассация. Она выслушала очень внимательно и очень повеселела: «вот вы меня теперь ободрили, а то какая скука!».

Я намеком спросил: не нуждается ли она пока в чем. Она, поняв меня, совершенно просто, не обидчиво, прямо сказала, что у ней всё есть, и деньги есть и что ничего не надо. Рядом на кровати лежала новорожденная (девочка). Уходя, я подошел посмотреть и похвалил ребеночка. Ей очень было приятно, и когда я, сейчас потом, простился, чтоб уходить, она вдруг сама прибавила: «вчера окрестили, Екатеринушкой назвали».

Выйдя, поговорил о ней с помощницей смотрительши, Анной Петровной Борейша. Та с чрезвычайным жаром стала хвалить Корнилову: «какая она стала простая, умная, кроткая». Она рассказала мне, что поступила она к ним несколько месяцев назад в тюрьму совсем другая: «грубая, дерзкая и мужа бранила. Почти как полоумная была». Но, побыв немного в тюрьме, быстро стала изменяться совсем в противоположную сторону. Замечательно то, что уже давно она беспокоится и ревнует, «чтобы муж не женился» (она воображает, что он уже и теперь это может сделать).[5] До приговора он редко ходил. Еще черта. Эта Анна Петровна уверяет, что «муж ее вовсе не стоит, он туп и бессердечен, и что будто Корнилова два раза посылала просить его прийти и он *наконец-то* пришел». Между тем Корнилова именно напирала мне на том, что муж приходит к ней и *над ней плачет*, то есть хотела выставить передо мной «какой это хороший человек» и т. д.

Одним словом, всего не упишешь и не различишь. Я убежден в том, что всё было от болезни еще пуще прежнего и *хоть не имею строгих фактов*, но свидание мое с ней как будто всё мне подтвердило.

Итак, о просьбе нельзя думать до кассационного решения. Когда это будет — не знаю. Но потом, в случае неблагоприятного ей решения (что вернее всего), я напишу ей просьбу. Прокурор обещал содействовать. Вы тоже, и дело, стало быть, имеет перед собой *надежду*. В Иерусалиме была купель, Вифезда, но вода в ней тогда лишь становилась целительною, когда ангел сходил с неба и возмущал воду. Расслабленный жаловался Христу, что уже долго ждет и живет у купели, но не имеет *человека*, который опустил бы его в купель, когда возмущается вода.[6] По смыслу письма Вашего думаю, что этим *человеком* у нашей больной хотите быть Вы. Не пропустите же момента, когда возмутится вода. За это наградит Вас бог, а я буду тоже действовать до конца. А засим позвольте засвидетельствовать перед Вами мое чувство самого глубокого к Вам уважения.

Ваш Ф. Достоевский.

На конверте:

В Гостиный двор
В книжный магазин *Я. Л. Исакова*
Г-ну *Кассиру*
Для передачи «К. И. М.»
от Ф. М. *Достоевского.*

657. А. У. ПОРЕЦКОМУ

9 ноября 1876. Петербург

9 ноября/76. Вторник.

Многоуважаемый и дорогой Александр Устинович,

Именно завтра, в среду, 10-го ноября, буду ожидать Вас у себя от 8 до 9-ти часов пополудни, и даже позже, с большим удовольствием, нетерпением и любопытством.[1]

Ваш весь и совершенно Вам преданный

Федор Достоевский.

658. А. А. РОМАНОВУ (наследнику)

16 ноября 1876. Петербург

Ваше императорское высочество,
всемилостивейший государь.

Начиная в сем году мое ежемесячное издание «Дневника писателя», я, несмотря на всё желание мое, не осмелился представить его Вашему императорскому высочеству, как удостоился чести сделать это однажды с одним из прежних моих сочинений.[1] Но, начиная мой новый труд, я был еще сам не уверен, что не прерву его в самом начале по недостатку сил и здоровья для определенной срочной работы. А потому и не осмелился представить Вашему императорскому высочеству такое неопределившееся еще сочинение.

Нынешние великие силы в истории русской подняли дух и сердце русских людей с непостижимою силой на высоту понимания многого, чего не понимали прежде, и осветили в сознании нашем *святыни русской идеи* ярче, чем когда бы то ни было до сих пор. Не мог и я не отозваться всем сердцем моим на всё, что началось и явилось в земле нашей, в справедливом и прекрасном народе нашем. В «Дневнике» моем есть несколько слов, горячо и искренно вырвавшихся из души моей, я помню это.[2] И хоть я всё еще не докончил мое годовое издание, но уже давно думал и мечтал о счастии представить скромный труд мой Вашему императорскому высочеству.

Простите же мне, всемилостивейший государь, смелость мою, не осудите беспредельно любящего Вас и дозвольте высылать Вам и впредь ежемесячно каждый дальнейший выпуск «Дневника писателя».

С чувством благоговейного уважения осмеливаюсь назвать себя Вашего императорского высочества благодарным и преданнейшим слугою

Федор Достоевский.

659. К. И. МАСЛЯННИКОВУ

21 ноября 1876. Петербург

21 ноября 1876.

Многоуважаемый г. К. И. М.

В ответ посылаю Вам мое письмо к Вам от 5 ноября, пролежавшее у Исакова. Я сам дурно сделал, что послушался кассира и взял его обратно, так что вся вина на мне.[1]

К письму от 5-го я имею прибавить разве лишь то, что я был еще раз у Корниловой и вынес то же впечатление, как и в первый раз, разве лишь усиленное.[2] Она просила съездить к ее мужу. Я съезжу, но съезжу тоже и к адвокату ее. Между тем я заболел и ничем не занимался а теперь *подавлен* моими занятиями. Боюсь, что пропущу как-нибудь срок кассационного решения сената. Надо сговориться с ее адвокатом, а у меня всё нет времени; но я как-нибудь успею. Особенно рад тому, что Вы откликнулись; на Вас вся надежда, потому что в сенате, конечно, решат не в ее пользу, тогда сейчас просьбу на высочайшее имя, а Вы, вероятно, поможете, как обещали.[3]

До свидания. Примите уверение в самом искреннем уважении

Вашего слуги Ф. Достоевского.

P. S. Если что надо будет, обращусь к Вам, если будете попрежнему добры.

660. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

23 декабря 1876. Петербург

Многоуважаемый Михаил Александрович,

посылаю Вам корректуры по окончании «Главы первой».[1] Вышло больше, чем я предположил. Перейдет за лист. Сколько-то у Вас выйдет? [a]

Ваш весь Ф. Достоевский.

23 декабря.

---

[a] *Далее было*: и что

1877

661. Вс. С. СОЛОВЬЕВУ

9 января 1877. Петербург

Дорогой и милейший Всеволод Сергеевич,

Вот что значит назначать сроки, не имея памяти! В *понедельник вечером* меня еще прежде звал Ник. Петр. Семенов, и я дал ему слово быть, но забыл. А потому, испрашивая у Вас прощения, прошу Вас к себе не в понедельник, а уж во *вторник вечером*. Буду ждать и надеюсь, что эта писулька придет к Вам вовремя, чтобы предупредить Вас.[1]

Ваш весь Ф. Достоевский.

9 января [a] 77

---

[a] *Было*: декабря

662. М. А. ЮРКЕВИЧУ

11 января 1877. Петербург

Петербург. 11-го января 1877.

Милостивый государь Михаил Андреевич,

Во-первых, извините меня, что долго не отвечал Вам на письмо Ваше от 11-го ноября 1876 года.[1] Во-вторых, позвольте искренно отклонить от себя лестное для меня выражение Ваше на счет «вразумления».[2] Вразумлять я никого не в силах. А наконец позвольте поблагодарить Вас за сообщение факта самоубийства ребенка. Этот последний факт очень любопытен, и, без сомнения, о нем можно кое-что сказать. Но не думаю, чтобы я успел это сделать сейчас же;[3] в последнее время я уже довольно говорил о самоубийствах,[4] и надобно выждать, тем более, что объем моего издания так невелик, что недостает места (да и времени) для ближайших и текущих тем. Но параллель детей нынешних и прежних может быть весьма интересна.[5] Во всяком случае, благодарю Вас, что обо мне и о моем издании подумали.

С почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашим покорным слугою.

Ф. Достоевский.

663. П. В. БЫКОВУ

13 января 1877. Петербург

Петербург, 13 января/77.

Милостивый государь, многоуважаемый Петр Васильевич,

Я не знаю, как и извиняться перед Вами о том, что не сдержал данного Вам мною обещания [1] и даже не ответил на любезное письмо Ваше от 30 сентября.[2] Но последнему обстоятельству была причина, не знаю только, достаточная ли, чтобы извинить меня в Ваших глазах. Дело в том, что с лета и почти вплоть до настоящей минуты я всё это время был гораздо более нездоров, чем когда-либо. И, однако, работа с изданием «Дневника» (то есть не с одним сочинением его, а с изданием) — оказывается чем дальше, тем выше моих сил (физических). Сверх того, было много хлопот и других. Не исполнив обещанного летом и получив Ваше напоминание в октябре,[3] я решился непременно написать для Вас мою автобиографию, хоть урывками и в разные сроки. Вот почему и не ответил Вам ничего, ожидая, что хоть и поздно, а пошлю биографию и при посылке объяснюсь. Но, начав писать, я бросил работу, — урывками оказалось невозможно писать: я почувствовал, что эта статья вызывает слишком много сил из моей души, слишком поднимает передо мною прожитую жизнь и просит большой любви от моего сердца в исполнении этой, незнакомой еще работы. А потому не знаю, что Вам теперь и сказать. Если буду свободен и здоров, то напишу непременно, потому что теперь уже сам хочу и потребность чувствую написать это, не по обещанию только, а и для себя, но когда напишу — не знаю. Если же напишу и Вам еще будет нужно, то, конечно, отдам Вам, а не кому другому.[4]

Ну вот я написал, а между тем чувствую, что Вы, без сомнения, имеете право на меня сердиться. Что мне делать? Будьте добры и извините меня.

А в ожидании примите уверение в искреннем уважении Вашего покорного слуги.

Федор Достоевский.

P. S. Не рассердитесь за помарки в письме, не сочтите за небрежность.

Д.

664. Н. П. ВАГНЕРУ

17 января 1877. Петербург

17 января/77.

Многоуважаемый и любезнейший Николай Петрович,

Завтра, во вторник, 18 января, будут у меня кое-кто из моих ближайших друзей-приятелей, вечером.[1] Не пожалуете ли ко мне попить чайку? Принесли бы мне чрезвычайное удовольствие и доказали бы, что Вы добрый и наилюбезнейший человек.

В добром ожидании

Ваш весь Ф. Достоевский.

665. А. Н. МАЙКОВУ

17 января 1877. Петербург

Января 17/77.

Дорогой и многоуважаемый Аполлон Николаевич,

Завтра, 18-го, во вторник, вечером, обещался быть у меня Ник. Яковл. Данилевский. Не сделаете ли мне чрезвычайного удовольствия, прибыв тоже? [1] Я просил нашего милейшего князя, очень может быть, что и он будет. Во всяком случае разодолжите Вашего, остающегося в добром ожидании Вашего прибытия

Ф. Достоевского.

666. Н. П. ВАГНЕРУ

26 января 1877. Петербург

26 января/77.

Многоуважаемый и дорогой Николай Петрович,

В январском № не найдется места даже и для моих всех объявлений о моих книгах. Всё место занято.[1] Но если бы и было место, то ввиду заявления моего в «Декабре» по поводу журнала «Свет» я всё же не рискнул бы напечатать Ваше объявление, чтоб опять не ввести читателей в соблазн.[2] Верите ли, что продолжают присылать из разных мест письма, *с приложением марок на ответ*, и просят уведомить: будет или нет издаваться мною «Свет»? Заметьте, это уже по прочтении моего декабрьского заявления, мои же подписчики — всё еще не верят и не хотят верить! [3] Тут какая-то тайна или какое-то волшебство в том, что все так убеждены! Надо социолога и психолога, чтоб изучать в этом отношении вообще легковерие публики. А потому обращаюсь я к Вам с *особенной* и *чрезвычайной* прось-

бой: ни под каким видом не объявлять и не печатать об «Дневнике писателя» в Вашем 1-м № «Света». Это я на случай, что Вы, из деликатности, захотели бы тиснуть об издании «Дневника писателя» ввиду напечатанного в октябрьском «Дневнике» Вашего объявления. *Настоятельно* и *убедительнейше прошу:* если набрано, то теперь еще есть время разобрать набор. Вам самим тоже должно быть чрезвычайно неприятно, что наши издания так смешивают.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш весь Ф. Достоевский.

667. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

27 января 1877. Петербург

Многоуважаемый Михаил Александрович,

Вот Вам несколько оригиналу пока.[1] Вы забыли, однако, что если я и выкинул 50 строк, то много и *вставил* в корректуре.[2]

В‹аш› Ф. Достоевский.

668. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

28—29 января 1877. Петербург

Многоуважаемый Михаил Александрович, — вот окончание №, от 4-й до 8-й странички включительно.[1] Мне кажется, Вы, считая в моей страничке 55 строк, ошиблись: их меньше. Я не ровно пишу. Очень может быть, что останется даже место.[2] Во всяком случае посылаю теперь не более 170 строк. Сам считал. Завтра ‹жду?› корректур.[3]

В‹аш› Ф. Достоевский.
28/29 янв‹аря›, ночью.

669. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

28—29 января 1877. Петербург

28/29/1 ночью 1877 г.

Многоуважаемый Михаил Александрович,

Посылаю Вам тексту ровно на одну страницу и 20 строк.[1] Авось найдется местечко.

Обратите внимание Ваше на прилагаемые объявления для последней страницы. Не займут ли они тоже лишнего места? Надо непременно всё поместить.[2] Завтра увидимся.

Ваш Ф. Достоевский.

670. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

29 января 1877. Петербург

Михаил Александрович, цензор главу 2-ю *запретил*.[1] Еду в Цензурн‹ый› комитет. Оттуда к Вам и там уже просмотрю корректуру.

Ф. Достоевский.

671. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

30 января 1877. Петербург

Любезнейший Михаил Александрович,

Посылаю, кажется, ровно сколько надо оригиналу. На 4-й страничке внизу отмечено место вставки. Эта вставка из прилагаемого письма, где *всё не зачеркнутое* прошу набрать *петитом*.[1] Затем с 5-й страницы начинается опять мой оригинал и кончается на 7-й.

Если еще можно, то в конце, «От редакции», выкиньте заметку о журнале «Свет» и оставьте лишь 2-ю заметку, об адресе девицы.[2]

Ваш Ф. Достоевский.

Не мало ли будет?

672. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

7 февраля 1877. Петербург

7 февраля/77.

Милый Коля, я всё ждал, что ты зайдешь. Здоров ли ты? Ты меня и нас всех беспокоишь. Черкни что-нибудь. Буду ждать с нетерпением. Если сам, что боже сохрани, нездоров, то уведоми. Я всё был нездоров. Был припадок падучей и расстроил меня вплоть на неделю.[1] Теперь кажется прошло.

Твой весь Ф. Достоевский.

673. А. Г. КОВНЕРУ

14 февраля 1877. Петербург

Петербург 14 февраля/77.

Милостивый государь г-н А. Ковнер!

Я Вам долго не отвечал, потому что я человек больной и чрезвычайно туго пишу мое ежемесячное издание. К тому же каждый месяц должен отвечать на несколько десятков писем.[1]

Наконец, имею семью и другие дела и обязанности. Положительно жить некогда и вступать в длинную переписку невозможно. С Вами же особенно.

Я редко читал что-нибудь умнее Вашего первого письма ко мне (2-е письмо Ваше — специальность).[2] Я совершенно верю Вам во всём там, где Вы говорите о себе. О преступлении, раз совершенном, Вы выразились так ясно и так (мне по крайней мере) понятно, что я, не знавший *подробно* Вашего дела, теперь, по крайней мере, смотрю на него так, как Вы сами о нем судите.[3]

Вы судите о моих романах. Об этом, конечно, мне с Вами нечего говорить, но мне понравилось, что Вы выделяете как лучшее из всех «Идиота».[4] Представьте, что это суждение я слышал уже раз 50, если не более. Книга[а] же каждый год покупается и даже с каждым годом больше. Я про «Идиота» потому сказал теперь, что все говорившие мне о нем, как о лучшем моем произведении, имеют нечто особое в складе своего ума, очень меня всегда поражавшее и мне нравившееся.[б] А если и у Вас такой же склад ума, то *для меня* тем лучше. Разумеется, если Вы говорите искренно. Но хоть бы и неискренно...

Оставим это. Желал бы я, чтоб Вы не падали духом. Вы стали заниматься литературой — это добрый знак.[5] Насчет помещения их где-нибудь мною не знаю, Вам что сказать. Я могу лишь поговорить в «От‹ечественных› зап‹исках›» с Некрасовым или с Салтыковым, и поговорю непременно, еще *до прочтения их*, но на успех даже и тут не надеюсь.[6] Они, ко мне очень расположенные, уже отказали мне раз в рекомендованном и доставленном мною в их редакцию сочинением одного лица, в прошлом году, и отказали, не распечатав даже пакета, на том основании, что от *такого* лица, что бы он ни написал, им нельзя ничего напечатать и что журнал бережет свое знамя...[7] Так я и ушел. Но об Вас я все-таки поговорю, на том основании, что если бы это было в то время, когда покойный брат мой издавал журнал «Время», то комедия или повесть Ваша, чуть-чуть они бы подходили к направлению журнала, несомненно были бы напечатаны, хотя бы Вы сидели в остроге.

№. Мне не совсем по сердцу те две строчки Вашего письма, где Вы говорите, что не чувствуете никакого раскаяния от сделанного Вами поступка в банке.[8] Есть нечто высшее доводов рассудка и всевозможных подошедших обстоятельств, чему всякий обязан подчиниться (то есть вроде опять-таки как бы *знамени*).[9] Может быть, Вы настолько умны, что не оскорбитесь откровенностью и *непризванностью* моей заметки. Во-первых, я сам не лучше Вас и никого (и это вовсе не ложное смирение, да и к чему бы мне?), и во-2-х, если *я* Вас и оправдываю по-

---

[а] *Было*: **книги**
[б] *Было*: **нравящееся.**

своему в сердце моем (как приглашу и Вас оправдать меня), то всё же лучше, если я Вас оправдаю, чем *Вы* сами себя оправдаете. Кажется это неясно. (NB. Кстати маленькую параллель: христианин, то есть полный, высший, идеальный, говорит: «Я должен разделить с меньшим братом мое имущество и служить им всем». А коммунар говорит: «Да, ты должен разделить со мною, меньшим и нищим, твое имущество и должен мне служить». Христианин будет прав, а коммунар будет не прав.) [10] Впрочем, теперь, может быть, Вам еще непонятнее, что я хотел сказать.

Теперь о евреях.[11] Распространяться на такие темы невозможно в письме, *особенно с Вами*, как сказал я выше. Вы так умны, что мы не решим подобного спорного пункта и в ста письмах, а только себя изломаем. Скажу Вам, что я и от других евреев уже получал в этом роде заметки. Особенно получил недавно одно идеальное благородное письмо от одной еврейки, подписавшейся, тоже с горькими упреками. Я думаю, я напишу по поводу этих укоров от евреев несколько строк в февральском «Дневнике» (который еще не начинал писать, ибо до сих пор еще болен после недавнего припадка падучей моей болезни).[в] Теперь же Вам скажу, что я вовсе не враг евреев и никогда им не был. Но уже 40-вековое, как Вы говорите, их существование доказывает, что это племя имеет чрезвычайно сильную жизненную силу, которая [г] не могла, в продолжение всей истории, не формулироваться в разные status in statu.* Сильнейший status in statu бесспорен и у наших русских евреев. А если так, то как же они могут не стать, хоть *отчасти*, в разлад с корнем нации, с племенем русским? Вы указываете на интеллигенцию еврейскую, но ведь Вы тоже интеллигенция, а посмотрите, как Вы ненавидите русских, и именно *потому только, что Вы еврей*, хотя бы и интеллигентный. В Вашем 2-м письме есть несколько строк о нравственном и религиозном сознании 60 мильонов русского народа.[12] Это слова ужасной ненависти, именно ненависти, потому что Вы, как умный человек, должны сами понимать, что в этом смысле (то есть в вопросе, в какой доле и силе русский простолюдин есть христианин) — Вы в высшей степени некомпетентны судить. Я бы никогда не сказал так о евреях, как Вы о русских. Я все мои 50 лет жизни видел, что евреи, добрые и злые, даже и за стол сесть не захотят с русскими, а русский не побрезгает сесть с ними. Кто же кого ненавидит? Кто к кому нетерпим? И что за идея, что евреи — нация униженная и оскорбленная. Напротив, это русские унижены перед евреями [д] во всём, ибо евреи, пользуясь почти пол-

---

[в] *Вместо*: падучей моей болезни — *было*: падучей.
[г] *Было*: которые
[д] *Далее было*: и даже
* государство в государстве (*лат.*).

ною равноправностью (выходят даже в офицеры, а в России это всё), кроме того имеют и свое право, свой закон и свое status quo,* которое русские же законы и охраняют.

Но оставим, тема длинная. Врагом же я евреев не был. У меня есть знакомые евреи, есть еврейки, приходящие и теперь ко мне за советами по разным предметам, а они читают «Дневник писателя», и хоть щекотливые, как все евреи за еврейство, но мне не враги, а, напротив, приходят.

Насчет дела о Корниловой замечу лишь то, что Вы ничего не знаете, а стало быть, тоже некомпетентны. Но какой, однако же, Вы циник. С таким взглядом на сердце человека и на его поступки остается лишь погрязнуть в материальном удовольствии...

Вы приговорены на 4 года в арестантские роты: это в работы, что ли? В таком случае страшно за Вас.[13] Надо вынести непременно и не стать подлецом. Но где же Вы найдете сил, если у Вас такой взгляд на людей.

Об идеях Ваших о боге и о бессмертии — и говорить не буду с Вами. Эти возражения (то есть все Ваши) я, клянусь Вам, знал уже 20 лет от роду! Не рассердитесь; они удивили меня своею первоначальностью. Вероятно,[е] Вы об этих темах [ж] в первый раз думаете. Иль я ошибся? Но я Вас вовсе не знаю, несмотря на письмо Ваше. Письмо Ваше (первое) увлекательно хорошо. Хочу верить от всей души, что Вы совершенно искренни. Но если и неискренни — всё равно: ибо в данном случае неискренность пресложное и преглупое дело в своем роде. Верьте полной искренности, с которою жму протянутую Вами мне руку. Но возвысьтесь духом и формулируйте Ваш идеал. Ведь Вы же искали его до сих пор, или нет?

С глубоким уважением
Ваш Федор Достоевский.

[е] *Было*: Похоже, что
[ж] *Далее начато*: по-ви‹димому›
* положение вещей (*лат.*).

674. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

28 февраля 1877. Петербург

Любезнейший Михаил Александрович, посылаю оригиналу от 11-го до 16-го полулистка включительно. К 16-му полулистку есть вставка: √‾. Недостает еще *трех страничек*,[а] а то была бы кончена «Глава первая».[1] Доставлю завтра же. Надо бы поторопиться, чтобы успеть и к цензору (Ратынскому, мы помирились).[2] Корректур ни в субботу, ни вчера не прислали (?). При-

---

[а] *Далее было*: до 1-ой гла‹вы›

лагаю[6] объявление «Русской старины», пойдет, как и в прошлый раз, в конце. Можно набирать. До свидания. Завтра непременно увижусь с Вами.

Весь Ваш Ф. Достоевский.

28 февра‹ля›

NB. Я объявил в газетах, что выйдем 5-го марта. А потому надо спешить.

---

6 *Было*: Прибавляю

675. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

1 марта 1877. Петербург

Любезнейший Михаил Александрович,

Посылаю Вам оригинал для главы второй с 18 по 22 полулисток включительно.[1]

Обратите особое внимание на следующее: наше *объявление*, которое в декабре и генваре печаталось в заглавии «Дневника», на первой странице, перед первой главой — и теперь точно так же должно пойти в начале «Дневника», в заглавии и на первой странице. *Так и распорядитесь*.[2] Я это решил по необходимым соображениям.

Это *объявление* при сем прилагаю с добавками и дополнениями, которые все необходимо вставить.

Затем прилагаю еще *объявление*.

«Только что поступила в продажу новая книга» и т. д. Это *объявление* пойдет уже на самой последней странице вместе с объявлением о «Русской старине». Причем «Р‹усская› старина» хоть на предпоследней странице, а это (о книге) самым последним, то есть чтоб виднее.[3]

Полагаю, что у Вас теперь далеко за лист, особенно если наше объявление (о подписке) напечатать в заголовке. Особенно попрошу Вас, при первой возможности, рассчитать, на сколько страниц у Вас *уже есть* и на сколько *недостает*, чтобы знать, сколько писать.

Надо бы спешить к цензору и спешить с корректурами. Надо непременно выйти 5-го.[4]

Посылаю корректуры.

Ваш Ф. Достоевский.

676. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

2 марта 1877. Петербург

Любезный Михаил Александрович, вот Вам всего только 4 странички.[1] Наберите, но к цензору раньше дальнейшего окончания статьи нельзя посылать.

А что-то он с нашим первым листом? Если будет у Вас, пришлите мне его в 3-м [a] часу.

Ваш весь Достоевский.

2 марта

Завтра, может быть, дам еще тексту.[2]

---

[a] *Было*: 4-м

677. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

3 марта 1877. Петербург

Любез‹ный› Михаил Александрович,

Вот текст. Ради бога, скорее корректуру (часа бы в три, в четыре).[1] И, ради бога, рассчитайте мне страницы. Кажется, осталось [a] три страницы или $2^1/_2$, но всего бы лучше знать в самом точном виде.

Очень прошу вас.

Ф. Достоевский.

3 марта

---

[a] *Далее было*: одна

678. А. Ф. ГЕРАСИМОВОЙ

7 марта 1877. Петербург

С.-Петербург, 7 марта 1877 г.

Милостивая государыня, г-жа Герасимова,

Письмо Ваше измучило меня тем, что я так долго не мог на него ответить. Чтó Вы обо мне подумаете? И в Вашем тяжелом душевном настроении примете, пожалуй, мое молчание за оскорбление.

Знайте, что я завален работой. Кроме срочной работы с моим «Дневником» [1] я завален перепиской. Таких писем, как Вы написали, приходит ко мне по нескольку в день (буквально), а на них нельзя отвечать двумя строчками. Я выдержал *три* припадка моей падучей болезни, чего уже многие годы не бывало

в такой силе и так часто. Но после припадков я по два, по три дня ни работать, пи писать, ни даже читать ничего не могу, потому что весь разбит, и физически, и духовно. А потому, узнав это теперь, извините меня за долгий неответ.

Письмо Ваше я ни в коем случае не мог счесть ни детским, ни *глупым*, как Вы пишете сами.[2] Главное то, что теперь это общее настроение, и таких молодых страдающих девушек очень много.[3] Но много я Вам писать на эту тему не буду, а выражу лишь основные мои мысли и вообще по этому вопросу и относительно Вас в частности. Дело в том, что просить Вас успокоиться и, оставшись в родительском доме, приняться за какое-нибудь интеллигентное занятие (за специальность какую-нибудь по образованию и проч.), кажется — не послушаетесь. Но, однако, чего же Вы спешите и куда торопитесь? Вы торопитесь быть поскорее *полезною*. А между тем с таким душевным рвением, как Ваше (предполагая, что оно искреннее), можно бы, действительно, не торопясь бог знает куда, а занявшись правильно своим образованием, приготовить себя на деятельность во сто раз более полезную, чем темная и ничтожная роль какой-нибудь фельдшерицы, бабки и лекарки. Вы рветесь на медицинские здешние курсы. Я положительно бы Вам отсоветовал поступать на них. Там не дается ни малейшего образования, мало того, происходит нечто худшее. И что в том, что Вы когда-нибудь будете бабкой или лекаркой? Этакую специальность, если уж слишком захотите пойти по ней, можно взять и после, а не лучше ли бы теперь преследовать другие цели, заняться высшим образованием? Посмотрите на всех наших специалистов (даже профессоров университета), чем они страдают и чем вредят (вместо того, чтобы приносить пользу!) своему же делу и призванию? Тем, что у нас большинство наших специалистов — все люди *глубоко необразованные*. Не то в Европе, там встретите и Гумбольдта,[4] и Клод-Бернара,[5] и проч<их> людей с универсальной мыслью, с огромным образованием и *знанием*, не по одной своей специальности. У нас же люди даже с огромными талантами, Сеченов, например, в сущности человек необразованный и вне своего предмета мало знающий.[6] О противниках своих (философах) не имеет понятия, а потому научными выводами своими скорее вреден, чем приносит пользу. А большинство студентов и студенток — это все безо всякого образования. Какая тут польза человечеству! Так только, поскорее бы место с жалованьем занять.

Здесь, в Петербурге, на Васильевском острове, при одной гимназии, стараниями некоторых *влиятельных лиц*, начались уже для женщин *университетские курсы*.[7] Теперь многие из этих влиятельных лиц всё хлопочут, постоянно и неустанно, чтоб правительство соединило с этими курсами и известные права, по возможности такие же, которые, по выдержании экзамена, дает университет мужчинам, то есть возможность поступления на из-

вестные места и службы и проч. Я говорил про Вас одной из очень влиятельных дам, именно старающейся устроить эти женские курсы уже *на правах*.[8] Она мою просьбу приняла горячо и обещала мне, если Вам можно перебраться в Петербург, поместить Вас на эти курсы в непродолжительном времени, хотя несколько все-таки надобно погодить. Поверьте, что Вы здесь, по крайней мере, раздвинете и возвысите Ваше образование, а может быть, и дождетесь *прав*, о которых хлопочут покровители этих курсов. Тогда могли бы выбрать специальность или прямо место по выдержании экзамена. Я из Вашего письма уяснить себе Ваше домашнее положение не мог и не знаю, как принимать Вашу фразу: *бежать от отца*, ибо не понимаю, почему бы отцу Вашему не согласиться и не позволить Вам продолжать Ваше образование в этих университетских курсах на Васильевском острове? Это не Медицинская академия, не карьера повивальной бабки, которая могла бы пугать его совершенно натурально, как бы и я испугался за мою дочь (ибо желал бы для моей дочери возвышения образования и полезной человеческой деятельности, а не *понижения*).[9] К тому же, в крайнем случае, Ваш отец всегда бы мог сам справиться об этих курсах и именно у одной из их покровительниц, вот этой самой дамы (благородной сердцем и благодетельной), которую я за Вас просил. Это Анна Павловна Философова, жена государственного статс-секретаря Философова. По крайней мере я с моей стороны могу Вам обещать покровительство этой дамы вполне. Она же всей молодежи, и особенно женщинам, ищущим образования, глубоко и сердечно сочувствует.

Быть женою купца Вам с Вашим настроением и взглядом, конечно, невозможно.[10] Но быть доброй женой и особенно матерью — это вершина назначения женщины. Вы поймете сами, что я ничего не могу Вам сказать и о том молодом человеке, о котором Вы пишете.[11] Вы его называете малодушным, но если он так Вам сочувствует и готов Вам во всем содействовать, то он уже не малодушен. Впрочем, не знаю ничего. Главное, был бы добр и благороден. Если он к тому же добр и благороден *взаправду*, то может быть, еще Вы ниже его духовно, а не он Вас. Впрочем, Вы пишете, что его не любите, а это *всё*. Ни из какой цели нельзя уродовать свою жизнь. Если не любите, то *и не выходите*. Если хотите, напишите мне еще. Эта дама (имя ее в секрете; впрочем, в крайнем случае, отцу Вашему можете сказать) Вам будет тоже помогать. Извините, если письмо мое найдете не соответствующим тому, чего Вы ожидали, но ведь Вы слишком много надавали вопросов, и нелегко на них отвечать.

Ваш весь Ф. Достоевский.

679. Е. С. ИЛЬМИНСКОЙ

11 марта 1877. Петербург

Петербург 11 марта/77.

Глубокоуважаемая Екатерина Степановна,

Извините меня, что долго не отвечал на Ваше радушное и лестное для меня письмо, за которое Вас от всего сердца благодарю.[1] Я высоко ценю такое прямое обращение ко мне и дорожу таким отзывом. Что же больше и что же лучше для писателя? Для того и пишешь. Это — братское общение душ, которое самому удалось вызвать: самая дорогая награда.

К сожалению, настоящей карточки моей не имею. Всё хочу сняться и никогда не нахожу времени. Но, кажется, снимусь весною и для этого жду солнечных дней. А пока посылаю Вам продающуюся на улице мою карточку, но совершенно на меня не похожую. Она снята кем-то 16 лет тому назад и не с меня, а с какого-то моего портрета.[2] Все говорят, что сходства чрезвычайно мало. Если снимусь весной, то пришлю Вам новую карточку, не забуду. А теперь высылаю эту, мало похожую. Но другой никакой нет пока нигде.

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Вам преданный Ф. Достоевский.

680. С. Е. ЛУРЬЕ

11 марта 1877. Петербург

11 марта/77 Петербург.

Многоуважаемая и дорогая Софья Ефимовна,

Я, право, не знаю и вообразить не могу, что Вы можете обо мне подумать за молчание, да еще на такой вопрос Ваш?[1] А между тем со мной вышла одна дикая случайность. Когда Ваше письмо принесли, я сидел за обедом. Служанка внесла пачку писем (4 разом, я получаю теперь очень много). Я велел ей отнести в мою комнату и положить на стол, на подносик (указанное место, чтоб клали все приходящие ко мне письма и бумаги). После обеда я увидел пачку, разобрал ее, писем оказалось три, я прочел их. Что было четыре, заключаю только теперь по соображению. Но тогда, когда подавали мне за обедом, я их в руках служанки не сосчитал и до сих пор не прикоснулся. На подносике этом накопилось писем пятьдесят, все прочитанные. Затем я был болен (три припадка падучей), затем выпускал № «Дневника», опоздал[2] и теперь только принялся перебирать некоторые отмеченные мною за весь месяц для ответа письма. (На самые необходимые я отвечаю немедленно.)

И вдруг в ворохе писем я нахожу Ваше, не распечатанное, пролежавшее целый месяц! Как-нибудь, должно быть, скользнуло в середину и пролежало время. Теперь, прочитав письмо Ваше, я просто в отчаянии. И какое милое письмо! Вашим доктором Гинденбургом и Вашим письмом (не называя имени) я непременно воспользуюсь для «Дневника». Тут есть что сказать.[3]

Воображаю, что Вам скучно. Пишете очень важный вопрос насчет доктора.[4] Голубчик мой, скрепитесь: *не любя* ни за что нельзя выйти. Но, однако, поразмыслите: может быть, это один из тех людей, которых можно полюбить потом? Вот мой совет: от решительного слова уклоняйтесь до времени. У матери Вашей выпросите время для размышления (ничего отнюдь не обещая). Но к человеку этому присмотритесь, узнайте об нем всё короче. Если надо, сойдитесь и с ним более дружественно, для честности, однако, *намекнув* ему, чтоб он как можно меньше надеялся. И после нескольких месяцев строгого анализа — решите дело в ту или в другую сторону. Жизнь же с человеком немилым или несимпатичным — это несчастье. Но вот, однако ж, прошел месяц. Может быть, Вы уже давно как-нибудь решили и мой совет придет поздно. 35 и 19 лет мне не кажутся большой разницей, вовсе даже нет. Не знаю почему, но мне бы самому, лично, хотелось, чтоб этот человек Вам понравился, так чтоб Вы вышли замуж! Одно Вы не написали: какого он закона? Еврей? Если еврей, то как же он надворный советник? Мне кажется, евреи только слишком недавно получили право получать чины. Чтоб быть же надворным советником, надо служить по крайней мере 15 лет.

До свидания, друг мой.

Желаю Вам полного и всякого счастия. Не забудьте обо мне, не поминайте лихом, извещайте о себе. Я очень занят и очень расстроен моими припадками падучей.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш по-прежнему Федор Достоевский.

681. А. П. ФИЛОСОФОВОЙ

11 марта 1877. Петербург

Пятница 12[a] марта 1877 г.

Многоуважаемая Анна Павловна,

Благодарю Вас за Ваше радушное приглашение:[1] буду иметь большое удовольствие явиться к Вам в субботу к 5 часам.[2] Я ем скоромное, как и Вы. Стихи прочел,[3] не совсем понравились, потом скажу, почему. А пока весь Ваш

Ф. Достоевский.

---

[a] *Описка Достоевского, следует*: 11

682. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

29 марта 1877. Петербург

Многоуважаемый Михаил Александрович,

Тут корректуры и тексту несколько на *2-ю главу* (до 19-го полулистка). Дальше *продолжение* доставлю еще завтра.[1] Сверх того несколько адрессов.[2] Желаю, чтоб дошло до Вас в точности.

В‹аш› Ф. Достоевский.

683. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

30 марта 1877. Петербург

Любезнейший Михаил Александрович,

Посылаю продолжение и окончание 2-й главы, от 21 по 34 *странички*. Много ли будет? Очень бы желательно знать. И разберете ли Вы? Ох, надо бы торопиться. Зайду[a] вечером сам.

В‹аш› Ф. Достоевский.

30 марта.

---

[a] *Далее было начато*: в 6-м

684. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

31 марта 1877. Петербург

31 марта.

Многоуважаемый Михаил Александрович,

Посылаю Вам немного тексту на «Главу третью». 1) «Похороны „Общечеловека“». Причем прилагается частное письмо, из которого надо в обозначенном месте сделать *выбор*. Напечатать письмо петитом, все первые три страницы, а последнюю страницу и всё, что в первых зачеркнуто, не печатать. Очень прошу Вас не затерять и не *разрывать* письма, а непременно и скорее ко мне возвратить.[1]

Главное же, прошу Вас, любезн‹ый› Михаил Александрович — сделайте мне расчет как можно вернейший и точный: сколько у нас страниц всего, то есть с доставленной теперь частью третьей главы, и много ли еще надо написать страниц. Поймите, как это для меня важно, и пришлите мне расчет *в продолжение дня*.

Прилагаемая корректура[а] была мерзейшим образом в типографии продержана, а потому заняла у меня вдвое времени. *При расчете страниц обратите внимание и на вставку в корректуре.*[2]

В<аш> Ф. Достоевский.

[а] *Далее начато*: 2-й

685. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

31 марта 1877. Петербург

Любезнейший и многоуважаемый Михаил Александрович,

Вот Вам окончание №. 5 страничек тексту (с 38 по 42 стран. включительно), составляющих по моему расчету непременно $2^1/_2$ страницы печатных «Дневника».[1]

Но нужно $3^1/_2$ страницы.

А потому для этой последней третьей недостающей страницы и прилагаю объявление о «Русской старине».[2]

Затем сами будете видеть: если все-таки будет *недоставать*, то каким-нибудь образом растяните в печати объявления о «Р<усской> старине» и наше.

А если окажется слишком много текста, то можно кой-что сократить в объявлении о «Русской старине» по примеру прошлого месяца, да и само объявление стеснить. Если же можно и совсем обойтись без объявления о «Р<усской> старине», то, пожалуй, и не печатайте.

Ради бога, выручите. Я уже более не способен писать ничего на этот №, да и голова трещит.

Жму Вам руку

В<аш> Достоевский.

P. S. Выйти непременно надобно послезавтра в субботу 2-го апреля.[3] Цензор не выкинет ни слова.

На обороте:

Михаилу Александровичу Александрову

686. А. Ф. ГЕРАСИМОВОЙ

16 апреля 1877. Петербург

С.-Петербург, 16 апреля 1877 г.

Многоуважаемая А. Ф.

Я был болен и занят весь месяц, но хоть я и теперь очень занят, так что не имею возможности отвечать на письма, но на Ваше письмо, от 15 марта, не могу отказать себе в сердеч-

ной потребности черкнуть Вам хоть два слова (хотя Вы и не требовали ответа). Мне хотелось Вам только выразить, что из второго письма Вашего я узнал Вас вдесятеро больше, чем из первого, и неудержимо желаю Вам высказать, что глубоко уважаю Вас. То, что̀ Вы говорите о Вашем отце (который, хотя невольно, но всё же причиною Вашего тяжелого положения), о том, что он хотя и не образован, а лучше многих образованных, о том, как Вы его любите и боитесь огорчить, — всё это рисует Вашу прекрасную и твердую душу.[1] Не удивляюсь после того, что жених Ваш (которого Вы не любите) так дорожит Вами. Решение Ваше выждать шесть месяцев превосходно.[2] Много воды утечет до тех пор, а там как бог пошлет. Я во всяком случае, чем только могу, буду служить Вам. В половине мая выеду из Петербурга, но к концу августа буду в Петербург обратно (кроме того, буду на 10 дней в конце июня).[3] Во всяком случае я еще раньше шести месяцев буду в Петербурге.

А засим Вас глубоко уважающий Ф. Достоевский.

687. С. Е. ЛУРЬЕ

17 апреля 1877. Петербург

Петербург 17 апреля/77.

Многоуважаемая и добрейшая Софья Ефимовна,

Я всё нездоров, и всё в хлопотах, и из сил выбился. Думал, выпустив №, отдохнуть и всем ответить на письма (Вам первой), но столько прибыло новых писем, требовавших самого немедленного ответа из-за самых разнообразных, но не терпящих ни малейшего отлагательства причин, и столько явилось новых посетителей, из которых иные до того странные, что не было возможности не развязаться с ними как можно скорее, — что на это и ушло всё мое время (и уходит здоровье), и только теперь я схватываю несколько минут, чтоб Вам ответить. Во-первых, спасибо за то, что Вы так ко мне привязаны. А во-вторых — напечатал я о Гинденбурге по Вашему письму: не повредил ли Вам этим чем-нибудь в Вашем кругу? [1] Сомнение это зародилось во мне только теперь. Когда я писал и печатал, в соображении моем были только Вы, а теперь думаю и про всю Вашу среду. Уведомьте меня, и если я чем-нибудь Вас огорчил или рассердил, то простите.

Ваше письмо очень любопытно, но, главное, Вы спрашиваете: что Вам делать при семейном разногласии, особенно по вопросу об экзамене? [2] Мое бы мнение такое: не будьте с родителями жестки, не идите слишком напролом; ведь всё равно их мнений Вы не переделаете, а между тем они всё же Вам родители, отец и мать, и не можете же Вы поступить с ними жестоко и рас-

терзать их сердца.[б] Если любите несчастных и хотите служить человеколюбию, то знайте, что самое высшее несчастие в том, если[а] люди хорошие, добрые и великодушные *не понимают* или перестают понимать, вследствие своей среды и прежней жизни, известных идей и вступают в явное разногласие даже с теми, которых желают любить и осчастливить. Всего чаще это встречается между отцами и детьми. Без сомнения, и Вы не можете отдать в жертву всё свое и все самые дорогие свои убеждения, но всё же Вы должны быть снисходительны и сострадательны к ним *до последнего предела*. В этом настоящий подвиг человеколюбия, и нечего рваться куда-нибудь далеко за подвигом человеколюбия, тогда как он всего чаще у нас дома, перед глазами нашими. Не знаю Ваших теперешних отношений, но нельзя ли Вам, во-1-х, стать с ними мягче, а во-вторых, обещать им что-нибудь, но *не сейчас*, отзываясь тем, что Вы еще молоды и что хоть год, а Вам надо еще побыть одной. Про образование же, про экзамены,[б] конечно, решите чем-нибудь удобнее (и в свою пользу), если уничтожите жестокость отношений с Вашими родными и сойдетесь с ними. Но обещайте им что-нибудь непременно. Через год же много воды утечет. Кстати, насчет Вашего рассказа о 12 и 30 тысячах руб. приданого скажу лишь, что я не совсем понял причину Вашего гнева на жениха.[4] Мне кажется, он лишь самым наглядным и простым образом выразил тем, что любит Вас больше денег, потому что, хоть и мог бы взять невесту в 30 000, но не хочет, а берет лишь невесту с 12-тысячным приданым,[в] потому что любит не деньги, а ее самое. Вот как я понимаю из Вашего письма, или тут что-нибудь мне неизвестное. Вы спрашиваете: что же бы он сказал, если б у меня не было и 12 000 руб.? По-моему, тоже самое, то есть хочу эту девушку даже и без приданого, потому что люблю ее самое, а не приданое. Ведь не виноват же он, что за Вами есть 12 000 приданого? Впрочем, главное не в том, а в том: мил ли он Вам и по мыслям ли Вам или нет? Если нет, то, конечно, не выходите, хотя вспомните, что в Ваши лета нельзя и трудно судить людей без ошибок.

Насчет Виктора Гюго я, вероятно, Вам говорил, но вижу, что Вы еще очень молоды, коли ставите его в параллель с Гете и Шекспиром.[5] «Les Misérables» я очень люблю сам.[6] Они вышли в то время, когда вышло мое «Преступление и наказание» (то есть они появились 2 года раньше). Покойник Ф. И. Тютчев, наш великий поэт, и многие тогда находили, что «Преступление и наказание» несравненно выше «Misérables».[7] Но я спорил со всеми искренно, от всего сердца, в чем уверен и теперь, вопреки общему мнению всех наших знатоков. Но любовь моя

[а] *Далее начато*: до‹брые›
[б] *Далее было*: Вы
[в] *Вместо*: тысячным приданым — *было*: тысячами приданого

к «Misérables» не мешает мне видеть их крупные недостатки. Прелестна фигура Вальжана и ужасно много характернейших и превосходных мест. Об этом я еще прошлого года напечатал в моем «Дневнике».[8] Но зато как смешны его любовники, какие они буржуа-французы в подлейшем смысле! Как смешны бесконечная болтовня и местами риторика в романе, но[г] особенно смешны его республиканцы — вздутые и неверные фигуры. Мошенники у него гораздо лучше. Там, где у него эти падшие люди истинны, там везде со стороны Виктора Гюго человечность, любовь, великодушие, и Вы очень хорошо сделали, что это заметили и полюбили. Особенно что полюбили фигуру l'abbé Myriel. Мне это ужасно понравилось с Вашей стороны.[9]

Вы пишете мне анекдоты про Ваших местных чудаков.[10] Рассказал бы я Вам про чудаков, которые меня иногда посещают, и, уж конечно, удивил бы Вас.

Не скучайте, скрепитесь на время, а там и опять в Петербург или в Москву (где тоже есть курсы). Я верю, что Вы успеете, потому что у Вас есть характер.

В середине мая я уеду из Петербурга в деревню, но до того времени Вы мне, может быть, и напишете. Тогда сообщу Вам и адрес мой (летний то есть).

Преданный Вам искренно **Ф.** Достоевский.

[г] *Было*: и

688. В. И. ЛАМАНСКОМУ

20 апреля 1877. Петербург

20 апреля/77.

Многоуважаемый Владимир Иванович,

Дома я никакого *извещения* не нашел, как надеялся по словам Вашим, что мне уже послано «в числе других».[1] А потому, рассудив, что всё это может быть еще в проекте (тем более что вчера не успел распросить Вас точнее), — не рискнул потерять вечер на предполагаемое «приветствие», потому что страшно запоздал с «Дневником», а время дорого и хлопот пропасть.[2] Да и с «приветствием» могло выйти много хлопот: пиши я его для себя в «Дневнике», например, я бы был покоен, а тут я все-таки пишу для многих, которые могут остаться недовольны, непременно стали бы критиковать, поправлять — и время мое было бы потеряно. Главное же опять-таки в том, что всё это может быть еще только в проекте и не состоится.

А потому не рассердитесь, многоуважаемый Владимир Иванович, на меня за мой отказ: буквально завален собственным делом, а это бы меня отвлекло ужасно.[3]

Ваш весь **Ф.** Достоевский.

P. S. Конспект того, что Вы изложили мне дорогой для обработки, показывает, что Вы первый напишете в десять раз лучше многих других. Я слишком в этом уверен.

689. О. А. АНТИПОВОЙ

21 апреля 1877. Петербург

21 апреля 1877 г.

Уважаемая Ольга Афанасьевна!

Ошибся я или нет в Вашем имени и отчестве? Ваш прежний адрес мне было долго искать, чтобы справиться, тем более, что теперь у меня совсем времени нет. Если ошибся, то извините.

Я очень сожалею об неудаче экзамена из географии, но это такие пустяки, по-моему, что отнюдь уже не надо было так преувеличивать дела. А Вы написали мне совсем отчаянное письмо.[1] В сущности ничего не случилось кроме хорошего, потому что Вы все-таки выдержали экзамен из 2-х труднейших предметов. Из географии же отложите до осени и дело с концом. Из чего такие слезы и отчаяние? Я вижу, что Вы просто измучили себя и расстроили непозволительно свои нервы. Да, кажется, и всё семейство у Вас расстроено и встревожено Вами же. Это прекрасно, что Вы так любите Ваших родных, меня это очень тронуло и заставляет Вас особенно уважать, но непозволительно и непростительно так быть нетерпеливой, так торопиться и в Ваши крошечные лета восклицать: «из меня ничего не выйдет». Вы еще подросток, Вы не доросли еще до права так восклицать. Напротив, при Вашей настойчивости непременно что-нибудь выйдет. Оставайтесь только добры и великодушны. Вам надо спокойствия, Вам надо себя полечить, а потому непременно отдохните где-нибудь летом (на даче, что ли). Вы пишете про детей, с которыми хотели заниматься: почему же теперь Вам не заниматься с ними? — а если нельзя, то Ваше время не ушло, не беспокойтесь, жизнь велика, а выправитесь, то и скажете, что жизнь хороша.

Священник, которому Вы сдали экзамен из закона, конечно, добрый человек, но я бы на его месте сказал Вам, что Вы не стоите хорошей отметки. Это Вам за текст из Евангелия, приводимый Вами в письме о тех, «у которых отымется».[2] Но ведь Вы понимаете это прекрасное место Евангелия совсем наоборот. Стыдно. А впрочем, ничего. В Вас, кажется, есть и чувство, и теплота сердца, хотя Вы капризны и избалованы. (Вы не сердитесь на меня за это?) Не сердитесь, дайте мне Вашу руку и успокойтесь. Боже мой! С кем не бывает неудач? Да и стоила бы чего-нибудь жизнь, в которой всё гладко. Побольше муже-

ства и самосознания — вот чего Вам надо. А главное здоровья. Успокойте свои нервы и будьте счастливы. Вот искреннее желание Вашего

Ф. Достоевского.

690. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

25 апреля 1877. Петербург

Любезный и многоуважаемый Михаил Александрович,

посылаю Вам *моих* десять страниц «Главы первой» апрельского «Дневника». К 6 странице *заметьте* длинную вставку тут же в непронумерованном листке. На этой же 6-й странице начинается 2-я маленькая глава и выноска внизу под знаком $\sqrt{=}$ есть *название* ее.[1] Затем продолжение завтра.[2] 26-го утром же *в восемь* часов.

До свидания, может быть, зайду сам.

Ваш Ф. Достоевский.

25 апреля/77.

691. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

26 апреля 1877. Петербург

Любезнейший Михаил Александрович, вот Вам еще 6 страниц,[1] с приложением письма, из которого нужно сделать выписку *непременно петитом*, в указанном на 16-й странице месте.

Напечатать петитом из этого письма *только то*, что я очертил сбоку, а до всего остального не дотрагиваться.[2]

Тут конец «Главы первой». Не знаю, сколько у Вас выйдет. Жду корректуры, а цензор Ратынский предуведомлен. После моей корректуры посылайте к нему.

Ваш Ф. Достоевский.

26 апреля.

P. S. Объявление об издании «Дневника», по обыкновенному, то есть на 1-й странице, как и в прошлый раз.[3] Будет ли из всего лист? Кажется, меньше.

На обороте:

Михаилу Александровичу

692. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

28 апреля 1877. Петербург

Любезнейший Михаил Александрович, посылаю Вам продолжение с 7-й по 12-ю страницу включительно, начинать же в строку с последнего слова в корректуре.[1] Тут фраза была не окончена. Продолжение фразы на 7-й странице.

Ф. Достоевский.

28 апреля.

693. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

30 апреля 1877. Петербург

Голубчик Михаил Александрович, посылаю 5 страниц.[1] Хорошо бы, если бы и сегодня, подобно вчерашнему, мне прислали эти 5 страничек вечером для корректуры, с тем чтоб взять их завтра в 8 часов.

Ф. Достоевский.

30 апр‹еля›/77.

694. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

2 мая 1877. Петербург

Милейший Михаил Александрович, — вот *конец* рассказа.[1] Боюсь только ужасно, что из типографии не придут за ним, сегодня (в понедельник), утром в восемь часов. Поскорее бы корректуру и к цензору: боюсь, чтоб чего не вычеркнул.[2] И наконец, прошу Вас *очень* доставить мне с корректурой *по возможности* верный расчет и страниц — чтобы я знал, *сколько остается написать*. Завтра, во вторник, в 8 часов утра получите всё окончание №-ра.[3]

Ф. Достоевский.

2-е мая/77. Понедельник.

695. А. С. СУВОРИНУ

15 мая 1877. Петербург

15 мая 77.

Милостивый государь Алексей Сергеевич,

Извините, что Вас обеспокоил и даже, кажется, Вас из-за меня разбудили. Я сам сплю до 2-х часов, когда работаю, и понимаю, как досадно, когда потревожат. Но тогда г-н Илинский

прямо, помнится, сказал: «ну так в воскресенье в 3 часа» — и все так согласились. Значит, я ошибся. Так как я через два дня выезжаю из Петербурга, то вижу, что дело это, для меня по крайней мере, покончено.[1]

Рассчитывал тоже, увидя Вас, не отказать себе в удовольствии заявить Вам о приятном впечатлении на меня по поводу собственно Ваших нескольких слов, на прошлой неделе, об Анне Карениной.[2] Хорошо то, что в наше смущенное время Вы провозглашаете важность литературного явления как общественного факта, не боясь величия войны и прочего. Этот новый взгляд в Вашей газете очень отраден. Ради Христа, не примите с моей стороны за похвалу и *поощрение* к дальнейшему. Я просто выражаю мое удовольствие, которое бы наверно выразил Вам, если б удалось встретиться, и лично. Теперь всё дело у нас — в образе отношений к известным фактам, мыслям, явлениям. Вот этот-то образ отношений для многих совершенно неведом и еще не открыт, и все только мутятся и суетятся. Но извините, и примите как искреннее слово Вашего слуги,

Ф. Достоевского.

696. А. П. НАЛИМОВУ

19 мая 1877. Петербург

Мая 19.[a] Четверг.

Милостивый государь, Александр Павлович,

Извините от сердца, что долго не отвечал Вам.[1] Только сегодня могу уехать из Петербурга на время,[2] а до сих пор всё суетился в хлопотах и возился с нездоровьем. Но что же я Вам напишу? Вы умный человек и сами можете понять, что вопросы Ваши, мне Вами заданные, как-то отвлеченны, дымны, да и личности Вашей я, к тому же, совсем ведь не знаю. Меня то же мучило, что и Вас, еще с 16-ти, может быть, лет, но я как-то уверен был, что рано или поздно, а непременно выступлю на поприще, а потому (безошибочно вспоминаю это) не беспокоился очень. Насчет же места, которое займу в литературе, был равнодушен: в душе моей был своего рода огонь, в который я и верил, а там, что из этого выйдет, меня не очень заботило, ну вот *и весь мой опыт*, про который Вы спрашиваете. Но могу ли знать в точности Вашу душу? Если хотите мое мнение, то продолжайте твердо верить в Ваше влечение, и, может быть, судьба Вас поставит на поприще. Желания Ваши к тому же очень скромны, то есть быть *непременно* второстепенным тружеником. Но вот что прибавлю: *мое* влечение меня в мое время

[a] *Рядом рукою неизвестного*: 1877

нисколько не отвлекало от реального взгляда на жизнь, и я, будучи поэтом, а не инженером, до самого последнего года в инженерном училище был из первых в классе постоянно;[3] затем некоторое время служил, и хоть знал, что рано ли, поздно ли, а оставлю службу, но *до срока* не видел ничего *в общественных моих* занятиях слишком непреодолимо враждебного моему будущему; напротив, твердо был уверен, что будущее все-таки будет мое и что я *один* ему господин.[4] Если, например, служебные занятия не помешают пока Вашим литературным занятиям, то почему бы Вам и не взять места?

Всё это я пишу, конечно, совсем наобум, то есть слишком мало зная Вас, но единственно желая сделать Вам угодное и ответить Вам искренно и по возможности. А затем насчет (*события!*) и прочего, то не преувеличивайте. Позвольте пожать Вашу руку.

Ваш Федор Достоевский.

697. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

20 июня 1877. Малый Прикол

Малый Прикол, 20 июня/77.

Многоуважаемый и любезнейший Михаил Александрович,

Пишу Вам из усадьбы Малый Прикол, в 10 верстах от заштатного города Мирополье, Суджинского уезда Курской губернии.[1] Посылаю «Главу первую» «Дневника» за май-июнь, всего 21 полулисток. Глава первая тут *кончена*; но листа печатного еще не будет. Тут всего 13 или 13½ наших страниц. С обычным нашим объявлением на первой странице будет всего 14 или 14½ страниц. *Опоздал и опоздаю.* Решил, что в срок, то есть к 30-му июня, *никак не выйдем.* Выйдем же 5-го или 7-го июля. Я прибуду в Петербург не ранее как ко 2-му июля.[2] Но всё же начните набирать[a] (№ двойной, озаглавлен май-июнь по примеру прошлого года за июль-август, и не менее будет *трех* листов).[3] Очень скоро, то есть дня через три, вышлю Вам еще оригиналу, и потом еще. Полагаю, вышлю всё до моего еще приезда. Когда наберется полный лист, то печатайте так, как мы уговаривались. Остальные же листы, то есть 2-й и 3-й, вероятно, успею сам прокорректировать. Теперь же полагаюсь во всем на Вас; ради Христа, отдержите корректуру тщательнее.

На первых страницах пойдет латинский текст. Напечатайте *не петитом*, а обыкновенным шрифтом, и непременно через строчку латинского с русским, точь-в-точь так, как увидите в оригинале. Латинский текст переведен *подслоено*, то есть под

[a] *Было*: печатать

каждым латинским словом соответствующее русское. Надо так и набирать и печатать.[4]

NB. (самое главное). Ради бога, дайте прокорректировать латинский текст кому-нибудь знающему латинский язык.

Кроме того, еще самое важнейшее: надо непременно [б] снести цензору Ратынскому и попросить отцензуровать. Боюсь только, чтоб он куда не уехал, как в прошлом году! Пуцыкович обещался в таком случае похлопотать о назначении мне цензора.[5] Напишу ему.[6]

Надеюсь, что писано довольно разборчиво.

Итак, буду присылать беспрерывно по мере накопления. Вас же, голубчик Михаил Александрович, попрошу *в случае чего-либо у Вас необыкновенного*, то есть в типографии, или в случае отсутствия Ратынского, написать мне сюда: В город Мирополье, Курской губернии, *Фед‹ору› Мих‹айловичу› Достоевскому.*

И напишите, не рассчитывая, дойдет или не дойдет или что я уже выеду к тому времени. Если же ничего не будет особенного, то не уведомляйте.

Итак, пока до свидания. Если придется печатать первый лист, то печатайте всего 7000, а не 8000 экземпляров (NB. Как Вы обойдетесь без моей подписи? Впрочем, приеду — подпишу).

Во всяком случае, будете ли или не будете начинать *печатать* до меня, но всё же, *по мере получения* оригинала, набирайте и несите к ценсору.

В следующую почту [в] еще напишу сам, что теперь забыл.

А пока Вам душевно преданный

Ф. Достоевский.

На обороте:

Михаилу Александровичу Александрову
от Достоевского.

[б] *Далее было*: издать
[в] *Было*: В следующем письме

698. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

24 июня 1877. Малый Прикол

24 июня/77. *Малый Прикол.*

Многоуважаемый и любезнейший Михаил Александрович, посылаю Вам еще 19 полулистков, от 22 по 40-й включительно. Здесь «Глава вторая». В следующий раз вышлю «Главу третью».[1]

Что делать: опоздаем и опоздаем ужасно. Может быть, выйдем к 10-му лишь июля. Но Вы набирайте, и что можно, то и *отпечатывайте*, процензуровав. Здесь, я полагаю, будет 12 или 13 страниц. Так что всего, с «Главою первой», будет уже на

28 или на 29 страниц и еще остается мне Вам выслать *лист с двумя* или с 3-мя страницами.

Сам я постараюсь приехать к 1-му или ко 2-му июля.

Если можете, то уведомьте меня о чем-нибудь сюда: Курской губернии в город Мирополье. Ф. М. Достоевскому.

Теперь, если Вам ничто не помешает, то, полагаю, Вы могли бы набрать и отпечатать уже $1\frac{1}{2}$ листа. Если будете *до меня* отпечатывать, то печатайте не 7000 экз‹емпляров›, как я писал Вам в последний раз,[2] а $7\frac{1}{2}$ тысяч (*семь с половиною тысяч*).

Во всяком случае, голубчик Михаил Александрович, на Вас вся надежда, не запоздайте, и по возможности, всё вперед, да вперед. Но, ради бога, корректуру! Помарок у меня много, но ведь все-таки разборчиво! Ради бога, наблюдите, чтоб не было, по крайней мере, позорных ошибок.

До свидания, Михаил Александрович, крепко жму Вам руку.

Ваш весь Ф. Достоевский.

На обороте:

Михаилу Александровичу Александрову.

699. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

29 июня 1877. Малый Прикол

Голубчик Михаил Александрович,

Посылаю 9-й, 11-й, 12 и 13 полулисток.[1]

Обратите внимание, что 10-го полулистка нет, доставлю *сегодня же*, равно как и еще продолжение.

Ваш Ф. Достоевский.

700. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

29 июня 1877. Малый Прикол

29 июня/среда. *Малый Прикол.*

Многоуважаемый и любезнейший Михаил Александрович,

Посылаю Вам «Главу третью» (еще не докончена), 14 полулистков. Надо думать, что тут *девять* или 10 печатных страниц. Остальное пришлю отсюда или привезу сам.[1] Будет всего 3 листа. Отсюда думаю выехать 2 июля, буду в Петербурге или 4-го или 5-го июля. Теперь присланное немедленно набирайте и к цензору. Если всё благополучно и цензор пропустит, то, пожалуй, печатайте (у Вас уже далеко за 2 листа). То-то и есть, что не знаю, благополучно ли всё, есть ли цензор и всё

прочее?[2] *Если у Вас нет бумаги, то потребуйте у Печаткина* (в типографии знают, где мы берем). Ну, до свидания. Как-то свидимся в Петербурге!

Ради бога, позаботьтесь о корректуре! Не погубите!

Ваш весь Ф. Достоевский.

На обороте:

Михаилу Александровичу Александрову.

701. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

6 июля 1877. Петербург

Среда 6 июля/77 Петербург.

Милый друг мой Аня, обнимаю тебя и целую. Деток тоже всех поголовно. Как вы съездили?[1] Жду с нетерпением твоего письма.[2] Только об вас и думаю.

Я приехал вчера весь изломанный дорогой. Подробностей не пишу, потому что спешу как угорелый, дела ужасно много и застал много хлопот. Приехал поезд в 11 часов утра. Приезжаю на квартиру, а Прохоровна только что передо мной ушла, ждала меня со вчерашнего дня. Послал за ней.[a]

Как приехал, сей же час, не дожидаясь Прохоровны, за которою отправил дворника, отправился в типографию. Александров сказал мне, что они всё набрали, но ничего не отпечатали, потому что нет цензора. Ратынский уехал в Орловскую губ‹ернию› в отпуск, Александров ходил и к Пуцыковичу (чтоб тот, в Комитете, выхлопотал мне цензора) и сам ходил в Комитет.[3] Секретарь и докладывать не захотел, а выслушав объявил, что я из-под цензуры вышел, так пусть и издаю без цензуры. Это значит, если всё отпечатано будет к 9-му июля, то выйдет (накинув еще 7 дней) 16-го числа. Затем стали считать набор. Вдруг оказывается, что и с привезенным мною пакетом вчера и с объявлениями не будет доставать 5 стран‹иц›. Стало быть, предстоит сочинять. Полчаса считали строки, и вдруг мне пришло в голову спросить самый пакет, и я увидел что они последней отсылки от 1-го июля *еще не получали*, то есть 5 дней, и я приехал раньше. Предпоследнюю же отсылку от 30 июня получили 4-го числа, то есть накануне моего приезда. Я по крайней мере обрадовался, что сочинять не надо будет. Затем поспешил в Цензурный комитет. И секретарь и Петров, все хоть и вежливы, но уговаривали меня изо всех сил печатать *нецензурно*, не то у вас будут сплошь вычеркивать. (Вероятно, у них какие-нибудь особые инструкции насчет теперешней литературы

---

[a] *Дальше зачеркнута, рукой А. Г. Достоевской, 21 строка. В копии А. Г. Достоевской, где этот текст также зачеркнут, прочитываются начальные слова*: В квартире нашей прибрано по возможности ‹...›

вообще, так что, очевидно, они *мне* не лично угрожали, а вообще такой ход дела, что велено строже). Я этого ужасно боюсь, но я все-таки стоял на том, чтоб мне дали цензора, обещали вчера же, но вот уже сегодня утро, а известий никаких нет, и опять сейчас придется ехать в Комитет, а между тем можно бы первый лист уже печатать.[4] Навалили на меня корректур. Вчера отдержал лист, но более не мог. В мое отсутствие заходила Марья Николавна, написала мне записку, чтоб я ей назначил день, когда *ей ко мне явиться*.[5] Ясно, что я должен сам заехать. Между тем времени ни минуты. Сейчас еду в типографию и цензуру. Затем буду сидеть за корректурами. И проч. и проч. Вчера поздно вечером пришел в типографию пакет с текстом от 1-го июля.[6] Никого не видал. Николя заходил и вчера (без меня) и 3-го дня. Все думают, что у меня времени куча, только к ним ездить да болтать с ними. Не съезди я сегодня к Марье Николавне — ведь обидится.

На днях, послезавтра, если не завтра, напишу подробнее. А сегодня ничего не знаю, как еще меня решат. В этом и забота и обида. Целую вас всех: ты мне снилась в вагоне. Снилась и вчера. Целую вас всех тысячу раз.

Твой вечный и *неизменный* Ф. Достоевский.

Кланяйся всем.

P. S. Сейчас заходил переплетчик. Бог знает, как они все узнали, что я приехал. Он хоть и хворый, но сам ведет дела. Я ему сказал, что дам знать, когда надо. Потом заходил подписчик и подписался. (Сколько их, должно быть, перебывало, да с тем и ушли.) Давеча, когда еще спал, изо всех сил звонил один мальчишка из Садовой от какого-то купца Николаева с требованием и с деньгами продать книгу, роман *«Униженные и оскорбленные» (!)* Разбудили меня. С тем и отправил.[7]

Пиши подробности о детях. Будь терпелива. Целую твои ножки и еще всю, то есть в каждое место, и об этом много думаю.[6]

---

[6] *Текст*: Целую ∾ много думаю. — *в копии вычеркнут.*

702. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

7 июля 1877. Петербург

Четверг. 7-го июля/77. Петербург.

Милый друг Аня, пишу тебе это уже в полночь, так что письмо пойдет только в пятницу, завтра, 8-го июля. Сегодня (то есть в четверг) утром, в 6 часов, во сне, со мной был припадок и разломал меня так, как редко когда. И устал, и обессилел, и нервы расстроены, и *мрак* в душе! А между тем дел

и хлопот бездна, дела не перестают, а еще пуще нарастают. Цензора мне дали, Лебедева, но всё же я не знаю, *когда я выйду*? Цензор вряд ли завтра,[a] то есть в пятницу, всё отчитает, а затем все-таки третья корректура, просмотр, печатание, а вдобавок Александров сегодня заболел и в типографию не приходил! Ну что если разболеется и не придет завтра и послезавтра! Тогда всё пропало, потому что никто в типографии, кроме него, не может рассчитать и определить числа строк, а я, со вставками и вымарками в корректуре, до сих пор не знаю: достает ли у меня тексту или перешло за 3-й лист? Если перешло, тогда ничего нельзя будет сделать, потому что и выкинуть уже невозможно, так как, по мере получения от цензора, они сейчас же уж и печатают. С другой стороны, если хоть и выздоровеет Александров, то когда я выйду? — вот вопрос. В субботу 9-го, уж конечно, не выйдет, 10-го *же* воскресение, да и выйдет ли еще и 10-го-то? Ничего не знаю! А меж тем надо нести объявление о выпуске № в газеты. (NB. А формы-то объявления я не имею, надо вновь сочинять.)[1]

Вчера заехал к Сниткиным и видел Марью Николавну. Все Сниткины (то есть Мих‹аил› Ник‹олаевич›) дома, но уезжают в начале будущей недели в деревню. О тебе много расспрашивали. Но Марья Николавна приняла меня свысока и дерзко: была в большой претензии, как это ты написала ей когда-то, чтоб она пришла ко мне 5-го, «и вдруг прихожу, вижу самовар на столе — и нет никого дома, признаюсь, я была чрезвычайно обижена!». Чем она могла быть обижена? Когда ты написала ей, чтоб она зашла 5-го, ты написала тоже, что и я приеду к 30-му июня;[2] но я всего только успел приехать к 5-му. В письме ко мне, которое она мне оставила, она просит уведомить меня: когда она должна ко мне *явиться*.[3] Мне она (хотя я и не спрашивал) объявила, что она все объяснения посылает тебе по почте, а что ей мне нечего объяснять. «Оставила мне Анна Григорьевна какие-то там пачки, под буквами и под цифрами, будут где-то на окнах лежать, а я всё это забыла теперь и ничего не помню». Вообрази, как мне приятно это теперь слышать. И вообще, она тонирует и говорит свысока, чувствует, что в ней надобность. Полагаю, что она наговорит мне каких-нибудь грубостей и выведет из терпения. Вообще, теперь я и без того в болезненном настроении, а всё это, и ожидание дня выхода, производит на меня чрезвычайно гадкое впечатление. Впрочем, постараюсь с своей стороны избегнуть этой дряни, не замаравшись об нее, и буду терпелив.

Вчера вечером получил письмо от Победоносцева. Пишет наугад, беспокоясь за меня и не зная, где я, *на прежний* адрес: «Не выходит, дескать, „Дневник“, не сделалось ли чего

---

[a] *Далее было*: 9-го

с Вами?».[4] Сам он в Ораниенбауме, живет во дворце. Напишу ему, но вряд ли сам поеду — некогда.

На тараканов уже высыпал две стклянки купленного порошка. Много вымели[б] мертвых, но остальные еще кишат, особенно в кухне, в дровах. Вот тут их главные гнезда. Завтра велю вытаскивать дрова в сарай. Дворник не сказал мне, что 13-го июня по 13 июля у тебя всё забрал: значит, я ему заплатил по 13-го августа, да еще 4 руб. сверх того вперед. Прошу тебя *очень*, отыщи у меня на столе (или в зале на столе, но вернее это в моей каморке) статью «Северн‹ого› вестника», фельетон, о Корниловой, против меня. Так как «Сев‹ерный› вестн‹ик›» мы совсем не получаем, то будет легко отыскать, всего какой-нибудь один номер. Отыщи и припрячь *особенно*, чтоб, сохрани бог, не пропало, для того и пишу. *Иначе у меня статьи на следующий №* не будет.[5]

Одним словом, послезавтра, или когда только будет свободная минута, напишу и еще тебе. А теперь голова кружится, и весь изнурен, и мысли не собираются! Кстати, Марья Николаевна сообщила мне, что Овсянников воротил ей 280 экз‹емпляров› за апрель. Каково! Значит, он всего 200 продал.[6] Стало быть, двойных № за май—июнь, может быть, и совсем не возьмет, кроме тех, которые выменяет за 280 апрельских.

Марья Николавна дала мне 74 р. Но подробного счета не дала, говорит, что тебе напишет. Из этих 74 р. прислал 42 какой-то купец из провинции, он пишет, что ему надо вместо 60 экз‹емпляров› присылать всего 40. Одним словом, «Дневник» видимо падает.

Что дети? Пиши. Целую их всех и благословляю. Аня, береги их! Напомни им об папе. Сегодня в $6^1/_2$ часов, очнувшись от припадка, пошел *к тебе*, и вдруг Прохоровна говорит мне в зале, что барыни нету. — Где же она? — Да она в деревне на даче. — Как это можно? Она должна быть здесь, когда она уехала? — И едва поверил, когда Прохоровна уверила меня, что я сам только 3-го дня приехал. Как мне тяжело было давеча пробуждаться!

Прощай, Аня, обнимаю тебя, целую крепко всех вас вчетвером.[в]

Тв‹ой› ве‹сь› Ф. Достоевский.

P. S. Александров заболел, а помощник его уведомляет меня,[г] что выйти раньше 12-го, то есть вторника, *невозможно*. Черт знает, что делается на свете. Погода у нас со вчерашнего дня вдруг переменилась на холодную и пасмурную.

б *Было*: выбили
в *Было начато*: втр‹оем›
г *В тексте письма описка*: его

703. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

8 июля 1877. Петербург

8 июля/77.

Любезный брат Коля, я приехал еще 5-го июля. Прохоровна передавала мне, что ты заходил без меня и обещал зайти, но вот тебя нет. Здесь застал много неприятностей по выпуску «Дневника», хлопочу, в типографии говорят, что выйдет только 12-го,[1] метранпаж Александров заболел, и я без него как без рук, у меня же был вчера припадок падучей и разбил меня. Если здоров и можешь навестить меня, то заходи после 1-го часу утра, около самого этого времени, от *часу* до *трех*, но не позже и не раньше. Буду очень рад взглянуть на тебя.

Брат твой Ф. Достоевский.

704. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

11 июля 1877. Петербург

Петербург. Понедельник 11 июля/77.

Милый друг мой Аня, целую тебя и обнимаю. Деток тоже. По них болит сердце. Скучно мне без вас здесь ужасно.

Сегодня вышел №.[1] Он еще в субботу ночью был готов, и можно бы было выйти в воскресение, но в воскресение они не работали, а готово было всего только 3000 экз‹empляров›, к тому же в воскресенье. Вот я и отложил в понедельник. Довольно всё неудачно. Во-1-х, публиковать успел только в «Новом времени».[2] Правда, и это оказалось довольно, потому что *все* как будто только и ждали в Петербурге, когда выйдет №? По всем продавцам публика беспрерывно спрашивала, и ко мне приходили все эти дни довольно, звоня и осведомляясь: когда выйдет. Переплетчикова дочь пришла еще вчера с вечера; но вчера и сегодня утром больше 500 экз‹емпляров› заклеить не могли, так и свезли в 3 часа *только эти 500* экз‹емпляров› (само собою, городские были утром отправлены), тоже и 22 пакета городск‹их› равно как сданы на почту в обертках по 5, по 4 и по 2. Большую половину *посылок* успели зашить, отправили раньше 3-х часов, там уж печати приложили, и что же: в конце концов чиновник отказался принять! «Поздно, дескать, и посылок много». Так и привезли их назад. Ездил сын переплетчика. Марья Николавна, как он рассказывает, *сдала* только 500 в бандеролях, а посылок не хотела дожидаться и уехала из почтамта,[3] думая, что сын переплетчика один сдаст. Так и не знает теперь, что их не приняли. Сын переплетчика уверял, однако, что еще 4-х часов тогда не было и у других принимали. Сегодня вечером дочь переплетчика заклеила все бандероли, а нянька и дочь ее

зашили и приготовили посылки. Остается только завтра поутру Марье Николавне проверить бандероли, что делает она очень мешкотно, например, сегодня. Сегодня же, например, утром переписывала и адреса тех, которые переменили их, всё это взяло время, а можно бы было с ее стороны раньше сделать. Наконец, она долго провозилась с посылками *в синей бумаге*, заклеила их все, и не так, так что сама оставила до завтра переделывать. Думаю, однако, что завтра, 12-го, всё пошлем, до капли, и гораздо раньше трех. Марья Николавна работала усердно, но она большая размазня, хотя мы, однако, совсем не ссорились и вели себя по-приятельски. Кстати, ты мне ни слова не сказала и в инструкции ни одного слова не написала о тех бандеролях, которые лежали в дубовом шкафе (продолжение арабских цифр и проч.). Я их уж отыскал случайно, а их несколько сот! Поздно приехал Коля. Капельку и он помог, съездив к Исакову.

№ брали в розничную продажу, но не так как в старину. Овсянников сдал 290 № апрельского Марье Николавне, пришел ко мне сегодня и взял ровно 145 май-июньского, с тем и ушел, ни на копейку больше: *«Денег теперь нет»*. Я не предлагал на комиссию. *Оглоблину* я выдал 100 экз‹емпляров›,[4] Кузьмину 200, Глазунову 50.[5] Попов взял *всего только* 40 экз‹емпляров›. Магаз‹ин› иногород‹них› 200 экз‹емпляров›, Невск‹ая› кн‹ижная› торговл‹я› — 50 экз‹емпляров›. Кехрибарджи 25 экз‹емпляров›, Р‹усская› книжная торговля 25 экз‹емпляров› (и 10 подписч‹икам›), Мамонтов 78 экз‹емпляров›, Конопыгин 30 экз‹емпляров› (и 6 за 12 возвратн‹ых›), Семенников 16 экз‹емпляров› (и 2 подп‹исных›). Кроме того, доставили Черкесову 10 экз‹емпляров›, Соловьеву в Москву через Исакова 30. Исаков взял 33 экз‹емпляра› (и 87 подписчик), Егоров *10* на деньги и 10 на комиссию, и наконец, пришел некто — содержатель уличных торговцев, как и Овсянников, некто Димитриев (знаешь ли ты?) и спросил было 200 экз‹емпляров› на деньги, но узнав, что Овсянников взял всего только 140 экз‹емпляров›, отказался и взял всего только 150 на деньги.[6] *Всего на всё* на деньги наторговал *сегодня* только 110 или 115 руб. (еще не сосчитал аккуратно). Может быть, и еще соберу в эти дни, но разве очень немного. Вечером заходил в пассаже к Кузьмину, он все болен и лежит дома, а торгует вместо него жена. Нарочно спросил у ней: хорошо ли продается «Дневник», не боятся ли полтинника? [7] Она отвечала, что точь-в-точь как прежде берут, ничего не боятся. Заходили несколько незнакомых *покупать* № на дому, единственно, чтоб узнать о моем здоровье.

Голубчик мой, я устал ужасно. Сегодня 5-й день припадка а у меня всё мрак в душе, усталость, рассеянность. Сегодня встал в 8 часов утра, завтра, верно, тоже подымут рано. Ни на кого пожаловаться не могу, все служат и помогают, а дело все-таки туго идет, но авось завтра всё кончу. Хочу сейчас лечь, потому что очень устал. Обедал сегодня в 8 часов. — Думаю

об вас и беспокоюсь ужасно: всё мне кажется, что с вами какое-нибудь несчастье. Молюсь за вас беспрерывно богу. Напиши мне об Леше, как вы его нашли, а потом о впечатлениях Феди и Лили в Киеве. Постараюсь как можно скорее отсюда. О тебе думаю (и мечтаю) беспрерывно. Думаю *хорошо*. Целую твои ножки, стоя перед тобой на коленях. По ночам доходит до странного состояния души от припадка: «Хоть бы раз только, думаю, их увидать перед тем как умереть». Прошу тебя, Аня, обо мне не беспокойся, отдыхай, если можешь, купайся. Здесь три дня не показывалось солнце, свинцовые тучи, ветер и 8 градусов тепла в 4 часа пополудни. Тараканов сколько ни морю, не могу вывести. Порошку всякого истратил [a] уже на 4 руб., а всё ползают. Куплю еще хоть до 10 руб. всего и рассыплю по комнатам, но вывести их отчаялся.

Ни у кого не был, ни к кому не хожу. Заходил Пуцыкович, я об деньгах не говорил. Был у меня вчера Мещерский, он случайно дней на 5 в Петербурге, из Москвы, едет в Ревель, а потом в Азиатскую Турцию.[8] — Прохоровной я очень доволен, она очень работает, чистит, гладит и твои вещи проветривает и посылки зашивает. Без нее я бы пропал. Обнимаю тебя и целую, целую каждый пальчик на твоей ножке, мечтаю о тебе, и, сверх того, жму тебя прямо к сердцу, как мою добрую милую Аню, *друга* моего. До свидания. Деток благословляю. Господи! неужели с ними что случится.

До свидания же. Постараюсь отсюда вырваться поскорее. Всех вас целую бессчетно.

Тв<ой> Ф. Достоевский.

---

[a] *Было*: купил

705. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

15—16 июля 1877. Петербург

15 июля/77.

Милый друг мой Аня, завтра, 16 июля, хочу выехать из Петербурга, вечером с курьерским поездом.[1] С самого 8-го июля, когда получил от тебя письмо из Киева, от 6-го июля, *не получал от тебя до сих пор ни одной строчки!*[2] Что с вами сталось, что сделалось, понять не могу! Неужели письмо пропало на почте? Почему же ни одно твое письмо, ни к дворнику, ни к Коле, ни к Марье Николавне, за всё лето, не пропадало? Как мне не думать и не сомневаться? Вот уже трое суток хожу как пришибленный. Ночью сплю часа по 4 не больше, и всё вижу кошмары. Удивительная задалась мне поездка: приехал — хлопоты, неудачи и сейчас припадок. Тут в болезненном состоянии выпуск №, и вот только чуть-чуть освежилась голова — муки об вас, об тебе и об детках! Дальше выносить не могу и завтра выезжаю. Завтра подожду до 2-х ча-

сов: если не придет от тебя письмо, то телеграфирую с нарочным (если только примут телеграмму в Мирополье или в Суджу, с доставкою в Малый Прикол). В телеграмме буду просить тебя телеграфировать мне *немедленно* (а для того попросить послать для этого нарочно Гордея в Суджу) к Елене Павловне в Москву, на Знаменке, дом Кузнецова, у которой нарочно для этого остановлюсь.[3] В воскресение, 17 июля, я буду в Москве и прожду в Москве телеграммы до понедельника до 2-х часов. Если не получу от тебя ответной телеграммы, то уже не поеду в Даровое, взглянуть на места моего детства,[4] а отправлюсь прямо к вам в Прикол. Что делать, Аня, тяжело мне теперь в эту минуту. Сегодня с вечера началось сердцебиение и не проходит. Всё думаю, думаю, и бог знает что приходит в голову. Мне всё представляется, что дорогою из Киева который-нибудь из них, Федя или Лиля, попал под вагон и ты [а] в отчаянии.

Таким образом, это письмо придет, может быть, вместе со мною, а потому о подробностях по выпуску № и проч. писать здесь не буду, тем более, что во всяком случае скоро увидимся. Что-то будет, как-то свидимся!

Сегодня перед вечером ездил к Марье Николавне, отвозил ей №№.[5] Она мне сообщила, что ты ей еще очень недавно писала, что намерена съездить в Киев *и в Харьков*. Это меня заставило задуматься: очень может быть, что ты поехала и в Харьков, тем более, что тебе, помнится мне, этого желалось. Таким образом, и особенно с детьми, ты спешила и рвала; устала, устали и дети, письма мне из Харькова писать не хотела, домой, в Прикол, воротилась поздно, а тут еще, пожалуй, Гордей пьян напился, — и вот письмо ко мне пошло вместо *обещанной субботы* — в понедельник или во вторник. Только и тут ведь надо было бы ему уже прийти. Подожду до завтра. В Москве буду ровно столько времени ждать твоей телеграммы, пока нужнейшие дела покончу, то есть буду в понедельник у Салаева[6] и куплю себе 8 бутылок ессентуки (по настоянию Михаила Николаевича Сниткина). Если же получу в Москве телеграмму, *то проеду на сутки в Даровое.*

Если ты была в Харькове, то в этом одно только дурное: то, что ты сделала это, по обыкновению твоему, скрытно от меня. Да, Аня, ты во все 10 лет нашей жизни была ко мне недоверчива, и не знаю, виноват ли я в этом? Думаю, что нет, а недоверчивость в твоем характере. Насчет же поездки в Харьков ведь ты знаешь, что я бы не воспротивился. Всё что ты делаешь — то хорошо. Твоему уму и расчету я [б] давно во многом доверяюсь, но ты мне не доверяешься, а если б доверилась, то написала бы мне, не ожидая возвращения в Прикол, из Харькова, и я не сидел бы в такой муке, как теперь. Не знаю почему, но мне

[а] *Далее было начато*: не знаешь

[б] *Далее было*: во всем

очень хочется поверить толкованию Марьи Николавны, что ты была в Харькове. Потому что иначе приходится думать о несчастье, о смерти кого-нибудь из детей.[в]

Об делах, повторяю, при свидании. Да и мало их было, денег получил немного,[г] а истратил много. NB. Рудин внес (очень недавно) 150 р. Печаткину, но хозяину не заплатил.[7] Я не видал его.

Завтра упаковка и хлопоты, равно как и телеграмма.[8] Завтра, 16-го, рождение Феди: целую его и благословляю, равно Лилю и Лешу, поздравляю их всех, а тебя *особенно*. Милый ангел мой, Аня: становлюсь на колени, молюсь тебе и целую твои ноги. Влюбленный в тебя муж твой! Друг ты мой, целые 10 лет я был в тебя влюблен и всё crescendo * и хоть и ссорился с тобой иногда, а всё любил до смерти. Теперь всё думаю, как тебя увижу и обниму. А думаешь ли ты обо мне сколько-нибудь? Ну, до свидания, до близкого! В Троицкую лавру, если б и получил телеграмму, не поехал бы, так хочется поскорее с вами увидаться. А в Даровое, если получу телеграмму, хотелось бы съездить всего только дня на $1^1/_2$: иначе я эти места никогда уже не увижу более!

Обнимаю вас всех еще раз.

Твой весь Ф. Достоевский.

Суббота 16 июля. 2 часа пополудни.

Прождал письма до 2-х часов (киевское письмо тогда пришло ко мне в полдень). Не получил ничего, а теперь в сомнении и решил сегодня не выезжать, а выехать завтра — единственно потому, что, как мне кажется, пускать теперь телеграмму поздно. Пойдет она в 3 часа. Пока дойдет в Суджу, пока пошлют из Суджи нарочного — и приедет он в Прикол, пожалуй, в полночь, тебя разбудит, ты не выспишься, на меня рассердишься. Лучше пошлю завтра, в воскресение, 17-го, часов в 9 утра, и дойдет она к вам еще засветло. Если в понедельник (18-го) отправите Гордея в Суджу подать ответную телеграмму, то он даже в полдень поспеет подать ее, ну в 2 часа, и все-таки я к вечеру в понедельник могу получить ее у Елены Павловны. Я же, выехав завтра в Москву, поспею в Москву в понедельник утром. В понедельник будний день, и я всё успею сделать: и у Салаева буду и ессентуки куплю и даже, пожалуй, увижусь с Аксаковым.[9] Затем, если не получу телеграммы, то выеду, если не успею в понедельник же вечером, то во вторник утром (всё судя по поезду), и в среду буду у вас. Если же получу телеграмму и у вас благополучно, то съезжу в Даровое. Милый друг мой, сегодня ровно 8 дней, как я не получал от

в *Далее зачеркнуто несколько слов.*

г *Было начато*: всего ли<шь>

* крещендо (*итал.*; муз. термин), *здесь*: все более и более.

тебя известия, и ровно 10 дней, как ты мне писала из Киева. Срок тяжелый, нельзя не задумываться. Не только *одно*, но и 2 письма могли бы уже прийти! До свидания, ангел мой, храни вас всех бог. Буду опять сегодня мучиться. Но авось придет еще письмо в продолжение дня или завтра. Целую тебя и детей, а тебя крепко-крепко.

Твой весь Ф. Достоевский.

Федю поздравляю.

Адресс Елены Павловны: Москва, на Знаменке, дом Кузнецова, Елене Павловне Ивановой.[д]

[д] *Далее было*: г-пу Достоевскому.

706. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

17 июля 1877. Петербург

‹Черновой текст телеграммы›

Курской губернии в город Мирополье, с доставкою в Малый Прикол.

Г-же Достоевской [а]

От тебя [б] совсем не получал писем.[в] Живы ли? [1] Сегодня выезжаю.[г] Телеграфируй [д] немедленно [е] в Москву,[ж] на Знаменке, дом Кузнецова, Елене Павловне.[з] С передачею мне.[и] Поздравляю Федю.

Ф. Достоевский.

Петербург. 17 июля.

[а] *Далее было*: Кроме Киевского, ни одного письма от тебя не получил.
[б] *Далее было*: нет
[в] *Далее было*: мучаюсь
[г] *Далее было начато*: из Петерб‹урга›
[д] *Было начато*: С получени‹ем› телеграфируй
[е] *Далее было*: мне
[ж] *Далее было*: *а.* Елене Павловне Ива‹новой› *б.* мне
[з] *Далее было*: Ивановой с передачей мне.
[и] *Далее было*: *а.* немедленно *б.* Буду ждать до понедельника.

707. И. Г. СНИТКИНУ

17 июля 1877. Петербург

‹Черновой текст телеграммы›

В город Суджу с нарочным в Малый Прикол Сниткину.

Кроме из Киева ни одного письма. Живы ли? Мучаюсь. Сегодня выезжаю в Москву. Немедленно телеграфируйте в Москву, на Знаменке, дом Кузнецова [а] Елене Павловне Ивановой. Для меня.

Ф. Достоевский.

[а] *Далее было*: Г-же

708. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

17 июля 1877. Петербург

Воскресение. 17-го июля/77 Петербург. 4 часа пополудни.

Бесценная, миллион раз милая Анютка, целую твои ножки, сейчас только получил твое письмо от четверга (14-го), а телеграмму уже послал в 10-м часу.[1] Что делать, дорогая моя, такова судьба. Я уже писал тебе вчера. Кроме киевского, ни одного твоего письма до сегодня *я не получил.* От субботы письмо пропало. Я мог рассчитывать, что одно письмо могло пропасть, и не тревожиться очень. Но вот уже 9-й день, как я без письма, а в этот срок могло прийти и другое. По уговору нашему ты хотела писать каждые три дня. Следов‹ательно›, если написала ь субботу, то должна была написать во вторник. Ну в среду, так как в среду ездят от Ив‹ана› Григорьевича в Мирополье. Рассчитывая единственно на эту среду, я не послал телеграммы вчера, считая, что от среды придет в субботу, ну в воскресение утром. Но вчера в субботу не пришло *ничего*, и ту ночь, которую я провел вчера, буду помнить всю мою жизнь. Мучило, главное, соображение, что 2 письма не могли оба пропасть. Следственно, что-нибудь случилось, или с тобой или с детьми. Аня, последние три дня я провел здесь ужасно. Особенно ночи. Не спится. Думаю, перебираю шансы, хожу по комнате, мерещутся дети, думаю о тебе, сердце бьется (у меня в эти три дня началось сердцебиение, чего никогда не было). Наконец начинает рассветать, а я рыдаю, хожу по комнате и плачу, с каким-то сотрясением (сам не понимаю, никогда этого не бывало) и только стараюсь, чтоб старуха[2] не услыхала. А старуха поминутно по ночам кричит, что довершает картину. Наконец, солнце, жара (здесь нестерпимо жарко), бросаюсь на постель часов в 5 утра и сплю всего часа четыре, и всё страшные кошмары. Ну да довольно описывать. Я только для того, чтоб ты не сердилась очень за телеграмму. *Не мог выдержать.* Стоила телеграмма 6 руб. Вся причина, что посылала письма на имя дворника Василия Ивановича. Не говоря уже о том, что мне стыдно получать письма через Василия Ивановича, заходить к нему 15 раз справляться, молить и просить его, чтоб не потерял как-нибудь — я не понимаю, почему нельзя было прислать прямо на мое имя, на которое пришло в последний год 400 писем? Не понимаю.[3] А про письмо я уверен, что оно на дворе затерялось.

Но довольно. Спешу, боюсь опоздать. Сегодня выезжаю. Ответной телеграммы от тебя, может быть, и не дождусь в Москве. Проеду сейчас же почти в Даровое и поскорей к Вам, ибо смертельно хочется обнять детей, а главное тебя, жестокая и холодная Анька, холодная женка! Если б горячо любила — не дотянула бы до четверга с письмом. Если б горячо тоже любила, написала бы (по-прежнему), что *видишь меня во сне.* Значит,

или не видишь меня во сне, или видишь кого другого. Анька, жестокая, зацелую тебя всю, всю до последнего местечка и, выцеловав всё твое тело, буду молиться на тебя как на божество. Проклятая поездка в Даровую! Как бы я желал не ехать! Но невозможно: если отказывать себе в этих впечатлениях, то как же после того и об чем писать писателю! [4] Но довольно, обо всём переговорим. А все-таки знай, в ту минутку, когда это читаешь, что я покрываю всё тельцо твое тысячами самых страстных поцелуев, а на тебя молюсь как на образ. Целуй детей бессчетно. Вчера Федино рождение, какой грустный день я вынес. Господи, да выносил ли когда что мучительнее.

Про какие тетрадки, розовую и зеленую, ты пишешь? [5] Ничего подобного не нашел нигде. Из столов же взял всё по твоему приказанию и везу к тебе.

Твой вечный и весь нераздельный муж

Ф. Достоевский.

Люби меня, Анька!

Детей целую без счету.

Если будет окладной дождь или просто очень худая погода, *то не поеду в Даровое.*

Пришел Коля и подал совет опустить письмо в кружку в Москве. Действительно, по расчету скорее дойдет, так и сделаю.

709. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

Конец августа 1877. Малый Прикол

Малый Прикол (Мирополье, Курской губернии).

Многоуважаемый Михаил Александрович,

Посылаю Вам часть «Дневника» на июль—август. (25 полулистов,[a] из каких выйдет, по моему счету, наших печатных *один лист и 4 стран‹ицы›*). Начинайте *без объявления в начале*, а как прежде бывало, прямо с текста, а все объявления попрежнему в конце.[1]

Выезжаю в Петербург 2-го сентября, значит, 5-го или 6-го буду в Петербурге наверно.[2] Выйдем, как рассчитываю, между 10-м и 15-м сентября, но *не позже* (в двойном числе листов, то есть в 3-х). Но, однако, всё же получше поторопиться набирать, чтоб поскорее отпечатать первый лист.

Если приготовите раньше меня и будете посылать к цензору, то уж к Ратынскому. Если же на случай его еще нет в Петербурге, то к Лебедеву, так как его тогда формально назначили.[3] Бумага Вам уже, конечно, доставлена в типографию. Мы об ней отсюда им писали.[4]

---

[a] *Далее было*: будет всего

Пожалуйста, попросите корректоршу о правильной корректуре! Следующую высылку отправлю Вам, вероятно, накануне отъезда отсюда, то есть 1-го сентября. Итак, до близкого свидания.

Ваш весь Ф. Достоевский.

На обороте:

Михаилу Александровичу Александрову.

710. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

1 сентября 1877. Малый Прикол

1 сентября/77. Малый Прикол
(Курской губер‹нии›, Мирополье).

Любезнейший и многоуважаемый Михаил Александрович,

Вот Вам продолжение «Дневника» «Глава вторая», 18 полулистков.[1] Вслед за сим еду в Петербург сам и, может быть, как и в прошлый раз, опережу эту посылку.[2] С собой везу и всё остальное, *уже написанное*. Но выйдет *всего* $3^1/_2$ наших печатных листа. Желал бы застать корректуру первого листа. Обо всём остальном переговорим уже лично. Итак, до ближайшего свидания. А теперь

весь Ваш Ф. Достоевский.

На обороте:

Михаилу Александровичу Александрову.

711. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

Начало сентября 1877. Петербург

Если 3 листа, то *тем лучше. Чем меньше*, тем лучше. В $^1/_2$ 6-го буду сам, а сверстку *не* подписываю.

Ф. Достоевский.

712. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

15 сентября 1876 или 1877. Петербург

15 сентября

Любезный брат Коля, что с тобой происходит? Болен ли ты или на нас за что-нибудь рассердился? Мы о тебе каждый день поминали и всё удивлялись, что ты не идешь.[1] Сделай дружбу, или сам приди или уведомь о себе письменно.

Твой весь Ф. Достоевский.

Жена кланяется и говорит тебе то же, что и я.

713. Ю. А. МЮЛЛЕРУ

21 сентября 1877. Петербург

Петербург. 21 сентября 1877 г.

Милостивый государь Юрий Александрович,

Я уезжал в Курскую губернию и письмо Ваше получил лишь недавно. А потому очень прошу извинить меня за опоздавший ответ.

Прежде всего благодарю Вас за Ваш добрый и слишком лестный для меня привет.[1] Но такие отзывы, как Ваш, я ценю гораздо больше, чем всякие литературные похвалы. В теплом и задушевном слове Вашем Вы высказали мне более, чем я стою, и если Вы мои несколько строк ответа считаете достойными передачи Вашим детям для памяти и хранения,[2] то и я сохраню и передам моим детям Ваше письмо, вместе с другими, столь же лестными и дорогими для меня письмами от моих читателей, которые я удостоился получить в продолжение моей литературной деятельности.

Еще раз благодарю Вас и горячо жму Вам руку.

Глубоко уважающий Вас

Ф. Достоевский.

714. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

24 октября 1877. Петербург

Михаил Александрович, зайдите ко мне сегодня часов в девять, потому что я никуда не хожу. Надо лично передать рукопись с *объяснениями*, я же болен и прийти не могу. Зайдите же, ради бога. Посылаю листочек один, чтобы наборщики были хоть чем-нибудь заняты.

Ваш Достоевский.

24 октября.

715. В. П. ГАЕВСКОМУ

3 ноября 1877. Петербург

Милостивый государь, многоуважаемый Виктор Павлович,

Не будете ли столь ко мне добры, чтоб уделить мне минут 5 для одного разговора (не более пяти минут)?

Если это возможно, то назначьте мне час, когда прибыть? Я нездоров и никуда еще не выезжаю, но нужда заставляет, а потому желалось бы Вас застать *наверно*.[1]

В ожидании Вашего доброго ответа [2]
Позвольте пребыть Вашим преданным слугою

Ф. Достоевский.

Ноябрь 3/77 год.

Пески, Греческий проспект, близ Греческой церкви, дом Струбинского, кв. № 6, Ф. М. Достоевский.

716. Д. В. АВЕРКИЕВУ

5 ноября 1877. Петербург

5-го ноября/77 Петербург

Многоуважаемый Дмитрий Васильевич,

Прочтя Ваше письмо, я с величайшим удовольствием пожелал как можно скорее исполнить Ваше поручение насчет комедии (то, что Вы написали об ней, то есть тема, *непогрешимость*, «высокообразованность скороспелых богачей, зависть адвокатов» и проч. — всё это показалось мне чрезвычайно живым и именно *тем*, что теперь нужно на сцену).[1]

Я не отвечал Вам до сих пор единственно потому, что всё рассчитывал ответить уже о результате, то есть пойти туда и посондировать. Но между тем засел дома больной в лихорадке, не велено никуда ни ногой, и принимаю хинин и проч. Кажется, однако, скоро мой арест кончится, и я схожу к Салтыкову (Щедрину), которому мне и без того надо отдать визит. Заметьте себе, однако, что я вовсе не со всеми знаком в редакц‹ии› «От‹ечественных› зап‹исок›». Я знаю лишь Некрасова, Щедрина и Плещеева, с остальными же на учтивых словах и вижусь редко. Некрасов по болезни принимает в редакции слишком мало участия, Плещеев не имеет никакого, а значит всё — Салтыков. По моему мнению, он единственно издает журнал, пользуется дружбой и доверенностью Некрасова неограниченной и, кажется, пайщик издания. Он всё и решит. Впрочем, *прямо* скажу: тут может быть лишь один вопрос (мимо всякого вопроса о достоинстве комедии): «Настолько ли имя Ваше *ретроградно*, что уже несмотря пи на что Вам надо будет непременно отказать?» [2] Они именно держутся такого взгляда, и приди хоть сам Мольер, но если он почему-либо *сомнителен*, то и его не примут.[3] Ну вот, я Вам объяснил тайну; само собою разрешить я ее не могу, но с Щедриным поговорю в непродолжительном времени, предлагая ему Вашу вещь *совершенно от себя*, так что самолюбие Ваше не пострадает, — тогда напишу.[4] А пока свидетельствую полное уважение Вам и Вашей супруге [5] и жму Вам руку.

Федор Достоевский.

717. Д. В. АВЕРКИЕВУ

18 ноября 1877. Петербург

Петербург. 18 ноября/77.

Многоуважаемый Дмитрий Васильевич,

Третьего дня я видел Некрасова и Салтыкова и говорил о чем Вы знаете.[1] Некрасов лежит и похож на труп, изредка шепчет, скоро умрет, но «Отеч‹ественными› записками» занимается, и я именно застал его и Салтыкова в совещании о выходе следующего №. Я совершенно неприметно к чему клоню речь, между разговором спросил у обоих: что они думают о Вас как о писателе? Некрасов прямо, с первого слова, сказал: «Что же думать о человеке, который, сколько он там лет пишет, только и делал, что кричал и говорил против нас и того направления, которому мы служим?» Сказано это было и весьма резко и решительно, а так как поддержал тут же и Салтыков то же самое,[2] то я и нашел необходимым совсем уж не заговорить ни о комедии Вашей, ни о предложении, о котором они и остались в полной неизвестности.[3]

Полагаю, что Вас не скомпрометировал, — Вы видите, что здесь произнесено суждение не литературное,[a] а *направительное.*

Сообщая Вам это, посоветовал бы Вам не отчуждаться от «Русского вестника» — но знаю, что в этом Ваш взгляд и Ваша воля, а потому, конечно, Вы поступите, как пожелаете.[4]

В заключение свидетельствую Вам искреннейшее мое уважение, равно и супруге Вашей[5] и крепко жму Вам руку.

Ф. Достоевский.

---

[a] *Было*: не столько литературное.

718. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

28 ноября 1877. Петербург

Любезнейший Михаил Александрович,

Посылаю Вам текста 4 полулистка со вставкой. По *точнейшему* расчету тут *ровно* 4 страницы примерно без 20 строк (которые и пойдут на промежутки). Одним словом, *ровно* 4 листа. Теперь всё кончено. Жду корректуру.

Вчерашнюю корректуру посылаю обратно (в ней строк 10 прибавил).[1]

Ваш весь Ф. Достоевский.

А Плевно-то взяли.[2]

28 ноября/77.

719. А. П. ФИЛОСОФОВОЙ

28 ноября 1877. Петербург

Многоуважаемая Анна Павловна,

Так Вы были больны и, как пишете, опасно! В тот же день, как получил Ваше милое письмецо,[1] хотел ехать к Вам, но сам я теперь завишу от цензора и метранпажа в типографии, потому что на днях выдаю выпуск замучившего меня «Дневника». Так было и в воскресение и сегодня, а завтра последний и самый горячий день.[2] Но я постараюсь урваться к Вам,[3] как только увижу возможность бросить корректуры и сверстки. У меня тем туже всё это двигается, что сам я весь этот месяц был болен и 2 недели *лежал* в лихорадке. Почел пока необходимым Вас уведомить этим письмецом. Благодарю Вас за Ваше. А пока

Весь Вам преданный искренно и душевно

Ф. Достоевский.

28 нояб‹ря›/77.

720. П. А. ИСАЕВУ

7 декабря 1877. Петербург

Петербург. 7 декаб‹ря›/77.

Любезнейший друг Павел Александрович, ты никогда не мог в более неудачное для меня время обратиться ко мне за деньгами, как теперь.[1] Я как раз прекращаю мое издание, и ликвидирование этого дела потребовало гораздо более средств, чем я ожидал.[2] Я остаюсь в значительных долгах бумажной фабрике. Кроме того, я, непредвиденно для меня, принужден был, в 2 последние месяца, выдать несколько сот рублей застарелого долгу и в долг. А теперь хвораю, близятся праздники, деньги нужны, и я принужден даже и в рубле быть осмотрительным. В генваре у меня уже денег не будет совсем. А потому тебе не могу уделить и рубля. Ты знаешь, когда бывают деньги, я никогда тебе не отказываю. Но ныне дело другое.

Итак, ты кончаешь с банком и с своим местом в банке. Всё это я летом,[3] когда мы все увещевали тебя держаться другой системы в своих отношениях к банку — предвидел. Но вот что: ты хочешь ехать сюда. Как знаешь.[4] Но я тебе заране говорю, что более ходить и просить за тебя никого не буду. Я множество раз не то что компрометировал себя, но даже унижался из-за твоих дел письмами и личными просьбами у разных лиц. Но ведь, кажется, довольно. Тебе за 30 лет самому, ты уже обременен семейством, ты бы сам должен был понять и сознать свои обязанности к своей семье, между тем так ли ты ведешь себя,

чуть получишь место? Сужу по тому, что сам видел и от тебя самого слышал: одни интриги, несогласия, ссоры, и уж конечно слишком ясно было, даже и мне новоприезжему летом, что они не испугаются того, что ты «знаком с Ламанским» (как ты выражался),[5] а сместят тебя с места при первом удобном случае, потому что сам же ты их заставил себя не любить. Кроме того, у тебя неслыханное самомнение: ты думаешь об себе гораздо выше, чем можешь претендовать и по своим предыдущим занятиям и по образованию. Когда же говоришь с тобою об этом, ты не только не слушаешь, но еще *заносчиво смеешься в глаза*, как и мне, наприм‹ер›, самому. Извини меня, более ходить по людям из-за твоих дел не буду, сам поправь их, потому что я не совсем верю твоему письму и думаю, что дела твои всё еще поправимы.[6] Перемени тон в своем месте служения. Это можно сделать без подлости, а лишь выказав благоразумие.

Но довольно. Жаль только, что ты так склонен к интриге и не брезгаешь ею в ущерб даже многому, что должно бы было остановить тебя. Не дойдешь до хорошего, если так продолжать будешь — вот искренний совет мой тебе. А более что же я могу прибавить?

Твой отчим Ф. Достоевский.

Супруге поклон, детей целую.[7]

721. Л. А. ОЖИГИНОЙ

17 декабря 1877. Петербург

17 декабря 1877 г.

Милостивая государыня!

Простите мне, что так долго не отзывался на Ваше милое, доброе, лестное и в высшей степени дорогое для меня письмо Ваше.[1] Извиняться не стану, потому что слишком много надо тут говорить: я в эти два года так расстроил мое здоровье и живу такою ненормальною жизнью, что, право, и не знал бы, с чего и начать, если б вздумал извиняться. Но вот еще обстоятельство: можете ли Вы представить, что я теперь твердо не знаю, ответил я Вам или нет на Ваше (единственное) письмо ко мне от 13 октября. Меня берет сомнение, что я Вам ответил, написал Вам, но лишь забыл отметить в записной книжке об этом. Из этого Вы можете заключить, какая у меня ужасная память (вследствие припадков моей падучей болезни). Я даже лица людей, с которыми познакомился, забываю и, встречаясь потом, не узнаю их и таким образом (верите ли?) наживаю даже врагов. Очень буду рад, если Вы известите меня, что получили это письмо мое и рассеете мои сомнения в том, писал я Вам или нет.[2]

Одно скажу: хоть в эти два года я и устал с «Дневником» (а потому и хочу год отдохнуть), но зато и много доставил мне этот «Дневник» счастливых минут, именно тем, что я узнал, как сочувствует общество моей деятельности. Я получил сотни писем изо всех концов России и научился многому, чего прежде не знал. Никогда и предположить не мог я прежде, что в нашем обществе такое множество лиц, сочувствующих вполне всему тому, во что и я верю. Во всех этих письмах если и хвалили меня, то всего более за искренность и прямоту. Значит, этого-то всего более и недостает у нас в литературе, коли сразу и вдруг так горячо меня поняли. Значит, искренности и прямоты всего более жаждут и всего менее находят. Но жажда эта знаменательна и способна зародить в сердце самые отрадные впечатления.[3]

Глубоко Вам кланяюсь с искренним чувством жму Вашу руку.

Вам преданный и благодарный

Федор Достоевский.

722. С. Д. ЯНОВСКОМУ

17 декабря 1877. Петербург

Петербург. 17 декабря 77.

Глубокоуважаемый и искренно любимый мною
Степан Дмитриевич,

Заголовок Вашего письма переписываю целиком, потому что ничего не может быть справедливее как то, что я Вас всегда глубоко уважал и искренно любил. А когда думаю о давнопрошедшем и припоминаю юность мою, то Ваш любящий и милый лик всегда встает в воспоминаниях моих, и я чувствую, что Вы воистину были один из тех немногих, которые меня любили и извиняли и которым я был предан прямо и просто, всем сердцем и безо всякой подспудной мысли.[1] Это хорошо, что Вы иногда отзываетесь и вызываете тем и меня на обмен мыслей и впечатлений или, лучше сказать, на общение жизнею. Но о деле. Высылаю Вам книгу Ап‹оллона› Григорьева, Страхов только всего и издал.[2] «Дневника» же моего на будущий год Вам высылать не буду, потому что на время (на год) решил прекратить его. Тут много сошлось причин: устал, усилилась падучая (именно через «Дневник»), наконец, на будущий год хочу быть свободнее, хотя вряд ли и два месяца прохожу без работы. Есть в голове и в сердце роман и просит выразиться.[3] Есть и еще причины, предполагаю, что через год явиться будет самая пора: хочу попробовать одно новое издание, в которое и войдет «Дневник» как часть этого издания. Таким образом расширю свою

форму действия, «Дневник» же сам собою так сложился, что изменять его форму, хоть сколько-нибудь, невозможно.[4] Голубчик Степан Дмитриевич, Вы не поверите, до какой степени я пользовался сочувствием русских людей в эти два года издания. Письма ободрительные, и даже искренно выражавшие любовь, приходили ко мне сотнями. С октября, когда объявил о прекращении издания, они приходят ежедневно, со всей России, из всех (самых разнородных) классов общества, с сожалениями и с просьбами не покидать дела. Только совестливость мешает мне высказать ту степень сочувствия, которую мне все выражают. И если б Вы знали, сколькому я сам научился в эти два года издания из этих сотен писем русских людей.[5]

А главная наука в том, что истинно русских людей, не с исковерканным интеллигентно-петербургским взглядом, а с истинным и правым взглядом русского человека, оказалось несравненно больше у нас в России, чем я думал два года назад. До того больше, что даже в самых горячих желаниях и фантазиях моих я не мог бы этого результата представить. Поверьте, мой дорогой, что у нас в России многое совсем не так безотрадно, чем прежде казалось, а главное — многое свидетельствует о жажде новой, правой жизни, о глубокой вере в близкую перемену в образе мыслей нашей интеллигенции, отставшей от народа и не понимающей его даже вовсе. Вы сердитесь на Краевского, но он не один; все они отрицали народ, смеялись и смеются над движением его и таким ярким святым проявлением его воли и формой, в которой он представил свое желание. С тем эти господа и исчезнут, слишком устарели и измочалились. Не понимающие народа теперь должны несомненно примкнуть к биржевикам и жидам, и вот final представителей нашей «передовой» мысли. Но идет новое. В армии наша молодежь и наши женщины (*сестрицы*) показали совсем другое, чем все ожидали и о чем все пророчествовали. Будем ждать.

(Краевский же служит известным лицам и, кроме того, на мой взгляд, хотел отличиться оригинальностью, еще с Сербской войны. Задавшись раз, уже не мог оставить.) [6]

Впрочем, здесь у нас мало толку во всех даже газетах, кроме «Московских ведомостей» и их политических передовых, ценимых за границей очень. Остальные газеты эксплуатируют лишь минуту. Во всех сотнях писем, которые я получил в эти два года, всего более хвалили меня за искренность и честность мысли; значит, этого-то всего более и недостает у нас, этого-то и жаждут, этого-то и не находят. Граждан у нас мало в представителях интеллигенции.

Жена моя Вам искренно кланяется (детишек у меня трое, два сына и дочь). Из наших прежних всего чаще вижу Майкова (он болен печенью и ездит летом за границу на воды) и Порецкого, которого встречаю у общих знакомых. Всем им передам Ваш привет. Как Ваше здоровье — мало об этом пишете.

У меня «катар дыхательных путей» — видите, даже официальное название болезни заучил. Каждое почти лето езжу в Эмс. Передайте и мою благодарность за внимание и сочувствие Вашему русскому вевейскому кружку.[7] А теперь до свидания, обнимаю Вас и целую.

Ваш навсегда и неизменно Федор Достоевский.

723. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

Декабрь (?) 1877. Петербург

М‹ихаил› А‹лександрович›. Измененное мною в корректуре — непременно исправьте, особенно самого последнего листка.

Посылаю тексту.

Завтра днем дам еще (но не рано утром).

Ф. Достоевский.

724. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

Декабрь 1877. Петербург

Многоуважаемый Михаил Александрович,

Вот Вам продолжение «Дневника», от 13-го по 17-й полулистка включительно. Это — конец первой главы. Дальнейшее постараюсь доставить [a] в свое время.

Ваш Достоевский.

---

[a] *Далее было*: как-нибудь

725. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

Декабрь 1877. Петербург

Любезнейший Михаил Александрович, вот Вам окончание. По моему точнейшему расчету тут $2^1/_2$ страницы.[1] А потому прибавляю объявление о Спенсере.[a] [2] Больше уж не дам ни строки. Но достанет, я думаю, на всё.

Очень буду ждать завтра известий. Несколько побаиваюсь цензуры.

Ваш весь Ф. Достоевский.

---

[a] *Описка Достоевского, следует*: о Синклере.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

1875

29. ИСПРАВНИКУ г. СТАРАЯ РУССА Э. М. ГОТСКОМУ-ДАНИЛОВИЧУ

21 апреля 1875. Старая Русса

Его высокоблагородию
господину исправнику города Старой Руссы

Имея настоятельную надобность для поправления здоровья ехать за границу,[1] покорнейше прошу Ваше высокоблагородие исходатайствовать мне заграничный паспорт сроком на полгода;[2] представляю при сем мой вид на жительство, выданный мне из Сибирского линейного № 7 баталиона от 30 июня 1859 г. за № 2030-м,[3] и имею честь объяснить, что деньги, следуемые за паспорт, будут мною уплачены здесь по получении заграничного паспорта.

Отставной подпоручик
Федор Михайлович Достоевский.

г. Старая Русса
21 апреля 1875 года

30. В КАНЦЕЛЯРИЮ НОВГОРОДСКОГО ГУБЕРНАТОРА

31 июля 1875. Старая Русса

Прилагая при сем мой заграничный паспорт за № 11, выданный мне в Новгороде от 6 мая сего 1875 года, покорнейше прошу канцелярию г-на Новгородского губернатора выслать мне в г. Старую Руссу паспорт мой, выданный мне из Сибирского линейного баталиона за № 2030 и находящийся в настоящее время в канцелярии г-на новгородского губернатора;[1] прилагаю при сем на пересылку заказным письмом моего паспорта почто-

выми марками 47 коп. Жительство имею: в г. Старой Руссе, по реке Перерытице, в доме подполковника Гриббе.

Отставной подпоручик
Федор Михайлович Достоевский.

31 июля 1875 года
г. Старая Русса.

31. ДОГОВОР С П. Е. КЕХРИБАРДЖИ НА ПЕРВОЕ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА «ПОДРОСТОК»

8 ноября 1875. Петербург

С.-Петербург, тысяча восемьсот семьдесят пятого года, ноября восьмого дня, мы, нижеподписавшиеся с.-петербургский 2-й гильдии купец Платон Евгеньевич Кехрибарджи и отставной подпоручик Федор Михайлович Достоевский, заключили между собою настоящее условие в том, что я, Кехрибарджи, купил у него, г-на Достоевского, право на издание его романа «Подросток» тридцать три печатных листа, в количестве две тысячи четыреста экземпляров за тысячу двести рублей серебром, из коих тысячу рублей сереб‹ром› уплачиваются теперь же, при подписании условия, а остальные двести рублей серебром будут уплачены мною Кехрибарджи г-ну Достоевскому через три дня по выходе из печати книги. В случае, если роман «Подросток» не будет пропущен цензурою, я, Достоевский, сам обязуюсь возвратить г-ну Кехрибарджи взятые мной у него тысячу рублей серебром, а в случае пропуска его цензурою обязуюсь не печатать сам и не продавать никому права на печатание моего романа «Подросток» и в продолжение трех лет со дня выхода настоящего издания, о котором говорится в сем условии.[1] С.-петербургский купец Платон Евгеньевич Кехрибарджи.

Отставной подпоручик Федор Михайлович Достоевский.

32. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

22 декабря 1875. Петербург

В Главное управление по делам печати

отставного подпоручика
Федора Михайловича Достоевского

Прошение

Возымев намерение с будущего 1876-го года издавать сочинение мое «Дневник писателя» ежемесячными выпусками, величиною от одного до полутора печатн‹ых› листа в два столбца,

в котором желаю помещать отчет *о всех действительно выжитых впечатлениях моих как русского писателя, отчет о всем виденном, слышанном и прочитанном*; желая в то же время объявить на издание мое годовую подписку (по 2 руб. без пересылки за все 12 годовых выпусков) и в то же время пустить его и в отдельную продажу по 20 копеек за экземпляр, я, ввиду замеченной С.-Петербургским цензурным комитетом в издании «Дневника писателя» периодичности,[1] имею честь просить Главное управление по делам печати разрешить мне издание «Дневника писателя», с будущего 1876 года, на всех вышеизложенных условиях.[2] При прошении имею честь представить гербовую марку.

Отставной подпоручик
Федор Михайлович Достоевский.

22 декабря 1875 года.

1876

33. В КНИЖНЫЙ МАГАЗИН М. О. ВОЛЬФА

19 января 1876. Петербург

Недостающие 15 экземпляров «Идиота» и 10 экземпляров «Записок из Мертвого дома» будут доставлены на этой неделе.[1]

Ф. Достоевский.

19 янв‹аря› 1876.

34. В РЕДАКЦИЮ «ХАРЬКОВСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Январь 1876. Петербург

Предпринимая в наступившем 1876 году ежемесячное издание «Дневник писателя», состоящее из двенадцати выпусков, имею честь предложить редакции «Харьковских губернских ведомостей» взаимный обмен изданий с тем, чтоб прилагаемое при сем объявление было напечатано в ближайшем № «Харьковских губернских ведомостей» и затем столько раз, сколько редакция найдет для себя удобным.[1] О согласии покорнейше прошу уведомить по следующему адресу: С.-Петерб‹ург›, Греческий пр., подле Греческой церкви, д. ‹6/14›.[2]

35. В КОМИТЕТ ПО УСТРОЙСТВУ МУЗЫКАЛЬНО-ТАНЦЕВАЛЬНОГО ВЕЧЕРА В ПЕТЕРБУРГСКОМ СОБРАНИИ ХУДОЖНИКОВ В ПОЛЬЗУ СТУДЕНТОВ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ 2 декабря 1876 г.

Ноябрь 1876. Петербург

В Комитет по устройству музыкально-танцевального вечера
в С.-Петербургском собрании художников
в пользу недостаточных студентов
Медико-хирургической академии 2-го декабря 1876 г.

Господа,

Почтенный любезным приглашением гг. студентов на музыкально-танцевальный вечер, я, к большому[а] моему сожалению, прибыть на вечер не могу, за внезапною простудой.

Сожалею[б] тем более, что сочувственное приглашение гг. студентов и внимание их ко мне вменяю себе в чрезвычайную[в] честь.

Глубоко любящий и уважающий русских студентов

Ф. Д‹остоевский›.

а *Было*: чрезвычайному
б *Далее было*: о том
в *Было*: большую

1877

36. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

26 января 1877. Петербург

В Главное управление по делам печати

Имею честь покорнейше просить Главное управление по делам печати о разрешении мне издаваемое мною сочинение «Дневник писателя», ежемесячными выпусками, продавать с нынешнего 1877 года по двадцати пяти коп. выпуск вместо двадцати коп., как в прошлом году.[1]

Федор Михайлович Достоевский.

26 января 1877 года.

Жительство имею: г. С.-Петербург, Греческий пр., д. № 6/14, кв. 6.

37. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

21 февраля 1877. Петербург

В Главное управление по делам печати

Редактора-издателя «Дневника писателя»
Федора Михайловича Достоевского

Прошение

Продолжая уже второй год издание книги моей «Дневник писателя», которую я пишу один, без сотрудников, ежемесячными выпусками, по подписке, имею честь покорнейше просить Главное управление по делам печати разрешить мне издавать оную книгу, под тем же заглавием, в те же сроки и в том же объеме, впредь без предварительной цензуры. Экземпляр книги моей, выданной мною за прошлый год, при сем прилагаю.[1]

Отставной подпоручик
Федор Михайлович Достоевский.

21 февраля 1877 года.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

658₁. А. А. РОМАНОВУ (наследнику) (стр. 132)

16 ноября 1876. Петербург

Черновой автограф

Ваше и<мператорское> высоч<ест>во, милостивейший государь.

Начиная в сем году мое[а] ежемесячное издание «Дневника писателя» я не осмелился[б] несмотря на всё чрезвычайное[в] желание мое представить новый труд[г] В<ашему> и<мператорско>му высочеству, как имел честь сделать,[д] радуясь всякий раз надежде удостоиться чести и счастья внимания Ваш<его> и<мператорского> в<ысочест>ва. Но издав[е] в свет 1-й январский выпуск моего «Дневника»,[ж] я совершенно был еще не уверен тогда, что не прерву моего издания[з] в самом начале или по недостатку сил и здоровья, или определенной срочной работы, или даже несочувствием[и] публики.[к] А потому и намеревался по окончании года осмелиться представить В<ашему> и<мператорскому> в<ысочеству> уже законченный труд как 12 выпусков моего издания в виде целой законченной книги.[л] Но «Дневник писателя» не был прерван.[м] Нынешний великий год истории русской поднял дух и сердца русских людей с непостижимою силою почти[н] на высоту понимания многого, чего не понимали прежде и осветил[о] в сознании нашем святыню[п] русской идеи ярче чем когда

[а] *Далее было*: новое

[б] *Было*: не посмел

[в] чрезвычайное *вписано.*

[г] *Было*: *а.* мое издание *б.* мое новое издание

[д] *Было*: так как и делал

[е] *Было*: выпустив

[ж] *Было*: издания

[з] *Было*: *а.* издания или *б.* работы или

[и] *Далее было*: к новому изданию моему

[к] *Далее было*: *а.* Такое же, так сказать пробное *б.* А такое, так сказать, еще пробное издание

[л] *Далее было начато*: *а.* «Дневника писателя» *б.* Новые литературные опасения мои оказались

[м] *Далее было*: даже не пользуется сочувствием

[н] почти *вписано.*

[о] *Далее было*: нам

[п] *Далее было*: таившейся

бы то ни было.[р] Не могу и я не отозваться всем сердцем моим всему, что началось и явилось в жизни нашей, в добром и прекрасном народе нашем. В «Дневнике» моем, чувствую это, есть несколько слов,[с] горячо и искренне вырвавшихся из души моей. И хоть я всё еще не докончил моего годового издания, но уже давно думая[т] и мечтая про себя о великом счастии представить скромный труд мой В‹ашему› и‹мператорскому› в‹ысочеству›, которого я столь люблю, за которого часто и много молюсь, и малейшее внимание Ваше, если б я имел счастье возбудить его, ценю как величайшую честь себе и величайшую радость мою. Простите же смелость мою, не осудите ее, удостойте принять недоконченную мою книгу и дозволить высылать Вашему императорскому высочеству и впредь, ежемесячно каждый дальнейший выпуск «Дневника писателя».

С чувством благоговейного уважения осмеливаюсь пребыть

Вам благодарный, Вам верный и Вас беспредельно любящий слуга Ваш

Ф. Д.

р *Далее было*: ‹*нрзб.*› привлек все сердца

с *Далее было*: которыми я

т *Было*: подумал

КОЛЛЕКТИВНОЕ

10. А. Ф. ПИСЕМСКОМУ

18 января 1875. Петербург

Москва, Борисоглебский пер. свой дом
Алексею Феофилактовичу Писемскому

Поздравляем и желаем Вам отпраздновать и пятидесятилетний юбилей.[1] А‹пполон› Майков, Л‹еонид› Майков, Мещерский, Прахов, Филиппов, Порецкий, Белов, Пуцыкович, Достоевский, Полонский, Страхов, Бычков, Барсуков, Кашпирев, Гончаров.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вторая книга XXIX тома Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского содержит 172 письма и 9 документов, входящих в раздел «Официальные письма и деловые бумаги». Они охватывают период с 4 февраля 1875 г. по конец декабря 1877 г.

151 письмо и 8 документов печатаются по подлинникам, находящимся в архивохранилищах Советского Союза. 6 писем к Н. П. Вагнеру (№ 597, 600, 602, 650, 664 и 666) публикуются по фотокопиям с подлинников, хранящихся в архивах ЧССР. 14 писем и один документ, подлинники которых не обнаружены, печатаются по копиям (№ 614, 620, 634, 658 и документ 34) и первым публикациям (№ 609, 619, 623, 646, 656, 659, 662, 701, 713 и 722). По факсимиле из каталога аукциона Сотби (США) впервые публикуется первая страница письма к Вагнеру от 7 января 1876 г. (№ 603). Также впервые печатается расписка Достоевского книжному магазину М. О. Вольфа (Офиц. письма и делов. бумаги, № 33).

В комментариях впервые приводятся некоторые письма к Достоевскому 1876—1877 гг. М. А. Александрова, Н. П. Вагнера, А. Г. Ковнера, А. У. Порецкого и П. П. Потоцкого (см. примеч. к письмам № 603, 620, 650, 653, 657, 666, 673).

По сравнению с предыдущими изданиями и публикациями уточнено время написания ряда писем.

Передатированы следующие письма:

Адресовано	Датировка	Датируется в настоящем издании
Н. А. Некрасову (№ 572)	26 марта 1875 г.	20—23 марта 1875 г.
А. Г. Достоевской (№ 577)	25 мая 1875 г.	24 мая 1875 г.
М. А. Александрову (№ 624)	конец мая 1876 г.	28 или 29 июня 1876 г.
М. А. Александрову (№ 669)	28—29 января 1876 г	28—29 января 1877 г.
М. А. Александрову (№ 670)	последние числа апреля 1876 г.	29 января 1877 г.
М. А. Александрову (№ 675)	1877 г.	1 марта 1877 г.
А. П. Философовой (№ 681)	12 марта 1877 г.	11 марта 1877 г,
М. А. Александрову (№ 682)	1877 г. (?)	29 марта 1877 г.
М. А. Александрову (№ 693)	конец 1877 г.	30 апреля 1877 г.
А. Г. Достоевской (№ 705)	15 июля 1877 г.	15—16 июля 1877 г.
А. Г. Достоевской (№ 705)	16 июля 1877 г.	15—16 июля 1877 г.
М. А. Александрову (№ 709)	лето 1877 г.	конец августа 1877 г.

В конце тома помещен Список несохранившихся и ненайденных писем Достоевского 1875—1877 гг. Список содержит 47 номеров, в основном это письма читателей. Но зафиксированы в нем указания на несохранившиеся три письма к Некрасову и в редакцию «Отечественных записок», относящиеся к 1875 г. (см. *Список*, **№ 311, 314, 316**).

В письмах, включенных в настоящий том, отразились литературная деятельность и факты личной жизни писателя 1875—1877 гг.

Начало 1875 г. ознаменовалось важным событием в творческой биографии Достоевского: в первом номере «Отечественных записок» был напечатан роман «Подросток» (пять глав его первой части). Взаимоотношения с руководителями этого журнала Н. А. Некрасовым и М. Е. Салтыковым-Щедриным, работа над последующими главами «Подростка», реакция на оценку критикой и читателями этого романа и составляют основное содержание писем 1875 г.

Достоевский в письмах к жене отмечает дружеский и радушный прием Некрасова, его готовность разрешить благоприятно для писателя вопрос с выплатой гонорара (см. письма 557, 560, 575). И хотя «Отечественные записки», естественно, были заинтересованы в регулярном получении рукописей «Подростка», Некрасов, как подчеркивает Достоевский, просил его не спешить и не портить романа — «слишком уж хорошо началось» (см. письмо 560). Писатель рад тому, что Некрасов и Салтыков-Щедрин высокого мнения о первой части романа. Он сообщает жене их отзывы. Из всего этого Достоевский — явно удовлетворенно — делает показательный для его умонастроения этой поры вывод: «... мною в „Отеч‹ественных› записках“ дорожат чрезмерно ‹...› Некрасов хочет начать совсем дружеские отношения» (письмо 560).

Письма к жене свидетельствуют о возмущении Достоевского позицией и даже поведением А. Н. Майкова и Н. Н. Страхова (см. письмо 564). Появление «Подростка» в «Отечественных записках», дружелюбный характер общения Достоевского с Некрасовым вызвали недовольство Майкова и Страхова. Это привело к охлаждению отношений писателя с ними (см. письма 557, 563, 564). Достоевский назвал их людьми «со складкой» в душе, т. е. неискренними, неоткрытыми. Особенно резко охарактеризовал он Страхова (см. письмо 564 и примеч. 10 к нему).

Работа над романом «Подросток» продолжалась в течение всего года. Из писем явствует, что порою возникали трудности и творческого порядка, иногда работа подвигалась медленно из-за нездоровья (см. письма 584, 585, 588).

В письмах 1876—1877 гг. на первое место выходят заботы о «Дневнике писателя», который Достоевский возобновил в январе 1876 г. Задуман он был уже иначе, чем «Дневник писателя» 1873 г. Для понимания замысла Достоевского важны его письма к Я. П. Полонскому, Вс. С. Соловьеву, Х. Д. Алчевской (№ 605, 607, 612).

Многочисленные письма Достоевского к М. А. Александрову, а также к жене позволяют судить о той атмосфере, в которой протекала работа над «Дневником писателя». Она требовала напряженного творческого труда в условиях бесконечной спешки. Изнуряли писателя многочисленные припадки. Беспокойство вызывали постоянные опасения вмешательства со стороны цензуры. В июльско-августовском выпуске 1876 г. была запрещена цензурой главка «Нечто о петербургском баден-баденстве», произведены были по требованию цензора изменения текста и вымарки целых абзацев и в других главках этого выпуска (см. письма 642, 643 и примеч. к ним). В январе 1877 г. была запрещена главка «Старина о „петрашевцах“». В комментариях к письмам за этот месяц впервые освещен представляющий несомненный интерес для характеристики Достоевского эпизод из творческой истории январского выпуска 1877 г. А именно: заключающая его главка «Именинник» была написана в считанные часы по возвращении писателя с заседания Цензурного комитета, на котором было принято решение о запрещении «Старины о „петрашевцах“» (см. письма 670, 671 и примеч. к ним).

В письмах Достоевского из Эмса обрисована общественно-политическая жизнь Запада, живописны бытовые сценки, отмечены характерные особенности встреченных людей. Все это послужило материалом для многих глав «Дневника писателя» 1876 и 1877 гг. (см. письма 579, 580, 627, 628, 633, 634 и примеч. к ним).

Размышления Достоевского о развитии русской литературы, над философскими и острыми социальными и нравственными проблемами своего времени запечатлены в письмах этих лет. В письме к Х. Д. Алчевской от 9 апреля 1876 г. писатель выразил взгляд на задачи литературы, подвел итог спору с И. А. Гончаровым о литературных типах и «текущей действительности» (см. № 612). В этом письме и в первую очередь в письмах к В. А. Алексееву и П. П. Потоцкому (см. № 619 и 620) отразился существенный этап в создании Достоевским философско-исторической концепции романа «Братья Карамазовы».

Высокая гражданская и гуманная позиция Достоевского выражена в посвященных делу Е. П. Корниловой письмах к К. И. Маслянникову (№ 656, 659). Как и в предыдущие годы, в этом томе много писем Достоевского к молодежи, пытающейся найти у него помощь в разрешении многообразных нравственных и житейских ситуаций (см. письма к О. А. Антиповой, А. Ф. Герасимовой, С. Е. Лурье).

Как и в первой книге XXIX тома, в письмах писателя к А. Г. Достоевской, помещенных в данном томе, имеется ряд мест, густо зачеркнутых его вдовою и не поддающихся прочтению. Эти места отмечаются в тексте писем в угловых скобках (напр.: ‹*одна строка нрзб.*› и т. д.). Редакцией Полного собрания сочинений Достоевского возбуждено перед соответствующими архивохранилищами ходатайство об использовании новейших методов фотографирования с применением специального освещения с целью расшифровки зачеркнутых А. Г. Достоевской строк и слов. Однако пока положительных результатов в расшифровке этих мест за малыми исключениями, к сожалению, достигнуть не удалось. Работу эту предстоит продолжить в ближайшее время.

Тексты писем книги 2 тома XXIX подготовили и примечания к ним составили: И. А. Битюгова (1877 г., № 702—725), Г. Я. Галаган (1875 г., № 555—601; Офиц. письма и делов. бумаги, № 20—31; Коллективное, № 10), Г. В. Степанова (1876—1877 гг., № 618—700; Офиц. письма и делов. бумаги, № 35—37), И. Д. Якубович (1876 г., № 602—617; Офиц. письма и делов. бумаги, № 33, 34).

Раздел «Несохранившиеся и ненайденные письма» подготовили И. А. Битюгова (1876—1877 гг.) и Н. Ф. Буданова (1875 г.).

Аннотированный указатель имен и произведений выполнен составителями обеих книг тома.

Указатель мест пребывания Достоевского за 1875—1877 г. составлен Г. В. Степановой.

Редакторы тома В. А. Тупиманов и Г. М. Фридлендер.

555. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 7)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 1—2.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 144.

Достоевская ответила 7 февраля 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 147).

[1] Достоевский выехал в Петербург (из Старой Руссы приходилось ехать лошадьми до Новгорода, затем — поездом с пересадкой в Чудове) для переговоров с Н. А. Некрасовым о сроках дальнейшего печатания в «Отечественных записках» романа «Подросток» и консультации с доктором Д. И. Кошлаковым в связи с предполагаемой поездкой в Эмс.

[2] Гостиница А. А. Соловьевой в Новгороде находилась на Московской ул. (см.: П. Г. Соболев. Спутник по Новгороду и Старой Руссе. СПб., 1914, стр. 90).

[3] Тимофей — один из старорусских ямщиков, совершавший регулярные поездки из Старой Руссы в Новгород и обратно (см. письма Достоев-

ской к мужу от 7 и 12 февраля 1875 г. — *Д, Переписка с женой*, стр. 147, 154).

[4] Письмо Достоевской от 5 февраля 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 143—144).

[5] «Неизвестным» (в следующем письме «incognito») Достоевский именует ожидаемого ребенка, будущего сына Алексея (родился 10 августа 1875 г.).

[6] Анна Николаевна — А. Н. Сниткина.

556. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 7)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, л. 3.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 144—145.
Достоевская ответила 7 февраля 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 147).

[1] О целях приезда Достоевского в Петербург см. примеч. 1 к письму 555; см. также письмо 557 и примеч. к нему.

[2] См. примеч. 2 к письму 555.

[3] Знаменская гостиница находилась на Невском проспекте в доме № 120.

[4] О встрече Достоевского с Некрасовым см. письмо 557.

[5] О визите Достоевского к Мещерскому см. письмо 557.

[6] См. примеч. 5 к письму 555.

557. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 8)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 4—5 об.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 145—146.
Достоевская ответила 10 февраля 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 151—152).

[1] Еще 18 января 1875 г., сообщая Достоевскому о сдаче в цензуру № 1 «Отечественных записок» (с первыми пятью главами «Подростка») и беспокоясь о сроках присылки окончания первой части романа, Некрасов спрашивал Достоевского: «А сами Вы приедете сюда в этом месяце?» (см.: *Некрасов*, т. XI, стр. 348).

[2] Достоевская писала мужу 10 февраля 1875 г.: «Я очень рада, что ты дружески встретился с Некрасовым...» (стр. 151).

[3] Речь идет о второй половине первой части «Подростка», опубликованной в № 2 «Отечественных записок» за 1875 г. О восторженной оценке Некрасовым начальных глав этого романа Достоевский сообщает в письме к жене от 9 февраля 1875 г. (см. письмо 560 и примеч. 8 к нему).

[4] М. Е. Салтыков-Щедрин читал 5—7-ю главы второй половины первой части «Подростка» в первой корректуре. Позднее его отношение к роману Достоевского меняется. В письме к Некрасову от 3 (15) июня 1875 г., характеризуя майский номер «Отечественных записок» (с 5—9-й главами второй части «Подростка»), Щедрин отмечал, что художественный отдел журнала «вообще плох», а «роман Достоевского просто сумасшедший» (см.: *Салтыков-Щедрин*, т. XVIII, кн. 2, стр. 185).

[5] Салтыков-Щедрин заболел еще в декабре 1874 г., простудившись на похоронах матери. О его состоянии Некрасов писал А. Н. Пыпину 13 февраля 1875 г.: «Салтыков был крайне опасен. Теперь ему несколько лучше; но все еще он слаб и не встает с постели» (см.: *Некрасов*, т. XI, стр. 349).

[6] Имеется в виду корректура 6—10-й глав первой части «Подростка».

[7] Речь идет о гонораре в счет последующих частей романа «Подросток».

[8] В специальной лечебнице петербургского врача Л. Н. Симонова для легочных больных осуществлялся курс лечения при помощи сжатого воздуха (под колоколом). О лечении Достоевского у Симонова см. в воспоминаниях Л. В. Головиной (*Звенья*, т. I, стр. 459—477).

[9] Князь — В. П. Мещерский — выехал в Париж, где 2 февраля 1875 г. скончался его брат А. П. Мещерский.

[10] Вс. С. Соловьев под псевдонимом «Sine ira» напечатал в «С.-Петербургских ведомостях» (1875, 2 и 29 февраля, №№ 32 и 58) две рецензии о «Подростке», в которых дал высокую оценку роману (подробнее см. об этом: наст. изд., т. XVII, стр. 348—349).

[11] С № 1 в «Русском вестнике» за 1875 г. началось печатание романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

[12] Анна Ивановна — жена А. Н. Майкова.

[13] Подобную характеристику Достоевский в это же время дает героям романа «Подросток» (Версилову, Олимпиаде). См. наст. изд., т. XIII, стр. 33, 171, 372.

[14] Имеется в виду сдержанное отношение Майкова и Страхова к роману «Подросток». Оно объяснялось фактом публикации этого произведения на страницах демократических «Отечественных записок». Спустя четыре года Майков с горечью упрекал Достоевского, объяснившего на обеде профессоров и литераторов в честь Тургенева 13 марта 1879 г. свое участие в «Русском вестнике» денежными мотивами. В письме, написанном в тот же день, Майков заметил: «Я ждал, Вы как независимый должны были сказать по сочувствию с Катковым и по уважению к нему, даже по единомыслию во многих из главных пунктов <...> Вы уклонились, не сказали. Как? из-за денег Вы печатаете у Каткова?» (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 364). Достоевская в ответном письме мужу замечала в связи с описанием Достоевским встречи его Майковым и Страховым: «...а каков прием Майкова и Страхова! Каковы люди!!! Мы с тобой и прежде это угадали!» (стр. 151). О причинах, побудивших Достоевского печатать «Подросток» на страницах «Отечественных записок», см.: наст. изд., т. XVII, стр. 258—259, 291.

[15] Речь идет о романе «Анна Каренина».

[16] В № 9 «Отечественных записок» за 1875 г. была напечатана статья Л. Н. Толстого «О народном образовании».

[17] Факт публикации «Подростка» в «Отечественных записках» и сопутствовавшая ему в статье Н. К. Михайловского «Литературные и журнальные заметки» «оговорка» о возможности печатания на страницах журнала работ, лишь не расходящихся с идейной позицией журнала (см.: *ОЗ*, 1875, № 1, отд. II, стр. 341), были использованы реакционной печатью для того, чтобы уязвить самолюбие Достоевского (противопоставление редакционной «оговорки» в связи с публикацией «Подростка» — безоговорочному приятию Л. Н. Толстого) и «обличить» в безнравственности общее направление журнала. Так, например, в «Гражданине» (1875, 2 февраля, № 5) в разделе «Петербургская летопись» отмечалось: «Петербург говорит и о „Подростке“, и об „Анне Карениной“ <...> Оба романа появились почти одновременно в январских книжках <...> Обратим внимание на крупный факт, совершившийся в нашей литературе. Крупный этот факт заключается в том, что редакция „Отечественных записок“ <...> сделала два объявления весьма интересные: первое, что она, то есть редакция, никогда бы не напечатала романа г-на Достоевского, если бы все содержание романа было обличением уродства и безнравственности наших нигилистов-социалистов, и второе, что предложи ей даже гениальный писатель свое гениальное произведение, она не поместила бы его, если это гениальное произведение не подходило бы под направление „Отечественных записок“. Такая наивность в объявлении *своего направления* à la Щедрин выше всякого гения и гениального произведения — крупный факт, характеризующий как нельзя лучше наше время, наши нравы, наше общество и наш образ мыслей. Несколько месяцев назад те же „Отечественные записки“ напечатали статью гр. Льва Толстого „О народном образовании“

которая по направлению своему расходилась в каждой букве и в каждой мысли с духовным миром почтенной редакции; однако же я что-то не помню, чтобы редакция поручила бы кому-нибудь <...> сделать циническую оговорку, вроде той, какая появилась по поводу романа г-на Достоевского. Дело в том, что в таких оговорках проявляется *двойной*, так сказать, цинизм: цинизм в провозглашении, что направления она, редакция, ставит выше гения, и цинизм лжи в провозглашении этого принципа, ибо на самом деле все это неправда и говорится только для того, чтобы дурачить публику <...> Я очень хорошо знаю, как настойчиво редакция „Отечественных записок" заискивала у г-на Достоевского, чтобы получить его „Подросток". Я очень хорошо знаю, какие неимоверные усилия употребила редакция „Отечественных записок", чтобы отбить роман графа Льва Толстого у редакции „Русского вестника" — но безуспешно».

[18] По-видимому, «идею» о компромиссном сближении Достоевского с «Отечественными записками». См. также письмо 559.

[19] О визите Достоевского к Корнилову см. письмо 560.

[20] Статья В. Г. Авсеенко «Очерки текущей литературы. Новогодняя книжка „Отечественных записок"», опубликованная в газете «Русский мир» (1875, 29 января, № 27) за подписью «А. О.», явилась первым печатным откликом о «Подростке». Резко оскорбительный по своему характеру анализ романа был продолжен Авсеенко после выхода февральского номера «Отечественных записок» (см.: *РМ*, 1875, 27 февраля, № 55). В тенденциозных выступлениях Авсеенко — обвинение Достоевского в безнравственности и отрыве от действительной жизни (подробнее об этом см.: наст. изд., т. XVII, стр. 346—347). Позднее Достоевский познакомился с этими выступлениями Авсеенко и дал уничтожающий анализ Авсеенко — критика и романиста в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 103—119).

[21] Достоевская посылала свои письма в адрес редакции «Гражданина».

[22] См. выше примеч. 4.

[23] П. И. Ламанский покончил самоубийством в ночь на 31 января 1875 г. Похоронен на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря в Петербурге (некролог о нем см.: «Иллюстрированная неделя», 1875, № 7, стр. 111).

558. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 10)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.28, лл. 6—7 об.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 146—147.

Достоевская ответила 10 февраля 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 151—152).

[1] Речь идет о корректурах романа «Подросток» (см. письмо 557).

[2] О лечении «под колоколом» у Л. Н. Симонова см. примеч. 8 к письму 557.

[3] Пуцыкович принес из редакции «Гражданина» письмо Достоевской к мужу от 5 февраля 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 143—144).

[4] Орден св. равноапостольного князя Владимира был учрежден в 1782 г. Екатериной II как награда за отличие на государственной службе. Он имел 4 степени. Крест 4-й степени служил знаком выслуги лет в гражданских чинах. С 1827 г. он дублировал особый знак отличия беспорочной службы в виде прорезной пряжки с римскими цифрами в дубовом венке. С 1858 г. этот знак выдавался гражданским лицам за выслугу от 40 лет и выше. В контексте данного письма явственно ощутима ирония Достоевского по отношению к «служебным заслугам» лиц, удостоенных этого ордена.

[5] Достоевская писала мужу 10 февраля 1875 г.: «Ну что за глупая история с твоим паспортом: жили по нем лет пятнадцать и вдруг нельзя: экие глупые придирки, верно, ждали от тебя взятки. И что за свидетель-

ство они тебе выдадут, узнай хорошенько, а также, где надо хлопотать постоянный вид и долго ли это дело затянется <...> Да и можешь ли ты по этому свидетельству просить паспорт за границу, который тебе придется доставать от новгородского губернатора» (стр. 151).

[6] По мере дальнейшего знакомства Достоевского с «Анной Карениной» отношение его к роману Толстого меняется. Высокая оценка «Анне Карениной» была дана им в «Дневнике писателя» за 1877 г. (февраль, гл. II, § 1—4; июль—август, гл. II, § 1, 3, 4; гл. III, § 1—4). — См. наст. изд., т. XXV, стр. 51—63, 193—223. См. также: А. Л. Бем. Толстой в оценке Достоевского. — В кн.: Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1929, т. 2, стр. 118—140; Г. М. Фридлендер. Достоевский и мировая литература. Л., 1985, стр. 198—250.

559. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 11)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 8—9 об.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 148—149.

Достоевская ответила 11 февраля 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 153).

[1] В связи с хлопотами по поводу паспорта (см. письмо 558) Достоевский, вероятно, и собирался нанести визит петербургскому градоначальнику Ф. Ф. Трепову.

[2] Речь идет о редакторе журнала «Заря» В. В. Кашпиреве (см. наст. изд., т. XXIX_1, письмо 393); с ним и его женой, издательницей журнала «Семейные вечера» С. С. Кашпиревой, Достоевские поддерживали дружеские отношения (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 417, 532, 552, 559).

[3] Соловьев — Вс. С. Соловьев (см. также письмо 557, примеч. 10).

[4] Вс. С. Соловьев регулярно помещал в «С.-Петербургских ведомостях» критические обзоры новинок русской литературы. В журнале «Пчела» (1875, № 1—7) была опубликована его повесть «Черная роща».

[5] Речь идет об обеде в ресторане В. Вольфа.

[6] См. письмо 557, примеч. 14 и 18 к нему.

[7] Печатая «Подростка» на страницах «Отечественных записок», Достоевский чутко следил за реакцией на роман своих литературных друзей. Отмеченное Достоевским общее мнение Страхова о романе было дополнено более конкретными его суждениями в письме Достоевскому от 21 марта 1875 г., после окончания публикации первой части «Подростка». Особенно положительно Страхов оценивал эпизод самоубийства Оли, разговор Подростка с Лизой (завершающий первую часть романа), изображение характера Аркадия Долгорукого («смешение в Подростке добра и зла и даже доброты и злобы — очень живая черта и глубокий предмет»). Критике Страхова подвергся главным образом характер Версилова. В заключение он замечал: «Но тема у Вас взята великолепная, и все ждут чудес от ее развития, по крайней мере я жду, публика же несомненно покорена, то есть будет уже следить за Вами с жадностью» (см.: *Шестидесятые годы*, стр. 274).

[8] Речь идет, по-видимому, о Макаре Долгоруком, в образе которого развивается один из центральных идеологических планов романа «Подросток» — утверждение «кротости и смирения» основой благообразия. Расхождение Достоевского в решении этой проблемы с концепцией редакции «Отечественных записок» усугублялось еще и тем, что он приобщил некрасовского «Власа» к своей идеологической системе и сделал его символом своего понимания народной правды. См. также примеч. 5 к письму 595.

[9] В «Биржевых ведомостях» (1875, 6 февраля, № 35) под псевдонимом «Заурядный читатель» был напечатан пространный фельетон А. М. Скабичевского «Мысли по поводу текущей литературы. — Нечто о романах г-на Ф. Достоевского вообще. — „Подросток“, роман г-на Ф. Достоевского, часть первая». Обращаясь к читателю, автор фельетона писал в частности:

«...г-н Достоевский на всю жизнь человеческую смотрит как на ряд патологических явлений. Весь мир у него является завешанным каким-то сумрачным флером тоскливой меланхолии. Сквозь этот флер вы смотрите в романе на самые обыденные явления, ежедневно происходящие с вами или с вашими ближними, и эти явления представляются перед вашими глазами в таком фантастическом и странном виде, что вам становится жутко; вам вдруг приходит в голову, да и в самом деле не сумасшедшие ли мы. все люди, ведь и с нами происходят такие же вещи? И вы начинаете страдать мучениями героев романа. Как хотите. а это не искусство, иначе следует назвать искусством всякое такое действие. которое имеет своею целью произвести сильное впечатление на ваши нервы, так что даже и трение пробкой по стеклу будет тоже искусство, потому что способно довести до истерики иного нервного человека. Но все эти соображения я советую тебе, читатель, оставить нынче в стороне, потому что саваны, саваны, саваны начинают ложиться на все в жизни, все принимает в ней действительно тот самый меланхолический колорит, который преобладает в романах г-на Достоевского, и вокруг совершается такое множество явлений самого патологического свойства, что поневоле приходишь к убеждению, что <...> люди и в самом деле становятся такими же сумасшедшими подряд, какими они являются в романах г-на Достоевского <...> Факты жизни если не оправдывают романов г-на Достоевского. то во всяком случае объясняют их как патологические явления, вызванные целым рядом подобных им патологических явлений жизни. Таким образом, вышеозначенные свойства романов г-на Достоевского делаются не случайным свойством, зависящим от одного только склада личности писателя, а стоят в связи с целою серией условий нашей жизни». См. также наст. изд., т. XVII, стр. 347—348.

[10] Это замечание Достоевского вызвано, по-видимому, тем, что А. А. Краевский — издатель-редактор газеты «Голос» — был одновременно (с 1868 г.) издателем «Отечественных записок» (до этого — с 1839 г. по 1867 г. — он был издателем-редактором этого журнала).

[11] О визите к И. П. Корнилову см. письмо 560 и примеч. 12 к нему.

[12] Имеются в виду Г. Ф. и П. Ф. Пантелеевы, владельцы типографии в Петербурге, у которых печатались в это время «Записки из Мертвого дома» (см. наст. изд., т. IV, стр. 278—279). О расчетах Достоевского с Пантелеевыми см. также письмо 567 и примеч. 2 к нему.

[13] Большое беспокойство Достоевского до самого конца его жизни вызывала судьба рязанского имения, одним из наследников которого он был по завещанию А. Ф. Куманиной, умершей еще в 1871 г. Ее духовное завещание было утверждено к исполнению Московским Окружным судом 21 февраля 1872 г. (см. об этом: *ИРЛИ*, № 30608, л. 19). В рукописном отделе ИРЛИ хранится опись этого имения (№ 29816, лл. 3—4). «Цена всему имению 450 тысяч», —говорится в ней (л. 4). 6 июня 1874 г. в «Голосе» было напечатано объявление: «Продается большое имение Рязанской губернии и уезда, 6425 десятин, в том числе с лишком 5000 десятин строевого и дровяного леса, на сплавной реке Пре, впадающей в Оку. В имении залежи торфа и гонка дегтя. Ножовый завод». Интересы Достоевского по куманинскому наследству, и рязанскому имению в частности, представлял адвокат Б. Б. Поляков. «Поверьте, что я всячески стараюсь, — писал он 11 апреля 1877 г. А. Г. Достоевской, — скорее найти покупателя на имение <...> имение нейдет с рук» (*ЛН*, т. 86, стр. 454—455). 5 ноября 1879 г. он вновь писал Достоевскому: «Что же касается до рязанского имения, то продажа этого имения по невыгодному его положению и по непомерному запросу прочих наследников до сих пор не состоялась, несмотря на все принимаемые мною меры и старания к соглашению наследников на уступку» (*ИРЛИ*, № 29816, лл. 1—1 об.). Одновременно с попытками продажи рязанского имения вплоть до 1881 г. шли переговоры между сонаследниками о разделе между ними земель имения. Уже после смерти писателя 24 марта 1881 г. С-Петербургский Окружной суд утвердил Достоевских в правах наследства. Опекунами Л. Ф. и Ф. Ф. Достоевских

были утверждены А. Г. Достоевская и К. П. Победоносцев. 25 ноября 1881 г. раздельный акт был совершен у московского нотариуса Н. Я. Павлова, утвержден 3 декабря 1881 г. Рязанским Окружным судом. Беспокойство Достоевского усугублялось денежными претензиями его сестер по завещанию Куманиной (см. письмо 577, примеч. 6). См.: *Ильин*, стр. 547—565; *ЛН*, т. 86, стр. 430—432, 437—439, 451, 454—455; а также письма 562, 575—577, 582, 599 и примеч. к ним.

560. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 12)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 10—11 об.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 149—151.

Ответ на письмо Достоевской от 6 и 7 февраля 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 145—147).

Достоевская ответила 12 февраля 1875 г. (там же, стр. 154).

[1] Задержка писем Достоевского объяснялась перлюстрацией их на старорусском почтамте исправником Э. М. Готским-Даниловичем (см. письмо 583 и примеч. 9 к нему).

[2] Имеется в виду А. Г. Гриббе, хозяйка старорусской дачи, на которой жили Достоевские.

[3] В письме от 6 февраля 1875 г. Достоевская писала: «У нас случилось маленькое происшествие: наверху сбивали полы, а у нас в зале от стукотни обвалился карниз и отлетели обои. Дети, игравшие в другом конце залы, очень испугались, особенно Федя, который очень плакал и долго не мог успокоиться. Я тотчас сходила к хозяйке, чтобы тотчас остановили работы, а то я сегодня же выеду с квартиры; решено оставить до начала мая, до нашего отъезда» (стр. 145). Достоевские прожили на даче А. Г. и А. К. Гриббе до начала сентября.

[4] Имеются в виду главы 6—10-я первой части «Подростка».

[5] Речь идет о встрече на улице Лизы с Аркадием и их диалоге в последней главе первой части «Подростка».

[6] Речь идет о романе «Анна Каренина» (в № 1 «Русского вестника» за 1875 г. были опубликованы главы I—XIV первой части романа). Об отношении к этому роману Толстого редакции «Отечественных записок», и в частности Некрасова и Салтыкова-Щедрина, см.: Э. Г. Бабаев. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М., 1978, стр. 140—142, 180—192.

[7] Имеется в виду сцена самоубийства Оли и рассказ Подростка о судьбе Оли и ее матери — в 9-й главе первой части романа «Подросток».

[8] Некрасову понравились 6-я и 7-я главы первой части «Подростка». Оттенок удивления в слове «вообрази» (в письме Достоевского) А. С. Долинин связывает с 7-й главой первой части, в которой Макар Долгорукий стилизован под некрасовского Власа (см.: *Д, Письма*, т. III, стр. 342). См. также письмо 559 и примеч. 8 к нему и письмо 595 и примеч 5 к нему. О восхождении образа Макара Долгорукого к некрасовскому герою-страннику см.: А. С. Долинин. Последние романы Достоевского. М.—Л., 1963, стр. 128; В. А. Туниманов. Достоевский и Некрасов. — *Достоевский и его время*, стр. 33—67. См. также наст. изд., т. XVII, стр. 308—313.

[9] План Достоевского был осуществлен не полностью: третья часть романа «Подросток» была опубликована в сентябрьской, ноябрьской и декабрьской книгах «Отечественных записок» за 1875 г. См. также наст. изд., т. XVII, стр. 319—321.

[10] Достоевская вспоминала: «Вернувшись в Руссу, муж передавал мне многое из разговоров с Некрасовым, и я убедилась, как дорого для его сердца было возобновление задушевных сношений с другом юности» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 280; см. также ее письмо от 12 февраля 1875 г., стр. 154). См. также: М. Гин. Достоевский и Некрасов. — «Север», 1971, № 11, стр. 115.

[11] Имеется в виду священник старорусской Георгиевской церкви И. И. Румянцев.

[12] «Славянский» — Петербургский Славянский благотворительный комитет, членом которого Достоевский был с 1873 г. Его председателем был И. П. Корнилов.

[13] Речь идет о петербургском отделе Общества любителей духовного просвещения. Достоевский посещал заседания Общества. Об одном из них написал отчет, опубликованный в «Гражданине» 2 апреля 1873 г. (см. наст. изд., т. XXI, стр. 139—142, 460—462). Им же написано предисловие к статье «Чтение Т. И. Филиппова в заседании Петербургского Общества любителей духовного просвещения 26 февраля» (см. там же, стр. 291—292).

[14] Речь идет о «пари» между Достоевским и его женой о том, какого пола будет у них ребенок.

[15] Речь идет о Ф. П. Корнилове.

[16] См. письмо 559, примеч. 13 к нему.

561. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 14)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.15.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 153.

[1] Достоевский приехал в Петербург в связи с печатанием в «Отечественных записках» романа «Подросток» (см. письмо 555, примеч. 1, а также письма 557, 558).

[2] Н. М. Достоевский жил в это время у А. М. Шевяковой, с которой писатель был в ссоре в связи с тяжбой по куманинскому наследству.

[3] Н. М. Достоевский приехал к Достоевскому на следующий день, 11 февраля (см. письмо 563).

562. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 15)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 12—13.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 151.

Достоевская ответила 13 февраля 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 157).

[1] Адвокаты Б. Б. Поляков (доверенный Ф. М. и А. М. Достоевских) и Е. В. Корш (доверенный Н. М. Достоевского, Шеров и Ставровских) выезжали неоднократно в Рязанскую губернию, предпринимая попытки продать куманинское рязанское имение, унаследованное их доверителями (позже — разделить его между наследниками). См. примеч. 13 к письму 559, а также письма 575 и 576.

[2] Среди писем Б. Б. Полякова к А. Г. Достоевской (*ИРЛИ*, № 30208) нет его письма от февраля 1875 г.

[3] Прохоровна (Алена Прохоровна) — няня детей Достоевских.

[4] Деньги от Некрасова — гонорар за вторую половину первой части «Подростка» (см. письмо 557) — Достоевский получил 12 февраля 1875 г. (см. письмо 565, примеч. 6).

[5] См. письмо 559, примеч. 12 и письмо 567, примеч. 2.

563. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 15)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, л. 14.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 151—152.

Достоевская ответила 13 февраля 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 157).

[1] О перлюстрации писем Достоевского к жене см. письмо 583, примеч. 9 (ср. также письмо 584).

[2] В этом письме, датированном 10 февраля 1875 г., Майков писал: «Не хотите ли прийти ко мне обедать, любезнейший Федор Михайлович, завтра, *во вторник*; так как Вы сидите под колоколом до пяти часов, то мы будем Вас ждать потребное для проезда к нам время от 5 часов. Если же освободитесь раньше, то тем лучше. Не думайте, чтоб это был особенный обед, по вторникам обедает у нас Страхов, и кроме его — никого не будет. Соберитесь-ко!» (см.: *А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 88). Достоевский был на обеде у Майкова 11 февраля 1875 г. (см. письмо 564).

[3] Об отношениях Достоевского с Майковым и Страховым в этот период см. письмо 557, примеч. 14; см. также письмо 564.

[4] Н. М. Достоевский посетил брата по его просьбе, выраженной в письме от 10 февраля (см. письмо 561).

[5] О получении от Некрасова гонорара за «Подростка» см. письмо 565, примеч. 6.

564. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 16)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 15—16.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 152—153.

Месяц устанавливается по содержанию и перечню писем за 1875 г., составленному Достоевской (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28).

Ответ на письмо Достоевской от 10 февраля 1875 г. (см.: *Д, Переписка с жёной*, стр. 152).

[1] Достоевская писала 10 февраля 1875 г. в связи с сообщением мужа о тифе в Петербурге (см. письмо 558): «Ты меня положительно напугал твоим последним письмом, рассказав, как сильно действует тиф <...> Поспеши устроить дела и приезжай домой, я до тех пор не успокоюсь, пока не увижу тебя дома и здорового» (стр. 151).

[2] См. письмо 565, примеч. 6.

[3] Достоевский рекомендовал жене обратиться к И. И. Румянцеву.

[4] Коля — Н. М. Достоевский (см. письмо 563).

[5] Достоевский посетил И. П. Корнилова 8 февраля 1875 г. (см. письмо 560).

[6] Н. Н. Страхова Достоевский встретил у Корнилова 8 февраля 1875 г. (см. письмо 560).

[7] См. примеч. 2 к письму 563.

[8] Об охлаждении отношений Достоевского с Майковым и Страховым см. письмо 557, примеч. 14 и письмо 563.

[9] Под комплиментами Некрасова Достоевский имеет в виду отзыв поэта о романе «Подросток» (см. письмо 560).

[10] В 1840—1844 гг. Страхов учился в Костромской духовной семинарии. О Страхове-«семинаристе» как определенном общественно-социальном типе, о личных качествах критика и его литературной деятельности см. в записной тетради Достоевского 1876—1877 гг. (наст. изд., т. XXIV, стр. 239—241). См. также: А. С. Долинин. Ф. М. Достоевский и Н. Н. Страхов. — *Шестидесятые годы*, стр. 238—254; Л. М. Розенблюм. Творческие дневники Достоевского. М., 1981, стр. 30—45.

[11] О размолвке с Достоевским (не указывая ее причин) после прекращения «Эпохи» Н. Н. Страхов упоминает в составленной им биографии Достоевского (см.: *Биография*, отд. I, стр. 284). После выхода в свет «Преступления и наказания» Страхов публикует в «Отечественных записках» (1867, № 2—4) статью «Наша изящная словесность», где на первый план выдвигает вопрос об отражении в романе идей демократической молодежи 1860-х годов и о сложном отношении к ним Достоевского (см. об этом: наст. изд., т. VII, стр. 345—356).

[12] Тальма — женская длинная накидка без рукавов.

[13] По предположению А. С. Долинина, под «известными» лицами здесь подразумеваются члены царской семьи и, в частности, скандальная история с великим князем Николаем Константиновичем, который, страдая клептоманией, украл с иконы в комнате своей матери бриллианты (или венчик?) и заложил их за 300 р. серебром. Великий князь был признан психически несостоятельным, и над ним была учреждена опека (см.: *Г*, 1874, 15 декабря, № 346; И. И. Попов. Минувшее и пережитое. Пг., 1924, ч. 2, стр. 195; А. Е. Перетц. Дневник. М.—Л., 1927, стр. 55, 85).

565. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 17)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 17—18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 153—154.
Месяц устанавливается по содержанию и перечню писем за 1875 г., составленному Достоевской (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28).
Ответ на письмо Достоевской от 11 февраля 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 153).

[1] Речь идет об И. И. Румянцеве и А. Г. Гриббе.
[2] Достоевский получил от Некрасова 5 февраля 1875 г. 200 р. в счет гонорара за 1—5-ю главы первой части «Подростка» (см. письмо 557).
[3] См. ниже примеч. 6.
[4] В. И. Ламанский — историк-славист, профессор Петербургского университета.
[5] О денежных расчетах с Пантелеевыми см. письмо 567, примеч. 2.
[6] Некрасов выплатил Достоевскому гонорар за 6—10-ю главы первой части «Подростка» и аванс за последующие части.
[7] Речь идет о возобновлении личных контактов с М. Е. Салтыковым-Щедриным, с которым Достоевский познакомился еще в 40-е годы. Позднее, в 1861—1862 гг., Салтыков-Щедрин сотрудничал в журнале «Время». Ожесточенная полемика 1863—1864 гг. журналов «Время» и «Эпоха» с «Современником» надолго прерывает личные отношения между Достоевским и Щедриным. Статьи Достоевского, посвященные полемике с Салтыковым-Щедриным, см.: наст. изд., т. XX, стр. 71—96, 120—122, 125—132 (см. также примеч. к ним). См. также: С. Борщевский. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы. М., 1956; В. А. Туниманов. Творчество Достоевского. 1854—1862. Л., 1980, стр. 225—245.
[8] Тимофей — ямщик в Старой Руссе.
[9] Речь идет о В. П. и Е. П. Печаткиных. Об отношениях с ними Достоевского см. наст. изд., т. XXIX$_1$, письмо 387 и примеч. 4 к нему.
[10] Бунтинг — зубной врач. Достоевский упоминает его имя в списке расходов в записной тетради 1872—1875 гг. (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 324, 325).

566. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 19)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, л. 21.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 154.

[1] Племянник Достоевского Миша (М. М. Достоевский) служил в Обществе взаимного кредита.

567. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 19)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 19—20.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 155.

[1] См. письмо 566.

[2] Это письмо Достоевской к одному из братьев Пантелеевых неизвестно. О его содержании можно судить по ее письму к Достоевскому от 11 февраля 1875 г.: «Вчера получила вексель от Манухина; просит продать ему на вексель 25 экземпл‹яров› „Идиота“ и 25 экз‹емпляров› „Записок из Мертвого дома“; я написала об этом Пантелееву, поторопя его выслать эти книги в Москву» (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 153). Пантелеев соглашался учесть в счет погашения долга Достоевского векселя, полученные писателем от его книгопродавцев (см. о них примеч. 3, 4 и 6).

[3] Владелец «Книжного магазина для иногородних» М. П. Надеин получал от Достоевского на продажу издания его произведений и выдавал писателю векселя на соответствующую сумму. См. об этом письма Надеина к Достоевскому от 23 января 1873 г. и 31 июля 1874 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.7.4; см.: *Описание*, стр. 435). В сентябре 1875 г. Достоевский в записной тетради с пометой: «Буду иметь (могу получить)» указал вексель Надеина на 245 р. (*ЛН*, т. 83, стр. 319).

[4] Петербургский книгопродавец Д. Е. Кожанчиков, получая от Достоевского для продажи издания «Идиота», «Бесов», «Записок из Мертвого дома», выдавал ему векселя. См. об этом в письме Кожанчикова к Достоевскому от 6 и 7 марта, 25 декабря 1874 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.83; см.: *ЛН*, т. 83, стр. 347; *Описание*, стр. 405. См. также: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 250—251). В сентябре 1875 г. Достоевский отметил в записной тетради в рубрике «Буду иметь (могу получить)»: «Вексель Кожанчик‹ова› — 350» (*ЛН*, т. 83, стр. 319).

[5] Речь идет о «Записках из Мертвого дома», печатавшихся в это время (последний раз при жизни Достоевского) в типографии Пантелеевых. А. Г. Достоевская вспоминает: «...мы, оставшись на зиму в Руссе, решили издать и „Записки из Мертвого дома“, которые давно были распроданы и часто спрашивались книгопродавцами. Корректуры высылались нам в Руссу» (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 275). См. также наст. изд., т. IV, стр. 278 и примеч. 12 к письму 559.

[6] Л. К. Клейн, петербургский книготорговец, продававший сочинения Достоевского. Его имя упоминается в записной тетради Достоевского 1872—1875 гг. (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 319). См. также наст. изд., т. XXIX_1, письмо 486, примеч. 5.

[7] Достоевский должен был владельцу бумажного склада А. И. Варгунину деньги за бумагу, полученную для издания «Записок из Мертвого дома», «Идиота» и «Бесов». Долг этот очень тяготил писателя (см. об этом в его письме к жене от 29 июля 1873 г. — наст. изд., т. XXIX_1, письмо 490). Достоевский занес в записную тетрадь 4 февраля 1875 г. долг Варгунину в сумме 600 р., который предполагал погасить к 1 апреля (*ЛН*, т. 83, стр. 318). К тому же указанные в письме 568 156 р. процентов с долга Варгунину числились в списке долгов в записях Достоевского 19 сентября и 11 ноября 1875 г., в декабре 1876 г. (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 319, 470, 631).

[8] Вс. С. Соловьев вспоминал об этом визите Достоевского: «В начале 1875 года он приехал на несколько дней в Петербург и посетил меня ‹...› Нам было о чем поговорить, и я чрезвычайно обрадовался его посещению. Но сразу, только что он вошел, я уже по лицу его увидел, что он до крайности раздражен и в самом мрачном настроении духа» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 201). «Он сейчас же и высказал причину этого раздражения, — продолжает Соловьев. — Скажите мне, скажите прямо — как вы думаете: завидую ли я Льву Толстому?» (там же). В ответ на недоуменные вопросы собеседника Достоевский сказал: «...обвиняют в зависти ‹...› старые друзья, которые знают меня лет двадцать...». «Он назвал этих старых друзей», — пишет Соловьев. Достоевский имел в виду А. Н. Майкова и Н. Н. Страхова (см. письмо 559 и примеч. к нему, а также письма 563, 564).

[9] В редакции «Гражданина» Достоевский получил письмо Достоевской от 12 февраля 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 154).

[10] Именины Ф. Ф. Достоевского приходились на 17 февраля.

[11] В письме от 12 февраля 1875 г. Достоевская писала: «...я начала видеть пренеприятнейшие сны, главным лицом которых являешься ты» (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 154). Она вспоминала, что Достоевский в первые дни их знакомства говорил: «Я придаю снам большое значение. Мои сны всегда бывают вещими. Когда я вижу во сне покойного брата Мишу, а особенно когда мне снится отец, я знаю, что мне грозит беда» (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 75).

568. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 20)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 22—23.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 156.
Ответ на письмо Достоевской от 13 февраля 1875 г. (см.: *Д, Переписка*, стр. 157).

[1] См. письмо 567.
[2] См. письмо 566.
[3] Начиная с 1873 г. в записных тетрадях и письмах Достоевского содержатся сведения о его долгах петербургскому ростовщику Ивану Ларионовичу (или Родионовичу) Тришину (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 319, 362; наст. изд., т. XXIX_1, письмо 483). Последние сохранившиеся записи о расчетах писателя с Тришиным относятся к 1876—1877 гг. (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 630—631). Сохранились расписки Достоевского Тришину 1874—1877 гг. (см. о них: там же, стр. 365, а также: *Описание*, стр. 310 и 311). Два письма 1878 г. Тришина к Достоевскому также касаются расчетов по долгам писателя (там же, стр. 496).
[4] О Варгунине и расчетах Достоевского с ним см. примеч. 7 к письму 567.
[5] В «С.-Петербургских ведомостях» от 18 февраля 1875 г. (№ 49) сообщалось: «14 февраля славянский мир праздновал память просветителя своего Кирилла, епископа моравского. В нынешний раз в Исаакиевском соборе литургию совершал викарий Леонид <...>
Вечернее заседание Комитета открыто чтением В. И. Ламанского о состоянии Римской империи в средние века ее существования <...> После чтения г-н Башмаков заявил собранию, что в пятницу, на масленице, в Клубе художников будет собрание с картинами из жизни славян, например появление па Волге ушкуйников новогородских и т. п. В заключение заседания известный поэт А. Майков прочел свое стихотворение под заглавием „Емшан". Г-н Майков придал еще большую цену стихотворению прекрасною декламацией, так что должен был повторить стихи».

569. П. А. ИСАЕВУ (стр. 21)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 158—159.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, стр. 27—29.

[1] Письмо Исаева с этой денежной просьбой неизвестно.
[2] Елена Павловна — Е. П. Иванова, золовка сестры Достоевского В. М. Ивановой (см. о ней наст. изд., т. XXVIII_2, стр. 569).
[3] Приезжая в Москву, Исаев обычно останавливался у Е. П. Ивановой. См. также письмо 582.
[4] Это письмо Исаева неизвестно.
[5] Миша — М. М. Достоевский.
[6] Эти деньги, посланные Достоевским 4 ноября 1874 г., Исаев возвратил, уязвленный небольшим размером суммы (см. наст. изд., т. XXIX_1, письма 549, 550).
[7] Имеется в виду письмо Достоевского от 11 декабря 1874 г. (см. наст. изд., т. XXIX_1, письмо 550).

[8] О помощи Исаеву А. Н. Майкова, П. И. Ламанского, А. У. Порецкого и других по просьбам Достоевского см. наст. изд., т. XXIX$_{I}$, письма 407, 432, 435, 473, 549.

[9] Это письмо А. Г. Достоевской Исаеву неизвестно.

[10] См. письмо 557, примеч. 23.

570. П. А. КОЗЛОВУ (стр. 23)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.26.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 304—305.

Ответ на письмо Козлова конца 1874—начала 1875 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.84, лл. 3—4. Частично опубликовано: *ЛН*, т. 83, стр. 345—346).

[1] Козлов писал Достоевскому: «Позвольте мне обратиться к Вам с следующей просьбой. В октябре я хочу издать Литературный сборник из 25 или 30 печатных листов чисто беллетристического содержания. В этом сборнике примут участие Я. П. Полонский, Гончаров, Соллогуб, Тургенев, etc. Я хотел бы издать этот сборник с портретами, гравированными на меди в Англии очень изящно. Будут также рисунки Зичи и др. на сюжеты статей» (л. 3). Сборник Козлова не состоялся (см. наст. изд., т. XVII, стр. 428—429).

[2] Речь идет о романе «Подросток», который Достоевский предполагал завершить к осени 1875 г. (см. письмо 560 и примеч. 9 к нему).

[3] Козлов просил: «Если Вы согласны принять участие в этом сборнике, то будьте любезны сообщить мне, в каком месяце я получу Вашу статью» (л. 4). Сохранился набросок с планами повести или рассказа, обдумывавшимися Достоевским для сборника Козлова (см. наст. изд., т. XVII, стр. 6). Связаны с этим наброском и две записи среди подготовительных материалов к «Подростку», возле которых в 1875 г. Достоевский делает помету: «В рассказ Козлову» (см. там же, стр. 49). Задуманная повесть (или рассказ) осуществлена не была. См. об этом замысле: там же, стр. 428—429.

[4] Козлов писал: «...прошу Вас дать для этого сборника рассказ или статью в 2 или 3 печатных листа» (л. 3).

[5] «Что касается до условий, — продолжал Козлов, — то прошу Вас <...> назначить цену, на которую я охотно соглашусь <...> Я бы был рад, если б она не была более 350 или 400 рублей» (л. 4).

[6] Об условиях печатания «Подростка» в «Отечественных записках» см. наст. изд., т. XVII, стр. 258.

[7] В заключение письма Козлов добавлял: «В случае согласия прошу Вас также прислать мне хорошую фотографическую карточку, с которой <...> сделают портрет, который будет гравирован в Париже или Лондоне» (л. 4).

571. А. Н. ОСТРОВСКОМУ (стр. 24)

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ*, ф. 200, № 252.

Впервые опубликовано: Неизданные письма к А. Н. Островскому. М.—Л., 1932, стр. 143.

[1] А. П. Орлова — участница спектаклей Старорусского сезонного театра, знакомая семьи Достоевских; состояла в переписке с А. Г. Достоевской (8 писем к ней Орловой за 1875—1877 гг. см.: *ИРЛИ*, № 30189), принимала активное участие в покупке дома для Достоевских в Старой Руссе осенью 1875—весной 1876 г. (см. также: Л. М. Рейнус. Достоевский в Старой Руссе. Л., 1971, стр. 35—41). А. П. Орлова находилась в дружеских отношениях с жительницей Старой Руссы Грушенькой Меньшовой — прототипом Грушеньки Светловой в «Братьях Карамазовых» (см. там же, стр. 46—53). О Старорусском сезонном театре см. в кн.: М. И. Полян-

ский. Иллюстрированный историческо-статистический очерк города Старой Руссы и старорусского уезда. Новгород, 1885.

[2] Достоевский обращается с этой просьбой к Островскому, поскольку последний 21 октября 1874 г. был избран председателем Общества драматических писателей (и оставался им до конца жизни). Просьба Достоевского была вызвана, по-видимому, тем, что А. П. Орлова в 1875 г. много болела и выступать на сцене не могла. Так, например, 5 октября 1875 г. она писала А. Г. Достоевской: «Вчера приезжала ко мне депутация просить моего участия в спектакле любителей, я правдиво отозвалась нездоровьем...» (*ИРЛИ*, № 30189). Ответил ли Островский на письмо Достоевского, неизвестно.

[3] Проведя в Старой Руссе лето 1873 и 1874 гг., Достоевские остались там на зиму 1874—1875 гг. и вернулись в Петербург лишь к 15 сентября 1875 г.

572. Н. А. НЕКРАСОВУ (стр. 24)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 202, оп. 2, л. 28.

Впервые опубликовано (с ошибочной датой — 26 марта 1875 г.): Некрасовский сборник. Пг., 1918, стр. 96—97.

Ответ на письмо Некрасова от 19 марта 1875 г. (*Некрасов*. т. XI, стр. 351).

Некрасов ответил Достоевскому 24 марта 1875 г. (там же, стр. 353).

В дате письма — ошибка. Достоевский отвечает на письмо Некрасова, полученное в Старой Руссе не ранее 20 марта и на которое послал ответ не позднее 23 марта 1875 г.

[1] Речь идет о наборных рукописях романа «Подросток».

[2] Некрасов писал 19 марта 1875 г.: «Послезавтра выйдет Ваша 3-я книга. Нужен оригинал на 4-ую. Уведомьте тотчас, к какому дню вышлете. Обсудите вообще, будете ли в состоянии написать на 4 и 5 кн‹игу› вторую часть так ‹...› чтоб доставить оригинал на 4-ую кн. 25—26 марта, а на 5-ую 25 апреля? Если б в том возникло у Вас хотя малое сомнение, то не лучше ли продлить перерыв еще на месяц? Или вторую часть разбить, буде позволит содержание — на 3 №№ журнала, с *строгим* соблюдением вышеписанных сроков в доставке оригинала. То и другое возможно. Отнеситесь к сим вопросам серьезно» (стр. 351).

[3] По-видимому, Достоевский хотел заключить публикацию первой половины на второй части романа сценой в трактире, где Подросток рассказывает Версилову о свидании с Ахмаковой.

[4] Некрасов отвечал Достоевскому 24 марта 1875 г.: «...мы очень рады, что роман будет 4 кн‹иги›, ждем до 29 или 30-го и даже 1-го; долго-то ждать нельзя, потому что 13-го Святая и накануне надо представить книгу в цензуру ‹...› Сроки-то, по правде сказать, я означил крайние и надеюсь, что Вы придержитесь их и в апреле» (стр. 353). В № 4 «Отечественных записок» за 1875 г. были опубликованы главы 1—4 второй части романа «Подросток»; в № 5 — главы 5—9.

573. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 25)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, л. 24.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 156—157.

[1] Достоевская выехала из Старой Руссы в Петербург для встречи со своим братом И. Г. Сниткиным в связи с осложнениями в его семейной жизни (см. примеч. 7, а также письма 575 и 576). В телеграмме от 5 апреля 1875 г. Сниткин просил Достоевского: «Федор Михайлович, дайте мне возможность *повидать* Нюту в Петербурге, *где я буду вторник 8 утром*» (*ЛН*, т. 83, стр. 318).

[2] Фиса — дочь И. И. Румянцева.
[3] Телеграмма Достоевской мужу, посланная 7 апреля 1875 г., неизвестна (см. о ней: *Д, Переписка с женой*, стр. 163).
[4] Святая (пасхальная) неделя приходилась в 1875 г. на 13—19 марта.
[5] Это письмо Достоевского неизвестно. Оно было написано, по-видимому, в связи с отправкой в редакцию рукописи 4-й главы второй части «Подростка» 4—5 апреля — вместо 29 марта, как было Достоевским обещано (см. также: *Д, Письма*, т. III, стр. 345).
[6] Достоевские ожидали рождения ребенка.
[7] Жена И. Г. Сниткина, Ольга Кирилловна, неоднократно уходила от него и вновь возвращалась. Человека, из-за которого О. К. Сниткина много раз покидала семью, Достоевский именовал Кукарекиным. Его подлинное имя установить не удалось. О семейной драме Сниткиных Е. П. Иванова писала Достоевскому 20 июня 1875 г.: «Как жаль мне бедного Ивана Григорьевича, кто из них прав и виноват, конечно, для меня дело темное, но все-таки жизнь его, как видно, совершенно разбита, а три года назад казалось, что счастье так улыбалось ему во всем. По отъезде своем он надолго навеял на меня самое грустное расположение духа. Я живу еще надеждою, что все это еще поправимо, так как из его слов поняла, что он сильно любит Ольгу Кирилловну» (*ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 172). О своем впечатлении об И. Г. Сниткине во время свидания с ним 7 апреля 1875 г. в Петербурге Достоевская писала мужу 8 апреля 1875 г.: «...на станции меня встретил Ваня, приехавший утром. Отправились к нему и проговорили до 10 час‹ов› вечера; нашла, что в нем крутой переворот к лучшему, решения его прекрасны, но в письме не объяснишь» (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 163). См. письма 575 и 576.
[8] Речь идет об имении Малый Прикол в Курской губернии, купленном И. Г. Сниткиным на деньги жены. В связи с семейными осложнениями он собирался передать это имение в аренду.

574. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 26)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, л. 25.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 157.

[1] Возможно, в этом номере останавливалась Достоевская в свое пребывание в Петербурге 7 и 8 апреля 1875 г. (см. предыдущее письмо и примеч. 1 к нему). См. письмо 559.
[2] Имеется в виду телеграмма, посланная Достоевской И. Г. Сниткину (см. об этом: *Д, Письма*, т. III, стр. 345).
[3] С одним из этих поездов ожидался из Москвы И. Г. Сниткин, который и приехал с женой в Петербург 12 мая 1875 г. (см. письмо 575).

575. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 27)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 26—27.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 158.

[1] Речь идет об И. Г. и О. К. Сниткиных (см. примеч. 1 и 7 к письму 573).
[2] Достоевский получил от Некрасова корректуру глав 5—9 второй части «Подростка» (опубликованы: *ОЗ*, 1875, № 5).
[3] Некрасов посетил Достоевского 14 мая 1875 г. (см. письмо 576).
[4] В. П. Мещерский, собравшийся, по-видимому, помирить Достоевского с А. Н. Майковым, пригласил их к себе на обед. Достоевский посетил Мещерского. Майков, сославшись на занятость, уклонился от этого посещения (см. об этом письмо 577). О причинах расхождения между Достоевским и Майковым см. письмо 557 и примеч. 14 к нему.

[5] Речь идет о попытках разрешить вопрос с рязанским имением (см. примеч. 13 к письму 559).

[6] Речь идет, по-видимому, о копии, снятой А. Г. Достоевской с письма к ней О. К. Сниткиной, где последняя писала о своем намерении вернуться к мужу.

[7] О семейной драме Сниткиных см. письмо 573, примеч. 7.

[8] И. Г. и О. К. Сниткины в Старую Руссу не поехали (см. письмо 576).

[9] Достоевские ожидали рождения ребенка.

[10] Достоевский написал очередное письмо жене в среду, 14 мая 1875 г. (см. письмо 576).

576. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 28)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 28—29.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 159.

[1] Как доверенное лицо Н. М. Достоевского, Шеров и Ставровских адвокат Е. В. Корш вел дела по продаже и закладу унаследованных ими куманинских имений, рязанского в частности.

[2] П. П. Казанский, муж двоюродной сестры А. Д. Казанской. Она была дочерью тетки писателя О. Ф. Шер, одной из наследниц рязанского имения Куманиной. В этот период предпринимались попытки раздела этого имения между наследниками. Казанский, как и В. Д. Шер — сын О. Ф. Шер, в спорах вокруг этого раздела представлял ее интересы (см. письмо Достоевского к Казанскому от 23 февраля 1880 г.).

[3] И. Г. и О. К. Сниткины уезжали в имение Малый Прикол Курской губернии (см. письмо 573 и примеч. 8 к нему).

[4] Речь идет о семействе доктора М. Н. Сниткина, двоюродного брата А. Г. Достоевской.

[5] Достоевский договорился с Некрасовым о сроках печатания третьей части «Подростка» и об авансе для поездки в Эмс для лечения.

577. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 29)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28 (лл. 30—31); конверт — *ГБЛ*, ф. 93, I.6—9.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 159—160.
Дата письма уточняется по его содержанию и по сопоставлению с письмом 578. Суббота приходилась на 24 мая, а воскресенье — день отъезда Достоевского за границу — на 25 мая.

[1] Речь идет об известном петербургском портном Е. Ф. Шармере. Его имя упоминается в «Преступлении и наказании», «Бесах» и в черновых материалах к «Подростку» (см. наст. изд., т. VI, стр. 102; т. X, стр. 181; т. XVI, стр. 271).

[2] А. Н. Майков должен был присутствовать на обеде у В. П. Мещерского, который собирался, по-видимому, помирить Майкова и Достоевского. О причинах расхождения между ними см. примеч. 14 к письму 557. См. также письмо 575 и примеч. 4 к нему.

[3] Речь идет об В. В. и С. С. Кашпиревых.

[4] О Е. В. Корше см. примеч. 1 к письму 576.

[5] М. М. Достоевский-младший был одним из наследников куманинских имений.

[6] По особому распоряжению А. Ф. Куманиной братья Достоевские объявлялись наследниками недвижимого имущества при условии выплаты своим сестрам денежной компенсации. В 1876 г. А. М. Шевякова предъявила в суд иск к своим братьям Ф. М. и Н. М. Достоевским. 29 ноября 1879 г. ее адвокат В. В. Самарский-Быховец обратился к Достоевскому со следующим письмом:

«Милостивый государь Федор Михайлович!

Решением С.-Петербургской судебной палаты 25 сентября сего 1879 года утверждено решение С.-Петербургского окружного суда, коим присуждено с Вас ко взысканию в пользу А. М. Шевяковой 435 р. 15 коп., на что 31 октября и выдан исполнительный лист.

Для избежания принудительных мер взыскания не признаете ли Вы за лучшее внести следующую с Вас сумму или непосредственно моей доверительнице (Петербургская сторона, Большой проспект, № 69) или мне, имеющему полномочие на получение денег, или, наконец, внести в кассу Окружного суда для передачи взыскательнице.

По истечении недели я должен буду приступить к принудительным мерам.

С истинным уважением остаюсь готовый к услугам

В. Самарский-Быховец».

(*ИРЛИ*, № 29509. Письмо писарскою рукою, с собственноручной подписью адвоката). На полях автограф Самарского-Быховца: «Четыреста тридцать пять руб. 15 коп. получил в полный платеж от Ф. М. Достоевского по исполнительному листу от 31 октября 1879 г., № 11609. 15 декабря 1879. Поверенный А. М. Шевяковой присяжный поверенный В. Самарский-Быховец». См. также: *ЛН*, т. 86, стр. 451, 457—458, 467, 468. Денежные иски двух других сестер Достоевского В. М. Ивановой и В. М. Карениной были удовлетворены уже после его смерти А. Г. Достоевской в 1881—1882 гг. (см.: *ИРЛИ*, № 30606, лл. 1, 10).

[7] Наряду с попытками продажи доставшегося им рязанского имения Куманиной ее наследники обсуждали также и возможности его заклада (см. письмо 562, примеч. 1).

[8] Речь идет, по-видимому, о двухтомной книге А. С. Суворина «Очерки и картинки», вышедшей в 1875 г.

[9] В «Русском вестнике» продолжалась публикация «Анны Карениной» Л. Н. Толстого.

578. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 30)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.28, л. 32.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 160—161.

Достоевская ответила 3 июня 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 173—174).

[1] Коля — Н. М. Достоевский.

[2] Речь идет о Е. В. Корше.

[3] Миша — М. М. Достоевский.

[4] М. Н. Сниткин, двоюродный брат Достоевской, врач-педиатор, автор книг и статей по детским болезням.

579. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 31)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.28, лл. 33—34.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 161—163.

Достоевская ответила 7 июня 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 176—178).

[1] Ожидаемое письмо Достоевской от 24 мая 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 165—166) Достоевский получил в этот же день, 29 мая (10 июня) — см. письмо 580.

[2] См. письмо 578.

[3] Телеграммы мужу в первые дни его пребывания в Эмсе Достоевская не отправляла. Беспокойство Достоевского усугублялось беременностью жены.

[4] Зиму 1874—1875 гг. Достоевские провели в Старой Руссе.

[5] В «Hotel Ville d'Alger» Достоевский снимал номер во время пребывания в Эмсе в 1874 г. (см. наст. изд., т. XXIX₁, стр. 344).

[6] Бах — хозяйка отеля («Hotel Ville d'Alger»).

[7] С духовным писателем, протоиереем православных церквей в Висбадене и Париже А. В. Тачаловым Достоевский встречался в Эмсе и в 1874 г. (см. наст. изд., т. XXIX₁, письмо 538).

[8] Кургауз — от нем. Kurhaus (ср. Kurmittelhaus) — зала, где больные пили воду из целебных источников. В книге А. Гиршгорна «Эмс и его целебные источники» (СПб., 1874) сообщалось: «Для питья назначаются: киссельбруннен, кренхен, фюрстенбрюннен, а в новейшее время также источники Августа и Виктории. Первые три ключа <...> находятся в кургаузе <...> в малой половине, которая сообщается с большею половиною посредством широкого, светлого коридора» (стр. 37). См. также примеч. 5 к письму 588.

[9] Речь идет о гр. Е. Е. Комаровском, адъютанте принца Евгения Виртембергского, друге И. П. Киреевского. Достоевский был знаком с его дочерью Е. Е. Комаровской, фрейлиной вел. кн. Александры Иосифовны, известно его письмо к ней 1880 г. (см. также: *ЛН*, т. 86, стр. 538).

[10] Имеется в виду П. А. Вяземский. Достоевский обращается к имени и стихам Вяземского дважды: Лебядкин в «Бесах» цитирует строки из стихотворения Вяземского «Памяти живописца Орловского» (1838) с заменой в первой строке формы «дуешь» на «дую» (см. наст. изд., т. XII, стр. 298). Фигурирует имя Вяземского и в полемическом выступлении против М. Н. Каткова «По поводу элегической заметки «Русского вестника» (1861) (см. там же, т. XIX, стр. 177).

[11] Речь идет, по-видимому, об увлекавшемся спиритизмом А. Н. Аксакове, авторе книги «Спиритизм и наука», вышедшей в 1872 г. (см. примеч. 3 к письму 580). Достоевский называет его «нигилистом», возможно, потому, что «спиритизм» писатель считал разновидностью духовного нигилизма. См. также примеч. 3 к письму 600.

[12] Александр II приезжал в Германию весной 1875 г. на совещание для выработки общей программы помощи великих держав восставшему против турецкого ига славянскому христианскому населению Боснии и Герцеговины. После заседаний в Берлине (30 апреля—1 мая) Александр II выехал в Эмс, где пробыл месяц (с 1 мая до 1 июня 1875 г.). См.: С. С. Татищев. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1903, т. 2, стр. 304—315.

[13] Вильгельм, германский император и прусский король, провел в Эмсе с Александром II три последние недели мая 1875 г. (см. там же, стр. 312—315).

580. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 33)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.28, лл. 35—36.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 163—165.

Ответ на письмо Достоевской от 24 мая 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 165—166).

[1] Достоевская писала 24 мая 1875 г.: «Напишу тебе во вторник вечером, 27 мая, а пойдет в среду» (стр. 166). Письмо было написано и отправлено ею в среду, 28 мая (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 167—168).

[2] Унция — единица аптекарского веса (равная 29.86 г), применявшаяся до введения метрической системы.

[3] В Эмсе мог находиться А. Н. Аксаков, который в это время жил в Германии. С 1874 г. он издавал в Лейпциге журнал по спиритизму «Psychische Studien». В начале 1876 г. — 13 февраля — Достоевский присутствовал на медиумическом сеансе у А. Н. Аксакова (см.: *Гр*, 1876, 29 февраля, № 9). Имя А. Н. Аксакова (в том числе — и в связи с медиумиче-

ским сеансом, состоявшимся 13 февраля 1876 г.) несколько раз упоминается в «Дневнике писателя» за 1876 г. (март, гл. II, § 3; апрель, гл. II, § 3). См. также наст. изд., т. XXII, стр. 99—101, 126—132.

4 Имеется в виду повивальная бабка.

5 О приезде в Эмс императора Вильгельма см. письмо 579, примеч. 13.

6 Речь идет о работе над третьей частью романа «Подросток».

581. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 35)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.28, лл. 37—38.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 165—167.

Ответ на письмо Достоевской от 28 мая 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 167—168).

Достоевская ответила 9 июня 1875 г. (см. там же, стр. 180—182).

1 С историком театра и музыковедом М. Е. Кублицким Достоевский встречался в Эмсе в 1874 г. (см. наст. изд., т. XXIX_1, письмо 539; см. также ниже письмо 588, примеч. 14).

2 Духов день приходился в 1875 г. на 2 июня.

3 Речь идет о работе над третьей частью романа «Подросток».

4 Имеются в виду А. Г. Гриббе, хозяйка старорусской дачи Достоевских, и А. П. Орлова, жительница Старой Руссы (см. письмо 571).

5 По предварительной договоренности с Некрасовым публикация третьей части «Подростка» должна была начаться с августовского номера «Отечественных записок». См. также письмо 560 и примеч. 9 к нему.

6 Имеются в виду предстоявшие роды А. Г. Достоевской.

7 О найме петербургской квартиры см. письмо 591 и примеч. 3 к нему.

8 Прислуга Достоевских.

9 Мама — А. Н. Сниткина.

10 Имеется в виду семейная драма И. Г. и О. К. Сниткиных (см. письмо 573, примеч. 7).

582. Е. П. ИВАНОВОЙ (стр. 37)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.38.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. IX, стр. 559—561.

Иванова ответила Достоевскому 20 июня 1875 г. (*ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 172).

1 П. М. Леонтьев скончался 24 марта 1874 г.

2 Имеется в виду третья часть романа «Подросток».

3 К Е. П. Ивановой, золовке Веры Михайловны Ивановой (сестры Достоевского) у Достоевского было чувство глубокого расположения. А. Г. Достоевская в примечании к письму мужа к ней от 29 декабря 1866 г. писала: «Елена Павловна Иванова была belle-soeur Веры Михайловны, то есть жена брата ее мужа. Вера Михайловна, желая счастия Федору Михайловичу, мечтала о том, чтобы он женился на Елене Павловне, когда скончается ее муж, многие годы больной и смерти которого ждали со дня на день. Ф‹едор› М‹ихайлович›, мечтавший о семейном счастии, склонялся на уговоры сестры, признавая многие достоинства Елены Павловны. Живя летом 1866 г. в Люблине вблизи Москвы, вблизи дачи Ивановых и встречаясь иногда с Еленой Павловной, Ф‹едор› М‹ихайлович› спросил ее однажды, „пошла ли бы она за него замуж, если б была свободна?“. Она не ответила ничего определенного, и Ф‹едор› М‹ихайлович› не считал себя с нею связанным никаким обещанием. Тем не менее Ф‹едора› М‹ихайловича› очень тяготила мысль, что он, может быть, внушил ей надежды, которым не суждено осуществиться. Муж Елены Павловны умер в 1869 г. Сама она до конца своей жизни сохранила как

с Ф‹едором› М‹ихайловичем›, так и со мною и моими детьми самые дружеские отношения» (см.: *Д, Письма к жене*, стр. 313).

[4] Речь идет о С. А. Ивановой, племяннице Достоевского, дочери В. М. Ивановой. О С. А. Ивановой см. наст. изд., т. XXVIII$_2$, стр. 569. Последнее сохранившееся письмо Достоевского к ней — от 31 января 1873 г.

[5] Это письмо Достоевского к С. А. Ивановой неизвестно.

[6] Иван Григорьевич — И. Г. Сниткин.

[7] Достоевского чрезвычайно беспокоили распространившиеся по Москве слухи о якобы его неблагоприятных для сестер намерениях в связи с делом о куманинском наследстве. Недоверчивость, юридическая неосведомленность сестер писателя сказались, например, в письме В. М. Карениной 28 мая 1873 г. к А. М. Достоевскому: «Федор Михайлович, бывши у Веселовского, как я слышала, негодовал, что сестры ограблены, и будто бы начинает это дело (обращение братьев Достоевских в суд с опровержением иска Шеров и Ставровских — см. примеч. 13 к письму 599. — *Ред.*), чтоб помочь сестрам, на деле же, я думаю, совсем не то. Что-то, милый брат, когда вы выиграете, дадите ли вы нам хотя четырнадцатую часть?» (*ЛН*, т. 86, стр. 432).

[8] В ответном письме Достоевскому от 20 июня 1875 г. Иванова писала: «Относительно письма Вашего к Соне скажу только, что я никогда не желала бы получить подобное от человека, которого я привыкла любить и которому верила. Если она и поддалась слухам, которые распространились в Москве про Вас, то разве можно ее строго судить, дурному всегда легко верится, а прямо Вам скажу, что Вы сами виноваты, что больше года не собрались ей строчки написать. Знаю, как тяжело было Соне поверить этому и именно, по Вашему выражению, разорвать все прежнее в клочки, она ведь не многим весьма верит в привязанность к ней. Про себя даже скажу, что, несмотря, что она меня 15 лет знает, она во мне не уверена, так как на эту тему достаточно было с нею разговоров. А в Вас она никогда не сомневалась до нынешнего года. От Вас самого зависит покончить разом все эти недоумения. Сердиться Соня не способна, насколько я ее уж знаю».

[9] Иванова писала Достоевскому 20 июня 1875 г.: «...Павел Александрович в Москве и сейчас живет у меня в номерах, а семья его в деревне, дальше об нем ни слова, лгать Вам не желаю, а писать правду тоже не хочу, но вообще он человек, который все-таки думает и любит свою семью». См. также письмо 569 и примеч. к нему.

[10] Жена П. А. Исаева — Н. М. Исаева.

[11] Речь идет о романе «Подросток».

[12] Это намерение Достоевский не осуществил.

583. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 39)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 39—40.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 167—170.

Год устанавливается по содержанию и общему перечню писем за 1875 г., составленному Достоевской (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28).

Вторая часть письма — ответ на письмо Достоевской от 31 мая 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 171).

Достоевская ответила 12 июня 1875 г. (там же, стр. 185—186).

[1] См. ниже, примеч. 9.

[2] Речь идет о плане третьей части «Подростка».

[3] В первых четырех номерах «Русского вестника» за 1875 г. были опубликованы первые две части «Анны Карениной» и десять глав третьей части. Длительный перерыв (с мая по декабрь 1875 г.) в публикации романа Толстого объяснялся прохождением (в апреле месяце) корректуры «Новой азбуки» Толстого (в Цензурный комитет книга была отправлена 2 мая 1875 г.), работой писателя над замыслом второй статьи о народном

образовании (оставшейся незаконченной) для майского номера «Отечественных записок», отъездом семьи Толстых 4 июня 1875 г. в Самарскую губернию (откуда Толстые вернулись лишь 22 августа), болезнью Толстого и его домашних осенью 1875 г. — С. А. Толстой (воспаление брюшины и преждевременные роды) и тетушки Толстого П. И. Юшковой (см. также: *Толстой*, т. 20, стр. 616—618). Печатание романа возобновилось с январского номера «Русского вестника» за 1876 г. Объявление о выходе № 5 «Русского вестника» за 1875 г. было опубликовано в «Московских ведомостях» от 5 июня за 1875 г.

[4] Вторая часть «Подростка» была опубликована в апрельском и майском номерах «Отечественных записок» за 1875 г. После трехмесячного перерыва печатание романа было продолжено в сентябрьском номере журнала. См. также ниже примеч. 6.

[5] В 1874—1875 гг. Достоевский обдумывал продолжение «Дневника писателя» в виде самостоятельного периодического издания (см. об этом наст. изд., т. XXII, стр. 264—266). Таким изданием и стал «Дневник писателя» 1876 г. (см. там же, тт. XXII—XXIII).

[6] По предварительной договоренности с Некрасовым публикация третьей части «Подростка» должна была начаться с августовского номера «Отечественных записок» (см. также письмо 560 и примеч. 9 к нему).

[7] См. примеч. 8 к письму 579.

[8] Леон Мишель Гамбетта (1838—1882) в 1870-е гг. был лидером буржуазных республиканцев (см. о нем наст. изд., т. XXII, стр. 399—400). См. также письмо 581.

[9] Задержка писем Достоевских была вызвана перлюстрацией их старорусским исправником Э. М. Готским-Даниловичем, которому поручили вести негласный надзор за Достоевским. См. об этом: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 277—278; А. З. Жаворонков, С. В. Белов. Дело об отставном подпоручике Федоре Достоевском. — *РЛ*, 1963, № 4, стр. 197—202; В. С. Нечаева. Когда был снят секретный надзор за Ф. М. Достоевским. — *РЛ*, 1964, № 2, стр. 170—172; Г. Ф. Коган. Разыскания о Достоевском. III. Достоевский в документах III отделения. — *ЛН*, т. 86, стр. 596—605.

[10] Письмо Достоевского от 29 мая (10 июня) Достоевская получила 7 июня (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 176—177).

584. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 42)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 41—42 об.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 170—173.

Ответ на письмо Достоевской от 3 июня 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 173—174).

Достоевская ответила 15 июня 1875 г. (там же, стр. 189—190).

[1] Письмо Достоевской от 28 мая 1875 г. Достоевский получил 4 (16) мая (см. письмо 581).

[2] О причинах задержки писем А. Г. Достоевской см. примеч. 9 к письму 583.

[3] Достоевская писала мужу 3 июня: «Я <...> здорова, но вижу каждую ночь кошмары, и главное, расстроены нервы до невозможности, я прихожу чуть не в ярость от всякой мелочи, и единственное средство успокоиться — это остаться совершенно одной на полчаса» (стр. 173).

[4] Речь идет о романе «Подросток», публикацию третьей части которого Достоевский предполагал начать с августовской книги «Отечественных записок». См. также письмо 595 и примеч. 1 к нему.

[5] Имеется в виду план третьей части «Подростка».

[6] Илья и Энох — ветхозаветные пророки. По предположению А. С. Долинина, Достоевский брал в Эмс Библию, поскольку поучения странника Макара (работа над этой частью романа шла в Эмсе) выдержаны в библейском стиле. Сюжет обличения антихриста Ильей и Энохом и убиение

последних антихристом, широко распространенный в апокрифических сказаниях и народных стихах, находился в сфере пристального внимания Достоевского в период работы над романами «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» (см. наст. изд., т. XI, стр. 168; т. XII, стр. 347; т. XIII, стр. 330; т. XIV, стр. 89, 264; т. XV, стр. 541, 565; т. XVI, стр. 351—352, 361—363; т. XVII, стр. 319, 423). См. также: В. Е. Ветловская. Достоевский и поэтический мир древней Руси. (Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых»). — *ТОДРЛ*, 1974, т. 28, стр. 291—307.

[7] Имеется в виду сборник «Наш век в русских исторических песнях» (десятый выпуск «Песен» (М., 1874), собранных П. Киреевским), изданный Обществом любителей российской словесности под редакцией и с дополнениями П. А. Бессонова, слависта и исследователя народного творчества.

[8] С судьбой Иова, которому бог для проверки глубины и искренности его веры ннослал различные испытания (в том числе и смерть детей), Достоевский познакомился в раннем детстве. А. М. Достоевский вспоминал: «Первою книгою для чтения была у всех нас одна. Это Священная история Ветхого и Нового Завета на русском языке (кажется, переведенная с немецкого сочинения Гибнера). Она называлась собственно: „Сто четыре священных истории Ветхого и Нового Завета“ <...> Помню, как в недавнее уже время, а именно в 70-х годах, я, разговаривая с братом Федором Михайловичем про наше детство, упомянул об этой книге; и с каким он восторгом объявил мне, что ему удалось разыскать этот же самый экземпляр книги (т<о> е<сть> наш детский) и что он бережет его как святыню» (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 63). В этих воспоминаниях имеется в виду книга «Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета, выбранные из священного писания и изряднейшими нравоучениями снабженные, изданные Иоанном Гибнером, в переводе М. Соколова и с его примечаниями» (см. также: *Гроссман, Семинарий*, стр. 68). Судьба Иова находилась в сфере внимания Достоевского в период работы над романами «Подросток» и «Братья Карамазовы» (см. наст. изд., т. XIII, стр. 330; т. XIV, стр. 89, 264; т. XVI, стр. 346, 388, 423).

[9] Речь идет об Иоганне Штраусе (отце либо сыне) или Иосифе Штраусе и Жаке Оффенбахе как авторах оперетты. «Марш немецкой славы» — один из многочисленных «ультрапатриотических» маршей, наводнивших Германию после франко-прусской войны. О репертуарах немецких оркестров 1870-х гг. см.: А. Гозенпуд. Достоевский и музыкально-театральное искусство. Л., 1981, стр. 115. О неприязненном отношении Достоевского к оперетте А. Г. Достоевская вспоминает: «...сам не ездил в Буфф и меня не пускал. — Если уж есть возможность, — говаривал он, — идти в театр, так надо выбрать пьесу, которая может дать зрителю высокие и благородные впечатления, а то что засоривать душу пустячками!» (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 100).

[10] Имеется в виду, вероятно, майский номер «Русского вестника». В нем были опубликованы роман П. И. Мельникова-Печерского «На горах» (гл. I—IX); работа М. Ф. Де-Пуле «Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники» (гл. III—V); статьи М. Соловьева («Судебная реформа в царстве польском»), С. Эммануэля («Болезнь нашего времени. Картины из современной жизни»), Г. Струве («Искусство и позитивизм»), С. Рачинского («По поводу спиритических сообщений г-на Вагнера»), В. Г. Авсеенко (за подписью «А») («По поводу нового романа графа Л. Толстого „Анна Каренина“»), V. W. («Из переписки Прудона»), Г. де Молинари («Парламентское следствие о действиях правительства национальной обороны»).

[11] 16 февраля 1875 г. на заседании Общества любителей российской словесности под председательством Д. И. Иловайского Б. Н. Алмазов прочел по корректурам февральского номера «Русского вестника» (с согласия М. Н. Каткова и Толстого) главы XXIX и XXX первой части «Анны Карениной» (см.: Общество любителей российской словесности при Московском университете. Историческая записка и материалы за сто лет. М.,

1911, стр. 135; *Толстой*, т. 20, стр. 616—617). По предположению Л. М. Розенблюм, отмеченное Достоевским высказывание Иловайского вспомнилось писателю в 1880 г., когда он хотел создать пародию на один из проектов «спасения России», направляемых в Верховную распорядительную комиссию во главе с М. Т. Лорис-Меликовым (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 77).

[12] Речь идет о романе «Подросток».

[13] О намерении переехать в другой отель Достоевский писал 7 (19) июня (см. письмо 583).

[14] Мозер — фамилия хозяев гостиницы «Hotel Luzern».

[15] Беспокойство Достоевского связано с беременностью жены.

[16] Речь идет о семейной драме И. Г. и О. К. Сниткиных (см. письма 573, 575 и 576). В письме к мужу от 3 июня Достоевская писала: «Получила одно письмо от мамы; она пишет, что в тот раз Ваня и О‹льга› К‹ирилловна› доехали вместе до Курска, и она хотела ехать в деревню, но в Курске стала просить Ваню отпустить ее на день посоветоваться об чем-то с К‹укарекиным›. Делать нечего. Ваня пустил, и она воротилась в Москву, а он поехал в деревню. Через пять дней она пишет умоляющее письмо и просит прислать кого-нибудь за нею. Ваня опять сам поехал, остановился в той же гостинице и узнал, что у ней К‹укарекин› и что они заперлись. Ваня постучал, и ему отворил К‹укарекин›. Ваня до того рассердился, что плюнул ему в лицо, Ольга же опять за него заступилась. Ваня ушел к себе, вслед за ним пришла к нему Ольга и стала отправдываться и укорять Ваню, что он обидел К‹укарекина›. Ваня опять пришел в гнев, сказал, что он больше не дурак, что теперь все кончено и в заключение выгнал ее из своего №, а сам тотчас же поехал в деревню. Мама уверяет, что он больше не хочет за нею гнаться, не знаю, сдержит ли он свое слово ‹...› Каково же так испытывать терпение Вани? Что за наглость и что за нахальство!» (стр. 174).

585. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 45)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 43—44 об.

Впервые опубликовано: *Д, Переписка с женой*, стр. 173—175.

Ответ на письмо Достоевской от 7 июня 1875 г. (см. там же, стр. 176—178).

Достоевская ответила 18 июня 1875 г. (там же, стр. 193—194).

[1] В письме от 7 июня Достоевская сообщила мужу, что она советовалась с врачом о своем здоровье и здоровье детей.

[2] Речь идет о письме от 10 (22) июня 1875 г. (см. письмо 584).

[3] Имеется в виду третья часть романа «Подросток», где раскрывается его основной идеологический смысл: противопоставление «безобразию» Версилова кротости и смирения Макара Долгорукого (см. также примеч. 5 к письму 595).

[4] О найме квартиры в Петербурге см. письмо 591, примеч. 3.

[5] Имеются в виду предстоящие роды Достоевской.

[6] Речь идет о договоренности с Некрасовым о публикации начала третьей части «Подростка» в августовской книжке «Отечественных записок» и последующем получении части гонорара за роман.

[7] Печатался роман на страницах «Отечественных записок». Достоевский заранее ожидал неодобрительной реакции со стороны литераторов, близких «Русскому вестнику». Это во многом и подтвердилось (см. письмо 557 и примеч. 17 к нему, письмо 559 и примеч. 7 к нему). См. также наст. изд., т. XVII, с. 345—350.

[8] В газете «Journal de St.-Petersbourg» (1875, 29 января и 28 февраля, №№ 27 и 55) за подписью L. V. были помещены две статьи о «Подростке» М. А. Загуляева. Во второй из них, посвященной второй части, отмечалось, что роман Достоевского, печатающийся в журнале Некрасова, по мастерству раскрытия «сюжетной интриги» неизмеримо уступает «Преступле-

нию и наказанию». Французская фраза приведена из второй статьи Загуляева.

[9] Опасения Достоевского оправдались лишь отчасти. Обзор восприятия критикой и читателями романа «Подросток» см.: наст. изд., т. XVII, стр. 345—360.

[10] Достоевская писала мужу 7 июня в ответ на его сообщение о неполучении от В. Ф. Пуцыковича журнала «Гражданин» (см. письмо 580): «„Гражданин“ я получаю; не напишешь ли ты Пуцыковичу, чтоб мне не высылали, я и без него обойдусь, а пусть бы высылали тебе» (стр. 177).

[11] О приезде в Эмс императора Вильгельма см. примеч. 13 к письму 579.

[12] Ожидаемого ребенка.

[13] Об И. Г. Сниткине см. письмо 587.

586. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 48)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.28, лл. 45—46.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 175—178.

Ответ на письмо Достоевской от 9 июня 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 180—182).

Достоевская ответила 21 июня 1875 г. (там же, стр. 198—199).

[1] 25 число текущего месяца являлось в «Отечественных записках» официальной редакционной датой, к которой должны были поступать рукописи, запланированные к публикации в будущем месяце (см. письмо 572 и примеч. к нему). Рукопись первых трех глав третьей части «Подростка» была отправлена Достоевским в «Отечественные записки» к 25 августа 1875 г., рукопись главы 4 — к 5 сентября 1875 г. (см. письмо 595). Эти четыре главы были опубликованы в сентябрьском номере журнала.

[2] Опасения Достоевского были напрасны. Некрасов очень сочувственно отнесся к просьбе Достоевского начать публикацию «Подростка» с сентябрьского номера «Отечественных записок» (см. письмо 588 и примеч. 11 к нему).

[3] В образе «лорда-апостола» в повести «Лорд-апостол в петербургском большом свете» (*Гр*, 1875, 27 апреля—26 октября, №№ 17—43, подпись: К. В. М.) В. П. Мещерский изобразил Гренвила Редстока, английского проповедника оправдания верой, выразив при этом восторженное отношение к его проповедям. Редсток с 1874 г. неоднократно выступал с проповедями в Петербурге. Отрицая значимость добрых дел для прощения грехов, он развивал идею о том, что грехи могут быть смыты лишь святою кровью, уже пролитой и очищающей всякого, кто принимает Христа как единого спасителя и ходатая между богом и человечеством. Достоевский присутствовал на лекциях Редстока у Ю. Д. Засецкой. Свое крайне отрицательное отношение к его учению он выразил в «Дневнике писателя» за 1876 г. (март, гл. II, § 2 — см. наст. изд., т. XXII, стр. 98—99). Достоевский, в частности, писал: «Мне случилось его ‹...› слышать в одной „зале“, на проповеди, и, помню, я не нашел в нем ничего особенного: он говорил ни особенно умно, ни особенно скучно ‹...› Настоящий успех лорда Редстока зиждется единственно лишь на „обособлении нашем“, на оторванности нашей от почвы, от нации. Оказывается, что мы, то есть интеллигентные слои нашего общества, — теперь какой-то уж совсем чужой народик, очень маленький, очень ничтожненький, но имеющий, однако, уже свои привычки и свои предрассудки, которые и принимаются за своеобразность, и вот, оказывается, теперь даже и с желанием своей собственной веры» (см. наст. изд., т. XXII, стр. 98). Возвращается Достоевский к учению Редстока и в «Дневнике писателя» за 1877 г. (январь, гл. I, § 2 — см. наст. изд., т. XXV, стр. 9—12), где объясняет появление редстокистов и штундистов одной и той же причиной: «...многие смеются совпадению появления обеих сект у нас в одно время: штунды в черном народе и редстокистов в самом изящном обществе нашем. Между тем тут много и не

смешного. Что ж до совпадения в появлении двух наших сект, — то уж без сомнения они вышли из одного и того же невежества, то есть из совершенного незнания своей религии» (см. там же, стр. 12).

[4] В связи с резко критической статьей П. Н. Ткачева на две первые части «Анны Карениной» («Дело», 1875, № 5, стр. 13—42, без подписи) (кончавшейся словами: «...стоит ли говорить о великом художестве, если оно потрачено в изобилии на совершенно вздорное и даже, если хотите, растленное содержание?..») в № 23 «Гражданина» от 8 июня 1875 г. в разделе «Текущая жизнь», который вел А. У. Порецкий, отмечалось: «Злая, тупая и безобразная бессмыслица. Автора фельетона я не могу себе представить иначе, как в виде человека, только что выскочившего из топкого болота <...> и махающего головой и руками, разбрасывая вынесенное из болота добро на все окружающее <...> Он пачкает грязью чистое и изящное литературное произведение, которого совсем не понимает, вероятно, по неимению в высших отправлениях его организма ничего, кроме „рефлексов головного мозга“ <...> Он позволил себе говорить о романе „Анна Каренина“ и что говорить, и как, и в какой форме!». Достоевский, по-видимому, был раздражен столь темпераментным характером защиты Толстого Порецким.

[5] Речь идет о германском императоре Вильгельме, приехавшем в Эмс 9 июня (н. ст.) 1875 г. (см. письма 579 и 580).

[6] О найме квартиры в Петербурге см. письмо 591, примеч. 3. Пребывание Достоевских в Старой Руссе затянулось до начала сентября 1875 г.

[7] См. примеч. 7 к письму 573.

[8] Достоевский пишет о четверых: жене, детях — Любови и Федоре, а также об ожидаемом ребенке («неизвестном»). От имени Любови, Федора и этого «неизвестного» он и просит послать деньги для моршанских погорельцев.

[9] Моршанск — уездный город Тамбовской губернии; в 1875 г. пострадал от пожаров.

587. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 50)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 47—48.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 178—181.

Год определяется по содержанию и перечню писем за 1875 г., составленному Достоевской (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28).

Ответ на письмо Достоевской от 12 июня 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 185—186).

Достоевская ответила 24 июня 1875 г. (там же, стр. 204—206).

[1] О перлюстрации писем Достоевских старорусским исправником Э. М. Готским-Даниловичем см. примеч. 9 к письму 583.

[2] О найме квартиры в Петербурге см. письмо 591, примеч. 3.

[3] Достоевский выехал из Эмса 3 (15) июля 1875 г.

[4] У доктора Орта Достоевский лечился в Эмсе еще в 1874 г. (см. наст. изд., XXIX_1, письмо 535).

[5] Речь идет о жене тверского губернатора П. Т. Баранова графине Е. А. Барановой, знакомой Достоевского еще с 40-х годов. В 1859 г. он встречался с ней в Твери (см. также наст. изд., т. XXVIII_2, стр. 546).

[6] Имеется в виду третья часть романа «Подросток».

[7] Речь идет об О. К. Сниткиной. В письме от 12 июня 1875 г. Достоевская писала мужу: «Ольга живет с К<укарекиным> в Сумах (18 верст от Вани) на одной квартире и опять писала Ване умоляющее письмо, что она нездорова, просит прислать кого-нибудь за нею и что она согласна на все его требования. Ваня сам не едет и посылать за ней не хочет. Если б она, действительно, хотела вернуться к детям, то могла бы приехать и сама, без того, чтобы за нею присылали. Но ей просто хочется хвастаться перед К<укарекиным> тем, как Ваня ее любит, что он за нею гонится; ей хочется вернуться полновластной хозяйкой в именье и жить

с К‹укарекиным›, так как она теперь не стыдится жить с ним вблизи именья и у всех на виду. Один Ванин знакомый, порядочный человек, живущий в Сумах, рассказывает, что она распускает про Ваню слухи, что он тиран, варвар и что если б она не любила детей, то ни за что бы не пошла к нему назад, а К‹укарекина› называет своим хорошим знакомым, хотя и живет с ним на одной квартире. Хорошая любовь к детям, когда она их не видела более 3-х месяцев! Все Ване советуют не обращать внимания на ее письма и за ней не посылать, пусть она поймет, наконец, сама, что так жить нельзя. Этакая гадина! Она хочет, чтобы Ваня опять поехал за ней и чтоб опять произошло что-нибудь вроде прежних историй» (стр. 186). См. также письма 573, 575 и примеч. к ним.

[8] 12 июня 1875 г. Достоевская писала: «Твои Аня, Лиля, Федя и два неизвестные существа» (стр. 186). По-видимому, Достоевская вспомнила, что муж еще накануне первых родов писал ей об ожидаемом ребенке (не зная его пола) во множественном числе (см. наст. изд., т. XXVIII_2, стр. 233). Комментируя письмо мужа от 17 ноября 1867 г., Достоевская замечала: «Ф‹едор› М‹ихайлович› упоминает о будущем ребенке, не зная что будет: мальчик или девочка, но ради шутки представляя будто у нас их зараз будет двое» (см.: *Д, Письма к жене*, стр. 314).

[9] См. письмо 588.

588. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 54)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 49—50 об.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 181—184.

Ответ на письмо Достоевской от 15 июня 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 189—190).

[1] О перлюстрации писем Достоевских старорусским исправником Э. М. Готским-Даниловичем см. примеч. 9 к письму 583.

[2] До 25 июня (7 июля) 1875 г. Достоевский отправил жене телеграмму и письмо 23 июня (5 июля) (см. письмо 589 и 590).

[3] В связи с предстоящими родами Достоевская писала мужу 15 июня: «Мое настроение несколько улучшилось (я объясняю это действием ванн), я спокойнее, не так раздражаюсь и не думаю о ближайшем и страшном для меня будущем» (стр. 189).

[4] Достоевский выехал из Эмса 3 (15) июля 1875 г.

[5] Речь идет о книге А. Гиршгорна «Эмс и целебные его источники. Действие их на здоровый и больной организм, применение в различных болезнях, правила употребления вод и т. д.» (СПб., 1874). Эта книга была в библиотеке Достоевского (см.: *Библиотека*, стр. 158). В предисловии к книге указано, что ее автор пользовался «многолетним опытом д-ра Орта» (стр. 8). Отсылки на авторитет Орта в тексте книги неоднократны (см. стр. 45, 47, 52 и др.). О характере действия вод автор писал: «При неумеренном или слишком продолжительном употреблении Эмских вод развиваются иногда общие расстройства, указывающие на „точку пресыщения“ организма минеральною водою. В таких случаях обнаруживаются слабость пищеварения, потеря аппетита, отвращение к минеральной воде, общая усталость и раздражительность, головная боль, головокружения и т. д. Все эти явления обыкновенно проходят спустя несколько дней по прекращению питья вод. В большинстве случаев более или менее ясные признаки поправления здоровья обнаруживаются уже во время самого лечения минеральными водами; но иногда проходят месяцы, пока больной не убедится в радикальном успехе лечения или оказывается даже временное ухудшение, а по прошествии нескольких недель или месяцев желаемое исцеление» (стр. 47).

[6] Речь идет о договоренности с Некрасовым относительно публикации третьей части «Подростка» в августовской книжке «Отечественных записок».

[7] Письмо Достоевского Некрасову от 21 июня (3 июля) 1875 г. неизвестно.

[8] Все черновые пласты рукописи третьей части «Подростка» (заметки, наброски, планы и т. д.), относящиеся к эмскому периоду 1875 г., см.: наст. изд., т. XVI, стр. 345—361.

[9] Около $2^1/_2$ листов начала третьей части «Подростка» занимают три главы, посвященные Макару Долгорукому, в которых развивается одна из основных идей романа — утверждение «кротости и смирения» (противопоставленных «безобразию» страстей Версилова) основой «благообразия» (см. также примеч. 1 и 5 к письму 595). Достоевскому было важно, чтобы читатель познакомился с этим пластом проблематики романа в целостности. Поскольку работа над этими главами была в разгаре, он не мог предвидеть их объем в печатных листах. Отсюда — беспокойство об «эффекте» воздействия на читателя и желание перенести публикацию продолжения романа в сентябрьский номер «Отечественных записок».

[10] Сопроводительное письмо в редакцию «Отечественных записок» от 21 июня (3 июля) с приложением письма к Некрасову неизвестно.

[11] В ответ на несохранившееся письмо Достоевского от 21 июня (3 июля) 1875 г. Некрасов отвечал дважды. Первое из его писем не сохранилось. Во втором (от 20 августа 1875 г.) он писал из Петербурга в Старую Руссу: «...приехав сюда, я нашел в конторе письмо мое к Вам из Карабихи, писанное в ответ на Ваше из Эмса. Оно пришло позднее, чем Вы были в Петербурге. Разумеется, я не имею никакой претензии, что продолжение романа оттянулось на лишний месяц, и согласен с Вами, что прежде всего надо дать автору возможность сделать вещь свою возможно лучше. Но 9-й № наверно рассчитываем на Вас — и ждем со дня на день рукописи. Пора» (см.: *Некрасов*, т. XI, стр. 370).

[12] В письмах от 12 и 15 июня 1875 г. рассказывая о детях, Достоевская описывала их «выражения», «словечки» и приводила тексты песен, которые они пели (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 185—186, 189—190).

[13] См. письмо 591 и примеч. 3 к нему.

[14] Достоевская в письме от 15 июня 1875 г. спрашивала мужа: «Какой-то Егор Мих‹айлович› Кублицкий, литератор, умер в Москве 6 июня! Не твой ли это Кублицкий?» (стр. 190). Михаил Егорович Кублицкий (А. Г. Достоевская ошиблась в его имени и отчестве) скончался 6 июня 1875 г. Его некролог см.: *Гр*, 1876, 25 января, № 4, стр. 104 (раздел: «Некролог 1875 г.»). См. также письмо 581.

[15] О заседании Общества любителей Российской словесности с чтением «Анны Карениной» см. письмо 584, примеч. 11.

[16] В апрельской книге «Русского вестника» 1877 г. была завершена публикация седьмой части «Анны Карениной». Восьмая (последняя) часть романа вышла в свет отдельным изданием в июне. М. Н. Катков отказался печатать восьмую часть «Анны Карениной» из-за суждений Толстого о русских добровольцах в Сербии, поместив вместо нее в № 7 своего журнала полемически-тенденциозную статью «Что случилось по смерти Анны Карениной» (см. об этом: *Толстой*, т. 20, стр. 634—639).

589. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 57)

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29606, л. 1.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 352.

[1] Достоевский отвечает на телеграмму жены от 23 июня 1875 г. (телеграмма неизвестна). В письме мужу от того же числа Достоевская писала: «Сегодня утром я была испугана ужасно ‹...› и до сих пор не могу прийти в себя от беспокойства. Я еще была в постели, как мне принесли письмо от Полякова, в котором он пишет, что в № 159 „С‹анкт›-П‹етербургских› ведомостей“ от 20-го июня он прочел известие о том, что „известный писатель Ф. М. Достоевский серьезно захворал“; он просит меня уведо-

мить его, правда ли это? Ты можешь себе представить мой испуг и мое беспокойство. Я тотчас побежала на ванны и прочла в № 159 это объявление. Потом пошла на телеграф и подала телеграмму, спрашивая тебя, действительно ли ты болен, и просила отвечать. Телеграмма подана в 10 час‹ов› утра, а ответ может прийти сегодня поздно вечером или завтра утром» (*Д, Переписка с женой*, стр. 202). См. также письмо Достоевской к мужу от 24 июня 1875 г. (там же, стр. 204—206) и ее письмо к Н. М. Достоевскому от 16 июля 1875 г. (*ЛН*, т. 86, стр. 442—443).

590. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 57)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 51—52.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 184—186.
Год устанавливается по содержанию и перечню писем за 1875 г., составленному Достоевской (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I,28).
Достоевская ответила 30 июня 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 210).

[1] Телеграмма Достоевской от 23 июня неизвестна. См. письмо (телеграмму) 589 и примеч. к нему.
[2] См. письма 586—588.
[3] См. письмо (телеграмму) 589.
[4] См. письмо 591, примеч. 3.
[5] Имеется в виду письмо 588.
[6] Достоевский выехал из Эмса 3 (15) июля 1875 г., в Петербург прибыл 6 июля, в Старую Руссу — 9 июля.
[7] Имеется в виду беременность А. Г. Достоевской.

591. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 59)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 53—54.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 186.
Год устанавливается по содержанию и перечню писем за 1875 г., составленному Достоевской (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28).
Ответ на письмо Достоевской от 18 июня 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 193—194).

[1] 24 июня (6 июля) 1875 г., во вторник, Достоевский отправил жене письмо от 23 июня (5 июля) (см. письмо 590).
[2] Письмо Достоевской, по-видимому, было перлюстрировано на старорусском почтамте (см. письмо 583, примеч. 9).
[3] Достоевская писала мужу 18 июня: «Ты пишешь о найме квартиры ‹...› По-моему, нам следует перебраться от 28 июля до 1 августа и постараться устроиться ‹...› О квартире: величина и цена ее решительно зависят от твоего решения издавать или нет. Постараться надо нанять от 60 руб. до 80 р‹уб.› в мес‹яц›, а впрочем, как сам рассудишь. Ты предлагаешь приехать сюда ‹...› затем пробудешь здесь дня 3, затем дорога и приискивание квартиры, и вот может произойти такая вещь, что я могу застрять совсем в Петерб‹урге› при ранних родах. Голубчик, как ты взглянешь на другую комбинацию: я буду знать, когда ты приедешь в Пет‹ербург› (ты можешь мне телеграфировать из Вильно или откуда), и я приеду в Петерб‹ург› (детей пришлось бы оставить и при твоем предположении, а я их поручу надежным лицам, да и пробуду в Пет‹ербурге› не более 3-х дней), и мы вместе отыщем и устроим квартиру. Я бы посоветовалась в Пет‹ербурге› и, может быть, узнала бы мой срок. Если эта комбинация никуда не годится, то постарайся приискать квартиру сам, ты отлично сыщешь, а я заранее на все согласна» (стр. 194). «Против последнего решения муж решительно протестовал, принимая в соображение

тогдашнее состояние моего здоровья <...> Федор Михайлович вернулся из Эмса в Петербург 6 июля, остался в городе два-три дня, но так как в такое короткое время трудно было отыскать удобную квартиру, — вспоминала Достоевская, — бросил поиски и поехал в Руссу. Уж очень его тянуло домой, к семье» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 281, 283). Квартира была снята в первой половине сентября 1875 г. «Живем мы по Греческому проспекту (Пески), — писала Достоевская Н. М. Достоевскому 22 сентября, — рядом с Греческим садом, в доме Струбинского, квартира № 6, в третьем этаже» (*ЛН*, т. 86, стр. 443. Дом А. П. Струбинского — ныне д. 6).

[4] О планах переезда из Старой Руссы в Петербург и найма там квартиры см. в письме 587.

[5] 28 июня (10 июля) 1875 г., в субботу, Достоевский отправил жене письмо от 27 июня (9 июля) (см. письмо 592).

[6] Достоевский приехал в Петербург 6 июля 1875 г. и в тот же день написал жене письмо (см. письмо 594).

592. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 60)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 55—56.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 187—189.

Год устанавливается по содержанию и перечню писем за 1875 г., составленному Достоевской (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28).

Ответ на письма Достоевской от 21 и 23 июня 1875 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 198—199, 202).

[1] В письме от 21 июня 1875 г. Достоевская писала мужу: «Я считаю нашу семью образцом семьи (несмотря на некоторые стычки), и вряд ли из тысячи семейств найдется одно, где муж и жена так глубоко и прочно сошлись и поняли друг друга, а главное, чем дальше, тем больше любили и уважали друг друга (могу ли надеяться, что ты разделяешь мои мысли на этот счет?) и дорожили семьей. Дорогой мой, я считаю себя самою счастливою из женщин...» (стр. 198).

[2] Достоевский выехал из Эмса 3 (15) июля 1875 г., в четверг, и прибыл в Петербург 6 июля, в воскресенье (см. письма 593 и 594).

[3] О телеграмме Достоевской см. письма 589 и 590 и примеч. к ним.

[4] Шнельцуг (Schnellzug — *нем.*) — скорый поезд.

[5] См. ниже, примеч. 9.

[6] Об этом же Достоевский беспокоился и ранее (см. письмо 590).

[7] 1 (13) июня 1875 г., во вторник Достоевский написал жене последнее письмо из Эмса (см. письмо 593).

[8] Эта просьба Достоевского вызвана намерением Достоевской встретиться с мужем в Петербурге, чтобы снять квартиру (см. ее письмо от 18 июня 1875 г.: *Д, Переписка с женой*, стр. 194). См. также письма 587 и 591.

[9] В письме от 23 июня (5 июля) 1875 г. Достоевская разъяснила мужу историю с ее телеграммой от того же числа (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 202). См. письма 589 и 590 и примеч. к ним.

[10] Речь идет о Б. Б. Полякове (см. примеч. к письму 589).

[11] Телеграмма Достоевского жене от 23 июня (5 июля) 1875 г. (см. письмо 589) была получена ею в тот же день, без искажений текста (см. об этом: *Д, Переписка с женой*, стр. 204—205).

[12] См. примеч. 1 к письму 589.

593. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 62)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 57—58.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 188—189.

[1] См. примеч. 2 к письму 592.

[2] В письме от 24 июня 1875 г. Достоевская писала мужу: «За вчерашний день поплатилась жестокою головною болью, от которой не спала всю ночь, а теперь хожу с подвязанной головой и не рассчитываю, что поправлюсь дня три» (*Д, Переписка с женой*, стр. 205—206).

[3] Речь идет о романе «Подросток».

[4] О расчетах Достоевского с петербургскими ростовщиками Тришиными см. примеч. 3 к письму 568.

[5] С писательницей Н. П. Шаликовой (псевдоним — Е. Нарская), знакомой еще по встрече в Висбадене в 1865 г., Достоевский встречался в Эмсе и в 1874 г., см. его отзыв о ней в письме к жене от 23 июня (5 июля) 1874 г. (наст. изд., т. XXIX_1, стр. 335). Ее племянница — М. Каткова, дочь сестры Шаликовой Софьи, которая была замужем за М. Н. Катковым. «Эта милая и добрая старушка очень помогла Федору Михайловичу переносить тоску одиночества своим веселым и ясным обращением, — писала Достоевская. — Я была глубоко ей за это признательна» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 262 и 264).

[6] Пелагея Егоровна — писательница П. Е. Гусева (ее псевдоним — А. Шумова). 3 сентября 1880 г., обращаясь к Достоевскому с просьбой «устроить в печать ее роман „Мачеха“», она писала ему из Рязани: «В память нашего, хотя кратковременного знакомства в Эмсе (кажется в 75-ом году, мы были там еще вместе с княгиней Н. П. Шаликовой) позвольте обратиться к Вам с моей покорнейшею просьбою...» (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.140). Знакомство Достоевского с Гусевой вероятнее всего относится к 1874 г. (см. об этом: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 229). 4 ноября 1880 г. Достоевский писал И. С. Аксакову: «Одна давно уже пишущая барыня, сама очень хороший, кажется, человек, Пелагея Егоровна Гусева, лет шесть тому назад познакомилась со мною на водах в Эмсе и теперь прибегла к моему посредничеству по поводу своего романа».

594. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 63)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.28, лл. 59—60.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 190.

[1] Достоевский занимался поисками квартиры 7 и 8 июля и, не найдя ничего подходящего, выехал в Старую Руссу.

[2] 30 июня 1875 г. Достоевская отправила из Старой Руссы письмо в Петербург (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 210).

[3] См. примеч. 3 к письму 568.

[4] При встрече с П. В. Анненковым Достоевский вручил ему 50 талеров для погашения своего долга И. С. Тургеневу. Расписка Анненкова сохранилась: «Получил от Ф. М. Достоевского, для передачи И. С. Тургеневу, 50 талеров (55 р‹уб› с‹еребром›) сего 6-го июля 1875 г. Павел Васильевич Анненков» (см.: *Д, Письма*, т. III, стр. 353). Анненков в письме 8 сентября н. ст. 1875 г. рассказал Тургеневу об этой встрече с Достоевским (см.: *Тургенев, Письма*, т. XI, стр. 509—510; ответное письмо Тургенева: там же, стр. 119). Тургенев одолжил 50 талеров Достоевскому (из просимых ста) по его просьбе еще в 1865 г. (см. наст. изд., т. XXVIII_2, стр. 128 и 422). Забыв о сумме, которую он одолжил, Тургенев, год спустя после получения долга через П. В. Анненкова, просил парижского коллекционера А. Ф. Отто (Онегина) обратиться к Достоевскому с просьбой о возвращении еще 50 талеров. Об этом факте рассказывает Достоевская (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 301—303). Достоевский передал Онегину для вручения Тургеневу свое письмо ему от 8 (20) августа 1865 г., в котором говорилось: «Благодарю Вас, добрейший Иван Сергеевич, за Вашу присылку 50 талеров» (наст. изд., т. XXVIII_2, стр. 129). Это убедило Тургенева в своей ошибке, что он и признал в письме к Онегину от 8 (20) августа 1876 г.: «дал ‹...› взаймы — не 100 тал‹еров› — как я по-

лагал — а 50» (*Тургенев, Письма*, т. XI, стр. 224). На обороте указанного письма Достоевского он написал: «50 талеров, данных мною Ф. М. Достоевскому, я получил обратно» (там же, стр. 579).

[5] Об этом эпизоде см. письмо (телеграмму) 589, примеч. 1.

[6] Ответного письма Достоевская написать, видимо, не успела, так как Достоевский через 2 дня выехал в Старую Руссу.

595. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ (стр. 64)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 134, оп. 4, № 561.

Впервые опубликовано: Некрасовский сборник. Пг., 1918, стр. 98.

[1] В сентябрьском номере «Отечественных записок» были опубликованы главы 1—4 третьей части романа «Подросток».

[2] Этот вопрос о Некрасове (находившемся в это время в Карабихе) обусловлен тем, что Достоевский еще не получил от него ответа на свое письмо из Эмса от 21 июня (3 июля) 1875 г. (письмо не сохранилось) с просьбой отодвинуть начало публикации третьей части «Подростка» на сентябрьский номер «Отечественных записок». 20 августа 1875 г. Некрасов известил Достоевского о своем согласии на его просьбу (*Некрасов*, т. XI, стр. 370; см. примеч. 11 к письму 588).

[3] Достоевский обращается с этой просьбой к Плещееву, поскольку с 1872 г. последний был секретарем «Отечественных записок». Корректуры первых четырех глав первой части были высланы Достоевскому в Старую Руссу.

[4] Достоевские вернулись в Петербург к 15 сентября. Квартира была снята по адресу: Греческий проспект, дом А. П. Струбинского, кв. 6.

[5] В связи с неортодоксальными, в чем-то даже «еретическими» элементами миросозерцания странника Макара, проповедующего род своеобразного христианского социализма, Достоевский опасался духовной цензуры. Отсюда и «чрезвычайная осторожность» Достоевского в сочетании с заботами, чтобы его герой говорил «своим языком и своими понятиями». Ср.: *Д, Письма*, т. III, стр. 353. См. также: В. А. Туниманов. Достоевский и Некрасов. — В кн.: Достоевский и его время. Л., 1971, стр. 33—68; Ф. Евнин. Достоевский и Некрасов. — *РЛ*, 1971, № 3, стр. 24—48; М. Гин. Достоевский и Некрасов. — «Север», 1971, № 11, стр. 103—123; № 12, стр. 106—124; наст. изд., т. XXI, стр. 398.

596. П. Е. КЕХРИБАРДЖИ (стр. 64)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.22.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 197.

Ответ на письмо Кехрибарджи от 6 ноября 1875 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.68).

[1] Достоевский и Кехрибарджи вели переговоры об отдельном издании романа «Подросток». Кехрибарджи писал 6 ноября: «...считаю необходимым уведомить Вас, что высшая цена, какую я мог бы предложить Вам за издание Вашего романа „Подросток“, тысячу двести рублей сер‹ебром›, уплата которых при заключении условия шестьсот рублей сер‹ебром›, а остальная половина в день выхода романа, который выйдет в первых числах января будущего года». Договор, заключенный между Достоевским и Кехрибарджи 8 ноября 1875 г., свидетельствует, что условия Достоевского были издателем приняты (см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 31). Набор «Подростка» отдельным изданием был сделан очень быстро. 16 декабря 1875 г. Кехрибарджи писал Достоевскому: «...не будете ли так любезны и добры взять из редакции „Отечественных записок“ оттиск окон-

чания „Подростка“. Кроме того, что имеет выйти в декабрьской книжке — все уже отпечатано. Если Вас затруднит прислать оттиски в магазин, то потрудитесь назначить подателю сего письма, в какое время можно получить оттиски, о которых идет речь, у Вас на дому» (фотокопия этого письма помещена в *ЛН*, т. 77, стр. 37; подлинник — *ГБЛ*, ф. 93, II.5.68). 11 января 1876 г. Достоевский писал В. С. Соловьеву: «. . . „Подросток“ выйдет в свет 16-го января» (см. письмо 605). Роман был издан с большим количеством опечаток. Посылая А. М. Достоевскому отдельное издание «Подростка» 10 марта 1876 г., Достоевский писал о книге как о «весьма беспорядочно изданной» (см. письмо 610).

597. Н. П. ВАГНЕРУ (стр. 65)

Печатается по фотокопии с подлинника, хранящегося в Литературном архиве Народного музея в Праге (ЧССР).

Впервые опубликовано: Sbornik Národniho Muzea v Praze, sv. VII (1962), čis. 4, s. 220.

[1] В первое издание «Сказок Кота-Мурлыки» (СПб., 1872) Вагнера было включено 25 текстов, в которых борьба добра со злом воплощалась в фантастических и аллегорических сюжетах. Впоследствии, развивая эту же тематику, Вагнер написал еще ряд сказок, публиковавшихся сначала в периодической печати, затем включенных в многочисленные переиздания книги (см.: Л. О. [Оболенский Л. Е.] 1) Характер таланта автора «Сказок Кота-Мурлыки» (Критический этюд) («Мысль», 1881, № 10—11, стр. 214—217); 2) Новая сказка Кота-Мурлыки («Мысль», 1882, № 4, стр. 118—135). О какой сказке Вагнера речь идет в комментируемом письме, неизвестно.

[2] В 1875 г. появились две статьи Вагнера о спиритизме (медиумизме). Вагнер наряду с А. Н. Аксаковым и А. М. Бутлеровым являлся пропагандистом спиритизма, получившего распространение в России с начала 1870-х гг. Первая из статей Вагнера — «Письмо к редактору по поводу спиритизма» (*ВЕ*, 1875, № 4) была известна Достоевскому еще до знакомства с автором, которое состоялось в Старой Руссе по возвращении Достоевского из Эмса. 27 июня 1875 г. Достоевская писала мужу о желавшем познакомиться с ним авторе статей о спиритизме: «В прошлую субботу относила сама тебе письмо и узнала на почте, что меня или тебя спрашивал какой-то господин, именно наш адрес ‹. . .› Это оказался профессор зоологии при Медицинской академии Николай Петрович Вагнер (спирит, отличившийся в эту зиму, его статья в «Вестнике Европы» и споры с Марковым), он же автор „Кота-Мурлыки“» (*Д, Переписка с женой*, стр. 207). Уже первая статья Вагнера привлекла к себе широкое внимание. См., например, работы С. Рачинского («По поводу спиритических сообщений г. Вагнера) в «Русском вестнике» (1875, № 5, стр. 380—399), А. Шкляревского («Что думают о спиритизме? (По поводу письма г. Вагнера)) в «Вестнике Европы» (1875, № 6, стр. 906—916; № 7, стр. 409—418) и др. С. А. Рачинский в заключении статьи писал: «Я назвал его статью положительно вредною ‹. . .› Совет г-на Вагнера, обращенный к читателям „Вестника Европы“, заняться исследованием медиумических явлений — совет вредный, потому что эти исследования могут быть произведены без опасности и с пользою лишь специалистами по части нервных болезней и психиатрии ‹. . .› Я знаю, что протест мой недостаточно авторитетен; он имеет только целью обратить на этот предмет внимание людей более меня компетентных. Не сомневаюсь, что к моему голосу присоединятся веские голоса из медицинского мира» (стр. 398—399). А. Шкляревский, анализируя сообщения Вагнера, писал: «Нужно заметить ‹. . .›, что даже некоторые из наиболее выдающихся между спиритами, имевшие сотни случаев видеть явления материализации, высказывают печатно крайнее сомнение в их истинности. На такой точке зрения находится, например,

лондонский судья Кокс, у которого г-н Вагнер заимствовал свою теорию „психической силы“» (стр. 418). Напряженность полемического внимания к выступлению Вагнера усугублялась тем обстоятельством, что 6 мая 1875 г. на заседании Физического общества при С.-Петербургском университете по предложению Д. И. Менделеева была организована Комиссия для исследования медиумических явлений с целью разоблачения спиритизма и противодействия его распространению. Об этом факте «Вестник Европы» сообщил в завершении публикации первой половины статьи А. Шкляревского: «Пользуемся настоящим случаем, чтобы сообщить на днях помещенное в газетах известие об определении Физического общества при Петербургском университете, в заседании 6-го мая, по поводу предложения проф‹ессора› Менделеева, составить Комиссию для рассмотрения медиумических явлений» (стр. 917). Вторая статья Вагнера — «Медиумизм» (*РВ*, 1875, № 10) появилась в канун нескольких сеансов, которые провела Комиссия со знаменитыми медиумами братьями Петти (привезенными А. Н. Аксаковым из Англии). Комиссия убедилась в их мошенничестве (см. также: Д. И. Менделеев. Материалы для суждения о спиритизме. СПб., 1876; наст. изд., т. XXII, стр. 334—335). Об отношении Достоевского к спиритизму см. примеч. 4 к письму 600.

[3] Речь идет, возможно, о разговоре Достоевского с Вагнером во время их встречи 23 ноября 1875 г. В письме от 21 ноября, отправленном в пятницу, последний писал: «Многоуважаемый Федор Михайлович! К крайнему сожалению, потерял Ваш адрес и пишу, полагаясь на мою память. Жду Вас в воскресенье к семи часам. Глубоко уважающий и преданный Вам Н. Вагнер» (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.2, л. 18).

[4] Это письмо Достоевского к Некрасову неизвестно.

[5] См. письмо 673 и примеч. 7 к нему.

598. М. А. и Е. А. РЫКАЧЕВЫМ (стр. 65)

Печатается по подлиннику: ***ИРЛИ***, ф. 427, № 17.

Впервые опубликовано: *Д*, *Письма*, т. IV, стр. 307—308.

Ответ на письмо Е. А. Рыкачевой (с припиской М. А. Рыкачева) от 8 декабря 1875 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.55, частично опубликовано: *ЛН*, т. 86, стр. 447).

[1] Е. А. Рыкачева, племянница Достоевского, писала ему: «...недавно только я узнала, что Вы поселились на зиму в Петербурге, имея сильное желание повидаться с Вами, — решаюсь писать Вам, чтобы узнать — когда и в какое время Вас можно застать дома. В последний раз мы виделись с Вами, когда я была еще 12-летнею девочкою, теперь же я уже мать семейства; впрочем, я думаю, Вы имеете уже сведения об нас из письма папы, который недавно писал Вам из Ярославля. $1^1/_2$ года тому назад я вышла замуж за Михаила Александровича Рыкачева, служащего в Главной Физической обсерватории, — с тех пор мы поселились в Петербурге. Уже давно хотелось мне повидаться с Вами и с Вашею дорогою супругою, — моею тетушкой, но я не могла узнать Вашего адреса, теперь же он мне известен и потому я решаюсь писать Вам» (*ЛН*, т. 86, стр. 447).

[2] Это письмо А. М. Достоевского неизвестно.

[3] В приписке к письму жены от 8 декабря М. А. Рыкачев писал: «Милостивый государь Федор Михайлович. Позвольте мне, как мужу Вашей племянницы Евгении Андреевны, урожденной Достоевской, представиться Вам и Вашему уважаемому семейству. Я буду Вам очень благодарен, если Вы сообщите нам, когда мы сможем к Вам приехать; если выбор дня для Вас безразличен, то я бы просил назначить день праздничный, когда я свободен от службы. Примите уверение в моем глубоком к Вам уважении и в совершенной преданности. М. Рыкачев». Визит супругов Рыкачевых к Достоевским состоялся, по-видимому, 14 декабря 1875 г.

Дружеское отношение к семье Рыкачевых сохранялось у Достоевского до конца жизни (см.: Г. Я. Галаган. Кончина и похороны Ф. М. Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. I, стр. 285—304).

599. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 66)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 387. На подлиннике помета А. М. Достоевского: «Получ‹ено› 13 декабря 1875 года».

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М. Воспоминания*, стр. 401—403.

[1] Это письмо А. М. Достоевского неизвестно.

[2] Речь идет о чтении корректуры глав 9—13 третьей части романа «Подросток», печатавшихся в декабрьском номере «Отечественных записок».

[3] Имеется в виду желание Е. А. и М. А. Рыкачевых посетить Достоевского (см. письмо 598).

[4] В. А. и А. А. Ивановы, дети сестры Достоевского В. М. Ивановой, учились в петербургском Институте путей сообщения.

[5] С младшей сестрой А. М. Шевяковой (в первом замужестве — Голеновской) у писателя не было близости, и в его письмах к родным нередки резкие отзывы о ней (см., например, письмо М. М. Достоевскому от 9 апреля 1864 г. — наст. изд., т. XXVIII_2, стр. 79). Замуж за В. В. Шевякова А. М. Достоевская вышла в июле 1875 г.

[6] Об А. М. Достоевском и его отношениях с Достоевским см. наст. изд., т. XXVIII_2, стр. 562 и т. XXIX_1, письмо 380.

[7] Речь идет об осложнении родственных отношений между Достоевским и семьями его братьев и сестер с середины 60-х годов в связи с куманинским наследством.

[8] А. М. Достоевский и В. И. Веселовский в 1868 г. были назначены опекунами душевнобольной А. Ф. Куманиной. Варя — В. М. Каренина, сестра Достоевских, была ее любимицей и могла на нее повлиять.

[9] В 1864 г. Достоевский получил от своей тетки А. Ф. Куманиной десять тысяч рублей. Он выдал ей два векселя. Приводим текст одного из них (писарской рукой, но с собственноручной подписью писателя):

«Москва 11 августа 1864 года.
Вексель на 6000 руб. серебр‹ом›.

От сего одиннадцатого августа тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года, через шесть месяцев по сему моему векселю повинен я заплатить вдове дворянина Александре Федоровне Куманиной или кому она прикажет шесть тысяч рублей серебром, которые я от нее наличными деньгами получил.

Отставной подпоручик Федор Михайлович Достоевский» (*ИРЛИ*, № 29510, л. 6). Вексель фигурировал в делах по куманинскому наследству, о чем, в частности, свидетельствует следующий за вышеприведенным текст:

«С сего векселя кандидату прав Евгению Валентиновичу Корш, доверенному опекуна над Куманиною, коллежского советника Владимира Ивановича Веселовского, засвидетельствована в конторе С.-Петербургского нотариуса Ратькова-Рожнова копия 18 февраля 1874 года за № 548.

Нотариус Алексей Ратьков-Рожнов».

Второй вексель такого же содержания был выдан Достоевским Куманиной на сумму четыре тысячи рублей (хранится: там же, л. 7).

Полученные по этим векселям деньги были истрачены Достоевским на уплату долгов покойного М. М. Достоевского и на поддержание журнала «Эпоха» (см. об этом наст. изд., т. XXIX_1, письмо 380). После смерти Куманиной писатель и его жена были очень обеспокоены попытками некоторых его родных взыскать с него эти деньги. «Теперь у нас дело идет о перемирии, и нам согласны возвратить векселя, — писала Достоевская 5 мая 1874 г. Н. М. Достоевскому, — остановка за вами: нужно, чтобы вы

подписались, что отказываетесь получить ту часть, которая вам придется из векселя, т. е. около восьмисот рублей. Если вы не подпишетесь, то перемирие не состоится, и с нас станут взыскивать десять тысяч» (*ЛН*, т. 86, стр. 438—439). 6 мая Н. М. Достоевский писал брату: «Этим письмом я утверждаю в том, что я <...> претензий о взыскании по векселям как твоим, так и брата покойного Михаила Михайловича <...> не имею — и все, что может по этим векселям, выданным дворянке Александре Федоровне Куманиной произойти — отказываюсь» (там же, стр. 439). Поляков сообщил А. Г. Достоевской 11 апреля 1877 г.: «...домашнее условие о прекращении дела миром <...> я отдал Федору Михайловичу в мае 1874 года вместе с подлинными векселями, полученными мною от Корша, и по которым ваш супруг должен был Куманиной десять тысяч рублей» (там же, стр. 455).

[10] Александр Павлович — А. П. Иванов, муж сестры писателя Веры Михайловны, был душеприказчиком А. Ф. Куманиной (см.: *Ильин*, стр. 549). «Брат Федор негодовал, что расписка его сохранена, и говорит, что ей скоро пройдет десятилетняя давность, — сообщила В. М. Каренина брату Андрею 28 мая 1873 г. — Вообще он очень опечалился, узнав, что расписка цела. Но ты не мог же скрыть эту расписку, о которой все знали; уничтожить ее мог только Александр Павлович с согласия тетушки. Они были несколько раз в опеке и разбирали все дела. Вообще это наследство такое несчастное, что все перессорятся из-за него» (*ЛН*, т. 86, стр. 432).

[11] По завещанию Куманиной Ф. М. и М. М. Достоевские были исключены из наследников, получающих денежные суммы. «Так как племянники мои, — говорилось в завещании, — отставной поручик Михаил Михайлов Достоевский и отставной поручик Федор Михайлов Достоевский <...> получили уже от меня награды, то дальнейшего участия в наследстве по сему завещанию иметь не должны» (*Достоевский, А. М. Воспоминания*, стр. 330). О судьбе векселей Достоевского Куманиной см. выше, примеч. 9. Он был включен теткой в число ее наследников по рязанскому имению.

[12] См. примеч. к письму 598.

[13] По завещанию А. Ф. Куманиной наследниками недвижимого имущества становились родные ее полнородной (единоутробной) сестры М. Ф. Достоевской (т. е. Ф. М., А. М. и Н. М. Достоевские и дети покойного М. М. Достоевского — Ф. М. и М. М. Достоевские), а также ее единокровная сестра О. Ф. Шер и дети покойной, другой единокровной сестры Е. Ф. Ставровской (т. е. М. Д. и Ф. Д. Ставровские). После смерти Куманиной Шер и Ставровские подали в суд прощение об утверждении их в правах наследства по недвижимому имуществу, не вошедшему в духовное завещание (дом в Туле, имения в Тульской и Смоленской губерниях). Достоевские также обратились в суд с соответствующим прошением. Ф. М. Достоевский ошибочно полагал, что Шеры и Ставровские должны быть исключены из числа наследников и наследниками должны стать лишь дети и внуки его матери М. Ф. Достоевской. Адвокат В. И. Губин разъяснил Достоевскому в письме от 9 марта 1873 г.: «...Вы имеете право законного наследования в имуществе Вашей тетки Куманиной, по праву представительства, т. е. за мать <...> Затем, единокровные сестры считаются по закону как бы равными и тоже наследуют наравне с родными» (*ИРЛИ*, № 29685, л. 21). Дело рассматривалось в Тульском Окружном суде 23 октября 1873 г. (копия решения суда хранится: *ИРЛИ*, № 30608, лл. 19—20). В решении суда указывалось: «...законодательство <...> не делает никакого различия между полнородными и единокровными детьми, и что дети, происходящие от одного отца, хотя бы и от разных браков и по закону и по естественному порядку суть родные...» (там же, л. 20). Исходя из этого суд определил: «...в имениях умершей Александры Куманиной утвердить в правах наследства Ольгу Шер в одной третьей части, Федора и Максимилиана Ставровских каждого в одной шестой части, подпоручика Федора, статского советника Андрея и коллежского асессора Николая Достоевских каждого в одной двенадцатой части и дворян Федора и

Михаила Достоевских каждого в одной двадцать четвертой части и ввести наследников в общее ‹нрзб.› владение имениями в гор. Туле и Тульском уезде» (там же).

Достоевские вскоре выдали адвокату Б. Б. Полякову доверенность на продажу дома в Туле и тульского имения. «Равномерно уполномачиваем вас на продажу, — говорилось в доверенности, — и прочих доставшихся нам частей в имениях Куманиной Смоленской губернии и Рязанской губернии...» (*ЛН*, т. 86, стр. 432). Поляков напомнил Достоевскому 5 ноября 1879 г.: «...имения после Куманиной в Тульской и Смоленской губерниях проданы частным лицам и следующая на Вашу часть сумма доставлена Вам» (*ИРЛИ*, № 29816, л. 1). См. также наст. изд., т. XXIX$_1$, письмо 519.

[14] Алексей Достоевский родился 10 августа 1875 г.

600. Н. П. ВАГНЕРУ (стр. 68)

Печатается по фотокопии с подлинника, хранящегося в Литературном архиве Народного музея в Праге (ЧССР).

Впервые опубликовано: Sbornik Národniho Muzea v Praze, sv. VII (1962), čis. 4, s. 221.

Вагнер ответил Достоевскому 1 января 1876 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.2, л. 3).

[1] Речь идет о К. Н. Бестужеве-Рюмине, историке, профессоре С.-Петербургского университета, с 1878 г. — председателе Славянского благотворительного Общества. Вагнер находился с Бестужевым-Рюминым в дружеских отношениях (см. письмо Вагнера к Некрасову от 25 мая 1870 г. — *ЛН*, т. 51—52, ч. II, стр. 172). Из комментируемого письма очевидно, что свидетельство Достоевской о знакомстве мужа с Бестужевым-Рюминым в 1873 — неточно (см.: *Достоевская, Библиографический указатель*, стр. 261; *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 220). Их знакомство состоялось, по-видимому, в 1877 г., в период активной деятельности каждого в Славянском благотворительном обществе.

[2] Подробнее о болезни детей Достоевских см. письмо 601 и примеч. 1 к нему.

[3] А. Н. Аксаков являлся пропагандистом спиритизма, распространившегося в России с начала 1870-х гг. В октябре 1875 г. Аксаков привез из Англии знаменитых медиумов братьев Петти, на сеансах с которыми Комиссия убедилась в их мошенничестве. По приглашению Аксакова для демонстрации «медиумических» способностей в Петербург должна была приехать из Англии г-жа Клайр. Вагнер сообщал об этом Достоевскому 1 января 1876 г. (см. письма 602, 603 и примеч. 1 к ним). Достоевский присутствовал на сеансе у Аксакова 13 февраля 1876 г. — по адресу Невский пр., № 6 (см.: *ВЕ*, № 6, стр. 918). На этом же сеансе были — Вагнер, А. М. Бутлеров, Н. С. Лесков, П. Д. Боборыкин. Лесков посвятил сеансу статью «Письмо в редакцию. Медиумический сеанс 13-го февраля» (*Гр*, 1876, 29 февраля, № 9, стр. 254—256), а Боборыкин — статью «Ни взад — ни вперед» (*СПбВед*, 1876, 16 марта, № 75; 23 марта, № 82; 30 марта, № 89). Аксаков пригласил Достоевского и на следующий спиритический сеанс — 14 февраля 1876 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.2; наст. изд., т. XXII, стр. 384), который был, по-видимому, перенесен (см. там же).

[4] Речь идет о статье А. М. Бутлерова «Медиумические явления» (*РВ*, 1875, № 11, стр. 300—348). Подробно об отношении Достоевского к спиритизму см.: И. Л. Волгин, В. Л. Рабинович. Достоевский и Менделеев: антиспиритический диалог. — Вопр. философии, 1971, стр. 333—339, 368—369, 384—386.

601. Вс. С. СОЛОВЬЕВУ (стр. 68)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 1120, I.97, л. 14.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 199—200.
Ответ на письмо Соловьева от 27 декабря 1875 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.122).
Соловьев ответил 10 января 1876 г. (там же).

[1] Соловьев писал Достоевскому 27 декабря: «Многоуважаемый, дорогой Федор Михайлович, собрался я к Вам и вдруг узнал, совершенно случайно, от А. Н. Майкова, что у детей Ваших скарлатина. Неоткуда узнать мне, как им теперь, выздоровели ли они, здорова ли Анна Григорьевна. Между тем, глядя на своего сынишку, я чувствую, что ради него не имею ни малейшего права не только ехать к Вам, но даже послать свою горничную. Если б Вы знали, как я тревожусь и как порадовала бы меня хорошая весть из Вашего дома. Хоть словечком уведомьте меня, если найдете возможным».

[2] В письме Соловьева говорилось: «Если читаете „Русский мир", то знаете, что я достиг своего. Говорю об Вас постоянно. Теперь приготовляю статью для 1-го № и снова буду указывать на общественное значение Вашего романа».

[3] 24 декабря в «Русском мире» за 1875 г. (№ 262) был напечатан обзор Вс. С. Соловьева «Русские книги», в основном посвященный романам «Старые гнезда» А. К. Шеллера-Михайлова и «The way we live now» («Как мы теперь живем») А. Троллопа. Основные мысли этого обзора (в частности, например, интерпретация «власти золота») свидетельствовали о большом влиянии на Соловьева идейно-этической проблематики «Подростка». В заключение обзора отмечалось: «...нам нужно громкое, проникнутое состраданием слово мыслящего наблюдателя, относящегося к окружающей жизни не с злорадством, не с презрением и насмешкой, а с чувством глубокого сострадания. Только такое слово и может принести пользу, только оно и может натолкнуть нас на разгадку того, что так поражает своим внезапным появлением и распространением. Только жадно прислушиваясь к этому слову, мы в состоянии будем, уяснив себе настоящее наше положение, найти какой-нибудь выход из окружающего мрака, из бесплодного метания, в котором треплются и открываются наши последние силы, наши последние честные чувства. У нас есть такой наблюдатель, говорящий с нами именно о том, что нужно, и тем тоном, каким нужно. Стоит внимательно и беспристрастно вслушаться в речь его, стоит вглядеться в область общественных явлений, которую он перед нами открывает, чтобы понять и оценить его значение в современной литературе, как глубоко искреннего и замечательного толкователя самых характеристичных и печальных явлений нашей эпохи. Мы говорим о Ф. М. Достоевском, окончание нового романа которого должно на днях выйти в последней книге „Отечественных записок"». Говоря о «независимом положении» Вс. С. Соловьева в «Русском мире», Достоевский имеет в виду умение Соловьева отстоять самостоятельность своих воззрений на страницах консервативного издания, всегда относившегося к Достоевскому критически (см., например, полемические выступления газеты «Русский мир» в связи с «Дневником писателя» за 1873 г. — наст. изд., т. XXI, стр. 411—414, 430—435, 451—458).

[4] Объявление об издании «Дневника писателя» за 1876 г. появилось 21 декабря в «Голосе» за 1875 г. (№ 352). В нем, в частности, отмечалось: «...это будет не газета; из всех двенадцати выпусков (за январь, февраль, март и т. д.) составится целое, книга, написанная одним пером. Это будет дневник в буквальном смысле слова, отчет о действительно выжитых в каждый месяц впечатлениях, отчет о виденном, слышанном и прочитанном. Сюда, конечно, могут войти рассказы и повести, но преимущественно о событиях действительных» (см. наст. изд., т. XXII, стр. 136). См. также: Офиц. письма и делов. бумаги, № 32 и примеч. к нему. Еще до выхода январского выпуска «Дневника писателя», 10 января 1876 г.

Соловьев обратился к Достоевскому с просьбой дать информацию о содержании этого выпуска (см. письмо 605, примеч. 2). Полученные сведения Соловьев использовал в объявлении «Русского мира»: «Мы приветствуем мысль <...> об издании „Дневника" в такой форме самыми лучшими пожеланиями. Свободная беседа художника-психолога, затрагивающая самые разнообразные явления нашей общественной и нравственной жизни, по нашему мнению, может и должна получить важное и полезное значение» (*РМ*, 1876, 17 января, № 16). По выходе январского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. Соловьев поместил в «Русском мире» обстоятельную и глубокую рецензию на этот выпуск (см.: *РМ*, 1876, 8 февраля, № 38). См. также: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 198—215. Обзор отзывов о «Дневнике писателя» за 1876 г. см.: наст. изд., т. XXII, стр. 288—315.

602. Н. П. ВАГНЕРУ (стр. 70)

Печатается по фотокопии с подлинника: Литературный архив Народного музея в Праге (ЧССР).

Впервые опубликовано: Sbornik Národniho Muzea v Praze. sv. VII (1962), čis. 4, s. 220—223.

Ответ на письмо Вагнера от 1 января 1876 г., ошибочно датированное автором 1875 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.2); дата исправлена рукою А. Г. Достоевской, подтверждается временем знакомства Достоевского с Вагнером — лето 1875 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 335).

Вагнер ответил 5 января 1876 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.2).

Год написания письма уточняется по содержанию: в нем идет речь о событиях 1876 г. (см. примеч. 1—3). У Достоевского ошибочно <18>75 вместо 1876 г. Описка, вероятно, возникла из-за ошибки в письме Вагнера (см. выше).

[1] Речь идет о предстоящем приезде в Петербург медиума англичанки С. Клайр. Вагнер 1 января 1876 г. сообщал Достоевскому: «На будущей неделе, вероятно, прибудет ожидаемый медиум (прошу держать это в секрете) — и когда начнутся сеансы, то непременно буду иметь Вас в виду, чтобы доставить Вам случай при первой возможности видеть спиритические явления». О спиритических сеансах Клайр, устроенных А. Н. Аксаковым, Достоевский писал в «Дневнике писателя» за 1876 г. (см. наст. изд. т. XXII, стр. 122, 136 и примеч. на стр. 368—369).

[2] Вагнер в постскриптуме к письму задавал Достоевскому вопрос: «...что такое „Дневник писателя"? Нечто оригинальное и, наверное, крайне интересное».

[3] О приезде в Петербург «медиума — мистрисс К<лайр>» Вагнер сообщил Достоевскому в письме от 8 января 1876 г. (см. примеч. к письму 603). Как видно из последующих писем Вагнера, он приглашал Достоевского на спиритические сеансы 2 февраля (писатель «обещал быть» на нем (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 444), но был или нет, неизвестно) и 14 февраля. В письме от 12 февраля Вагнер писал: «Аксаков приглашает Вас на сеанс в субботу (14 фев<раля> в 8 часов)» (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.2), однако сеанс состоялся, очевидно, не 14, а 13 февраля (см. наст. изд., т. XXII. стр. 384). Именно этот последний спиритический сеанс имел в виду Достоевский, когда в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. писал: «...я был еще в феврале на этом спиритском сеансе, с „настоящим" медиумом — сеансе, который произвел на меня довольно сильное впечатление» (см. там же, стр. 126). Кроме того, в записной тетради 1876 г. Достоевский упоминает о семи спиритических сеансах, на которых он был у Вагнера: «Я сам у Вагнера 7 раз, нет, я не отбивал сам, не налегал пальцем» (см. там же, т. XXIV, стр. 199). Об отношении Достоевского к спиритизму и о статьях Вагнера о спиритизме см. примеч. 2 к письму 597, см. также примеч. к письму 600.

603. Н. П. ВАГНЕРУ (стр. 71)

Печатается первая страница письма по факсимиле подлинника в каталоге: Sotheby's Fine Books and Manuscripts. New York Galleries. Wednesday, May 25, 1983 (№ 5053), № 75. Текст окончания письма неизвестен. В каталоге указано, что все письмо Достоевского занимает 1½ страницы. Ответное письмо Вагнера от 8 января 1876 г. позволяет судить, что Достоевский, закончив рассказ о состоянии здоровья сына, возможно, спрашивал о предстоящем приезде медиума, выражая желание присутствовать на спиритическом сеансе у Аксакова; приводим письмо Вагнера полностью:

«8 января 76.

Многоуважаемый и дорогой Федор Михайлович! Истинно порадовался Вашей радости и поздравляю Вас и Анну Григорьевну с светлым днем после темной ночи.

Я не люблю детей или, правильнее говоря, я боюсь их любить. С одной стороны, потому что они, эти простые и мудрые не по-нашему, очень легко рвут и царапают самые дорогие привязанности, а моя любовь весьма обидчива. Каюсь в этом эгоистическом грехе! С другой стороны, потому, что считаю грехом всякую, а в особенности сильную привязанность земную; — ибо полагаю, что мерки у нас нет для этих земных привязанностей.

Не знаю — может быть, это в своем роде мелочность, сухость сердца. Я живо помню, как у меня умерла дочь — ребенок двух лет. Были минуты, когда мне было ее жаль, но я чувствую теперь, что эта жалость была напускная, аффектированная. Мне было жаль — что умерло маленькое создание — весьма красивое, умное, которое мне принадлежало — моей плоти и крови — и только. Я чувствую (и даже тогда чувствовал), что привязанность моя была из очень тонких, гнилых ниток. Но это мне нисколько не мешает глубоко сочувствовать людям, которые сильно любят детей, в особенности женщинам, у которых, как хотите, а привязанность матери берет свое. Такие привязанности я понимаю и представляю их себе ясно, отчетливо и, разумеется, не могу им не сочувствовать.

Вас я глубоко пожалел, потому что человек Вы хороший, хоть многое мне в Вас не нравится (не сердитесь за откровенность). Мы вообще так привыкли скрытничать и прятаться, что иногда, право, не грех вспомнить — что искренность есть святое дело братской любви — о которой говорит нам вторая заповедь господа нашего.

Ваш Н. Вагнер.

P. S. Медиум — мистрисс К‹лайр›— приехала на сих днях. Это медиум не профессиональный. Госпожа очень богатая, котор‹ая› согласилась приехать сюда ради здешней ученой комиссии. Сила у ней необычайная. Аксаков оч‹ень› рад будет Вас видеть у себя на сеансе. Когда это устроится, уведомлю Вас».

Местонахождение подлинника неизвестно.
Ответ на письмо Вагнера от 5 января 1876 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.22).
Вагнер ответил Достоевскому 8 января 1876 г. (там же).

[1] Сочувственное письмо Вагнера вызвано сообщением Достоевского (см. письмо 602) о тяжелой болезни сына Феди (скарлатина). Вагнер писал:

«5 янв‹аря› 1876

Многоуважаемый Федор Михайлович!
Простите, что вторгаюсь в Ваши сокровенные чувства и мысли. Меня руководит искреннее, глубокое желание — сделать Вам добро, насколько могу и умею, моими слабыми, худыми силами.

Вы пишете о беде, которая грозит жизни Вашего ребенка. Дай бог, чтобы эта беда пронеслась мимо, — но если она случится — сможете ли Вы сказать: „Ты мне дал и Ты отнял, да будет благословенна Твоя непостижимая святая Воля?!“ Я знаю, что никто из нас не может владеть

своими чувствами, что самые сильные из них не подчиняются власти рассудка и нашей воле. Но надо исподволь подготовить себя ко всякой беде — твердо веря и сознавая, что всякая беда и горе земное — ничтожная пылинка — перед благом, любовью и правдой жизни вечной!

Ваш Н. Вагнер.

Глубокий поклон Анне Григорьевне. С нетерпением жду от Вас доброй вести».

² На этом заканчивается первая страница письма Достоевского, воспроизведенная в каталоге.

604. П. А. ИСАЕВУ (стр. 71)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, он. 2, № 81, лл. 161—162.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, стр. 29.
Ответ на письмо Исаева от 3 января 1876 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 32639).

¹ Исаев писал Достоевскому: «Очень важное *обстоятельство* заставляет меня теперь Вам писать, бросая всю срочную работу <...> Перед праздниками я получил 10% в счет награды, то есть 60 руб., приходящиеся на мое годовое жалованье. Но из них 40 руб. были кассиром удержаны, так как он неофициально, чуть ли не одному только мне, давал в счет жалованья за второй месяц вперед. 20 рублей я получил на руки. Что я мог с ними сделать? 10 руб. дал хозяину, а с 10 руб. остался на все праздники. Жена закупила провизии, которой хватило нам до Нового года включительно. Вчера уже денег не было в доме утром ни гроша. Заложить решительно было нечего <...> Ради бога, не откажите мне, помогите мне. Пришлите мне 30 руб. <...> Прося Христом богом у Вас 30 руб., я не думаю попользоваться ими безвозвратно. К Святой мы получим остальные 35 или 40% награды, и я позабочуть Вам эти 30 руб. возвратить. Не откажите мне, помогите мне. Вы знаете уже, сколько у меня денег в доме остается, а потому будьте так добры (прошу это как особой Вашей милости ко мне), не замедлите выслать просимые мною 30 руб. или хоть оповестите меня».

² Достоевский иронизирует над излишне подробным описанием Исаевым своего болезненного состояния: «Я опять, как и осенью, схватил сильнейшую простуду. Вначале я думал, что отделаюсь легким кашлем и ознобом, но последствия вышли гораздо серьезнее <...> Домой из банка я насилу доехал, начались страшные колотья в боку и в спине. Кашель душил страшный. Доктора пригласить было не на что. В доме было всего 1 рубль с мелочью. Пришлось прибегнуть к домашним средствам. Сейчас же лечь в постель, а Надя (жена Исаева. — *Ред.*) приготовила горчишники, обложила меня чуть ли не кругом: на ключицы, шею, бока и спину. В продолжении получаса я вынес страшную, жгучую боль. Спустя час мне поставили еще два горчишника на икры, а грудь вымазали потом свечным салом. Спал вечер и ночь очень беспокойно <...> Вчера и сегодня чувствую еще сильную слабость. Кашель все такой же сильный. Внутренний жар — пьется до бесконечности, есть же, кроме бульона, ничего не могу».

³ Исаев сообщал Достоевскому о своих предыдущих письмах: «Вот уже третье письмо пишу Вам, не получая на первые два ответа. Может быть, они и не доходили до Вас, то есть терялись, как часто случается. Так думаю, потому что на последнее письмо мое. в каком бы то ни было случае (как бы Вы на меня не сердились), Вы бы сочли бы нужным мне ответить <...> Письмо было очень важное, и как я помню, я его послал в конце ноября или в начале декабря прошлого года».

⁴ Имеется в виду окончание работы над романом «Подросток», последние главы которого были напечатаны в декабрьском номере «Отечественных записок».

⁵ Исаев писал: «Я слышал, что Вы будете с нов<ого> года издавать

журнал, дай бог, успеха!», разумея, вероятно, «Дневник писателя», объявление об издании которого было помещено в газете «Голос» (см. наст. изд., т. XXII, стр. 136, примеч., стр. 400).

[6] О платежах по векселям Е. П. Печаткину см. наст. изд., т. XXIX_1, примеч. 4 к письму 387.

[7] Л. Ф. Достоевская писала, что Исаев жаловался родственникам отца в Москве на «темные интриги его „мачехи“, желающей разлучить „сына с отцом“» (*Достоевская, Л. Ф.*, стр. 72).

[8] Письма Достоевского конца 1860-х—начала 1870-х гг. свидетельствуют о его постоянной озабоченности денежными и служебными делами пасынка (см. наст. изд., т. XXVIII_2, письма 323, 324, 334). Л. Ф. Достоевская вспоминала, что друзья Достоевского, желая снять эту заботу с писателя, «доставляли ему (Исаеву. — *Ред.*) прекрасные места в частных банках. На казенную службу он не мог попасть, потому что не окончил правительственного учебного заведения. Всякий благоразумный человек сделал бы все возможное, чтобы держаться на этих местах и, таким образом, обеспечить свою будущность. Но Павел Исаев нигде не оставался долго. Он обращался не только со своими сослуживцами, но и со своими начальниками, как с рабами, беспрестанно говорил о своем отчиме, знаменитом писателе Достоевском ‹...› и грозил своим коллегам его всемогущею местью» (*Достоевская, Л. Ф.*, стр. 86).

[9] В письме к А. Н. Майкову от 18 февраля (1 марта) 1868 г. Достоевский, прося его об устройстве денежных дел Исаева, заключал: «...мне его Марья Дмитриевна завещала, последняя просьба ее» (см. наст. изд., т. XXVIII_2, стр. 261). Л. Ф. Достоевская писала по этому поводу: «...мой отец не мог изменить данному им когда-то Марии Дмитриевне обещанию принять участие в ее осиротевшем сыне» (см.: *Достоевская, Л. Ф.*, стр. 44). См. также: *Достоевская, А. Г. Воспоминания* (по указателю имен).

[10] Несмотря на это предупреждение Достоевского, Исаев вновь в декабре 1877 г. обратился к нему с просьбой о денежной помощи (см. письмо 720). В дальнейшем возмущенный бесцеремонным поведением пасынка Достоевский письмом от 22 августа 1878 г. известил его о намерении прервать с ним всякие отношения.

[11] Умоляя о присылке денег, Исаев, заканчивая письмо, добавлял: «Если получу от Вас письмо, да еще с деньгами, и не буду в состоянии Вам сейчас же ответить — не будьте на меня в претензии. Ей-богу, весь январь и, может быть, начало февраля работы будет пропасть, в особенности в начале января. Как только что освобожусь, буду тотчас же отвечать. Спешил сделать эту оговорку, чтобы Вы меня мысленно не обругали неблагодарным человеком».

[12] Подробно о тяжелой болезни детей Достоевский писал Вагнеру (см. письмо 602).

[13] Имеется в виду племянник Достоевского, младший сын М. М. Достоевского. Исаев сообщал о его приезде: «Миша, будучи в Москве, в первый же день был у меня и застал меня за работой — приезд его в Москву меня крайне поразил ‹...› Миша говорил, что у Вас родился сын, названный Алексеем, а от Елен‹ы› Павл‹овны› я слышал, что Ив‹ан› Григ‹орьевич› говорил, что назвали Иваном в честь его, не знаю, чему верить». Действительно, А. Г. Достоевская записала в одной из своих рабочих тетрадей: «Перед рождением Леши мы не знали, как назвать его; я хотела назвать Иваном, а Ф. М. — Степаном, в честь родоначальника рода Достоевских» (*ИРЛИ*, № 30779, л. 78).

[14] Достоевский имеет в виду детей Исаева — сына Федю и дочь Веру (см. письмо Исаева от 3 января 1876 г.).

605. Вс. С. СОЛОВЬЕВУ (стр. 72)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 1120, I.97, лл. 15—16.

Впервые опубликовано: *ИВ*, 1881, № 4 (частично); полностью: *Д, Письма*, т. III, стр. 201—202.

Ответ на письмо Соловьева от 10 января 1876 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.122). Соловьев ответил 17 января 1876 г. (там же).

[1] Соловьев вспоминал, что в декабре 1875 г. у Достоевского «заболели дети скарлатиной, и во все продолжение шестинедельного карантина я не мог с ним видеться, опасаясь за своего ребенка. Но мы переписывались в это время» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 204—205). Ср. примеч. к письмам 601—603.

[2] Достоевский отвечает на просьбу Соловьева в письме от 10 января: «...мне необходимо получить некоторые сведения о „Дневнике писателя" для того, чтобы, ввиду приготовляющегося 1-го его №, иметь возможность скорее составить об нем заметку. Мне кажется, что теперь можно бы было сказать что-нибудь уже о содержании первого №».

[3] По просьбе Соловьева Достоевский перечислил основные темы первого выпуска «Дневника»; характеристика его перекликается с текстом объявления об издании: «Это будет дневник в буквальном смысле слова, отчет о действительно выжитых в каждый месяц впечатлениях, отчет о виденном, слышанном и прочитанном» (наст. изд., т. XXII, стр. 136). На первых страницах «Дневника» Достоевский сообщал, что он «не мастер писать предисловия. Предисловие, может быть, так же трудно написать, как и письмо», что он «написал-то его лишь для формы», однако уже в нем дана как бы модель общего построения «Дневника»: от частного мысль писателя переносится к общему, он стремится раскрыть перед читателем внутреннюю связь между «сиюминутным» и «вечным», здесь же Достоевский указал на свою общественную позицию. Первые две главы январского выпуска «Дневника», как Достоевский и писал Соловьеву, посвящены теме «детей». От описания рождественского бала и детской елки в клубе художников в декабре 1875 г. писатель переходит к темам «случайного семейства», к замыслу будущего романа о «теперешних» «отцах и детях»; от описания богатых и нарядных детей к образам нищих детей и фантастическому святочному рассказу «Мальчик у Христа на елке», затем следует рассказ о посещении колонии для малолетних преступников. Третья глава «Дневника» — это то, что автора «наиболее <...> заинтересовало лично»: российское общество покровительства животным и его задачи и цели; воспоминания о юности; увлечение спиритизмом как проявление «беспорядка» русского культурного общества; полемика с В. Р. Зотовым по поводу осуждения Достоевского по делу петрашевцев (см. наст. изд., т. XXII, стр. 5—38). Соловьев в еженедельном обзоре «Современная литература», характеризуя вышедший первый номер «Дневника», употребил слова самого Достоевского из данного письма: «ежемесячный фельетон, как называет его автор» (*РМ*, 1876, 8 февраля, № 38).

[4] Как явствует из дошедшей до нас записной тетради Достоевского 1875—1876 гг., работа по сбору материала к «Дневнику писателя» началась в ноябре 1875 г. Здесь содержатся первоначальные заметки, выписки из газет, заготовки для будущего издания (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 65—130). Помимо записных тетрадей сохранились отдельные листы с черновыми набросками, планами, отрывками текста январского выпуска «Дневника писателя» (см. наст. изд., т. XXII, стр. 137—152). Среди этих материалов намечен ряд тем, не вошедших в окончательный текст «Дневника». Таковы фрагменты с характеристиками театра петрушки, писателя-актера И. Ф. Горбунова, героя романа «Подросток», заметки о романе Тургенева «Дворянское гнездо», о самоубийстве дочери А. И. Герцена, начало связного текста неосуществленной главы «Сюжеты для романов». Достоевский писал в третьей главе январского выпуска: «Но вот, однако же, я исписал всю бумагу, и нет места, а я хотел было поговорить о войне, о наших окраинах; хотелось поговорить о литературе, о декабристах и еще на пятнадцать тем по крайней мере. Вижу, что надобно писать теснее и сжиматься, — указание впредь» (там же, с. 32).

[5] Соловьев вспоминал впоследствии о своем отношении к известию об издании «Дневника писателя»: «Я пророчил ему успех, рассчитывая, что

необычная, оригинальная форма издания на первых порах заинтересует публику, а затем заинтересует уже сам автор. Но не такого мнения были литературные и журнальные кружки <...> Решали так, что издание непременно лопнет, что оно никого не заинтересует <...> Но и после этого всеобщего приговора я не переставал рассчитывать на успех. С его жаром, с его искренностью, обращаясь прямо к обществу, в форме простой беседы — разве мог он (Достоевский. — *Ред.*) не заинтересовать? Ведь он сам — интереснейшее лицо среди самых интересных лиц его лучших романов — и, конечно, он будет весь, целиком в этом „Дневнике писателя!"» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 205). Получив письмо Достоевского, Соловьев в газете «Русский мир» в отделе «Петербургские известия» поместил следующее объявление: «В „Русском мире" уже было своевременное извещение о том, что наш высокоталантливый романист Ф. М. Достоевский предполагает в течение настоящего года издавать еженедельными (ошибочно — вместо ежемесячными, исправлено в следующем номере газеты. — *Ред.*) выпусками „Дневник писателя" <...> мы можем теперь прибавить некоторые подробности о первом нумере „Дневника"» (*РМ*, 1876, 17 января, № 16). Далее почти дословно приводилось письмо Достоевского к Соловьеву. Это объявление Соловьев послал Достоевскому в письме от 17 января (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.122).

[6] В 1875 г. Соловьев писал критические обзоры современной литературы в газетах «С.-Петербургские ведомости» и «Русский мир». В письме к нему от 28 декабря 1875 г. Достоевский писал, что «читает постоянно» его статьи в «Русском мире» (см. письмо 601). Соловьев многократно выступал в печати в связи с публикацией романа «Подросток». В февральском и мартовском обзорах «Наши журналы» (*СПбВед*, 1875, 1 февраля, № 32 и 1 марта, № 58) критик сочувственно отозвался на появление в «Отечественных записках» первой части романа (см. наст. изд., т. XVII, стр. 348—349). В конце года в газете «Русский мир» в ежемесячных обзорах новейшей литературы «Русские книги» Соловьев снова вернулся к «Подростку», постоянно упоминая о вновь появившихся главах романа. В октябре критик отмечал «одностороннее увлечение автора болезненными явлениями» (*РМ*, 1875, 4 октября, № 181), в ноябре дал анализ исповеди Версилова (там же, 29 ноября, № 237). В декабрьском обзоре он еще раз писал об этом романе (там же, 24 декабря, № 262. См. письмо 601 и примеч. 3 к нему). Эта статья особо отмечена Достоевским в записной тетради (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 90 и примеч., стр. 418). 1 января 1876 г. в статье «Прошлый год в литературе» Соловьев снова возвращается к «Подростку» (*РМ*, 1876, 1 января, № 1). Вспоминая о реакции Достоевского на его критические замечания по поводу романа, Соловьев писал: «Говоря в одной из газет о „Подростке", указывая на прекрасные эпизоды и многие достоинства романа, я все же должен был сказать и об его недостатках. Через несколько дней я пришел к Достоевскому. Он встретил меня как человека, глубоко его оскорбившего, и между нами произошел настолько крупный разговор, что я взял шляпу и хотел уходить <...> Дело было в старике Макаре Ивановиче, одном из самых любимых им действующих лиц „Подростка". Он стал объяснять мне Макара Ивановича <...> Если бы то, что он говорил мне тогда, появилось перед судом читателей, то они увидели бы один из высочайших и поэтических образов, когда-либо созданных художником» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 203).

[7] Внимание Достоевского привлекло следующее объявление в газете «Голос»: «Печатается книга „Исторические исследования и статьи" К. П. Победоносцева и в конце января поступит в продажу у Анисимова и других книгопродавцев» (*Г*, 1876, 11 января, № 11). 31 января 1876 г., поздравляя Достоевского с успехом только что вышедшего «Дневника писателя», Победоносцев сообщал: «Как раз сегодня же вышла и моя книжка „Исторические исследования и статьи", которую завтра Вам доставлю» (*ЛН*, т. 15, стр. 130). Действительно, книга Победоносцева имелась в библиотеке писателя (см.: *Библиотека*, стр. 149). На эту книгу, в частности на статью,

открывающую ее, «Исторические очерки крепостного права в России XVII и XVIII столетия», Достоевский ссылается в записной тетради 1875—1876 гг. в связи с вопросом о петровских реформах и крепостном праве (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 131, 157, и примеч. на стр. 433, 434). Об отношении Достоевского к Победоносцеву см.: Л. П. Гроссман. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов. — *ЛН*, т. 15, стр. 83—160. Вс. С. Соловьев в своих еженедельных обзорах в «Русском мире» «Современная литература», вопреки совету Достоевского, никак не откликнулся на появление книги Победоносцева.

[8] В январской книжке «Русского вестника» за 1876 г. было напечатано окончание третьей части «Анны Карениной» Л. Н. Толстого. Среди обзоров Вс. С. Соловьева нет статьи, посвященной «близкому появлению» книг Толстого, Достоевского и Победоносцева. Критик приветствовал выход первого выпуска «Дневника писателя» (см. наст. изд., т. XXII, стр. 290), совсем не упомянул о книге Победоносцева и по мере публикации новых глав «Анны Карениной» постоянно высоко оценивал роман Толстого (см.: *РМ*, 1876, 17 февраля, № 46; 14 марта, № 72; 9 мая, № 126).

В апрельском обзоре Соловьев говорил о Толстом и Достоевском как «о двух равносильных талантах», сравнивал сцену прощения умирающей Анны Карениным со сценой, происходящей между Шатовым и его женой, в «Бесах»: «...другие характеры, — писал он, — но сущность отношений та же и тот же результат невольного душевного движения» (*РМ*, 11 апреля, № 98). Достоевский свою точку зрения на восьмую книгу романа Толстого изложил в июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (наст. изд., т. XXV, стр. 193—223).

[9] «Подросток» печатался отдельным изданием в типографии Траншеля книгопродавцем П. Е. Кехрибарджи (см. письмо к нему 596). Роман поступил в продажу в начале февраля (см.: *Г*, 1876, 2 февраля, № 33).

606. В. К. АБАЗЕ (стр. 73)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 22542.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 203.

[1] Письмо Абазы, на которое отвечает Достоевский, не сохранилось. Подписка на «Дневник писателя», как следует из объявления, осуществлялась либо через магазин А. Ф. Базунова, либо для иногородних лично у писателя (см. наст. изд., т. XXII, стр. 136). Абазу как иногороднего подписчика, подписавшегося у А. Ф. Базунова, беспокоил вопрос, передал ли последний деньги Достоевскому. В записной книжке писателя за 1876 г. имеется запись о том, что 26 января 1876 г. он получил от Базунова за подписку на «Дневник писателя» 135 р. 37 к. (*ЛН*, т. 83, стр. 465).

[2] Вероятно, речь идет о билете, удостоверяющем факт подписки на «Дневник писателя» в магазине Базунова.

[3] Верхнеднепровск — уездный город Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровской области УССР).

[4] В начале 1876 г. в связи с внезапным отъездом А. Ф. Базунова за границу распространились слухи о его банкротстве (*БВ*, 1876, 1 февраля, № 31; *Г*, 2 февраля, № 33). Сестра Базунова опровергала в печати факт банкротства книжного магазина, утверждая, что брат «уехал за границу лишь на короткое время <...> и что по доверенности его я управляю всею его книжной торговлей» (*БВ*, 1876, 6 февраля, № 36). Но впоследствии банкротство все-таки подтвердилось (см.: *ОЗ*, 1876, № 3, стр. 87). Достоевский перенес городскую подписку на «Дневник писателя» в «Книжный магазин для иногородних М. Н. Надеина» (см. письмо 649).

[5] Сохранилась фотография Достоевского 1876 г. с дарственной надписью Абазе, посланная ему в феврале 1878 г. (см.: *Материалы и исследования*, т. VI, стр. 11—12).

607. Я. П. ПОЛОНСКОМУ (стр. 74)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 241, № 12065а.

Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 456—457.

Ответ на письмо Полонского от 4 февраля 1876 г. (*Из архива Достоевского*, стр. 75—77).

[1] Полонский в письме от 4 февраля 1876 г. восторженно отозвался о январском выпуске «Дневника писателя»: «Только прочел январский № Вашего дневника — и загорелось во мне сильное желание побывать у Вас и с Вами побеседовать <...> В Вашем дневнике есть одно достоинство, которое, чего доброго, не понравится нашей читающей публике: в нем есть ум и серьезность <...> Ваш полуфантастический рассказ о Христовой елке глубоко, чуть не <до> слез меня тронул — не знаю, отблагодарю ли Вас за это тем, что пошлю Вам и свою „Елку" (в сборнике «Озими»). Не знаю, прав ли я, но мне кажется, что и от моей „Елки" веет тем же духом, как и от Вашей» (стр. 75). Далее Полонский полемизирует с трактовкой в «Дневнике писателя» его стихотворения «Старые и новые духи» (см. об этом наст. изд., т. XXII, стр. 36 и примеч. на стр. 339) и обращает внимание Достоевского на стихотворение «У сатаны»: «Буду очень рад, если Вы в моем „Сатане" увидите то же, что я увидал в Вашей мысли о *духе страшной силы* — а именно то, что мы рождены под одной звездой и что между нами немало нравственных нами незамечаемых нитей» (стр. 76).

Вс. С. Соловьев, посвятивший первый февральский обзор «Современной литературы» «Дневнику писателя» Достоевского и новому сборнику стихов Я. П. Полонского «Озими», писал: «Почтенный поэт наш, подобно Ф. М. Достоевскому, остался совершенно свободным в своей поэтической деятельности, никогда не входил в сделки с своей музой и не заставлял ее петь согласно требованиям какой-нибудь литературной партии» (*РМ*, 1876, 8 февраля, № 38).

[2] О том, что Достоевский не смог в январском выпуске «Дневника писателя» охватить все намеченные им темы, свидетельствуют записные тетради писателя и подготовительные материалы к «Дневнику» (см. об этом примеч. 4 к письму 605). В частности, в записной тетради среди подготовительных материалов к январскому выпуску «Дневника писателя» имеется запись: «„Дым", о красоте, Потугин, ругательство на Россию, красота Белинского», открывающая ряд заметок к неосуществленному полемическому выступлению писателя против Тургенева (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 73 и примеч. на стр. 407—408, а также статью: Н. Ф. Буданова. «Спор» Достоевского с тургеневским Потугиным о прекрасном. — *Материалы и исследования*, т. VI, стр. 92—106).

[3] Достоевский имеет в виду строки из фельетона П. Д. Боборыкина: «Г-н Достоевский хочет попытаться освободить себя из-под гнета журнальных предпринимателей, беседовать с публикою прямо от своего лица», эта попытка «возбуждает в публике некоторое недоумение: как смотреть на „Дневник писателя", задуманный г-ном Достоевским? Как на журнал в беллетристической форме или как на настоящий дневник, проявляющий все особенности его писательской физиономии» (*СПбВед*, 1876, 11 января, № 11).

[4] Полонский, говоря о желании встретиться с Достоевским, сетовал на свое здоровье: «...уйти из дому мне мешают ноги — опять распухло левое колено, опять я прикладываю к нему холодные компрессы, опять мажу йодом и опять не пускают меня шляться по лестницам» (стр. 75).

[5] В записной тетради Достоевского имеется помета для памяти, относящаяся к февралю 1876 г.: «Заехать к Полонскому» (наст. изд., т. XXVII, стр. 112). Выполнил ли писатель свое намерение повидать Полонского, неизвестно.

[6] Достоевский отвечает на слова из письма Полонского: «...читая дневник Ваш, я волей-неволей должен был почувствовать, что мы с Вами

дети одного и того же поколения, так что если бы мы разглядели те нравственные нити, которые связуют нас, мы не поддались бы тому духу розни или нравственного распадения, который нет-нет да и подскажет на ухо: видеться хорошо, а не видаться еще лучше» (стр. 75).

608. Н. Ф. ЮШКОВУ (стр. 74)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2430, оп. 1, № 1118.
Впервые опубликовано: Встречи с прошлым. М., 1970, стр. 49.
Ответ на письмо Юшкова от 20 января 1876 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29912). Частично опубликовано: Встречи с прошлым. М., 1970, стр. 48. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Занимавшаяся хозяйственной частью издания «Дневника писателя» А. Г. Достоевская писала младшему брату писателя: «... не довольствуясь тем, что „Дневник" расходится в Петербурге и в Москве, я распространяю его в провинции и разослала знакомым книгопродавцам в Киеве, Одессе, Харькове и Казани» (*ЛН*, т. 86, стр. 447). Кроме того, Достоевский обратился с предложением в редакцию «Казанских губернских ведомостей» о взаимном «обмене изданиями» и просьбой напечатать в газете объявление об издании «Дневника писателя» (см. аналогичное обращение в редакцию «Харьковских губернских ведомостей» — Офиц. письма и делов. бумаги, № 34). Откликом на предложение Достоевского явилось письмо казанского литератора, редактора «неофициальной части» газеты, Юшкова от 20 января 1876 г. Юшков, принимая предложение Достоевского, сообщал: «... уже напечатал в № 5 „Казанских губернских ведомостей" Ваше объявление и напечатаю его и еще 2 раза, а также направлю к Вам и 1 экз. „Губ‹ернских› вед‹омостей›"». Юшков писал Достоевскому о тяжелых условиях, в которых находилась провинциальная журналистика, и в частности о том, что губернские газеты «почти бесполезны, почти не имеют права существовать». Достоевский, отвечая Юшкову, принял участие в полемике о «местной» литературе и провинциальной печати, которая происходила в конце 1875 г. Правительственная программа для «неофициальной части» губернских «Ведомостей» была рассчитана на отстранение их от участия в общественной жизни, ограничивала допускаемый на их страницы материал (см.: Русская периодическая печать (1702—1894). Справочник. М., 1959, стр. 260—261). Намечая темы будущего февральского выпуска «Дневника писателя», Достоевский записывал: «NB. NB. О местной печати. Пересмотреть газеты непременно ‹...› О провинциальной прессе. Хочет ли и *надо ли* правительству развитие провинциальной прессы» (наст. изд., т. XXIV, стр. 130, 131). Темы эти были несомненно связаны с письмом Юшкова. Помета Достоевского для памяти «Написать Юшкову в Казань» сделана здесь же в записной тетради (см. там же, т. XXVII, стр. 112). Достоевский не выполнил своего намерения поговорить в февральском выпуске «Дневника» «о губернской печати». Он посвятил провинции, и в частности литературному сборнику «Первый шаг», изданному в Казани, главку «Областное новое слово» в майском выпуске (см. там же, т. XXIII, стр. 6—7, 356—358).

[2] Юшков просил Достоевского не отказать выслать «... издание *бесплатно* в 2 экз. Один для редакции Губ‹ернских› вед‹омостей›, а другой лично для меня. Это дало бы мне возможность распространять Ваше издание — давая его на просмотр другим». Далее Юшков предлагал свои услуги в качестве комиссионера Достоевского в Казани, прося выслать «по комиссии от 5 до 10 на первый раз, а там, может быть, и более экземпляров ‹...› для распродажи».

[3] Открывая февральский выпуск «Дневника» за 1876 г., Достоевский писал: «Первый № „Дневника писателя" был принят приветливо; почти никто не бранил, то есть в литературе, а там дальше я не знаю» (наст. изд., т. XXII, стр. 39). Действительно, январский выпуск вызвал широкое, почти всеобщее сочувствие, см. об этом: там же, стр. 290—297.

609. Х. Д. АЛЧЕВСКОЙ (стр. 75)

Печатается по тексту первой публикации: *Алчевская*, стр. 63.
Подлинник неизвестен. Конверт от письма: *ГЛМ*, ф. 252, оф. 7809/3 (кн. 52350/1).

Алчевская ответила на письмо Достоевского 10 марта 1876 г. (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.56. Частично опубликовано: *ЛН*, т. 86, стр. 448).

[1] Алчевская в книге «Передуманное и пережитое» вспоминала о начале своего знакомства с Достоевским: «Достоевский всегда был одним из моих любимых писателей. Его рассказы, повести и романы производили на меня глубокое впечатление. Но когда появился в свет его „Дневник писателя", он вдруг сделался как-то особенно близок и дорог мне. Кроме даровитого автора художественных произведений, передо мною вырос человек с чутким сердцем, с отзывчивой душой, — человек горячо откликавшийся на все злобы дня, и я написала ему порывистое письмо» (*Алчевская*, стр. 63). Письмо, на которое отвечает Достоевский, не сохранилось. Первый выпуск «Дневника писателя» привлек Алчевскую, человека, занятого практическим осуществлением идеи народного просвещения, педагога, прежде всего подходом писателя к проблеме детей, описанием посещения колонии малолетних преступников. Детская тема присутствует и в рассказе «Мальчик у Христа на елке». Рассказ Алчевская с успехом читала на литературных вечерах, включала в программу обучения своей школы, рекомендовала для народного чтения (см.: В. Ф. Осмоловский. Ф. М. Достоевский и Х. Д. Алчевская. — В кн.: Вопросы русской литературы. Львов, 1971, вып. 3 (18), стр. 52—58).

[2] В ответном письме от 10 марта 1876 г. Алчевская поддерживает эту мысль писателя: «Что касается того, что „писателю всегда милее и важнее услышать доброе и ободряющее слово прямо от сочувствующего ему читателя, чем прочесть какие угодно себе похвалы в печати", то это понятно, мне часто из-за пространных фельетонов разных „Заурядных читателей" мерещатся пятачки, получаемые ими от строчки» (*ЛН*, т. 86, стр. 448).

[3] О работе Достоевского над февральским выпуском «Дневника писателя» за 1876 г. см. наст. изд., т. XXII, стр. 281, 344—346. В ответном письме Алчевская сообщала о впечатлении от него: «Февральский номер понравился нашему кружку еще более первого, особенно „дело Кронеберга". Что же касается лично до меня, то, отдавая ему полную справедливость, я, тем не менее, остаюсь верна рассказу „Мальчик у Христа на елке" и признаю его chef d'œuvr'ом „Дневника писателя". Впрочем, и „Мужик Марей" мне очень, очень нравится, и, говорят, что и то и другое я прочла с большим пониманием и увлечением на наших литературных вечерах» (*ЛН*, т. 86, стр. 448).

610. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 75)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 387.
Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 403—404.

[1] Речь идет о первом отдельном издании романа «Подросток» (СПб., 1876). См. письмо 596. Роман поступил в продажу в начале февраля (см. примеч. 9 к письму 605).

[2] А. Г. Достоевская 11 марта 1876 г. писала А. М. Достоевскому: «...теперь мы завалены делами: „Дневник" пошел сильно в ход; кроме годовых подписчиков (их у нас до полутора тысяч), у нас отлично идет розничная продажа; мы издаем „Дневник" в шести тысячах и почти всё продаем <...> в других городах продажа идет тоже очень успешно. Но зато хлопот страх как много, и, к моему сожалению, я не могу подыскать себе хорошего помощника» (*ЛН*, т. 86, стр. 446—447).

[3] Речь идет о сыне Алексее, родившемся в августе 1875 г.

[4] Посвятив ряд главок октябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. разговору о необходимости для народа и общества «лучших людей», способных им нравственно руководить особенно в связи с усилением в России власти капитала, Достоевский подробно осветил свое понимание выражения «лучшие люди» в «высшем смысле слова»: «Это те люди, без которых не живет и не стоит никакое общество и никакая нация, при самом даже широком равенстве прав». «Истинными лучшими людьми» Достоевский называет здесь тех, «перед которыми и сам народ и сама нация добровольно склоняет себя, чтя их истинную доблесть» (наст. изд., т. XXIII, стр. 153). Достоевский вспоминает в письме своих отца и мать, которые, судя по воспоминаниям и переписке, несмотря на небольшие материальные средства, неустанно заботились не только об общем развитии и о положительных нравственных началах своих детей, но и об их хорошем образовании. Л. Ф. Достоевская писала о своем деде: «Он был очень бережлив, почти скуп, но когда дело шло о воспитании его сыновей, он не скупился <...> дед Михаил был очень честолюбив, когда дело касалось его сыновей» (*Достоевская, Л. Ф.*, стр. 13, 15). А. М. Достоевский передал в своих воспоминаниях разговор с братом об их отце: «Это было не так давно, а именно в конце 70-х годов. Я как-то разговорился с ним о нашем давно прошедшем и упомянул об отце. Брат мгновенно воодушевился, схватил меня за руку повыше локтя (обыкновенная его привычка, когда он говорил по душе) и горячо высказал: „Да знаешь ли, брат, ведь это были люди передовые, и в настоящую минуту они были бы передовыми!.. А уже такими семьянинами, такими отцами... нам с тобою не быть, брат!“» (*Биография*, отд. I, стр. 26).

Говоря о детях А. М. Достоевского, писатель в первую очередь имеет в виду семью его дочери Е. А. Рыкачевой, отношения с которой после ее письма к Достоевскому от 8 декабря 1875 г. (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 447) приняли дружеский характер. А. Г. Достоевская писала 11 марта 1876 г. А. М. Достоевскому: «У милой Евгении Андреевны мы были на масляной. Какая у Вас прелестная внучка! Я редко видела такого здорового и красивого ребенка. Федор Михайлович сошелся с Михаилом Александровичем (Рыкачевым. — *Ред.*) и был рад в нем встретить человека с таким серьезным умом и характером. Евгения Андреевна была у нас на днях, и мы тоже собираемся поехать к ним провести вечерок» (там же). Об отношении Достоевского к Рыкачевым см. также публикацию Г. Я. Галаган «Кончина и похороны Ф. М. Достоевского (По письмам Е. А. и М. А. Рыкачевых)» (*Материалы и исследования*, т. I, стр. 285—304).

В Петербурге жил также старший сын брата — студент Медико-хирургической академии А. А. Достоевский; он часто бывал в доме писателя (см. письма его к родителям — *ИРЛИ*, ф. 56, ед. хр. 26).

Достоевский очень тепло относился к семье брата Михаила при его жизни, особенно любил племянников Федю и Мишу. После смерти брата, взяв на себя заботу о его семье, он хотел, чтобы и племянники «относились к нему, как к своему руководителю <...> следовали его советам» (*Достоевская, Л. Ф.*, стр. 41—42). Однако отношения осложнились. Достоевский писал С. А. Ивановой о семье брата: «Вообще вся эта семья, так мне близкая, меня приводит в отчаяние»; он сожалеет о старшем племяннике: «Необразование ужасно гибельная вещь для Феди. Конечно, ему скучно жить; при образовании и взгляд его был бы другой и самая тоска его была бы другая. Эта скука и тоска его, конечно, признак хорошей натуры, но в то же время может быть для него и гибельна, доведя его до какого-нибудь дурного дела» (письмо от 8 (20) марта 1869 г., см. наст. изд., т. XXIX_1, письмо 363). О втором племяннике Достоевский здесь же сообщал: «Миша, которого Вы не знаете и который лучше Феди, почти ничего не делает и всё ищет места». А. М. Достоевский вспоминал о М. М. Достоевском (младшем), что он нигде хорошо не учился, «очень рано женился, и вообще вышел неудачным», а впоследствии стал даже алкоголиком (*Достоевский, А. М.*, стр. 254, 307). С племянницами отно-

шения были сложными. С Екатериной Михайловной Достоевский на некоторое время совсем прерывал отношения (*Материалы и исследования*, т. VI, стр. 281—288). С Марией Михайловной, которую в детстве писатель особенно любил, а позднее гордился ее музыкальным талантом, у Достоевского также произошла размолвка в конце 1860-х годов (см.: *Волоцкой*, стр. 105—107).

[5] Д. И. Достоевская.

[6] Достоевский просит напомнить о себе младшим детям брата — Варваре и Андрею.

[7] Речь идет о семье Е. А. Рыкачевой, см. о ней выше, примеч. 4.

611. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 76)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 78.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 308.

Датируется по помете Александрова на письме: «1876 март», число устанавливается по содержанию.

[1] Речь идет о листах наборной рукописи мартовского выпуска «Дневника писателя» 1876 г.

[2] Начиная издание «Дневника писателя», Достоевский хотел, чтобы за печатанием наблюдал метранпаж типографии Траншеля Александров, с которым он работал в 1873—1874 гг., редактируя «Гражданин» (см. об этом: наст. изд., т. XXI, стр. 360—369). В 1876 г. Александров продолжал работу в «Гражданине», печатавшемся теперь в типографии князя В. В. Оболенского, в ней и начал издаваться «Дневник писателя» 1876 г. Известен подробный рассказ Александрова о переговорах Достоевского с владельцем типографии и метранпажем об условиях организации печатания «Дневника» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 234—235).

[3] Достоевский проставил на письме дату «29», вероятно, оно писалось в ночь с 28 на 29 марта, а потому слова «Завтра днем же» также означают 29 марта, но днем.

[4] Работу над очередным выпуском «Дневника писателя» Достоевский, как он сам писал Х. Д. Алчевской, заканчивал «примерно к 25-му месяца» (см. письмо 612). Однако, судя по письмам к Александрову, творческая работа над очередным номером часто затягивалась. Александров вспоминал, что «присылку оригинала Федор Михайлович обещал 17—18-го числа каждого месяца, а кончать ее условлено было за три дня до выхода выпуска в свет, — и вот тут-то и приходилось *наверстывать* в типографии, так как Федор Михайлович именно окончанием-то присылки и опаздывал нередко <...> Таким образом, во всех случаях типографии приходилось оканчивать номера „Дневника писателя“ лишь накануне их выхода, и притом так, что последний лист всегда печатался ночью» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 236—238). Работа над мартовским выпуском, о котором писал Достоевский, особенно задержалась в связи с простудным заболеванием писателя (см. письмо 612). Однако, судя по сохранившемуся письму к Достоевскому цензора Н. А. Ратынского от 30 марта 1876 г., последние листки наборной рукописи этого номера «Дневника» были доставлены в типографию не 30 утром, как рассчитывал Достоевский, а 29. Ночью в 12 часов 30 марта рассыльный из типографии отнес цензору для просмотра последние корректурные листы (см.: *РЛ*, 1970, № 4, стр. 109).

612. Х. Д. АЛЧЕВСКОЙ (стр. 77)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ф. 252, оф. 7809/1.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 317—320.

Ответ на письмо Алчевской от 10 марта 1876 г. (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.56. Частично опубликовано: *ЛН*, т. 86, стр. 448).

Алчевская ответила 19 апреля 1876 г. (*Алчевская*, стр. 67—72).

[1] Достоевский отвечал на письмо Алчевской от 10 марта 1876 г., а не от 9, как он ошибочно указал в письме.

[2] Речь идет о работе над мартовским выпуском «Дневника писателя» 1876 г. Первая запись в рабочей тетради, относящаяся к рассказу «Столетняя» — «Старушка, 104 года», сделана между 7 и 10 марта 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 158). О работе над «Дневником писателя» М. А. Александров писал: «Федор Михайлович выпускал свой „Дневник" в свет в последнее число каждого месяца, аккуратно, рано утром, „как газету", по его собственному выражению, и относительно точности выполнения этих сроков он, во время предварительных переговоров, просил от нас честного слова <...> он просил меня выручать его при случае, то есть наверстывать в типографии могущие случиться за ним просрочки в присылке оригинала» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 236—237, а также примеч 4 к письму 611).

[3] Алчевская к своему письму к Достоевскому приложила главу из ее дневника, датированную «30 ноября 1871 г. Пётербург». Она начинается словами: «Сегодня в 9 ч. утра я поехала в школу „оборвышей" Елизаветы Ивановны Чертковой», далее содержится, как верно подчеркнул Достоевский, восторженное, идиллическое описание школы для 42 детей бедняков (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.56).

[4] В ответном письме Алчевская выразила горячее желание встретиться с Достоевским: «...лично познакомиться с Вами, — об этом до сих пор я как-то запрещала себе и мечтать, настолько это казалось мне несбыточным. В Ессентуки необходимо ехать через Харьков, и вот мы будем иметь счастье видеть Вас у себя <...> Но, может быть, прежде, чем Вы поедете в Ессентуки, я буду в Петербурге (это зависит от банковых дел мужа, так как меня обыкновенно везут туда при оказии), и, если позволите, явлюсь представиться Вам» (стр. 68, 71). Алчевская приехала в Петербург 19 мая 1876 г., первая встреча с Достоевским подробно ею записана в дневнике (см.: *Алчевская*, стр. 73—78). Планы Достоевского посетить летом 1876 г. юг России не осуществились. По совету докторов он должен был поехать лечиться в Германию, в Эмс, о чем писатель сообщил, открывая июльско-августовский выпуск «Дневника писателя»; здесь же он сетовал: «О, конечно, моя бы воля, я отправился бы куда-нибудь на юг России» (наст. изд., т. XXIII, стр. 54).

[5] Алчевская писала Достоевскому: «Приходилось мне еще слышать и такое мнение относительно Вашего издания „Дневник писателя": „*Что* если Достоевский вместо того, чтобы создать вновь что-либо цельное, грандиозное, разменяется на мелочи, на обзор текущих событий, маленькие рассказцы и только!". Мне лично такое мнение кажется до крайности странным: *как* жизнь со всеми ее разнообразными заявлениями отнести в разряд мелочей и *как* художественность и силу рассказа мерить величиною?!. Нет, я присоединяюсь к той части публики, которая с энтузиазмом встретила Вашу мысль об издании „Дневника". Перед нами ряд Ваших художественных рассказов и романов, которыми гордится каждый любящий русскую литературу, но нам не менее дороги Ваши взгляды на текущие события, Ваша личная жизнь, которая так или иначе выглядывает на страницах „Дневника"» (*ЛН*, т. 86, стр. 448).

[6] Под словом «поэма» Достоевский понимал первоначальную стадию создания поэтической «идеи» произведения (см. об этом: Г. М. Фридлендер. Достоевский и мировая литература. Л., 1985, стр. 135—136). В письме к А. Н. Майкову от 15 (27) мая 1869 г. писатель раскрыл свое понимание этого термина: «...поэма, по-моему, является как самородный драгоценный камень, алмаз, в душе поэта, совсем готовый, во всей своей сущности и вот это первое дело поэта, *как создателя и творца*, первая часть его творения <...> Затем уж следует *второе* дело поэта, уже не так

глубокое и таинственное, а только как художника: это, получив алмаз, обделать и оправить его» (см. наст. изд., т. XXIX$_1$, письмо 367). В январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский писал: «Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях <...> Поэма готова и создалась прежде всего, как и всегда должно быть у романиста» (там же, т. XXII, стр. 7).

[7] Достоевский находился под впечатлением печатавшегося в «Русском вестнике» романа Толстого «Анна Каренина». Он собирался коснуться его в мартовском выпуске «Дневника писателя» (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 155), однако впервые упомянул «Анну Каренину» лишь в апрельском выпуске в связи с оценкой романа В. Г. Авсеенко «Млечный путь» (см. там же, т. XXII, стр. 107). Позднее, в февральском номере «Дневника писателя» за 1877 г., он, особенно отмечая «злободневность» романа Толстого, писал: «У писателя — художника в высшей степени, беллетриста по преимуществу, я прочел три-четыре страницы настоящей „злобы дня“, — всё, что есть важнейшего в наших русских текущих политических и социальных вопросах, и как бы собранное в одну точку. И главное, — со всем характернейшим оттенком настоящей нашей минуты» (там же т. XXV, стр. 51—52).

[8] На протяжении всего творческого пути Достоевский постоянно испытывал особый интерес к В. Гюго. В юности он восхищенно писал старшему брату о прочитанных произведениях французского поэта, драматурга и романиста (см. наст. изд., т. XXVIII$_1$, стр. 51, 55). В 1860-е годы интерес Достоевского к социально-психологическим романам Гюго, в особенности к романам «Последний день приговоренного к смертной казни» и «Отверженные», приобрел особую интенсивность (см. там же, т. VII, стр. 77, 185; т. IX, стр. 242, 264; т. XIII, стр. 382; т. XV, стр. 205). В Предисловии к публикации перевода романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери» во «Времени» Достоевский, говоря, что Гюго «бесспорно сильнейший талант, явившийся в девятнадцатом столетии во Франции», приветствовал «всеобщий, почти всемирный успех „Les Misérables“» (см. там же, т. XX, стр. 29 и примеч. на стр. 277—278; здесь же основная библиография вопроса). Многократно упоминается В. Гюго как автор бессмертных шедевров в «Дневнике писателя» за 1876 г. и в особенности в подготовительных материалах к нему. Так, в январских записях к «Дневнику» Достоевский отметил мнение Тютчева о романе «Преступление и наказание» в сравнении с произведениями Гюго: «Ф. И. Тютчеву, напротив, казалось „Преступление и наказание“ выше» (там же, т. XXIV, стр. 119). См. также письмо 687 и примеч. 5 и 6 к нему.

[9] Достоевский имел в виду замысел романа «о русских теперешних детях, ну и конечно о теперешних их отцах», о котором он писал в январском выпуске «Дневника писателя» (см. наст. изд., т. XXII, стр. 7). В начале марта 1876 г. Достоевский создает план романа «Отцы и дети», вносит его в записную тетрадь (см. там же, т. XVII, стр. 6—8, 430—435). Замысел остался неосуществленным, но главные его социальные и этические проблемы нашли отражение в романе «Братья Карамазовы» (о соотношении проблематики набросков романа «Отцы и дети» и «Братьев Карамазовых» см.: Е. И. Семенов. Роман Достоевского «Подросток» (Проблематика и жанр). Л., 1979, стр. 127—162).

[10] Достоевский ошибся: в апреле 1876 г. ему было уже пятьдесят четыре года; такая же ошибка допущена им в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., где он пишет, что родился в 1822, а не в 1821 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 37).

[11] Достоевский, вспоминая в «Дневнике писателя» об одной из встреч с Гончаровым, писал: «Встречаемся мы с ним очень редко, в несколько месяцев раз, и всегда случайно, всё как-нибудь на улице. Это один из виднейших членов тех пяти или шести наших беллетристов, которых принято, всех вместе, называть почему-то „плеядою“ <...> Я люблю встречаться с этим милым и любимым моим романистом <...> Из краткого разговора с ним я всегда уношу какое-нибудь тонкое и дальновидное его

слово» (наст. изд., т. XXV, стр. 198). Разговор с Гончаровым в начале апреля 1876 г. нашел отражение в записной тетради Достоевского, где он отметил: «Недоконченные типы. Текущая жизнь, слово Гончарова» (там же, т. XXIV, стр. 163). Спор Достоевского с Гончаровым о подходе к «текущей действительности» возник еще в 1874 г., при обсуждении вопроса об изъятии из очерка «Маленькие картинки» зарисовки священника-«ухаря», «зарождающегося типа», по выражению Достоевского. В письме к Достоевскому Гончаров отстаивал свое понимание литературного типа как явления «устоявшегося». 11 февраля 1874 г. Гончаров писал: «Творчество (я разумею творчество объективного художника, как Вы, например) может явиться только тогда, по моему мнению, когда жизнь установится; с новою, нарождающеюся жизнию оно не ладит: для нее нужны другого рода таланты, например Щедрина» (*Гончаров*, т. VIII, стр. 457). Достоевский продолжил полемику с Гончаровым в подготовительных материалах к «Подростку» (см. наст. изд., т. XVI, стр. 8, 329). В 1876 г., как бы заключая разговор с Гончаровым, Достоевский подчеркивал свое принципиальное, постоянное неприятие позиции своего оппонента: «„Наше общество шатается“. Это легко лишь сказать, но в дисгармонию его никто не хочет вникнуть. Старые писатели даже и не понимают, критики тоже <...> Шатаются! Да ведь самая эта шатость есть чрезвычайное знамение» (там же, т. XXIV, стр. 161). В «Дневнике писателя» 1877 г. Достоевский определял те задачи, которые он ставил перед собой как художник в освещении текущей действительности: «И если в этом хаосе, в котором давно уже, но теперь особенно, пребывает общественная жизнь, и нельзя отыскать еще нормального закона и руководящей нити даже, может быть, и шекспировских размеров художнику, то, по крайней мере, кто же осветит хотя бы часть этого хаоса и хотя бы и не мечтая о руководящей нити? Главное, как будто всем еще вовсе не до того, что это как бы еще рано для самых великих наших художников. У нас есть <...> жизнь вновь складывающаяся, на новых уже началах. Кто их подметит, и кто их укажет?» (там же, т. XXV, стр. 35). Ср. также т. XXI, стр. 470.

[12] «Дневник писателя» для Достоевского действительно был той творческой лабораторией, в которой для автора стали предметом предварительного художественного и публицистического осмысления многие темы и характеры будущего романа «Братья Карамазовы» (см. наст. изд., т. XV, стр. 406—410). В ответном письме Алчевская писала: «Теперь еще о „Дневнике“. С величайшим интересом прочла я о цели, во имя которой Вы взялись за него, и заблаговременно предвкушаю мысленно наслаждение от будущего длинного романа» (стр. 70).

[13] Делу С. Л. Кроненберга целиком посвящена вторая глава февральского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 50—73). Алчевская, высоко оценившая эту главу, недоумевала в ответном письме: «Вообще, я не знаю, зачем Вам стеснять себя какими бы то ни было рамками: между тем вы говорите: „Места займет много, будет не разнообразно, мало статей“. Что ж за беда! Если бы, предположим, „Дело Кронеберга“, этот chef d'œuvre Вашего „Дневника“ (по признанию самых строгих судей) заняло бы целый номер <...> Я знаю людей, которые придают огромное значение этой статье. Они говорят: „Пройдет несколько лет, забудется дело Кронеберга, забудется все, что писалось и говорилось по этому делу <...> одна только *эта* статья никогда не утратит своего значения и будет служить живым укором и обществу, и адвокатуре, и всем нам“ <...> и вдруг мы лишились бы этой статьи из-за того, что „места займет много, будет не разнообразно, мало статей“! Ведь Вы сами творец Вашего „Дневника“» (стр. 69—70).

[14] Достоевский в подглавке «Обособление» мартовского номера «Дневника писателя» 1876 г. так же сокрушался: «...я пишу „о виденном, слышанном и прочитанном“. Хорошо еще, что не стеснил себя обещанием писать *обо всем* „виденном, слышанном и прочитанном“. Да и слышишь-то все больше странности. Как передавать их, когда всё это само собою лезет

врозь и ни за что не хочет сложиться в один пучок!» (паст. изд., т. XXII, стр. 80).

[15] О характере читательских писем к Достоевскому о «Дневнике писателя» см. наст. изд., т. XXII, стр. 306—315. В июле 1876 г. писатель сообщал жене о задуманном отделе в «Дневнике»: «Ответ на письма. которые я получил» (см. письмо 633). Такого отдела он не завел, но несколько раз в «Дневнике» говорил о значении получаемых им писем. цитировал отрывки из них. М. А. Александров вспоминал: «Контингент читателей „Дневника писателя“ составлялся главным образом из интеллигентной части общества, а затем из любителей серьезного чтения всех слоев русского общества <...> его (Достоевского. — *Ред.*) засыпали письмами и визитами с изъявлениями благодарности <...> на него смотрели одни как на духовного наставника, другие как на оракула и просили его разрешить их сомнения насчет жгучих вопросов времени. И Федор Михайлович любовно принимал этих своих клиентов и беседовал с ними, читал их письма и отвечал на них...» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 240).

[16] Стремление русских женщин получить высшее медицинское образование проявилось еще в начале 1860-х годов. С 1861 по 1863 г. они появились в качестве вольнослушательниц в аудиториях Медико-хирургической академии. Но с 1864 г. доступ женщин в академию был прекращен. Для получения высшего образования женщины устремились за границу, главным образом в Швейцарию, где многие из них получили докторские дипломы. Среди них окончившая университет в Цюрихе близкая знакомая Достоевского Н. П. Суслова. В 1872 г. при Медико-хирургической академии в Петербурге были учреждены четырехгодичные «Курсы для образования ученых акушерок». Постепенно программа их была расширена; в 1876 г. курсы сделались пятилетними и были переименованы в «Женские врачебные курсы». Эти курсы при Медико-хирургической академии положили начало высшему женскому медицинскому образованию в России (см.: П. Тарновская. Женский медицинский институт и женские врачебные курсы. — *ВЕ*, 1903, № 8, стр. 497—504).

[17] Достоевский в 1860-х годах был хорошо знаком с сестрами А. П. и Н. П. Сусловыми и их близкими приятельницами Е. Н. Брылкиной (Глебовой) и Е. И. Корсини, возможно, он имел здесь в виду также сестер А. В. и С. В. Корвин-Круковских.

[18] Размышления Достоевского о судьбах и характере русской молодой женщины, о потребности высшего образования для женщин нашли отражение в майском и июньском выпусках «Дневника писателя» 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 28—29; 51—53).

613. П. В. БЫКОВУ (стр. 80)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 261, № 4.
Впервые опубликовано: *БВ*, 1909, 23 мая, № 1119.

[1] Письмо Быкова от 18 марта 1876 г., на которое отвечает Достоевский, неизвестно.

[2] Об ухудшении памяти в связи с припадками эпилепсии Достоевский писал также жене (см. наст. изд., т. XXIX_1, письмо 536).

[3] Достоевский пробыл в Эмсе с конца мая по начало июля 1876 г.

[4] Биография для Быкова Достоевским не была написана (см. письмо 663, примеч. 4, а также паст. изд., т. XXVII, стр. 120, 384—385).

[5] Достоевский, в частности, был очень недоволен очерком В. Р. Зотова о себе и М. М. Достоевском в одном из лексиконов — в «Русском энциклопедическом словаре» И. Н. Березина (СПб., 1874—1875, отд. II, т. 1, стр. 475). В январском выпуске «Дневника писателя» 1876 г. он напечатал главку «Одно слово по поводу моей биографии», в которой отметил множество ошибок, допущенных Зотовым (см. паст. изд., т. XXII. стр. 37—38).

[6] Биография М. М. Достоевского для Быкова, вероятнее всего, Достоевским не была написана. Никаких сведений о работе писателя над нею не сохранилось. Среди биографических очерков, написанных о русских писателях Быковым, очерка о М. М. Достоевском также нет.

Достоевский неоднократно писал о М. М. Достоевском. Вскоре после смерти брата (ум. 10 июля 1864 г.) Достоевский посвятил его литературной деятельности статью-некролог «Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском» (*Э*, 1864, № 6; см. наст. изд., т. XX, стр. 121—124, 330—332). В дальнейшем он внимательно следил за упоминаниями имени брата в печати. На ошибочные и недоброжелательные воспоминания и суждения о нем Достоевский напечатал опровержения в «Эпохе» и в «Дневнике писателя» 1876 г. (см. наст. изд., т. XX, стр. 133—135, 336—338; т. XXII, стр. 132—135, 386—388).

[7] Известно два снимка Достоевского 1876 г., сделанных в фотографии И. Досса одновременно (см.: Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома. М.—Л., 1959, т. 5, стр. 94—95). Однако Быков в воспоминаниях пишет, что через несколько дней после письма получил от Достоевского фотографию, «на обратной стороне которой стояла помета: „Снято в 1861 году“. Никакого письма при карточке не было» (П. В. Быков. Силуэты далекого прошлого. М.—Л., 1930, стр. 55). Это был, вероятно, один из снимков, сделанных в фотографии М. Б. Тулинова в 1861 г. Фотография, принадлежащая Быкову, не сохранилась.

614. С. Е. ЛУРЬЕ (стр. 81)

Печатается по копии А. Г. Достоевской: *ГБЛ*, ф. 93, I.31.

Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 209.

Лурье ответила 25 апреля 1876 г. (*ВЛ*, 1971, № 9, стр. 181—182).

Письмо датируется 1876 годом на основании ответного письма Лурье. На копии письма помета А. Г. Достоевской: «Год неизвестен, не 1876 ли?». Скорее всего, это ответ Достоевского на первое письмо Лурье к нему, нам неизвестное. В «Дневнике писателя» он относит время знакомства с ней к зиме 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 51, а также примеч. на стр. 379). Однако более точно время их личного знакомства можно отнести к концу апреля 1876 г. В ответе от 25 апреля на данное письмо Лурье просила писателя: «Назначить день и час, когда Вы будете свободны, чтобы принять меня» (стр. 181).

[1] Достоевский рассказал о посещении Лурье в июньском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 51—53). См. также письма 680, 687 и наст. изд., т. XXV, стр. 86.

615. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 81)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 123, оп. 1, № 340.

Впервые опубликовано: *Александров*, стр. 188.

Датируется 1876 годом по содержанию письма (см. примеч. 1) и по помете на письме рукой неустановленного лица: «1876».

[1] Речь идет о четвертой главке под названием «За умершего» из второй главы апрельского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 132—135).

[2] Наборные рукописи обычно готовились А. Г. Достоевской, почерк которой был более крупным, чем Достоевского. Наборная рукопись упоминаемой главы не сохранилась. Александров вспоминал: «Приготовив оригинал, Федор Михайлович рассчитывал по особому, употреблявшемуся им, способу — по количеству не букв, как рассчитывают обыкновенно ориги-

нал в типографии, а слов — сколько из отсылаемого оригинала выйдет печатных строк и затем страниц; но так как, судя по-прежнему, расчеты эти никогда не бывали точны, а только приблизительны, то он оставался в сомнении до получения корректур. Приготовив таким образом оригинал к отсылке, Федор Михайлович писал ко мне письмо, в котором обстоятельно излагал свои соображения относительно посылаемого оригинала и некоторые инструкции мне» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 247).

[3] Александров свидетельствовал в своих мемуарах, что, работая над «Дневником», Достоевский «писал очень часто по ночам. Вследствие этого он приобрел привычку поздно ложиться спать, а потому и поздно вставать. Когда он писал ночью, то вставал затем обыкновенно во втором часу дня, случалось и позже» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 243).

616. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 81)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 316.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 210.

Датируется по сопоставлению с письмом к Х. Д. Алчевской от 29 мая 1876 г., в котором речь идет о тех же событиях (см. письмо 617), а также по помете Александрова на письме: «1876, май».

[1] Первая глава майского выпуска «Дневника писателя» занимает объем в один печатный лист, вторая глава — чуть больше полулиста, текст объявления о подписке на «Дневник» по сравнению с прежними выпусками был действительно сокращен.

[2] В письме к Х. Д. Алчевской от 29 мая 1876 г. Достоевский, объясняя невозможность посетить ее накануне различными «бедами» с «Дневником», сетовал и на «исчезновение метранпажа».

[3] Цензор Н. А. Ратынский, как и предполагал Достоевский, не успел до отъезда подписать корректуру, и выпуск «Дневника» был подписан, вероятно, цензором Н. Е. Лебедевым 30 мая 1876 г. (см. письмо 617).

[4] Наборная рукопись «Дневника писателя» за май 1876 г. не сохранилась.

617. Х. Д. АЛЧЕВСКОЙ (стр. 82)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ф. 252, оф. 7809/2.

Впервые опубликовано: *Алчевская*, стр. 82—83.

[1] В дневниковой записи Алчевской от пятницы 28 мая подробно рассказывается о событиях, предшествовавших письму Достоевского: «...обещал быть у нас на днях вечером. Вторник и среду я безвыходно сидела дома. В четверг в десятом часу муж уговорил меня пойти погулять <...> Когда мы возвратились в 11 часов <...> швейцар мне подал карточку: „Федор Михайлович Достоевский“ <...> Я поехала к Достоевскому, не застала его дома и оставила письмо» (*Алчевская*, стр. 81). Достоевский и отвечает на это несохранившееся письмо Алчевской.

[2] Об этих же хлопотах по поводу напечатания последних страниц майского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. и цензуровании его Достоевский накануне писал М. А. Александрову (см. письмо 616).

[3] Наборная рукопись майского выпуска «Дневника писателя» не сохранилась. Однако, судя по вариантам чернового автографа двух последних разделов второй главы этого выпуска, можно предположить, что в письме идет речь о вычеркнутых писателем строках наборной рукописи, соответствующих не зачеркнутым в черновом автографе отрывкам связного текста, отчеркнутым красным карандашом (см. наст. изд., т. XXIII, варианты к стр. 23—28 на стр. 227—234).

[4] Речь идет о цензоре Н. А. Ратынском. Достоевский писал: «...цензор Ратынский может даже завтра вечером уехать <...> С другим же цензором можно и опоздать» (см. письмо 616).

[5] Письмо к Н. Е. Лебедеву не сохранилось.

[6] Алчевская записала в дневнике 30 мая 1876 г.: «И, действительно, Достоевский был у нас, долго сидел, много говорил» (*Алчевская*, стр. 83).

[7] Достоевский передает поклон мужу Алчевской.

618. Х. Д. АЛЧЕВСКОЙ (стр. 83)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ф. 252, оф. 7809/3 (кп. 52350).
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 309.

[1] Алчевская вместе с мужем специально приехала из Харькова в Петербург 19 мая 1876 г. для личного знакомства с Достоевским (см. об их встречах: *Алчевская*, стр. 73—84). Достоевский посетил Алчевских 30 мая и договорился с Алчевской, что она заедет к писателю 1 июня, во вторник.

[2] Алчевская при посещении Достоевского 1 июня оставила письмо А. Г. Достоевской. В нем она писала: «Говоря вам, что я буду у вас во вторник в три часа, я совсем не сообразила, что, уезжая в шесть, невозможно быть в три, так много предстоит всегда хлопот перед дорогой, поэтому позвольте искренно, сердечно благодарить вас заочно за тот радушный прием, которого я так боялась не встретить. Воспоминания о нашей встрече останутся навсегда самыми дорогими в моей жизни, а моей любимою мечтою будет увидеть вас у нас в Харькове» (*ЛН*, т. 86, стр. 447). Далее она делилась своими впечатлениями о майском выпуске «Дневника писателя» 1876 г.: «Благодарю вас за „Дневник писателя“. Прочла. Плакала над Каировой, плакала над Писаревой, плакала над Воспитательным домом — удивительно, как может один человек вмещать в себе столько теплоты и чувства, что стало бы, кажется, на тысячу. Вот за что только, я уверена, его будет осуждать молодое поколение — это стр. 145: „Дай пожелать твоей душе воскресения в такую жизнь, где бы ты уже не соскучилась“» (там же). Ранее, в письме к Достоевскому от 19 апреля, Алчевская назвала шедевром главку «Дело Кронеберга» (см. примеч. 13 к письму 612). В своем дневнике 20 мая того же года Алчевская привела следующий разговор с Достоевским: «На вопрос его, как относится Харьков к „Дневнику писателя“, я отвечала, что первые три номера были встречены хорошо, но последний вызвал протест, и я указала ему на место, где сказано, что демос наш доволен, а со временем ему будет еще лучше. „А много этих протестующих господ?“ — спросил он. „Очень много!“ — отвечала я. „Скажите же им, — продолжал Достоевский, — что они именно и служат мне порукой за будущее нашего народа. У нас так велико это сочувствие, что, действительно, невозможно ему не радоваться и не надеяться“» (там же, стр. 78). О восприятии критикой майского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. см. наст. изд., т. XXII, стр. 302—303.

[3] Алексей Кириллович — муж Алчевской.

619. В. А. АЛЕКСЕЕВУ (стр. 84)

Печатается по тексту первой полной публикации: «Голос минувшего на чужой стороне», 1927, № 5, стр. 197—201 (публикация Ф. Побединского). Повторная публикация: *Д, Письма*, т. III, стр. 211.

Подлинник неизвестен.

Ответ на письмо Алексеева от 3 июня 1876 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29632. Частично опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 362).

Как указывает Достоевский, письмо написано вскоре после получения письма Алексеева. Ф. Побединский, публиковавший письмо по подлиннику, свидетельствует, что оно написано 7 июня. Вследствие этого письмо датируется 7 июня 1876 г.

27 января 1926 г. в Государственной академии художественных наук, на заседании Комиссии по изучению Достоевского, был заслушан доклад Ф. Ф. Бережкова «Неизданное письмо Достоевского» (см. информацию об этом: «Бюллетени ГАХН», 1926, № 4—5, стр. 41). Большой отрывок этого письма Достоевского был опубликован Л. П. Гроссманом (см.: Ф. М. Достоевский. Сочинения. М.—Л., 1931, стр. 731—732). Здесь Л. П. Гроссман указал: «Сообщил Ф. Ф. Бережков в Комиссии Достоевского при ГАХН. 27 января 1926 г.».

Ф. Побединский писал об истории этого письма: «Неизвестное до сих пор письмо Достоевского адресовано В. А. Алексееву, написано 7 июня 1876 г. в Петербурге (Достоевский жил тогда по Греческому проспекту) и послано адресату, живущему в том же городе. В. А. Алексеев во время знакомства и переписки с Достоевским был солистом в оркестре Мариинского театра. Родился в 1828 г., умер 14 июня 1884 г. Алексеев страстно любил музыку, а также увлекался литературой, причем Достоевский был его самым любимым писателем. Его дети рассказывают, как отец с чувством читал им вслух романы Достоевского, в частности монолог Мармеладова из „Преступления и наказания“. Алексеев увидел Достоевского в одном из философских кружков в Петербурге и был до глубины души взволнован его страстными речами.

После первой же встречи Алексеев написал свое первое письмо великому писателю, стоящее, кроме того, в связи с внимательным чтением „Дневника писателя“ за май 1876 г. (статья о самоубийстве некоей Писаревой). Достоевский, со свойственной ему аккуратностью, немедленно, невзирая на только что бывший с ним припадок эпилепсии, ответил своему корреспонденту. Переписка продолжалась и далее. Достоевским было послано Алексееву еще два письма, к сожалению затерявшихся.

В дальнейшем оба корреспондента познакомились и несколько раз бывали друг у друга» («Голос минувшего на чужой стороне» (Париж), 1927, № 5, стр. 119).

[1] Письмо Алексеева — о второй главе майского выпуска «Дневника писателя» 1876 г., именно ее второй главке «Одна несоответственная идея», посвященной самоубийству Н. Писаревой (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 24—27).

Алексеев писал Достоевскому: «Позвольте Вас *спросить*, что Вы хотите сказать ‹...› упоминая часто в Вашем письме слова из Евангелия о камнях, обращенных в хлебы. Это было предложено диаволом Христу, когда он его искушал, но камни не сделались хлебами и не обратились в пищу, и затем нигде не говорится в Евангелии о камнях, обращенных в хлебы». Писарева в предсмертном письме оставила распоряжения о деньгах. Достоевский усмотрел в ее письме настроения, по его мнению, характерные для молодежи, проповедующей идеи социализма. «Эта важность, приданная деньгам, есть, может быть, последний отзыв главного предрассудка всей жизни „о камнях, обращенных в хлебы“, — писал он в «Дневнике писателя». — Одним словом, проглядывает руководящее убеждение всей жизни, то есть „были бы все обеспечены, были бы и счастливы, не было бы ни бедных, не было бы преступлений...“» (наст. изд., т. XXIII, стр. 25). Несколько раз имя Писаревой упомянуто в 1876 г. в записной тетради. «Читал письмо о барышне, кончив‹шей› самоубийством. Нет высшего сознания жизни, то есть сознания долга и правды, что единственно составляет счастье», — писал он здесь (там же, т. XXIV, стр. 211; см. также стр. 200, 219, 226, 227).

«Камни, обращенные в хлебы» — образ, заимствованный из евангельской притчи об искушении Христа дьяволом (см. Евангелие от Матфея и от Луки, гл. 4, ст. 3—4). Достоевский неоднократно обращался к нему в своих романах и статьях. «Общество основывается на началах нравственных; на мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы — ничего не основывается...», — высказал Достоевский в подготовительных материалах к «Подростку» (см. наст. изд., т. XVI, стр. 431).

Эту мысль утверждал писатель и в самом романе (см. там же, т. XIII, стр. 173; см. об этом: т. XVII, стр. 283—284), а также в третьей главе январского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (см. т. XXII, стр. 34).

С дальнейшим развитием этих идей Достоевский выступил в «Дневнике писателя» 1877 г. (см. т. XXV, стр. 62 и 204). Западноевропейской социалистической мысли писатель противопоставлял свой «русский социализм»: «Нет, у нас в России надо насаждать другие убеждения, и особенно относительно понятий о свободе, равенстве и братстве <...> настоящая свобода — лишь в одолении себя и воли своей...» (там же, стр. 62). Достоевский утверждал, что невозможно достичь преобразования мира «с недоделанными людьми», но «сделаться человеком разом нельзя, а надо выделаться в человека» (там же, стр. 47). Он верил, что именно Россия внесет в мир идею нравственного перерождения личности, которая и составляет сущность «русского социализма», и скажет «свое новое здоровое и еще неслыханное миром слово» (там же, стр. 195). См. об этом в комментариях В. А. Туниманова к «Дневнику писателя» 1877 г. (там же, стр. 333—334, см. также т. XXIX_1, письмо 471 и примеч. 5 к нему).

Чрезвычайно важное значение образ «камней, превращенных в хлебы», приобрел в романе «Братья Карамазовы» (см. там же, т. XIV, стр. 230—232). Письмо Достоевского к Алексееву — это «важнейший документ из предыстории формирования философско-эстетической проблематики романа, выраженной в главе „Великий инквизитор"...» (см. об этом: там же, т. XV, стр. 407—409).

Ф. Побединский, писавший в своем комментарии о связи романа «Братья Карамазовы» с письмом Алексееву, указал, в частности, на параллель между словами Великого инквизитора и началом письма Достоевского: «Знаешь ли ты, что пройдут века и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь голодные» (там же, т. XIV, стр. 230). См. также письмо 620, где близкие к данному письму мысли Достоевский выразил «более сжато, не прибегая на этот раз к символике евангельской легенды» (наблюдение Г. М. Фридлендера — см. наст. изд., т. XV, стр. 408). О характере утопического, православного «социализма», развивавшегося Достоевским в «Братьях Карамазовых», см.: *Фридлендер*, стр. 330.

[2] С начала 1860-х гг. в России стали издавать труды Ч. Дарвина и статьи о нем. О Дарвине писали и близкие к Достоевскому критики. Уже в 1862 г. в журнале «Время» (1862, № 11, Современное обозрение, стр. 158—172) печатается статья Н. Н. Страхова «Дурные признаки. (О книге Ч. Дарвина «Происхождение видов»)». В ней учение английского естествоиспытателя характеризовалось как «огромный шаг в движении естественных наук». Вместе с тем критик выступил против механического перенесения учения дарвинизма на жизнь человеческого общества, что сказалось в предисловии К.-О. Руайе к французскому изданию книги Дарвина (см. об этом: *Фридлендер*, стр. 157—161). В 1872 г. Страхов печатает в «Заре» (1872, № 1, стр. 1—18) резко полемическую статью «Переворот в науке. „Происхождение человека и подбор по отношению к полу" Ч. Дарвина (СПб., 1871)». В пору редакторства Достоевского в «Гражданине» была помещена рецензия Страхова на третье издание русского перевода книги Дарвина «О происхождении видов» (*Гр*, 1873, 6 июля, № 29, стр. 809—812), направленная против механистического понимания законов развития человеческого общества, которое отличало ряд последователей эволюционизма.

С идеями социального дарвинизма Достоевский полемизировал в набросках памфлета «Офицер и нигилистка», в «Дневнике писателя» 1873, 1876 и 1877 гг., в романах «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» (см. наст. изд., т. VII, стр. 339—340; т. XIV, стр. 214; т. XV, стр. 551; т. XVII, стр. 16, 450—451; т. XXIII, стр. 8, 359—360; т. XXV, стр. 46, 388—389. См. также: *Фридлендер*, стр. 157—161).

Близкий к выраженному в письме Алексееву взгляд Достоевский высказал в очерке «Одна из современных фальшей» («Дневник писателя»

1873 г.), где он писал: «...все эти европейские высшие учители наши, свет и надежда наша, все эти Милли, Дарвины и Штраусы преудивительно смотрели иногда на нравственные обязанности человека» (наст. изд., т. XXI, стр. 132 и 457).

620. П. П. ПОТОЦКОМУ (стр. 86)

Печатается по копии рукою неизвестного: *ИРЛИ*, ф. 100. № 29620. Копия заверена адресатом: «С подлинным верно. П. Потоцкий». На первой странице карандашом рукою Потоцкого: «Копия письма Достоевского юнкеру Михайловского Артиллерийского училища П. П. Потоцкому (Павлу Платоновичу) в 1876 году в июне».

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III. стр. 213—214.

Ответ на письмо Потоцкого от 6 июня 1876 г. (см. примеч. 1).

Датируется 1876 годом по письму Потоцкого, а также его пояснению на копии письма Достоевского: «В мае месяце „Дневника писателя" за 1876 год в статье „Одна несоответственная идея" Достоевский, говоря о самоотравлении Писаревой, сожалея о ней, как об аномалии, косвенным образом якобы нападал на женщин подобных Писаревой. Так понял я статью и, написавши (суббота 7 июня) ему об этом, выразил мнение, что лучше бы он исследовал те причины, которые приводят к поступкам Писаревой, и их подвергнул бы должной критике. На это он ответил мне нижеприведенным письмом». Потоцкий ошибся в указании даты своего письма. На конверте штамп: «6 июня 1876 г.». Таким образом оно написано не 7, а 6 июня (отметим, что день указан Потоцким также неверно: 7 июня 1876 г. приходилось не на субботу, а на понедельник). Достоевский ответил в ближайший после 6 июня 1876 г. вторник, т. е. 10 июня. Именно в этот день писатель выехал из Петербурга в Старую Руссу.

[1] Приводим полностью письмо Потоцкого к Достоевскому:

«Читаю Ваш дневник за май. Только что прочитал „Одна несоответственная идея".

Послушайте, отчего Вы так нападаете, отчего так сожалеете Писареву, сожалеете не просто, а кажется как-то особенно. Что же особенного? Это для Вас, может быть, Писарева аномалия? Таковое состояние некоторых из женщин в настоящее время удивительно?

Что находите Вы на этот раз большой кружок такого рода женщин?!

Отчего же Вы не направите Ваших стрел на причину, а не на следствие? А как скоро Вы причину найдете, Писарева Вас не удивит.

Я в сравнении с Вами — Ваш внук. Отнестись слишком свысока к моему письму с Вашей стороны будет не честно. Удовлетворите меня до некоторой степени и тем более, если Вы это можете, то сделайте немедленно. Прошу Вас очень.

Вам же должно быть понятно мое к Вам обращение.

П. Потоцкий.

Я убежден, что Вы мне ответите — это Вы должны (напишите, как я уже сказал, на равных).

Адресуйте: Красное Село
Лагерь Артиллерийского училища.
Павлу Потоцкому.

Не смейтесь» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29823).

«Одна несоответственная идея» — так называлась главка II во второй главе майского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 24—27 и примеч. к ним). См. также письмо 619.

[2] Письмо Потоцкого написано неразборчивым почерком.

[3] Достоевский выехал из Петербурга в Старую Руссу 10 июня 1876 г.

621. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 87)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Александров*, стр. 198.
Год написания указан Алексадровым при публикации письма. На письме его помета: «(1876 г.)». 21 июня 1876 г. приходилось на понедельник.

[1] Речь идет о наборной рукописи первой главы июньского выпуска «Дневника писателя» 1876 г., посвященной Жорж Санд и содержащей две главки: «Смерть Жорж Занда» и «Несколько слов о Жорж Занде» (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 30—37). Эта часть наборной рукописи не сохранилась.

662. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 87)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 309.

[1] См. письма 623 и 625.
[2] Июньский выпуск был подписан к печати 30 июня. Как правило, «Дневник писателя» в 1876 г. выходил в свет на следующий день после подписания в печать (см. наст. изд., т. XXII, стр. 267).

623. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 88)

Печатается по первой публикации: Мой журнал. Для любителей искусства и старины. Изд. А. Е. Бурцева, СПб., 1916, вып. 7, факсимиле на вклейке между стр. 206 и 207 (повторно: там же, вып. 14). Текст опубликован также: «Звезда», 1930, № 5—6, стр. 261.
Подлинник неизвестен.

[1] Последние листы наборной рукописи июньского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. Достоевский выслал Александрову 30 июня (см. письмо 625).
[2] Под знаком * на стр. 150 июньского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. помещена сноска: «Немецкому поэту Шиллеру, другу человечества» (перевод французской фразы из текста «Дневника»; «au poête allemand Schiller, l'ami de l'humanité»). См. наст. изд., т. XXIII, стр. 31; см. также стр. 364—365.
[3] Это объявление было напечатано на последней странице июньского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (см.: *ДП*₁, стр. 171).

624. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 88)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2567, оп. 2, № 272.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 308 (с неверной датировкой).
Датируется по содержанию и по связи с письмами 622 и 625. В конце июньского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. было напечатано объявление об исправлении серьезных опечаток, допущенных в первой главе (см.: *ДП*₁, стр. 171). Достоевский выслал его текст Александрову 30 июня (см. письмо 625), разрешение же печатать выпуск было им дано в письме от 24 июня (см. письмо 622). Письмо написано после приезда писателя 28 июня из Старой Руссы в Петербург и после двух корректур. Следовательно, датируется 28—29 июня 1876 г.

625. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 89)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 123, оп. 1, № 340.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 310 (не полностью).

Год написания устанавливается по содержанию (см. примеч. 2) и по помете Александрова: «(1876)».

[1] Речь идет о наборной рукописи конца второй главы июньского выпуска «Дневника писателя» 1876 г.

[2] Заметка об опечатках в первой главе июньского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. была помещена в конце выпуска (см.: $ДП_1$, стр. 171).

626. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 89)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.15.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 215.

[1] Достоевский выехал из Петербурга в Эмс 5 июля 1876 г., в понедельник (см. письмо 631).

[2] Из письма А. Г. Достоевской к мужу от 7 июля 1876 г. явствует, что Н. М. Достоевский провожал ее из Петербурга в Старую Руссу (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 215). Следовательно, братья виделись перед отъездом писателя в Эмс.

[3] Достоевский с семьей проживал на Греческом проспекте, у Греческой церкви, в доме Струбинского, кв. 6.

627. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 89)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.29, лл. 1—3.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 191—193.

Достоевская ответила 12 июля 1876 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 219—220).

[1] Из письма Достоевской к мужу от 7 июля 1876 г. следует, что она выехала из Петербурга 5 июля, 6 июля провела в Новгороде и 7 июля прибыла в Старую Руссу (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 215).

[2] Первое письмо Достоевской в Эмс от 7 июля Достоевский получил 13 (25) июля 1876 г., о чем и написал ей в тот же день (см. письмо 629).

[3] Шнельцуг — скорый поезд (от нем. Schnellzug).

[4] Аналогичная сцена была описана Достоевским в «Дневнике писателя» 1876 г., во второй главе выпуска за июль-август (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 76—77).

[5] В 1876 г. в Дрездене, вспоминала Достоевская, «...произошел тот анекдот, который муж приводит в одном из писем ко мне в пример основательности и некоторой тяжеловесности немецкого ума. Федор Михайлович обратился к господину, по-видимому, интеллигентному, с вопросом:

— Bitte, gnädiger Herr, wo ist ‹die› Gemälde-Galerie?

— Gemälde-Galerie?

— Ja, Gemälde-Galerie.

— ‹Die› Königliche Gemälde-Galerie?

— Ja, ‹die› königliche Gemälde-Galerie.

— Ich weiß nicht. ‹— Пожалуйста, милостивый государь, где находится картинная галерея? — Картинная галерея? — Да, картинная галерея. — Королевская картинная галерея? — Да, королевская картинная галерея. — Я не знаю. — *нем.*›. Мы подивились, почему он нас так долго допрашивал, если не знал, где галерея находится» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 148). Эту сцену Достоевский воспроизвел также в «Днев-

нике писателя» 1876 г., во второй главе выпуска за июль—август (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 77).

[6] Афраншировать — оплатить письмо маркой (от франц. affranchir).

[7] 30 июля 1876 г. Достоевская писала мужу: «...пальто и шуба у Прохоровны (шубу ты не бери, пусть хранит до нашего приезда), на случай вот ее адрес: Измайл‹овский› полк, Заротпая улица» (*Д, Переписка с женой*, стр. 244). «Я в прошлый раз не дописала адреса Прохоровны: Измайл‹овский› полк, Заротная улица, д. 9, кв. № 2», — сообщала она 1 августа (там же, стр. 245).

628. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 92)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.29, лл. 4—5.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 193—196.

Достоевский ошибочно датировал письмо 9 (27) июля — он прибыл в Эмс 9 (21) июля 1876 г.

[1] Достоевский посетил в Берлине Старый музей (построен в 1824—1828 гг. К.-Ф. Шинкелем) и Новый музей (построен в 1843—1855 гг. А. Штюлером), расположенные на Острове музеев.

[2] Берлинский Аквариум (Aquarium) был основан в 1869 г.

[3] Шам (Хам) — псевдоним французского художника-карикатуриста А.-Ш.-Г. Ное (A.-C.-H. Noé, 1819—1879). Достоевский упоминал об одном из героев его карикатурной серии — бароне Краке — в статье «Выставка в Академии художеств за 1860—1861 год» (наст. изд., т. XIX, стр. 162).

[4] Этот эпизод с англичанкой Достоевский отметил также в подготовительных материалах к «Дневнику писателя» 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 182).

[5] Трегер — носильщик (от нем. Träger).

[6] Гаргаризация — полоскание горла (от франц. gargariser).

[7] В гостинице «Ville d'Alger» у мадам Бах Достоевский жил в 1874 г. (см. наст. изд., т. XXIX_1, письмо 539).

[8] Сын Достоевского Федор родился 16 июля 1871 г.

629. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 95)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.29, лл. 6—7.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 196—199.

Ответ на письмо Достоевской от 7 июля 1876 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 215—216).

Достоевская ответила 18 июля 1876 г. (см. там же, стр. 227—229).

[1] Это письмо Достоевского к жене неизвестно.

[2] 15 (27) июля, в четверг, Достоевский получил письмо Достоевской от 9 июля 1876 г. (см. письмо 630).

[3] Речь идет о книге А. Гиршгорна «Эмс и его целебные источники» (СПб., 1874). См. о ней письмо 588 и примеч. 5 к нему.

[4] Имеется в виду Дюссо (Dussot) — владелец петербургского ресторана на Большой Морской (ныне ул. Герцена). Достоевский упоминал его в «Преступлении и наказании» (см. наст. изд., т. VI, стр. 217; т. VII, стр. 93).

[5] См. письмо 628.

[6] Гутбезитцер — помещик (от нем. Gutsbesitzer).

[7] Эпизод с пожертвованиями на «маленьких детей-идиотов» Достоевский описал во второй главе июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» 1876 г., где он был использован писателем для резкой критики нравов буржуа (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 72—73).

[8] А. Н. Сниткина, как следует из письма Достоевской к мужу от 18 июля, уехала из Старой Руссы 18 июля 1876 г. (стр. 227).

630. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 98)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.29, лл. 8—9.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 199—202.

Ответ на письмо Достоевской от 9 июля 1876 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 218—219).

Достоевская ответила 19 июля 1876 г. (см. там же, стр. 232).

[1] Речь идет о подписчиках на «Дневник писателя». Подруга Достоевской М. В. Никифорова в дальнейшем помогала ей в ведении издательских дел.

[2] Достоевский имеет в виду подготовку июльско-августовского выпуска «Дневника писателя».

[3] Достоевский читал в Эмсе роман Э. Золя «Le ventre de Paris» («Чрево Парижа», 1873). Во второй главе июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. он высказал отрицательное суждение об этом произведении Золя, «так называемого у нас реалиста» (см. наст. изд., т. XXIII. стр. 94—95, 202, а также стр. 391—392, 418—419). Записная тетрадь 1876 г. также содержит резкие отзывы Достоевского о французском натурализме, о «Чреве Парижа» в частности. Разбору этого романа он намеревался посвятить специальный раздел «Дневника писателя» (см. там же, т. XXIV, стр. 227, 232, 238—239, 248, а также стр. 475, 476, 478). В этом романе Золя Достоевский усматривал натуралистичность, увлечение внешними сторонами жизни в ущерб изображению главного — духовной жизни человека. «Это не искусство <...> Главное, всё это неверно, всё это преувеличено, а потому далеко не réalite», — писал Достоевский (там же, стр. 238, 239). Он упрекал Золя в отсутствии нравственного идеала, в том, что он оставляет «человечество при одной только грязи текущего» (там же, стр. 248). См. об этом в работах Л. М. Розенблюм «Творческие дневники Достоевского» и Г. М. Фридлендера «Новые материалы из рукописного наследия художника и публициста» (*ЛН*, т. 83, стр. 82, 83, 119—120). В библиотеке Достоевского находилось пять романов Золя на французском языке: «Чрево Парижа», «Завоевание Плассана», «Добыча», «Карьера Ругонов» и «Проступок аббата Муре» (см.: *Библиотека*, стр. 141).

[4] Начиная с 1871 г. в России ежегодно во множестве печатают переводы романов Э. Золя. В 1873 г. появилось пять переводов «Чрева Парижа». Имя Золя приобрело большую популярность, в журналах было напечатано много статей о нем, возникла дискуссия о натурализме и развитии русского романа. О Золя писали П. Д. Боборыкин, В. В. Чуйко, В. Г. Авсеенко, Вс. С. Соловьев и мн. др. См. об этом: М. К. Клеман. Начальный успех Золя в России. — «Язык и литература», 1930, т. 5, стр. 271—328; то же в кн.: М. К. Клеман. Эмиль Золя. Сб. статей. Л., 1934, стр. 189—165. См. также наст. изд., т. XXIII, стр. 392.

[5] Письмо Достоевской от 9 июля 1876 г. заканчивалось припиской: «Дорогой мой: кого я встретила в последний день? Его!!! Отгадай кого и ревнуй! Подробности в следующем письме» (стр. 219). См. об этом письмо 632.

631. Вс. С. СОЛОВЬЕВУ (стр. 101)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 1120, I, 97, лл. 18—19.

Большая часть впервые опубликована: *ИВ*, 1881, № 4, стр. 845—846 (в тексте «Воспоминаний о Ф. М. Достоевском» В. С. Соловьева); полностью: *Д, Письма*, т. III, стр. 226—228.

Ответ на письмо Соловьева от 3 июля 1876 г. (*ВЛ*, 1971, № 9, стр. 182).

Соловьев ответил 21 июля 1876 г. (там же, стр. 183—184. См. также письмо 636 и примеч. 6 к нему).

[1] Бабушка — А. Н. Сниткина.

[2] Письмо Соловьева от 3 июля 1876 г. Достоевская переслала мужу из Старой Руссы в Эмс вместе со своим письмом от 9 июля (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 212).

[3] Соловьев писал Достоевскому 3 июля 1876 г.: «...сейчас прочел июньский „Дневник" Ваш и совершенно нахожусь под его впечатлением. Сравниваю Ваш взгляд на Жорж Занда с только что напечатанными в „Вестнике Европы" рассуждениями о ней Емиля Золя. Сравниваю то, что Вы называете „Вашим парадоксом", со всем, что слышал, читал и о чем думал в последнее время по поводу восточных событий. Сравниваю Ваш рассказ об этой милой девочке (о С. Лурье в главке «Опять о женщинах». — *Ред.*) и Ваше к ней отношение с тем, о чем много и горячо думал, — и Вы не поверите, как мне дорог июньский „Дневник". Прочтя его один раз, я уже, кажется, помню наизусть каждое Ваше слово, мне хотелось бы просто съесть эту дорогую тетрадку» (стр. 182). Уже после смерти писателя Соловьев вспоминал: «Время было горячее, тревожное; „восточный вопрос" снова стоял на очереди, сербская война, Черняев, добровольцы... Чувствовалась неизбежность, необходимость великой борьбы. Достоевский говорил смело, оригинально, по-своему; выставлял неожиданные вопросы и неожиданно освещал их, вдохновенно пророчествовал. Заветные мысли и чувства истинно русского и искреннего человека были многим не по душе, а этот человек вдобавок имел уже большое влияние — и снова поднялись насмешки.

„Парадоксы!" — кричали газеты, и опять эти крики раздражительно действовали на Достоевского» (*ИВ*, 1881, № 4, стр. 844). В дальнейшем Соловьев выступил в печати с поддержкой Достоевского (см. письмо 636 и примеч. к нему 6).

[4] Сотрудник библиотеки в Киеве Гребцов писал Достоевскому 8 июня 1876 г.: «Ваша мысль гениальна — издавать „Дневник". Все его любят — именно любят <...> Вы пишете то, что думаете — это-то и редкость, это и хорошо». Вместе с тем он упрекал писателя: «Но Вы не доводите до конца <...> часто тратите слова на очень неинтересный сюжет», не затронуты «проклятые вопросы». Задача «Дневника», по мнению автора письма, — «дать нелицеприятный и строгий анализ нашей современной жизни». «Обоймите же русскую жизнь широко <...> Вы слишком благодушны: Вы словно игнорируете всю тьму и неурядицу», — заключил Гребцов (*Достоевский и его время*, стр. 272—273).

[5] Во второй главе июньского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (главки: «Мой парадокс», «Вывод из парадокса», «Восточный вопрос», «Утопическое понимание истории») Достоевский высказал суждения по давно и остро волновавшим его проблемам: Россия и Запад, историческая миссия России (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 38—50), «Русское предназначение в его идеале» по Достоевскому заключено в служении всеобщему примирению. России следует возглавить всеединение славян, разрешив тем самым Восточный вопрос. В этом виделось Достоевскому начало осуществления Россией ее исторической миссии. Июньский выпуск «Дневника писателя» 1876 г. не вызвал большого отклика в печати. О восприятии его критикой см. статью И. Л. Волгина «Достоевский и русское общество» (*РЛ*, 1973, № 3, стр. 123—132), а также наст. изд., т. XXII, стр. 288—315.

[6] Упоминания Достоевским Вольтера и его произведений см. по Указателю имен в тт. XVII, XXVII (и в примечаниях к указанным страницам) и в т. XXVIII_2 наст. изд.

[7] «Мысль изреченная есть ложь...» — цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium» (1836). Это стихотворение Достоевский цитировал в «Братьях Карамазовых», в подготовительных материалах к «Подростку» и записной тетради к «Дневнику писателя» 1876 г. (см. наст. изд., т. XIV, стр. 423, 425; т. XVI, стр. 68; т. XXIV, стр. 132). Упоминания имени Тютчева в произведениях и статьях Достоевского см. по Указателю имен в тт. XVII и XXVII наст. изд. Работы, посвященные сопоставлению

Достоевского и Тютчева, см. (по Указателям имен) в кн.: *Достоевская, Библиографический указатель*; Ф. И. Тютчев. Библиографический указатель произведений и литературы о жизни и деятельности. 1818—1973. М., 1978. См. также: А. В. Архипова. Достоевский о Тютчеве. — *РЛ*, 1975, № 1, стр. 172—176.

[8] Вс. Соловьев напечатал в «Русском мире» две статьи о «Дневнике писателя» 1876 г. (в основном об июньском выпуске): «Ф. М. Достоевский и Эмиль Золя о Жорж Занде. Еще несколько слов о натуральном романе» и «Мысли по поводу восточного вопроса» (*РМ*, 1876, 11 и 18 июля, №№ 189 и 196). Вторая статья была прислана Соловьевым Достоевскому со своим письмом от 21 июля 1876 г. (см.: *ВЛ*, 1971, № 9, стр. 183. См. также письмо 636). О статьях Соловьева см. наст. изд., т. XXII, стр. 305, 310—311.

[9] На последней странице июньского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. было помещено объявление: «Следующий выпуск „Дневника писателя“ появится 31-го августа, за июль и август вместе, в двойном количестве листов» (*ДП*$_1$, стр. 172). Этот выпуск был подписан цензором к печати 2 сентября.

632. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 103)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.29, лл. 10—11.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 202—205.

Ответ на письмо Достоевской от 12 июля 1876 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 219—220).

Достоевская ответила 24 июля 1876 г. (см. там же, стр. 235—236).

[1] Достоевская сообщала мужу 12 июля: «У нас все благополучно, хотя и бывают иногда неприятности. Та молодая нянька, которую мы оставили, ушла еще до меня, а на ее место поступила старуха, которая прожила неделю и тоже отказалась; таким образом, у нас в месяц переменилось три няньки, и теперь мы без няньки (обещали хорошую, придет послезавтра). Все они, отходя, говорят, что нельзя жить, когда у детей такие дурные характеры (это у наших-то!), а молодой Федя, действительно, исцарапал лицо, впрочем за дело, так как она на гулянье его била и щипала» (стр. 219).

[2] Об этом Достоевская так писала мужу: «Были на крестном ходу, который проходил мимо нас; Лиля очень хлопотала, чтобы побольше побросать на улицу цветов перед крестами, потому что „надо потрудиться для бога“» (стр. 219—220).

[3] В «Дневнике писателя» 1876 г. Достоевский описал Эмс в главах второй (главка «Немцы и труд. Непостижимые фокусы. Об остроумии») и четвертой (главка «Что на водах помогает: воды или хороший тон?») — см. наст. изд., т. XXIII, стр. 70—77, 84—88. А. С. Долинин отметил: «...что особенно интересно, использованы как раз те самые факты и анекдоты, которые рассказаны Достоевским <...> в письмах к жене, а местами не только использованы, а даны в том же словесном оформлении; стиль эпистолярный сплошь и рядом сливается у него со стилем фельетонным в „Дневнике“» (*Д, Письма*, т. III, стр. 366).

[4] О Золя и его романе «Чрево Парижа» см. письмо 630 и примеч. 3, 4 к нему.

[5] Беспокойство Достоевского было вызвано тем, что он не выполнял данное им Некрасову обещание написать для «Отечественных записок» рассказ или повесть. Так, 29 августа 1876 г. А. Н. Плещеев, бывший тогда секретарем редакции «Отечественных записок», писал Достоевскому: «Редакция „Отеч<ественных> зап<исок>“ поручила мне спросить тебя, может ли она рассчитывать на получение от тебя чего-нибудь, так как ты ей кажется обещал; и когда именно ты наметил дать. Пожалуйста, извести.

У нас теперь по беллетристике мало матерьялу. Некрасов на днях уехал в Крым, надолго, но здесь Салтыков, адрес которого сообщаю тебе на случай, если б ты нашел нужным видеть его для каких-либо переговоров» (*Лит. архив*, т. 6, стр. 267). Ответил ли Достоевский Плещееву на это письмо, неизвестно. А в конце года уже Салтыков-Щедрин (Некрасов тяжело болел) писал 21 декабря Достоевскому: «Не можете ли Вы дать для февральской книжки хотя небольшой рассказ. Я бы лично приехал просить Вас об этом, но вспомнил, что в конце месяца Вы не имеете свободного времени. Ежели Вы доставите Вашу работу даже к 1-му февраля, то будет еще не поздно. Пожалуйста, не оставьте это письмо без ответа» (*Салтыков-Щедрин*, т. 19, кн. первая, стр. 36). Ответ Достоевского на это письмо неизвестен. В рабочей тетради писателя 1876—1877 гг. сохранились три небольших наброска к задуманному для «Отечественных записок» произведению. Они озаглавлены «В повесть Некрасову» (см. наст. изд., т. XVII, стр. 10, 440). Эта повесть так и не была написана. В счет гонорара за нее Достоевский получил 1000 р. Эту сумму А. Г. Достоевская вернула в «Отечественные записки» — а именно А. А. Краевскому — в 1884 г. См. статью А. В. Архиповой «Достоевский и „Отечественные записки“ в 1876 г.» (*Материалы и исследования*, т. VII, стр. 203—207).

[6] Речь идет о примечании Достоевской к своему письму мужу от 9 июля 1876 г. (см. письмо 630 и примеч. 5 к нему)

[7] Вторым письмом Достоевский называет письмо жены к нему от 12 июля 1876 г., в котором она писала: «Дорогой мой, чтоб ты очень не беспокоился над загадочным окончанием прошлого письма, расскажу в чем дело: в последний день часов в 6 я встретила моего бывшего жениха в Гостином дворе. Обрадовался мне ужасно, но и смутился и покраснел до того, что и меня сконфузил ‹...› Расстались мы друзьями; очевидно правда, что *старая любовь не ржавеет*; что бы сказала Марья Михайловна!!! А право, я была тронута таким искренним и восторженным приемом. Хороший человек, а нужно же жить ему какими-то прошлыми воспоминаниями ‹...›. Говорит о „Дневнике“ с восторгом, сам сшивает №» (стр. 220). Марья Михайловна (в замужестве Владиславлева) — племянница Достоевского, дочь М. М. Достоевского.

[8] «Фиделио» — опера Л. ван Бетховена (написана в 1805 г., переработана в 1814 г.). «Не будучи знатоком музыки, — писала Достоевская, — муж мой очень любил музыкальные произведения Моцарта, Бетховена „Fidelio“, Мендельсона-Бартольди „Hochzeitsmarsch“, Россини „Air du Stabat Mater“ и испытывал искреннее наслаждение, слушая любимые вещи» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 151). См.: А. Гозенпуд. Достоевский и музыкально-театральное искусство. Л., 1981, стр 116—117 (а также о Бетховене по Указателю имен в тт. XVII и XXVII наст. изд.).

633. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 106)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.29, лл. 13—14.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 205—208.

Ответ на письмо Достоевской от 15 июля 1876 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 223—224).

Достоевская ответила 27 июля 1876 г. (см. там же, стр. 240—242).

[1] А. Н. Сниткина в своей приписке поздравила Достоевского с днем рождения сына Федора.

[2] 18 июля 1876 г. Достоевская сообщила мужу: «Вчера уехала мама с батюшкой (И. И. Румянцевым. — *Ред.*), который ‹...› проводит маму до Твери» (*Д, Переписка с женой*, стр. 227).

[3] «Няньку я наняла, и она придет 3-го августа», — написала Достоевская 1 августа 1876 г. (там же, стр. 245).

[4] Достоевская сообщила мужу в письме от 18 июля 1876 г. о молебне, состоявшемся по ее заказу, в связи с днем рождения сына Федора и покупкой дома в Старой Руссе (там же, стр. 227).

[5] В ответ на эту просьбу Достоевская писала 27 июля из Старой Руссы: «Я бы рада была это исполнить, но вот беда: ведь нужно относить на почту, а это очень затруднительно <...> оставим как есть; ты ведь знаешь, что в экстр<енном> случае я тебе напишу и даже телеграфирую, и поэтому будь спокоен на наш счет» (стр. 240—241).

[6] Г. З. Елисеев был сыном священника, сам окончил духовную семинарию и Московскую духовную академию, преподавал в Казанской духовной академии. В печати Елисеев начал выступать как историк церкви (см.: Г. Тизенгаузен. Г. З. Елисеев и его воспоминания. — В кн.: Шестидесятые годы. М.—Л., 1933, стр. 256—258). Резко отрицательно отозвался Достоевский в 1875 г. на статью Елисеева (*ОЗ*, 1875, № 12) о причинах ухода семинаристов в университеты и лицеи, в которой он предлагал готовить священников двух типов: для исполнения церковной службы и для просветительской деятельности (см. об этом наст. изд., т. XXII, стр. 137, 391). Некоторые факты биографии Елисеева были полемически, пародийно обыграны писателем в характеристике «семинариста-нигилиста» Ракитина в романе «Братья Карамазовы» (см. там же, т. XV, стр. 457, 539, 597).

В этом письме, как и ранее по отношению к Страхову, Достоевский разумел под семинаристом определенный общественно-политический тип (см. об этом письмо 564 и примеч. 10 к нему). О Елисееве см. также наст. изд., т. VII, стр. 346—347; т. XX, стр. 302, 307; т. XXI, стр. 39; тт. XXVII и XXVIII_2 (по Указателю имен).

[7] Е. П. Елисеева — жена Г. З. Елисеева — происходила из военной семьи (см.: Г. Тизенгаузен. Г. З. Елисеев и его воспоминания. — В кн.: Шестидесятые годы. М.—Л., 1933, стр. 414—415).

[8] Летом 1876 г. войска черногорцев вели ожесточенные бои с турецкими войсками. В Герцеговине, при Вучьем Доле, 16 (28) июля черногорская армия под командованием воеводы Петра Вукотича разбила армию Мухтара-паши. В это же время на албанском фронте черногорцы под предводительством князя Николая осадили крепость Медун, вели здесь успешные бои, завершившиеся 21 июля (2 августа) разгромом турецкой армии (см.: Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы. М., 1978, стр. 61—62).

[9] Об А. В. Тачалове см. письмо 579.

[10] Н. А. Белоголовый — известный петербургский доктор, близкий к кругам «Отечественных записок», лечил Н. А. Некрасова.

[11] Достоевская сообщала 15 июля о получении письма от одного «провинциала с грубыми примечаниями» на статьи Достоевского. «...не стоит пересылать», — писала она (стр. 224). Речь идет о письме П. С. Черданцева от 23 июня 1876 г. из Петропавловска, в котором он и передал Достоевскому замечания на «Дневник писателя», принадлежащие «отставному приходскому учителю, человеку со своеобразными убеждениями». Эти заметки (так выражается Черданцев) чрезвычайно противоречивы. В них то защищается судопроизводство над детьми и применение телесных наказаний в учебных заведениях, то резко говорится о «высших руководителях» России. Несправедливы упреки в адрес Достоевского: «Где же искренность, где сочувственное слово к бедному труженику...»; «Но кто из людей вашего промысла сделал когда-либо великое дело?».

Но сам П. С. Черданцев высоко ценил «Дневник писателя»: «...журнал Ваш читается с наслаждением и слово Ваше, упадшее на добрую землю, может принести хорошие плоды. Дай бог Вам на много лет сил и здоровья, чтобы потрудиться для пользы русского народа!» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29894).

[12] Специального отдела «Ответ на письма» Достоевский в «Дневнике писателя» не образовал. Начиная с 1873 г. он неоднократно использовал письма читателей в различных главах «Дневника писателя» (см., напри-

мер, наст. изд., т. XXI, стр. 60—68; т. XXIII, стр. 5; т. XXV, стр. 74—77, 88—90, 125—130; т. XXVI, стр. 126—128). Помещались и короткие ответы на некоторые письма читателей (см. т. XXV, стр. 36, 64, 93; т. XXVI, стр. 128). См. об этом в работе И. Л. Волгина «Письма читателей к Ф. М. Достоевскому» (*ВЛ*, 1971, № 9, стр. 173—196).

634. Л. В. ГОЛОВИНОЙ (стр. 109)

Печатается по машинописной копии: *ИРЛИ*, ф. 98, № 18. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: *РЛ*, 1961, № 4, стр. 143—147.

Принадлежность письма Достоевскому и личность адресата установлены его первым публикатором И. А. Битюговой (см. там же, стр. 144). Об истории письма и копии с него см.: там же, стр. 143—144, а также в воспоминаниях Е. Летковой-Султановой (*Звенья*, т. I, стр. 475).

[1] Достоевский не ошибся. Головина писала в черновой рукописи воспоминаний о Достоевском: «Перед предполагаемым моим отъездом в Малороссию, в Полтавскую губернию, Гадячского уезда мы условились писать друг другу» (*ИРЛИ*, ф. 230, № 660)..

[2] Имеются в виду хлопоты, связанные с написанием и изданием ежемесячных выпусков «Дневника писателя».

[3] Головина отметила в черновой рукописи своих воспоминаний: «Я не любила свет, выезды» (*ИРЛИ*, ф. 230, № 660).

[4] В феврале 1875 г. Достоевский проходил курс лечения легких сжатым воздухом («под колоколом») в лечебнице Л. Н. Симонова в Петербурге, где и познакомился с Головиной и генералом Т. Ф. Ганом. Головина вспоминала: «На первом же сеансе я начала оглядывать всех с нами находящихся и увидала рядом со мною, с правой стороны, человека с очень бледным, т. е. желтым, лицом, очень болезненным; он сидел согнувшись в кресле, с „Русским вестником“ в руках <...> у нас завязался оживленный разговор <...> Он шутил, смеялся и по выходе из колокола уговорился встретиться здесь на следующий день в этот же час. Действительно, мы встретились и опять сели рядом и опять оживленно заговорили... Наконец он сказал:

— Я не умею разговаривать, не употребляя имя и отчество... Скажите мне, пожалуйста...

Я не дожидаясь ответила и прибавила:

— А Вы?

— Федор Михайлович Достоевский.

Я испугалась.

Почему?

Мне стало страшно, что я не так разговаривала с ним, как было нужно.

Мы продолжали видеться под колоколом ежедневно. Он перестал приносить книгу; я перестала бояться...» (*Звенья*, т. I, стр. 473—474. См. также письма 557 и 635). «— Пойдемте ко мне пить чай, — предложила я, — продолжает Головина. — И он пришел. И стал приходить ежедневно, а когда он читал что-нибудь, то я обязательно должна была ехать туда и сидеть в первом ряду <...> В 1876 г. он уехал лечиться в Эмс, и мы решили переписываться. Переписка установилась дружеская, но грустная...» (*Звенья*, т. I, стр. 475).

[5] Вундерфрау — знахарка (от нем. Wunderfrau). Достоевский имеет в виду знахарку из Мюнхена по фамилии Гогенестер. См. о ней наст. изд., т. XXIII, стр. 77 и 387.

[6] По справедливому наблюдению И. А. Битюговой (*РЛ*, 1961, № 4, стр. 146) генерал Т. Ф. Ган описан в первой главе июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 57 и примеч. на стр. 380).

635. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 112)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.29, лл. 15—16.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 208—211.
Ответ на письмо Достоевской от 18 июля 1876 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 227—228).
Достоевская ответила 30 июля 1876 г. (см. там же, стр. 244).

[1] Достоевская писала мужу 18 июля: «Я такая обыкновенная женщина, золотая середина, с мелкими капризами и требованиями и имеющая разве одно достоинство, что искренно и беззаветно вас всех люблю четверых» (стр. 228).
[2] О встрече в Эмсе с Т. Ф. Ганом Достоевский писал также Л. В. Головиной (см. письмо 634 и примеч. 4 к нему).
[3] См. письмо 634 и примеч. 5 к нему.
[4] В Эмсе Достоевский работал над июльско-августовским выпуском «Дневника писателя» 1876 г.

636. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 114)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.29, лл. 17—18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 210—212.
Ответ на письмо Достоевской от 19 июля 1876 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 232. Достоевский ошибочно указал: «...на твое письмо от 21 июля»).
Достоевская ответила 1 августа 1876 г. (см. там же, стр. 245).

[1] Достоевский выехал из Эмса 7 (19) августа 1876 г.
[2] О встрече в Эмсе с Г. З. Елисеевым и его женой Достоевский писал жене 21 июля (2 августа) (см. письмо 633 и примеч. 6, 7 к нему).
[3] Андрей — ямщик из Старой Руссы.
[4] Звад (Взвад) — большое село на берегу Ильменя, у устья реки Ловать.
[5] Речь идет о работе над выпуском «Дневника писателя» за июль — август.
[6] Вс. С. Соловьев писал Достоевскому 21 июля 1876 г.: «Посылаю мою последнюю статью по поводу восточного вопроса. К моему величайшему удивлению, часть ее с большой похвалой была перепечатана в „Новом времени“...» (*ВЛ*, 1971, № 9, стр. 183). Статья Соловьева «Мысли по поводу восточного вопроса» была напечатана в газете «Русский мир» (1876, 18 июля, № 196. Фрагменты ее перепечатаны: *НВр*, 1876, 20 июля, № 140). Соловьев подробно изложил в ней содержание второй главы июньского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. Как и Достоевский, он ратует за единение славян, подчеркивает особую позицию русского народа: «...мы бескорыстны, народ весь идет на помощь страдающим братьям...». «Наш проницательный писатель, — утверждал Соловьев, — откровенно сказал то, что у каждого из нас в мыслях и в сердце». См. также письмо 631 и примеч. к нему.

637. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 116)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.29, лл. 14—20.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 212—214.
Ответ на письмо Достоевской от 24 июля 1876 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 235—236).

[1] Достоевская писала: «Няньки у нас пока нет, является их много, да ни одна не годится...» Прислугу же Лукерью она назвала «подлой» (стр. 235, 236).

[2] Достоевская писала: «Федя на сообщение мое об ослах и о том, что ты повезешь его за границу смотреть их, серьезно сказал: ну так пусть ослы возят теперь других, пока мы приедем» (стр. 236).

[3] О Елисеевых см. письма 633 и 636.

[4] Е. О. Лихачева — детская писательница, публицист — летом 1876 г. посетила Сербию. В «Отечественных записках» были напечатаны две ее корреспонденции о сербско-турецкой войне «Из Сербии» и «Английская и русская благотворительность в Сербии. Письмо из Белграда» (*ОЗ*, 1876, № 10, отд. II, стр. 182—189; 1877, № 2, отд. II, стр. 275—285). Совместно с А. И. Сувориной выпустила в 1860—1870-х годах ряд популярных, главным образом переводных изданий: «Путешествия к центру земли» Ж. Верна (1865), «История французской революции. Сочинение Минье» (1866), «Герои труда» (1870), «Европейские реформаторы» (1872), «Великие явления и очерки природы» (1874) и др.

[5] Речь идет о корреспонденциях А. С. Суворина из Константинополя (он был одним из первых отправившихся на Балканы корреспондентов), которые печатались в 1876 г. в газете «Новое время», издававшейся тогда мужем Е. О. Лихачевой — В. И. Лихачевым.

638. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 118)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.29, лл. 21—22.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 214—216.

Ответ на письмо Достоевской от 27 июля 1876 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 240—242).

[1] Достоевская сообщала мужу: «Я себе наколола иголкой палец, и теперь у меня на пальце нарыв, кот‹орый› не дает мне ни много писать, ни шить...» (стр. 241).

[2] «Письма есть от „не другого“ и от Гребцова из Киева, кот‹орый› уже раз писал тебе, их присылаю», — писала Достоевская. О первом письме Гребцова см. письмо 631 и примеч. 4 к нему. Далее она сообщала: «Прилагаю при сем 4 письма: от гимназиста ругательное, от Гребцова и из Харькова...» (стр. 241, 242). Достоевская приводит конец письма «Не „другого“», касающийся судьбы детей-преступников (стр. 242).

[3] В Эмсе Достоевский работал над июльско-августовским выпуском «Дневника писателя» 1876 г. Эта работа продолжалась до 30 августа 1876 г., была затруднена вмешательством цензора, которое привело к запрещению некоторых его частей и к цензурным искажениям текста (см. письма 640—644 и примеч. к ним).

[4] «...можешь себе представить, не была ни разу в театре, — писала Достоевская, — ни в одном концерте, даже в концерт Славянского (певческая капелла) и тут поскупилась пойти ‹...› Приезжал сюда Вейнберг читать еврейские рассказы, но и у него не была» (стр. 241). Достоевская имеет в виду выступления хора русских и славянских песен, организованного Д. А. Агреневым-Славянским, и концерты Павла И. Вейнберга, выступавшего с рассказами из еврейского и армянского быта.

[5] «Пока я писала это письмо, — сообщает Достоевская, — ко мне явился какой-то господин с письмом от Михаила Алекс‹андровича› Языкова, который спрашивает у меня в письме: вернулся ли ты, когда вернешься и куда: сюда или в Пе‹тербург›. Если в Пет‹ербург›, то где твой петерб‹ургский› адрес. Затем, выйдет ли июльский номер. Я ответила самым подробным образом на все эти вопросы. Зачем ему это — не знаю» (стр. 241). Это письмо Языкова к Достоевской неизвестно.

[6] О встречах с Елисеевыми в Эмсе см. письма 633, 636 и 637.

639. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 120)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.29, лл. 24—25.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 216—217.
Ответ на письма Достоевской от 30 июля и 1 августа 1876 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 244—245).

[1] 30 июля Достоевская писала мужу о «Дневнике писателя»: «Знаешь, у меня вышел весь июньский выпуск, и я послала Алекс‹андру› Христоф‹оровичу› письмо, в котором просила выслать мне сто экз‹емпляров› за июнь. Он выслал мне по второму моему письму, но не сто, а только *пятьдесят экз‹емпляров›*» (стр. 244).

[2] Имеется в виду Н. М. Достоевский. Достоевская писала 30 июля: «Ключи от квартиры у Ник‹олая› Михайловича...» (стр. 244).

[3] Речь идет об июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» 1876 г.

[4] 1 августа 1876 г. Достоевская писала: «...напишу короткое письмо с извещением о здоровье детей в Петербург на имя Александрова в типографию Оболенского» (стр. 245).

640. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 121)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Александров*, стр. 189.
Год устанавливается по следующим соображениям: 1) письмо при его публикации отнесено Александровым к 1876 г.; 2) на подлиннике письма помета Александрова: «(1876 г.)»; 3) именно в 1876 г. 21 августа приходилось на субботу; 4) по связи с письмами 641 (упоминание о 38 стопах бумаги от Печаткина) и 642 (см. примеч. 1 к нему).

[1] Достоевский выслал Александрову для набора рукопись главки I («Русский или французский язык?») третьей главы из июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (рукопись не сохранилась).

[2] Достоевский выехал из Старой Руссы в Петербург не 26, а 27 августа 1876 г.

[3] Еще до отъезда из Старой Руссы 25 августа 1876 г. Достоевский выслал Александрову рукопись главки I четвертой главы выпуска «Дневника писателя» 1876 г. за июль—август (см. письмо 642 и примеч. 1 к нему).

[4] У владельца бумажного склада К. П. Печаткина Достоевский приобретал бумагу для печатания «Дневника писателя». Упомянутое здесь письмо к Печаткину неизвестно.

[5] Достоевского волновала мысль о возможных затруднениях при прохождении через цензуру июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» (см. письма 642—644).

641. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 122)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Александров*, стр. 300.

[1] Письмо Александрова, на которое отвечает Достоевский, неизвестно.

[2] О цензурных вымарках в «Дневнике писателя» 1876 г., о которых пишет здесь Достоевский, см. письма 642—644 и примеч. к ним.

642. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 123)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Александров*, стр. 300—301.

[1] Достоевский выслал Александрову для набора рукопись главки I («Что на водах помогает: воды или хороший тон?») из четвертой главы июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» 1876 г., начинающуюся словами: «Эмс я описывать не буду».

[2] Цензор Н. А. Ратынский запретил к печати главку II («Нечто о петербургском баден-баденстве») из первой главы июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. Наборная рукопись этой главки — со следами типографской краски и обозначением фамилий наборщиков хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I.2.11/11. Следовательно, главка была набрана и исключена цензором в корректуре. См. об этом: *РЛ*, 1970, № 4, стр. 110; наст. изд., т. XXII, стр. 277. В настоящем издании (т. XXIII, стр. 57—58) текст этой главки печатается по наборной рукописи (восстановлен как непропущенный цензурой). Соответственно изменена по сравнению с изданиями 1876 г. и 1879 г. нумерация последующих главок.

[3] Предположение Достоевского оказалось ошибочным. Кроме главки «Нечто о петербургском баден-баденстве», Н. А. Ратынский разрешил к печати все другие главки первой и второй глав, а также две главки третьей главы (но с некоторыми изменениями в главке II — см. письмо 643, примеч. 1). Таким образом предложенные Достоевским в данном письме перестановки главок и их перенумерация не были произведены.

[4] В июньском выпуске «Дневника писателя» 1876 г. было помещено объявление: «Следующий выпуск „Дневника писателя“ появится 31-го августа, за июль и август вместе, в двойном количестве листов» (см.: *ДП*$_1$, стр. 172). Дата цензурного разрешения июльско-августовского выпуска: 2 сентября 1876 г.

643. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 123)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 78.
Впервые опубликовано: *Александров*, стр. 302.

[1] По настоянию цензора Н. А. Ратынского (см. его записку Достоевскому от 27 августа 1876 г.: *РЛ*, 1970, № 4, стр. 110) писатель вынужден был внести поправки в главку II из третьей главы июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. Вместо авторского заголовка «На каком языке говорить отцу отечества?» в прижизненных изданиях 1876 г. и 1879 г. появился заголовок «На каком языке говорить будущему столпу своей родины?». В тексте самой главки выражения «отцы отечества» и «отцом отечества» были заменены на «столпы отечества» и «столпом отечества». В последней фразе главки были исключены слова: «отцы отечества начинаются у нас с чина тайного советника». См. об этом в статье И. Л. Волгина (*РЛ*, 1970, № 4, стр. 110—111) и в примечаниях Е. И. Кийко к «Дневнику писателя» 1876 г. (наст. изд., т. XXII, стр. 277—278. См. также письмо 642). В настоящем издании изменения, внесенные по требованию цензуры, устранены и впервые восстановлен по черновому автографу авторский текст главки (см. т. XXIII, стр. 80—84).

[2] Главка V выпуска за июль—август была выслана Достоевским 30 августа (см. письмо 644). Первоначально цензор Н. А. Ратынский запретил IV главку («Земля и дети»). Затем, как он сообщил Достоевскому в письме от 2 сентября 1876 г. (см.: *РЛ*, 1970, № 4, стр. 111), разрешил к печати с исключением девяти фрагментов, содержащих основную идею этой статьи Достоевского. Цензор запретил их, исходя из того, что в них «заключена мысль о несовершенстве существующих в России, или, лучше сказать, у наших сельских людей поземельных отношений» (там же).

В наборной рукописи этой главки (хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29466) цензор отметил запрещенные им к печати части текста. В настоящем издании главка «Земля и дети» впервые печатается полностью, т. е. восстановлен авторский текст ее (см. т. XXIII, стр. 95—99). Об истории текста этой главки см.: *РЛ*, 1970, № 4, стр. 111—114 (здесь приводятся изъятые цензором части текста); наст. изд., т. XXII, стр. 278—279 (в т. XXIII, на стр. 95 указано также, какие именно части текста восстановлены по наборной рукописи).

644. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 124)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, оф. 4757.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 310.

Год написания устанавливается по содержанию и по соотношению с письмом 643. Только в «Дневнике писателя» 1876 г. выпуск за июль—август имел четвертую главу и заканчивался «Post scriptum'ом». На письме помета Александрова: «1876».

[1] Достоевский послал Александрову в набор рукопись главки V («Оригинальное для России лето») главы четвертой июльско-августовского выпуска («Дневник писателя» 1876 г.). Ее завершал «Post scriptum», посвященный идеям единения славян и исторической миссии русского народа (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 102—105). Наборная рукопись III—V главок (рукою А. Г. Достоевской с правкой Достоевского) и «Post scriptum'а» (автограф) хранятся: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29466 и ф. 160, т. I, л. 51. См. наст. изд., т. XXII, стр. 263.

645. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 124)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 387.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 404—405.

Год устанавливается по содержанию (см. примеч. 2) и по помете А. М. Достоевского на письме: «Получено 10-го сентября 1876 г.».

[1] Д. И. Достоевская.

[2] Речь идет о предстоящем замужестве дочери А. М. Достоевского — Варвары. Свадьба ее с В. К. Савостьяновым состоялась 27 сентября 1876 г.

[3] Письмо Достоевского к В. А. Савостьяновой неизвестно. Сохранились ответные письма к нему В. А. Савостьяновой и ее мужа. «Извините меня, дорогой дядя, — писала она Достоевскому 12 октября 1876 г., — что отвечаю только теперь на Ваше любезное письмо; нечего и говорить, что я читала его с восхищением» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29840). «Моя жена надеялась, — писал В. К. Савостьянов, — что Вы приедете на нашу свадьбу, эту надежду я разделял с нею, тем более, что горячо желал быть представленным Вам» (там же).

[4] Андрей Михайлович Достоевский родился 15 марта 1825 г.

646. Л. Х. ХОХРЯКОВОЙ (стр. 125)

Печатается по первой публикации: «Церковно-общественный вестник», 1881, 8 февраля, № 17, стр. 14.

Ответ на письмо Хохряковой от 2 августа 1876 г. (*Материалы и исследования*, т. V, стр. 256—257). На этом основании устанавливается год написания письма Достоевского. О переписке Достоевского с Хохряковой см.: там же, стр. 257—260

[1] О цензурной истории июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. см. письма 642 и 643 и примеч. к ним. См. также: *РЛ*, 1970, № 4, стр. 110—111; наст. изд., т. XXII, стр. 277—278.

[2] Достоевский выехал из Старой Руссы в Петербург 27 августа 1876 г.

[3] В письме от 13 февраля 1877 г. Хохрякова писала Достоевскому: «Помня головомойку за ненаписание адреса в одном письме, не могу не сообщить его теперь...» (*Материалы и исследования*, т. V, стр. 260).

[4] Хохрякова писала Достоевскому 2 августа: «В литературу пустилась — написала маленькую повесть и думаю написать их целый ряд ‹...› позвольте все подробности — все, все писать Вам и труд свой на Ваш суд представить» (стр. 257). Она дважды посетила Достоевского в ноябре 1876 г. и передала ему рукопись рассказа «Испорченный», который, судя по ее воспоминаниям, был им одобрен (см. об этом: *Материалы и исследования*, т. V, стр. 258—259. Ее очерк «Из воспоминаний о Федоре Михайловиче Достоевском» см.: «Церковно-общественный очерк», 1881, 6, 8 и 11 февраля, №№ 16—18).

647. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 125)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.15.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 247.

[1] На 17 сентября приходился день рождения дочери Достоевского Любови.

[2] Достоевский торопился с завершением работы над сентябрьским выпуском «Дневника писателя» 1876 г. 29 сентября выпуск был подписан цензором к печати.

[3] Неприятности, о которых вспоминает Достоевский, были связаны с прохождением в цензуре июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (см. письма 642, 643).

648. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 126)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 310.
Год устанавливается по содержанию: объявления о полугодовой подписке на «Дневник писателя» были напечатаны лишь в 1876 г., в выпусках за июль—август и сентябрь (см.: $ДП_1$, стр. 220 и 248).

[1] Достоевский послал Александрову наборную рукопись второй главы сентябрьского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. На следующий день, 29 сентября, выпуск был подписан цензором к печати.

[2] Объявление о полугодовой подписке на «Дневник писателя» 1876 г. было помещено на последней странице (см.: $ДП_1$, стр. 248) сентябрьского выпуска, по примеру прошлого, июльско-августовского, выпуска.

649. М. П. НАДЕИНУ (стр. 126)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29610.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 247—248.
Надеин ответил Достоевскому 12 сентября 1876 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29786).

[1] В магазине А. Ф. Базунова в Петербурге принималась от петербургских жителей подписка на «Дневник писателя». О банкротстве Базунова см. примеч. 4 к письму 606. В февральском выпуске «Дневника писателя»

1876 г. было помещено объявление о приеме подписки в «В книжном „Магазине для иногородных“ М. П. Надеина, Невский пр., № 44» (*ДП*₁, стр. 64).

[2] Надеин писал Достоевскому: «Многоуважаемый Федор Михайлович, очень рад прислать деньги раньше для большого Вашего спокойствия».

650. Н. П. ВАГНЕРУ (стр. 127)

Печатается по фотокопии с подлинника, хранящегося: Литературный архив Народного музея в Праге (ЧССР). Подпись Достоевского из письма вырезана.

Впервые опубликовано: Sbornik Národniho Muzea v Praze. sv. VII (1962), čis. 4, s. 220.

Ответ на письмо Вагнера от 24 октября 1876 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.2, л. 9. Частично опубликовано: *ЛН*, т. 86, стр. 451).

[1] Вагнер обратился к Достоевскому со следующим письмом:

«24 окт. 76 г.

Многоуважаемый Федор Михайлович. Обращаюсь к Вам с низким поклоном и большой просьбой, исполнение которой для меня существенно важно. На будущей неделе я делаю публикацию об издании моего журнала, о котором мы с Вами уже говорили. Для меня в высшей степени важно, чтобы Вы пожертвовали на нее полстранички. Но если это невозможно, то отведите хотя несколько строчек, чем крайне меня обяжете. Я слышал от А. Н. Якобий, что Вы обещали ей дать место для ее публикации. Если это составит препятствие для исполнения просьбы, то надеюсь на его устранение без особенных затруднений. Известите, когда могу Вас видеть хоть на самое короткое время.

Искрéнне уважающий Вас Н. Вагнер».

Вслед за этим письмом Вагнер пишет Достоевскому:

«Многоуважаемый Федор Михайлович. Потрудитесь поместить в публикацию о журнале на известном Вам месте следующий список сотрудников: (текст списка вырезан. — *Ред.*).

28 окт. 76. Искренне уважающий Вас Н. Вагнер.

Анне Григорьевне глубокий поклон» (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.2, л. 11).

На последней странице октябрьского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. Достоевский поместил объявление Вагнера об издании им с января 1877 г. журнала «Свет» (см.: *ДП*₁, стр. 276). «Крепкое, глубокое Вам спасибо за Вашу добрую помощь, — писал Вагнер Достоевскому 2 ноября 1876 г. — Меня одно только смущает: не был ли я причиной устранения объявления о книге Гельвальда. Г-жа Якобий мне ничего не сказала, но все-таки я чувствую, что лишил ее некоторого пособия и поступил по принципу: ote toi de là que je m'y mette! ‹убирайся прочь, а я займу твое место! (*франц.*)› и мне совестно» (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.2, л. 13). Объявление о выпуске сочинения Ф.-Ф. Гельвальда «Земля и народы» Достоевский напечатал в ноябрьском выпуске «Дневника писателя» 1876 г. (*ДП*₁, стр. 307).

В числе участников журнала «Свет» в объявлении Вагнера было названо имя Достоевского. В декабрьском выпуске «Дневника писателя» 1876 г. Достоевский поместил «Разъяснение об участии моем в издании будущего журнала „Свет“» (наст. изд., т. XXIV, стр. 60). Многие читатели решили, «... что я почти *перехожу* в „Свет“», — указывается в «Разъяснении». Вследствие этого Достоевский вынужден заявить: «... в будущем 1877 году буду издавать лишь „Дневник писателя“ ‹...› Что же до нового издания „Свет“, то ни в замысле, ни в плане, ни в соредактировании его не участвую». В январе 1877 г. Достоевский вновь был вынужден вернуться к этому вопросу (см. об этом письмо 666 и примеч. к нему).

[2] Достоевский имеет в виду обстоятельства, связанные с прохождением через цензуру июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (см. письма 642, 643 и 646 и примеч. к ним).

[3] Речь идет о работе над второй главой октябрьского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. Лишь 30 октября последние листы наборной рукописи были высланы Достоевским Александрову (см. письма 651, 652 и 654).

651. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 127)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.3.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 310.

Год устанавливается по содержанию письма (см. примеч. 1) и по сопоставлению с письмом 652.

[1] Глава первая октябрьского выпуска «Дневника писателя» лишь в 1876 г. заканчивалась главкой IV («4 отдел» — по выражению Достоевского). Упоминаемые здесь (несохранившиеся) листы 18—22 и два полулиста 23 наборной рукописи (главка IV из первой части, главка I и начало главки II из второй части) непосредственно предшествовали тем сохранившимся листам 24—27, которые Достоевский выслал Александрову на следующий день — 28 октября (см. письмо 652 и примеч. к нему).

652. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 127)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 311.

Датируется 1876 годом, так как в письме говорится об октябрьском выпуске «Дневника писателя» именно этого года (см. примеч. 2 и 3). На письме помета Александрова: «(1876 г.)».

[1] Речь идет либо о тексте первой главы, либо главки I и начале главки II второй главы октябрьского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (ср. письмо 651, а также ниже, примеч. 2). Ни наборная рукопись, ни корректура этих текстов не сохранились, что не дает возможности установить характер правки Достоевского.

[2] Речь идет о главке II («Черняев») второй главы октябрьского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. Сохранилась ее наборная рукопись (без начала главки), а именно указанные здесь и пронумерованные Достоевским листы 24—26 и полулист 27 (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29472. Варианты этой рукописи см. наст. изд., т. XXIII, стр. 150—153). Цитата из «Московских ведомостей» снабжена пометой писателя: «петитом», в печатном тексте она была набрана петитом (см. там же, стр. 153).

[3] Объявление об издании Н. П. Вагнером с января 1877 г. журнала «Свет» было напечатано на последней странице октябрьского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (*ДП*$_1$, стр. 276. См. также письмо 650 и примеч. 1 к нему).

653. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 128)

Печатается по первой публикации: *Д, Письма*, т. III, стр. 248.

Подлинник неизвестен.

Год написания устанавливается по содержанию (см. примеч. 2) и по сопоставлению с письмами 652 и 654.

Александров ответил недатированным письмом (см. примеч. 4).

[1] Достоевский выслал Александрову часть наборной рукописи главки III («Лучшие люди») второй главы октябрьского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (третьей главы в этом выпуске не было).

[2] В октябрьском выпуске, а именно в главке III второй главы, была приведена лишь одна выдержка из газет — из «Московских ведомостей» (напечатана петитом — см. наст. изд., т. XXIII, стр. 153). А. С. Долинин указал на места в тексте главки I, где могла быть приведена вторая выдержка — либо из «Петербургской газеты» — там же, стр. 149, либо из «Нового времени» — там же, стр. 150 (см.: *Д, Письма*, т. III, стр. 372).

[3] См. письмо 654 и примеч. 1 к нему. Достоевский имел в виду скорее всего не 29, а 30 октября.

[4] Александров ответил Достоевскому следующим письмом:

«Многоуважаемый Федор Михайлович. Набора хватит до листа без малого на целую страницу. Корректуру надеюсь получить от Вас утром в 9 час. В 2 часа я приду к Вам лично.

Ваш покорнейший слуга

М. Александров» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29631).

654. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 128)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 311.

Датируется 1876 годом, так как в письме идет речь об исправлении опечаток в главе второй октябрьского выпуска «Дневника писателя» именно 1876 г. (см. примеч. 2). На письме помета Александрова: «(1876 г.)».

[1] Достоевский послал Александрову 36—38 лл. наборной рукописи (эти листы не сохранились) окончания главки III из второй главы октябрьского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (см. письмо 653).

[2] В конце главки IV октябрьского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. был помещен постскриптум с исправлением ошибок, допущенных типографией в тексте главки II (см.: *ДП*$_1$ и *ДП*$_2$, стр. 275). Эти ошибки не были исправлены ни в издании 1876 г., ни в переиздании 1879 г. (см. там же, стр. 264, стб. 2).

655. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 129)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.15.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 248—249.

[1] Речь идет о дне рождения Достоевского, приходившемся на 30 октября. Упоминающаяся в письме телеграмма Н. М. Достоевского неизвестна.

[2] Имеется в виду октябрьский выпуск «Дневника писателя» 1876 г., который был подписан к печати цензором 30 октября и вышел в свет 31 октября 1876 г.

[3] Речь идет о сестре Достоевского А. М. Шевяковой и ее муже В. В. Шевякове, у которых жил Н. М. Достоевский. Они были в ссоре с писателем в связи со спором из-за наследства А. Ф. Куманиной (см. письма 559, 577, 599 и примеч. к ним).

656. К. И. МАСЛЯННИКОВУ (стр. 129)

Печатается по тексту первой публикации: *НВр*, 1882, 12 октября, № 2380 (в тексте воспоминаний Маслянникова «Эпизод из жизни Ф. М. Достоевского»); повторно опубликовано: *Биография*, Приложения, стр. 102—109.

Подлинник неизвестен. Конверт хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.33а.

Ответ на письмо Маслянникова от 31 октября 1876 г. (см.: *ВЛ*, 1971, № 9, стр. 193—194. Письмо за подписью «К. И. М.»).

Маслянников ответил 20 ноября и 2 декабря 1876 г. (*ВЛ*, 1971, № 9, стр. 194—195. Здесь вместо «20 ноября» указана ошибочно другая дата).

[1] Маслянников просил Достоевского адресовать ответ в «книжный магазин Исакова, кассиру для передачи тому, кто явится за ним и спросит письмо под буквами „К. И. М.“» (стр. 193).

[2] Письмо Маслянникова было посвящено делу Е. П. Корниловой, осужденной к двум годам и восьми месяцам каторги за то, что она выбросила из окна четвертого этажа свою шестилетнюю падчерицу. В главке I («Простое, но мудреное дело») главы первой октябрьского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. Достоевский писал о «болезненном аффекте, бывающем в беременном состоянии», и высказал предположение, что именно этим был вызван поступок Корниловой. Писатель выразил озабоченность и судьбой ее еще не родившегося ребенка. Глава заканчивалась следующими словами: «А неужели нельзя смягчить как-нибудь этот приговор Корниловой? Неужели никак нельзя? Право, тут могла быть ошибка... Ну, так вот и мерещится, что ошибка!» (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 136—141). «Сию минуту я прочел замечательнейшее, по моему мнению, произведение „Простое, но мудреное дело“, помещенное в октябрьском номере Вашего „Дневника“, — говорится в письме Маслянникова от 31 октября. — Оно произвело на меня глубокое впечатление, и как высокоталантливое литературное произведение, и как произведение, содержащее замечательно правильный взгляд на поступок Корниловой» (стр. 193). Маслянников отметил также, что он знал Достоевского «как самого душевного и исполненного всякой любви человека» (там же).

[3] Уверовав в желание Достоевского смягчить приговор по делу Корниловой, Маслянников писал ему: «...имея некоторую, а при случае и солидную, возможность помочь Вам в этом деле, я решился просить Вас, не найдете ли Вы возможным повидаться с Корниловой и посоветовать и даже настоять над ней о подаче прошения на имя государя о помиловании или смягчении ее участи. Чтобы получить свидание, обратитесь к прокурору С.-П‹етербургской› суд‹ебной› палаты Фуксу» (стр. 193). «Дело в том, — вспоминал Маслянников, — что я тогда служил в том ведомстве, от которого зависело или оставлять просьбы о помиловании „без последствий“, или же представлять их в надлежащем свете, со всеми обстоятельствами за и против. Разделяя совершенно взгляд покойного Федора Михайловича на характер преступления Корниловой, я всей душой желал оказать ей помощь, надеясь на либерального по тому времени ближайшего начальника (А. Ф. Кони. — *Ред.*), в руках которого находилась возможность дать успешное движение моему докладу» (*НВр*, 1882, 12 октября, № 2380; также: *Биография*, Приложения, стр. 113). В письме 2 декабря 1876 г. он поделился своим впечатлением о письме Достоевского от 5 ноября: «Читая ей (своей матери. — *Ред.*) письмо, я испытывал неописанное удовольствие и по этому случаю наговорил ей целый короб многого, касающегося Вашего поразительного психологического анализа ‹...› я почту за приятнейший долг иметь честь лично засвидетельствовать Вам свое глубочайшее уважение и условиться насчет плана действий *по нашему делу*. Кстати у меня собрался теперь и некоторый пригодный для дела материал» (стр. 195). О том, как разрешилось дело Корниловой, см. письмо 695 и примеч. 3 к нему.

[4] Достоевский несколько раз посетил Корнилову в Доме предварительного содержания преступников и написал об этом в главке «Опять о простом, но мудреном деле» первой главы декабрьского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 36—43; см. также стр. 394—395). Хорошо зная каторгу, пережив ужас пребывания в ней, Достоевский писал здесь: «Много вынесет она (Корнилова. — *Ред.*) из каторги? Не ожесточится ли душа, не развратится ли, не озлобится ли навеки? Кого когда исправила каторга? ‹...› Неужели ж нельзя оправдать, *рискнуть* оправдать?» (там же, стр. 43). Маслянников писал, что писатель воспроизвел в этой главке «письмо ко мне от 5 ноября, добавив к нему та-

кой тонкий и глубокий анализ душевного состояния Корниловой во время совершения преступления и после осуждения, который может всегда доставлять читателю весьма художественное наслаждение» (*НВр*, 1882, 12 октября, № 2380; также: *Биография*, Приложения, стр. 118).

[5] А. П. Борейша подобным же образом охарактеризовал Корнилову на судебном заседании в апреле 1877 г. (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 409).

[6] Эпизод об исцелении Христом больного у купальни Вифезда в Иерусалиме см.: Евангелие от Иоанна, гл. 5, ст. 1—8.

657. А. У. ПОРЕЦКОМУ (стр. 132)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 407, № 1.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 251.

Ответ на письмо Порецкого от 8 ноября 1876 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29824).

[1] Порецкий обратился к Достоевскому со следующей просьбой: «Многоуважаемый Федор Михайлович. Мне хочется увидеться с Вами с глазу на глаз и поговорить... немного, всего на полчаса или даже на четверть часа. Но я боюсь помешать Вам, оторвать Вас, попасть к Вам в минуту неподходящую.

Поэтому решаюсь просить: когда будет у Вас предвидеться подходящая минута, не потрудитесь ли указать мне ее, хоть посредством городской почты (В. О. 1 л. д. 11)? А до тех пор, пока я не получу Вашего указания, буду ждать и знать, что этой минуты в Вашем распоряжении еще нет.

Глубоко уважающий и любящий Вас

А. Порецкий.

8 ноября 1876 г.

P. S. Не позволите ли, наприм‹ер›, атаковать Вас в среду около половины 9-го, то есть за полчаса до Ваших сборов к кн. Мещ‹ерскому›?».

658. А. А. РОМАНОВУ, наследнику (стр. 132)

Печатается по копии А. Г. Достоевской с окончательного текста письма: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.1. Сохранился черновик этого письма, см.: Другие редакции, № 658_1.

Впервые опубликовано: Недра. Кн. вторая. М., 1923, стр. 277—278.

Подлинник неизвестен.

Дата письма устанавливается из истории его написания. К. П. Победоносцев писал Достоевскому:

«Многоуважаемый Федор Михайлович. Не знаю, доставляете ли Вы свой „Дневник писателя“ наследнику цесаревичу? Если нет, то не дурно было бы, когда б Вы ему посылали. Я знаю, что вчера, в бытность его у братьев, ему говорено было про некоторые статьи и рекомендовано обратить на них внимание.

Душевно преданный К. Победоносцев.

Вы можете послать вышедшие листы просто на имя великого князя с почтой; а если желаете доставить с *толкованием*, то благоволите прислать ко мне и я отошлю их к нему с письменным объяснением, что от Вас представляется.

Суббота 13 ноября 1876 г.» (*ЛН*, т. 15, стр. 132).

На обороте копии письма Достоевского приписка А. Г. Достоевской: «Ввиду отзывов наследника цесаревича по поводу некоторых статей „Дневника писателя“, переданных Федору Михайловичу К. П. Победоносцевым, он решил из чувства благодарности за высокое сочувствие — просить дозволения доставлять в 1876 году выходящие №№ „Дневника писателя“».

Вскоре Достоевский получил из конторы двора наследника извещение от 19 ноября 1876 г.:

«Г-ну издателю ежемесячного издания „Дневника писателя" Федору Достоевскому.

По повелению государя наследника цесаревича, в ответ на поданное Вами на имя его императорского высочества письмо от 16 текущего ноября, имеют честь уведомить Вас, милостивый государь, что его высочество соблаговолили изъявить милостивое свое согласие на получение периодического издания Вашего под заглавием „Дневник писателя".

Гофмаршал Зиновьев

И. д. управляющего конторою адъютант его величества полковник (подпись)»

(*ЛН*, т. 15, стр. 156).

[1] В феврале 1873 г. Достоевский преподнес А. А. Романову отдельное издание романа «Бесы» (см. наст. изд., т. XXIX$_1$, письмо 469).

[2] «Русской идее» — утверждению исторической миссии России и ее народа, которую им предназначено исполнить в жизни всего человечества и славянства в частности — были посвящены многие страницы «Дневника писателя» 1876 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 87—91, 120—122, 285—287; т. XXIII, стр. 38—50, 61—63, 102—135, 148—162). «Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков и которой следовала она до сих пор неуклонно, — утверждал Достоевский во второй главе июньского выпуска. — Эта идея есть ‹...› всеединение славян; но всеединение это — не захват и не насилие, а ради вселужения человечеству» (там же, т. XXIII, стр. 45). «Поднялась ‹...› народная идея, — писал он в третьей главе выпуска за июль—август, — и сказалось народное чувство: чувство — бескорыстной любви к несчастным и угнетенным братьям своим, а идея — „Православное дело"» (там же, стр. 102). Дальнейшее развитие эти идеи получили в «Дневнике писателя» 1877 г. (см. об этом: там же, т. XXV, стр. 333—336).

659. К. И. МАСЛЯННИКОВУ (стр. 133)

Печатается по тексту первой публикации: *НВр*, 1882, 12 октября, № 2380 (в тексте воспоминаний Маслянникова «Эпизод из жизни Ф. М. Достоевского». Повторно опубликовано: *Биография*, Приложения, стр. 102—109).

Подлинник неизвестен.

Ответ на письмо Маслянникова от 20 ноября 1876 г. (*ВЛ*, 1971, № 9, стр. 194, с неверной датой).

[1] Маслянников писал: «Я только недавно встал с постели и опоздал в получении Вашего письма (от 5 ноября. — *Ред.*), которое было возвращено Вам бухгалтером Исакова без всякой надобности ‹...› теперь осмелюсь еще раз беспокоить Вас покорнейшею просьбою почтить меня уведомлением о том, что Вами сделано для несчастной Корниловой?» (стр. 194).

[2] См. письмо 656 и примеч. 4 к нему.

[3] 11 декабря 1876 г. Маслянников писал Достоевскому: «С особым удовольствием и радостью спешу уведомить Вас, что приговор суда по делу нашей клиентки Корниловой кассирован вследствие нарушения 693 ст‹атьи› уст‹ава› уг‹оловного› суд‹а› и поступил на рассмотрение другого отделения суда с участием присяжных заседателей» (*ВЛ*, 1971, № 9, стр. 195). Как установил И. Л. Волгин, обратившийся к тексту решения уголовного кассационного департамента, формальным поводом для кассирования приговора послужил «допрос одного и того же свидетеля, и в качестве эксперта и в качестве свидетеля по одному и тому же делу» (там же, стр. 195). Таким образом отпала необходимость, как предпола-

гали поступить Достоевский и Маслянников, в подаче прошения на высочайшее имя. 22 апреля 1877 г. суд вторично рассмотрел дело Корниловой и вынес ей оправдательный приговор, признав, что ее преступление было совершено в состоянии болезненного аффекта. Достоевский присутствовал на суде. Адвокатом Корниловой был хорошо знакомый писателю В. И. Люстих. О значении выступлений Достоевского по делу Корниловой, произведших сильное впечатление на русское общество, на самый суд присяжных и на экспертов-медиков, см. в письме М. А. к писателю (*Достоевский и его время*, стр. 276—277), в воспоминаниях Маслянникова (*Биография*, Приложения, стр. 108, см. также наст. изд., т. XXV, стр. 408—410). Завершению этого дела Достоевский посвятил главку «Освобождение подсудимой Корниловой» во второй главе апрельского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. (там же, стр. 119—121).

660. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 133)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2567, оп. 2, № 271.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 322.
Год устанавливается по помете Александрова: «1876».

[1] Речь идет о главе первой декабрьского выпуска «Дневника писателя» 1876 г.

661. Вс. С. СОЛОВЬЕВУ (стр. 134)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 1120, I.97, л. 17.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 253.

[1] По всей вероятности, Достоевский посетил Н. П. Семенова в понедельник, 10 января 1877 г. Известно, что в 1870-е гг. они встречались довольно часто. А. Г. Достоевская упомянула о визите Достоевского к Семенову в конце 1872 г. (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 237). В записке от 15 января 1876 г. (см.: *Список*, № 317) Достоевский пригласил к себе Семенова, который в ответном письме 16 января сообщил, что посетит писателя 18 января. Вс. С. Соловьев бывал у Достоевского, но о визите 11 января 1877 г. мы сведениями не располагаем.

662. М. А. ЮРКЕВИЧУ (стр. 134)

Печатается по тексту первой публикации: *РО*, 1896, № 1, стр. 408—409. Подлинник неизвестен.
Ответ на письмо Юркевича от 11 ноября 1876 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29911, лл. 1—2. Один отрывок опубликован: *Д, Письма*, т. III, стр. 376).

[1] Юркевич писал Достоевскому: «Ответ надеюсь встретить в „Дневнике“, хотя желал бы и лично удостоиться двух-трех строчек о получении моей корреспонденции» (л. 2 об.).

[2] Имеется в виду сказанное Юркевичем в письме к Достоевскому: «Как Ваш читатель и почитатель, в „Дневнике“ Вашем находящий отклик движениям сердца своего и выяснение вопросов, трепетно волнующих душу, долгом считаю сообщить Вам горестный факт с полной надеждой услышать слово вразумления для себя и присных по роду знаний и убеждений. . .» (*Д, Письма*, т. III, стр. 376). После получения этого письма Достоевский сделал в рабочей тетради две записи по поводу сообщенного Юркевичем факта самоубийства мальчика (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 295 и 310).

[3] Уже в конце января Достоевский привел отрывок из письма Юркевича во второй главе (в главке «Именинник») «Дневника писателя» 1877 года (см. наст. изд., т. XXV, стр. 32—35. См. также письмо 671 и

примеч. 1 к нему). Факт самоубийства двенадцатилетнего мальчика, оставленного в классе после занятий (в наказание за неприготовленные уроки) и испугавшегося гнева отца, Достоевский сравнил с «чрезвычайно серьезным психологическим этюдом над детской душой, удивительно написанным» из «Отрочества» Л. Н. Толстого (глава XV. «Мечты» — *Толстой*, т. 2, стр. 42—43). «Мальчик графа Толстого <...> мог мечтать и о самоубийстве, — утверждал он, — но лишь мечтать: строгий строй исторически сложившегося дворянского семейства отозвался бы и в двенадцатилетнем ребенке и не довел бы его *мечту* до *дела*, а тут — *помечтал, да и сделал*» (наст. изд., т. XXV, стр. 35).

[4] В «Дневнике писателя» 1876 г. Достоевский неоднократно писал о самоубийствах: в первой главе октябрьского выпуска (главки «Два самоубийства» и «Приговор»), в повести «Кроткая» (ноябрьский выпуск), в первой главе декабрьского выпуска (главка «Запоздавшее нравоучение», «Кое-что о молодежи» и «О самоубийстве и высокомерии»). См. наст. изд., т. XXIII, стр. 144—148, т. XXIV, стр. 5—22, 43—46, 50—55.

[5] «Параллель детей нынешних и прежних» интересовала Достоевского и ранее, она была им развита во второй главе декабрьского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (главка «Анекдот из детской жизни»). См. наст. изд., т. XXIV, стр. 55—60.

663. П. В. БЫКОВУ (стр. 135)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 128.
Впервые опубликовано П. В. Быковым: *БВ*, 1909, 23 мая, № 1119.

[1] Достоевский обещал Быкову написать по его просьбе автобиографию (см. письмо 613 и примеч. к нему. См. также: П. В. Быков. Силуэты далекого прошлого. М.—Л., 1930, стр. 53—56).

[2] Быков писал Достоевскому 30 сентября 1876 г.: «...осмеливаюсь напомнить Вам о себе, о том любезном обещании Вашем, которое Вы дали мне ... доставить мне материалы для Вашего биографического очерка» (*Материалы и исследования*, т. II, стр. 302—303).

[3] Письмо Быкова от октября 1876 г. к Достоевскому неизвестно.

[4] Быков утверждал, что Достоевский вскоре якобы посетил его и принес часть текста автобиографии. «Наконец, — сказал Федор Михайлович, — я могу загладить мою вину перед вами; принес кое-что. Поговоримте и остальное к этим отрывкам...», — писал Быков (П. В. Быков. Силуэты далекого прошлого, стр. 56). А. С. Долининым было высказано сомнение в достоверности этих воспоминаний о Достоевском (см.: *Д, Письма*, т. III, стр. 359. См. также: наст. изд., т. XXVII, стр. 144, 379, 384—385; М. Д. Эльзон. П. В. Быков и журнал «Время». — *Материалы и исследования*, т. VII, стр. 172—174). Краткие биографические сведения, продиктованные писателем А. Г. Достоевской, см. наст. изд., т. XXVII, стр. 120—121.

664. Н. П. ВАГНЕРУ (стр. 136)

Печатается по фотокопии с подлинника: Литературный архив Народного музея в Праге (ЧССР).
Впервые опубликовано: Sbornik Nàrodniho Muzea v Praze, sv. VII (1962), čis. 4, s. 220.

[1] См. письмо 665, примеч. 1.

665. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 136)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, л. 139.
Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 450.

[1] Свидетельствами о посещении Достоевского 18 января 1877 г. Н. Я. Данилевским, «милейшим князем» (т. е. В. П. Мещерским) и Н. П. Вагнером (см. письмо 664) мы не располагаем. С большой долей вероятности следует считать этот прием состоявшимся.

666. Н. П. ВАГНЕРУ (стр. 136)

Печатается по фотокопии с подлинника: Чехословацкая Славянская библиотека (Прага, ЧССР).

Впервые опубликовано: Literárne arhiv, r. 2. Praha, 1967, s. 98.

[1] Известно письмо (декабрь 1876 г.) Вагнера к А. Г. Достоевской, в котором он просил: «Спросите Федора Михайловича, не найдены ли в № 7 „Дневника" несколько свободных строк для извещения о выходе 1-го номера „Света", который родится, бог даст, в субботу» (*ЛН*, т. 86, стр. 451). Вероятно, данное письмо Достоевского и является ответом на эту просьбу Вагнера. В объявлении же «От редакции» на последнем листе январского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. (подписан к печати 31 января) Достоевский еще раз заявил: «...журнал „Свет" издаю не я, а Ник. Петр. Вагнер, и в редактировании его ничем не участвую» (см. наст. изд., т. XXV, стр. 36). См. ниже примеч. 2, а также письмо 650.

[2] См. письмо 650 и примеч. 1 к нему.

[3] Некоторые подписчики на «Дневник писателя» стали присылать деньги в редакцию «Света». Так, Вагнер сообщал Достоевскому:

«Многоуважаемый Федор Михайлович. Простите бога ради, что до сих пор не прислал Вам подписчика, адресовавшегося в ред‹акцию› „Света". Посылаю его письмо, а деньги отдам при первом свидании.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Н. Вагнер.

Анне Григорьевне глубокий поклон.

30 дек. 76» (*ГБЛ*, ф. 93, 2.2, л. 15. Вагнер выслал адрес подписчика 27 января — см. там же, л. 17).

667. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 137)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 312.

Год устанавливается по помете Александрова: «1877».

[1] Речь идет о наборной рукописи второй главы январского выпуска «Дневника писателя» 1877 г.

[2] Корректурные листы «Дневника писателя» 1877 г. не сохранились, что не дает возможности установить, какая именно и по каким причинам была произведена правка.

668. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 137)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.

Впервые опубликовано: «Звезда», 1930, № 6, стр. 261.

Год устанавливается по связи с письмами 669—671 и по помете Александрова: «1877».

[1] Достоевский послал Александрову листы наборной рукописи главки IV («Русская сатира», «Новь», «Последние песни», «Старые воспоминания») второй главы «Дневника писателя» 1877 г. Эта главка должна была быть последней в этом выпуске (см. об этом примеч. 1 к письму 671).

[2] Учитывая это, Достоевский послал Александрову окончание главки IV и объявления (см. письмо 669 и примеч. 1 к нему).

[3] Письмо было написано в ночь с 28 на 29 января и «завтра» означает первую половину дня 29 января. В этот же день выпуск был запрещен цензурой (см. письмо 670).

669. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 137)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: «Звезда», 1930, № 6, стр. 261.
На подлиннике помета Александрова: «1877».

[1] С этим письмом Достоевский послал Александрову последнюю страницу главки IV второй главы январского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. (см. письмо 668 и примеч. 1 к нему) и 20 строк раздела «От редакции».

[2] На последнем листе январского выпуска был помещен ряд объявлений о «Дневнике писателя» (о наличии в продаже полного экземпляра «Дневника» за 1876 г., продажной цене его в 1877 г., о февральском выпуске) и объявление о выходе в свет февральской книги «Русской старины» (см.: *ДП*$_1$, стр. 27—28).

670. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 138)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 123, оп. 3, № 149.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 308.
Письмо датируется по содержанию (см. примеч. 1).

[1] На подлиннике карандашная запись Александрова: «Запрещенная статья была озаглавлена: „Новый фазис Восточного вопроса (29 апр. 1876)“». Александровым допущена здесь, вероятно, какая-то ошибка. Подглавка с таким названием входит во вторую главу октябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 148—150).

В делах Петербургского цензурного комитета в *ЦГИА* никаких свидетельств о запрещении как апрельского, так и октябрьского выпусков «Дневника писателя» за 1876 г. не имеется. Известно, что цензурой была запрещена главка II первой главы июльско-августовского выпуска «Нечто о петербургском баден-баденстве» (см. об этом наст. изд., т. XXII, стр. 277; *РЛ*, 1970, № 4, стр. 110—112). Однако вопрос о ее запрещении был решен до возвращения Достоевского в Петербург из Старой Руссы, так как в письме Н. А. Ратынского к писателю от 27 августа речь идет лишь об изменении отдельных выражений во II малой главке третьей главы «На каком языке говорить отцу отечества?» (наст. изд., т. XXIII, стр. 80—84). Есть все основания полагать, что в данном письме идет речь о запрещении из второй главы январского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г. главки «Старина о „петрашевцах“» (см. наст. изд., т. XXV. стр. 23 и примеч. на стр. 328—330). Цензор Н. А. Ратынский в письме от 29 января 1877 г. сообщил Достоевскому, что он не может принять «на *одну* личную свою ответственность пропуск главы о *петрашевцах*», что выносит ее на рассмотрение Цензурного комитета, и советовал ему «объясниться сегодня в Комитете». Как следует из второго письма Ратынского за тот же день, Достоевский поехал на заседание Цензурного комитета 29 января 1877 г., где состоялось его объяснение с Ратынским (см.: *РЛ*, 1970, № 4, стр. 115—116). По-видимому, об этой поездке в Цензурный комитет идет речь в данном письме, что позволяет датировать его 29 января 1877 г. См. также письмо 671 и примеч. 1 к нему.

671. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 138)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 312.
Письмо датируется по содержанию (см. ниже примеч. 1 и 2). На подлиннике помета Александрова: «1877».

[1] 29 января 1877 г. Достоевскому стало известно, что цензор Н. А. Ратынский запретил к печати главку III («Старина о „петрашевцах"») из второй главы январского выпуска «Дневника писателя» (см. письмо 670 и примеч. 1 к нему. См. также наст. изд., т. XXV, стр. 328—329; *РЛ*, 1970, № 4, стр. 114—115). Таким образом, выпуск сократился на три страницы печатного текста. И главка IV, которой должен был закончиться выпуск (см. письма 668, 669 и примеч. к ним), стала главкой III. Не желая сокращения объема выпуска, Достоевский принимает срочные меры. Его племянник, А. А. Достоевский, писал 1 февраля 1877 г. своим родителям: «...вчера, в понедельник, был студенческий бал в память основания университета ‹...› В одной из зал я неожиданно встретил дядю Федора Михайловича. Мы с ним довольно долго разговаривали ‹...› Говорил он, между прочим, какие ему хлопоты были с январским выпуском „Дневника", который вышел сегодня. Цензурный комитет зачеркнул почти весь номер, *и дяде пришлось почти весь номер написать в два дня*. Он говорит, что перессорился со всеми цензорами» (*ЛН*, т. 86, стр. 454. Курсив наш. — *Ред.*). Следовательно, после запрета III главки 29 и 30 января Достоевский работал над новой главкой. Им была написана главка «Именинник», ставшая главкой IV в прижизненном издании январского выпуска (см.: *ДН*$_2$, стр. 24—27). По объему она равна главке «Старина о „петрашевцах"». В настоящем издании, подобно изданию 1929 г. под редакцией Б. В. Томашевского, главка «Старина о „петрашевцах"» печатается как главка III, а завершается январский выпуск главкой V — «Именинник» (см. наст. изд., т. XXV, стр. 23—37).

Данное письмо к Александрову написано после 29 января (дата цензурного запрещения) — по завершении приходившейся на 29 и 30 числа работы над главкой «Именинник» и до 31 января (подписание выпуска к печати и встреча с А. А. Достоевским). Следовательно, оно датируется 30 января 1877 г.

Этим письмом Достоевский сопроводил к Александрову текст главки «Именинник», в которой и просил набрать петитом большой отрывок из письма М. А. Юркевича от 11 января 1876 г. (см. письмо 662, а также наст. изд., т. XXV, стр. 34). Сохранился фрагмент наборной рукописи этой главки (см. там же, стр. 316). Таким образом, главка «Именинник» не входила в первоначальный замысел Достоевского, была написана после запрещения «Старины о „петрашевцах"». См.: Г. В. Степанова. Достоевский в работе над «Дневником писателя» 1877. (Один из эпизодов творческой истории). — *РЛ*, 1986, № 2, стр. 164—167.

[2] На стр. 27 январского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. был помещен раздел «От редакции», в который вошли уведомление Достоевского о том, что он не издает и не редактирует журнал «Свет», а также просьба к О. А. Антиповой сообщить свой адрес (см. наст. изд., т. XXV, стр. 36).

672. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 138)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 217, № 28563.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 312.

[1] См. об этом дневниковую запись: «1 февраля, во сне, в 10-м часу утра. День ясный, и начался мороз. Очень усталое состояние. Фантастичность, неясность, неправильные впечатления, разбиты ноги и руки. Из довольно сильных» (наст. изд., т. XXVII, стр. 115). 19 и 26 февраля вновь были «довольно значительные» припадки падучей (там же).

673. А. Г. КОВНЕРУ (стр. 138)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.25.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. III, стр. 255—258 (с купюрами); полностью: *Д, Письма*, т. III, стр. 255—258.

Ответ на письма Ковнера: 1) от 26 января 1877 г. (опубликовано: Л. Гроссман. Исповедь одного еврея. М.—Л., 1924, стр. 99—111; см. также: *Д, Письма*, т. III, стр. 377—382); 2) от 28 января 1877 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.82, лл. 25—30. См. примеч. 12).

Ковнер ответил 22 февраля 1877 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.82, лл. 31—34).

[1] Подготовке ежемесячных выпусков «Дневника писателя» Достоевский отдавал много времени и сил. Его помощник по изданию М. А. Александров вспоминал: «Я не знаю, легко ли писал Федор Михайлович свои романы и большие повести, но знаю, что статьи свои для „Дневника писателя“ писались им с большою натугою и вообще стоили Федору Михайловичу больших трудов. Первою и самою главною причиною трудности писания для Федора Михайловича было его неизменное правило: обрабатывать свои произведения добросовестно и самым тщательным образом; второю причиною было требование сжатости изложения <...> наконец, третьею причиною была срочность писания подобных статей...» (*Александров*, стр. 298). Много волнений доставляло Достоевскому вмешательство цензуры в издание «Дневника писателя» (см. письма 670, 671 и примеч. к ним). Немало времени уделял он ответам на письма читателей «Дневника писателя» (см. об этом: И. Л. Волгин. 1) Письма читателей к Ф. М. Достоевскому. — *ВЛ*, 1971, № 9, стр. 137—196; 2) Редакционный архив «Дневника писателя» (1876—1877). — *ВЛ*, 1974, № 1, стр. 150—161). Напряженность в работе Достоевского над подготовкой «Дневника писателя» усугублялась частыми, изнурительными припадками эпилептической болезни (см. письма 672 и 678).

[2] О втором письме Ковнера к Достоевскому см. примеч. 12.

[3] 26 января 1877 г. в своем первом письме к Достоевскому Ковнер писал: «...я судился и осужден за подлог и мошенничество <...> служил в Петербургском учетном и ссудном банке <...> 28 апреля 1875 г. похитил из Московского купеческого банка 168 000 рублей, скрылся, был задержан <...> судим и осужден (в сентябре 1876 г. — *Ред.*) к отдаче в арестантские роты на четыре года» (см.: Л. Гроссман. Исповедь одного еврея, стр. 100. См. там же на стр. 79—93 о судебном процессе Ковнера).

[4] Отзывы читателей и критиков о романе «Идиот» см.: наст. изд., т. IX, стр. 410—420. См. также восторженный отзыв читателя А. И. Селевина: *Материалы и исследования*, т. II, стр. 299.

[5] «Вот теперь я хочу поговорить с Вами насчет двух моих произведений, которые успел написать, сидя в замке, — писал Ковнер Достоевскому 26 января 1877 г. — Одно — комедия в пяти действиях, которую я написал для соискания премии, объявленной Обществом драматических писателей. Конкурс еще не состоялся и я не знаю результата. В газетах было напечатано, что комедия „Наша взяла“ (это моя) обращает на себя особое внимание и стоит второю в числе лучших. Я пробовал было сунуться с нею в некоторые редакции, — но трусят, боятся ее напечатать <...> Другое это повесть „Кто лучше?“. Я ее отправил в Петербург, но еще не знаю ответа <...> Я сделал хитрость и отдал ее в цензуру. И ничего, пропустили. Между тем я опять боюсь, что наши *бесцензурные* издания не решатся ее принять». В письме содержалась просьба к Достоевскому: «Вот если б Вы хотели принимать во мне участие и содействовать напечатанию моих трудов где-нибудь... Вы бы оказали мне громадную услугу, потому что страшно бедствую, голодаю... Я бы написал, чтобы вам их принесли» (см.: Л. Гроссман. Исповедь одного еврея, стр. 109, см. также об этом на стр. 94—97). Эти произведения Ковнера не были напечатаны.

[6] В указателе: В. Э. Боград. Журнал «Отечественные записки»

1868—1884 (М., 1971) среди напечатанного в журнале произведения Ковнера не отмечены.

[7] См. об этом письмо 597.

[8] Достоевский отвечает на признание Ковнера из его первого письма: «Я не оправдываюсь, но смело заявляю даже Вам, что у меня нет и не было никакого угрызения совести, совершив это преступление. Оно, конечно, против книжной и общественной морали, но я не вижу в этом никакого *ужасного* преступления, по поводу которого с пеной у рта говорила почти вся русская печать...» (см.: Л. Гроссман. Исповедь одного еврея, стр. 105).

[9] Достоевский отвергает как «арифметическую» аргументацию Ковнера в оправдание своего преступления («Присматриваясь в продолжение двух лет к операциям банка, я убедился, что все банки основаны на обмане и мошенничестве <...> Я решился похитить такую сумму, которая составляет 3 процента с *чистой прибыли*, за один год, пайщиков богатейшего банка в России». — Там же, стр. 103—104), так и ссылки на бедственное положение родителей и невесты («Этими тремя процентами я обеспечил бы дряхлых моих родителей, многочисленную мою нищую семью, малолетних моих детей от первой жены, любимую и любящую девушку, ее семейство и еще множество „униженных и оскорбленных", не причиняя притом никому *существенного вреда*» — там же, стр. 104—105). Доводы Ковнера напоминают аргументацию Раскольникова в «Преступлении и наказании», которая решительно была осуждена Достоевским несмотря на сочувствие к бедственному положению героя.

[10] Вопрос о соотношении христианства и социалистических учений Достоевский намеревался рассмотреть в статье «Христианство и социализм», наброски к которой внес в записную тетрадь 1864—1865 гг. (см. наст. изд., т. XX, стр. 190—191, 376 и 381). В «Дневнике писателя» 1877 г., во второй главе февральского выпуска, Достоевский развил, близкое к его ответу Ковнеру, противопоставление этике социалистической этики христианской (см. там же, т. XXV, стр. 58—63, см. также примеч. на стр. 383).

[11] Свое суждение по вопросу о взаимоотношениях русского и еврейского населения в России XIX в. Достоевский высказал во второй главе мартовского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. (см. наст. изд., т. XXV, стр. 74—88 и примеч. на стр. 355—356, 387—390). Здесь он ответил на письма Ковнера, процитировав из них несколько отрывков. Упомянул он и письмо, которое прислала ему «благороднейшая и образованная еврейская девушка» (там же, стр. 86). Это было письмо Т. В. Брауде от 6 февраля 1877 г. Она упрекала писателя в презрении к еврейскому народу, на которого он, по ее словам, «при всяком удобном случае так жестоко» нападает (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29924. В комментариях к «Дневнику писателя» вместо письма Т. В. Брауде ошибочно названы письма С. Е. Лурье: наст. изд., т. XXV, стр. 389). Т. В. Брауде прислала Достоевскому еще одно письмо (от 8 апреля 1877 г.), в котором выразила свое несогласие с позицией Достоевского, выраженной им в упомянутой выше главе «Дневника писателя».

[12] Далее Достоевский отвечает на второе письмо Ковнера от 28 января 1877 г. Приводим его полностью:

«Москва. 28 января 1877 г.

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Когда я отправил Вам третьего дня мое „странное" письмо, мне принесли декабрьский выпуск Вашего „Дневника". Прочитав его с обычным вниманием, я пожалел, что письмо мое уже ушло. Из этого выпуска я убедился, что Вы отчасти не похожи на тех писателей, которых я пробовал очертить в моем „дневнике", видя, какое горячее участие Вы принимаете в Корниловой. Я говорю „отчасти", потому что Корнилова ведь, собственно говоря, также плод Вашего творчества, хотя все, что Вы говорите об этой глубоко несчастной и симпатичной женщине, — глубокая и голая правда. Да, кроме того, ведь преступление Корниловой особого рода,

„чудо“ с девочкой много Вас подкупило (согласитесь, что если б девочка убилась до смерти, Ваши симпатии к преступнице значительно остыли бы... будь она двадцать раз беременна и явись она столько же раз с повинной в участок); следовательно, Ваше *деятельное* сострадание к ней не может идти Вам в счет.

Но не Корнилова и Ваши глубокие справедливые рассуждения о ней вызвали это письмо, а совершенно другое, а именно: Ваше запоздавшее нравоучение и „Голословные утверждения“.

Представьте себе, что я понял Ваш „Приговор“ не как нравоучение, которое Вы теперь выставляете, и не как факт, которому Вы сочувствуете (о, в том, что Ваше сочувствие не лежит на стороне идей и логики N — я ни секунды не сомневаюсь), — но я думал (как вероятно и громадное число Ваших читателей), что Вы только констатируете уродливое, но все же оригинальное явление, на которое Вы, как психолог и публицист, считали нужным обратить внимание.

Что касается Ваших „Голословных утверждений“, то я (и думаю, что многие подобно мне) их не разделяю и, кажется, они никого из „тронутых“ идеями N убедить не могут. Конечно, предмет этот так глубок и так широк, что сотни томов недостаточно, чтоб разрешить эту мировую задачу, о которой пишут pro и contra столько умов и гениев в продолжение многих веков, — и не в этом письме место опровергать Ваши „утверждения“. Но все-таки не могу воздержаться от некоторых замечаний, которые, однако, надеюсь, дадут Вам понятие о почве противников Ваших „утверждений“ и которые хотелось бы, чтобы Вы их основательно опровергли.

Начну с того, что Вы нелогично выражаете Вашу главную мысль. Вы говорите (стран. 320): „А высшая идея на земле *лишь одна* и именно — идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из нее одной вытекают“. Мне кажется, что все „высшие“ идеи жизни должны вытекать не из идеи бессмертия души, а из идеи существования бога, то есть такого существа, которое сознательно создает вселенное (так! — *Ред.*), *сознательно* управляет и *сознательно* же интересуется *всеми* действиями всех живущих, или по крайней мере людей. Таким образом, самое существование души, не говоря уже о ее бессмертии, вполне зависит от существования бога-творца, Вам, следовательно, с Вашей точки зрения, нужно было утверждать прежде всего существование бога и говорить о душе как о логическом последствии его.

Но предположим, что Вы отождествляете бога и душу, что, говоря о душе, Вы думаете об источнике ее — боге, — но ведь в этом главный и единственный вопрос и есть! Существует ли бог, который *сознательно* управляет вселенной и который *интересуется* (это слово не вполне определяет мою мысль, но Вы наверно ее понимаете) людскими действиями? Что касается меня, то я до сих пор убежден в противном, особенно относительно последнего обстоятельства. Я вполне сознаю, что существует какая-то „сила“ (назовите ее богом, если хотите), которая создала вселенное (так! — *Ред.*), которая *вечно* творит и которая *никогда* не может быть постигнута человеческому уму. Но я не могу допустить мысль, чтобы эта „сила“ интересовалась жизнью и действиями своих творений и *сознательно* управляет ими, кем бы и чем бы эти творения не были.

Не допускаю я этой мысли потому, что *знаю*, что весь мир, то есть вся наша земля, есть только один атом в солнечной системе, что солнце есть атом среди небесных светил, что млечный путь состоит из мириады солнц (это все говорит наука, которой никто из мыслящих людей не может отрицать), что вселенная бесконечна, что наша земля живет, относительно, немногое число лет, что геология свидетельствует о бесконечных перерождениях на ней, что гипотеза Дарвина о происхождении видов и человека весьма вероятна (во всяком случае разумнее объясняет начало жизни на нашей земле, чем все религиозные и философские трактаты, вместе взятые), что все инфузории, которых миллионы в каждой клетке

воды, мушки, рыбы, животные, птицы, словом, все живущее имеет такое же право на существование, как и человек, что до сих пор есть миллионы, сотни милльонов людей, которые почти ничем не отличаются от животных, что наша цивилизация продолжается всего каких-нибудь 4000 лет, что всевозможных религий бесконечное число (из которых одна противоречит другой), что идея о единобожии зародилась так недавно, и т. д., и т. д., и т. д.

После всего *этого*, спрашиваю я, какой смысл имеет для меня (и для всех) еврейство, эта колыбель новейших религий, христианства, все эти легенды о чудесах, о явлении божием, о Христе, о воскресении его, о святом духе, все эти святые, угодники, наконец, все эти громкие, но пустейшие слова вроде: бессмертия души, человечества, прогресса, цивилизации, народного духа и проч., и проч., и проч.?..

Если говорить о бессмертии души человека, то почему же не говорить о таком же бессмертии души свиньи, собаки, крота, инфузорий наконец, которых мы глотаем в воздухе, в воде? — потому что человек относительно земли, земля относительно вселенной так же ничтожны, как инфузории относительно человека.

Неужели творящая сила вселенной, или бог, так-таки интересуется ничтожными людскими помыслами, народами, даже целыми планетами? Вы скажете, что человек имеет искру божию, поэтому он стоит выше всех? Но сколько этих людей? Буквально капля в море. Вы должны сказать, что из 80 миллионов облюбованного вами русского народа, в котором думаете находить лекарство (стр. 324 «они в народе, в святыне его (sic!) и в нашем соединении с ним»), положительно 60 миллионов живут буквально животною жизнью, не имея никакого разумного понятия ни о боге, ни о Христе, ни о душе, ни о бессмертии ее...

Вы совершенно справедливо замечаете, что без идеи о бессмертии (по-моему, о боге) нет смысла и логики в жизни... но в самом существовании души, бессмертия, карающего и вознаграждающего (в каком хотите философском толковании этого) бога еще меньше смысла и логики.

Я поэтому думаю, что Вы взяли на себя задачу не по плечу, желая когда-нибудь *доказать* Ваши „голословные утверждения". В Вашей искренности, честности никто не сомневается, — но не выйдет ли несколько смешно, если захотите разрешить положительно (по-моему) неразрешимое? Мно больно будет за Вас.

Во всяком случае хотелось бы мне дожить до того времени, когда Ваши „утверждения" будут не „голословными". О, как бы я хотел утвердиться в этих убеждениях! Поверьте, что я первый буду преклоняться перед Вашими „истинами", когда будет доказано, что они „истины". Но боюсь, что никогда Вы этого не докажете.

Примите уверение в моем глубоком уважении.

А. Ковнер» (лл. 25—30).

Взгляды Достоевского по вопросу о бессмертии души были высказаны им в главке «Голословные утверждения» в первой главе декабрьского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 46—50). О полемике с ним Ковнера см. также: Л. Гроссман. Исповедь одного еврея, стр. 112—115 (здесь частично приведено его второе письмо).

[13] Решением суда Ковнер был приговорен в арестантские роты на четыре года. «В московских тюрьмах <...> Ковнер пробыл около двух лет, — пишет его биограф. — Ему удалось получить от губернского правления признания его неспособным, по слабости здоровья, к отбыванию наказания в арестантских ротах, взамен чего ему предстояло тюремное заключение». Затем Ковнер добился замены тюремного заключения ссылкой в Сибирь. См. об этом: Л. Гроссман. Исповедь одного еврея, стр. 91, 97—98.

674. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 141)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 313.
Год устанавливается по содержанию. Объявление о выходе в свет февральского выпуска «Дневника писателя» именно за 1877 г. было помещено в газетах 28 февраля, подписан выпуск к печати был 4 марта (см. наст. изд., т. XXV, стр. 318). И объявление «Русской старины» лишь в 1877 г. было напечатано как в январском, так и в февральском выпусках. На письме помета Александрова: «1877».

[1] Достоевский послал Александрову наборную рукопись первой главы февральского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. (рукопись не сохранилась).

[2] К концу января 1877 г. относится конфликт Достоевского с цензором Н. А. Ратынским, запретившим к печати главку «Старина о „петрашевцах"» из второй главы январского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. Достоевский получил разрешение управляющего Министерством внутренних дел на освобождение «Дневника писателя» от предварительной цензуры. Несмотря на это он предпочел проводить «Дневник писателя» через цензуру и восстановил отношения с Ратынским. См. об этом: наст. изд., т. XXV, стр. 328—330; *РЛ*, 1970, № 4, стр. 114—115. См. также письмо 670.

675. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 142)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 314—315.
Год устанавливается по содержанию. В письме идет речь о «Дневнике писателя» 1877 г. (см. примеч. 2 и 3). Написано оно на следующий день после письма 674 и до письма 676 — датируется, таким образом, 1 марта 1877 г. На письме помета Александрова: «1877. февр‹аль›».

[1] Как было обещано в письме от 28 февраля (письмо 674), Достоевский послал Александрову продолжение наборной рукописи второй главы февральского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. (рукопись не сохранилась).

[2] Объявление о подписке на «Дневник писателя» 1877 г. — подобно декабрьскому выпуску 1876 г. и январскому 1877 г. — было помещено на первой странице февральского выпуска (см.: *ДП*$_2$, стр. 85).

[3] Объявление о поступивших в продажу у П. П. Федорова новых книгах было помещено вслед за объявлением о «Русской старине» на последней странице февральского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. (см.: *ДП*$_2$, стр. 56).

[4] Февральский выпуск «Дневника писателя» 1877 г. был подписан к печати 4 марта. Таким образом Достоевский выполнил заявленное им в газетах обещание о выходе его в свет 5 марта (см. письмо 674).

676. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 143)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 314.
Год устанавливается по помете Александрова: «1877», а также по связи с письмами 675 и 677. В них речь идет о «Дневнике писателя» 1877 г.

[1] Достоевский послал Александрову продолжение наборной рукописи главы второй февральского выпуска «Дневника писателя» 1877 г.

[2] См. письмо 677.

677. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 143)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, оф. 4810/02 (ф. 75).
Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 86, стр. 133.
Год устанавливается по связи с письмом 676, в котором Достоевский обещал прислать «еще тексту». На письме помета Александрова: «1877».

[1] Беспокойство Достоевского было вызвано необходимостью выпустить в свет февральский выпуск «Дневника писателя» 1877 г. к 5 марта, как было объявлено им в газетах. Выпуск был подписан к печати 4 марта.

678. А. Ф. ГЕРАСИМОВОЙ (стр. 143)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.21.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 322—325.
Ответ на письмо Герасимовой от 16 февраля 1877 г. (см.: *Д, Письма*, т. III, стр. 383).
Герасимова ответила 15 марта 1877 г. (см. там же, стр. 385).

[1] См. письма 672, 673.
[2] Достоевский отвечает на следующие слова из письма Герасимовой: «Если письмо мое покажется Вам слишком глупым и детским, то лучше не отвечайте, не оскорбляйте меня каким-нибудь резким словом: я и без того измучена. Пожалейте: ведь перед Вами „живой человек“» (стр. 383).
[3] Герасимова писала: «Я — дочь одного кронштадтского богатого купца, год тому назад кончила курс в здешней гимназии <...> Живется мне в родительском доме крайне скверно: отец — злейший враг всего нового, прогрессивного, матери нет, а есть мачеха, семья громадная, ни малейшей свободы, кругом — ни одной „живой души“, дрязги, сплетни, семейные отношения самые натянутые, — вообще жизнь куда как неказиста. И вот при такой-то милой обстановке совсем некстати давно уже явилось у меня желание другой жизни, разумной, человеческой, жизни не для себя только, а для других. Мне хотелось поступить в Академию, мне кажется, что на медицинском поприще я принесу свою долю пользы человечеству: меня так и тянет туда» (стр. 383). На конверте письма Герасимовой помета Достоевского: «Кронштадт. Не рвитесь на пустое место. Отвечено».
[4] Александр Гумбольдт (1769—1859) — знаменитый немецкий ученый, географ, естествоиспытатель и путешественник, автор четырехтомного философского труда «Космос» (1846—1858). Отличался исключительной многосторонностью: ему принадлежали работы в области географии, зоологии, ботаники, физики, химии. В записной тетради 1876—1877 гг. Достоевский назвал Гумбольдта ученым «с мировой мыслью и с мировым обобщением» (наст. изд., т. XXIV, стр. 292).
[5] Клод Бернар (1813—1878) — французский физиолог и патолог, один из основоположников современной физиологии и экспериментальной медицины. К 1877 г. Достоевскому были известны переведенные в России труды Бернара («Введение в науку опытной медицины» — перевод Н. Н. Страхова 1866 г., «Лекции по физиологии и патологии нервной системы» — двухтомный перевод Н. Макарова 1866—1867 гг.). В «Преступлении и наказании», а затем и в «Братьях Карамазовых» Достоевский, несмотря на признание Бернара крупным ученым, критически оценил некоторые его теории (см. наст. изд., т. VII, стр. 392; т. XV, стр. 28, 35, 101, 321, 369, 588).
[6] Имя И. М. Сеченова (1829—1905), естествоиспытателя-материалиста, ставшего основоположником отечественной физиологической школы, многократно привлекало к себе внимание Достоевского. Знаменитая работа Сеченова «Рефлексы головного мозга» («Медицинский вестник», 1863, № 46—48) была отмечена в записной тетради 1863 г. (см. наст. изд., т. XX,

стр. 170. Последующие упоминания имени Сеченова см. также т. XXI, стр. 250 и т. XXIV, стр. 148, 200). Второе издание этого труда Сеченова (СПб., 1871) было в библиотеке Достоевского (см.: *Библиотека*, стр. 100).

Достоевский вообще не слишком высоко оценивал философские и публицистические работы современных ему русских ученых-естествоиспытателей и химиков, отчасти солидаризуясь с позицией Н. Н. Страхова, автора многих полемических статей и книги «О методе естественных наук и значении их в общем образовании» (СПб., 1867). Достоевский высказался и несколько ранее в связи с публицистическими выступлениями Д. И. Менделеева: «Наши специалисты могу быть *людьми науки*, но они необразованны <...> это маленькие техники и ремесленники» (наст. изд., т. XXIV, стр. 292). Эти суждения Достоевского о Менделееве и Сеченове, в значительной степени тенденциозные и пристрастные, могут быть верно поняты лишь в общем контексте многосоставной полемики писателя с позитивистской философией, оказавшей сильное влияние на взгляды многих великих ученых XIX в., в том числе Ч. Дарвина, А. А. Бутлерова, Д. И. Менделеева, И. М. Сеченова (см. об этом: В. Н. Белопольский. Достоевский и позитивизм. Ростов н/Д, 1985). По мнению М. Г. Ярошевского, полемика Достоевского с теорией условных рефлексов Сеченова в романе «Братья Карамазовы» отчасти предваряет труды И. П. Павлова (М. Г. Ярошевский. Достоевский и идейно-философские испытания русских естествоиспытателей. — «Вопр. философии», 1982, № 2, стр. 103—112).

[7] Речь идет о Высших женских (Бестужевских) курсах, официально открывшихся годом позже — в 1878 г., одним из инициаторов организации которых был хорошо знакомый Достоевскому профессор Петербургского университета К. Н. Бестужев-Рюмин. Писатель был членом «Общества для доставления средств Высшим женским курсам» (см. в кн.: Общество для доставления средств Высшим женским курсам. Отчет за 1878—79 год. СПб., 1896, стр. 50; см. также; *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 252). О деятельности этих курсов см.: Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878—1918. Сб. статей. 2-е изд. Л., 1973.

[8] Достоевский обратился к одной из учредительниц Высших женских курсов А. П. Философовой. «Очень, очень благодарна Вам и г-же Философовой за участие и готовность помочь мне», — писала Герасимова 15 марта 1877 г. в ответном письме Достоевскому (стр. 385).

[9] В ответном письме от 15 марта 1877 г. Герасимова следующим образом охарактеризовала своего отца: «Отец мой — человек необразованный, неначитанный. Он не только против Академии, как Вы думаете, но против женского образования вообще, да и не одного женского <...> Пробовала я ему говорить об университетских курсах <...> но получила такого рода ответ: „...пока я жив, ты не будешь жить в Петербурге...“» (стр. 385—386). См. также выше примеч. 3.

[10] Достоевский имеет в виду строки из первого письма Герасимовой к нему: «Нужели придется сделаться женою какого-нибудь ожиревшего купца, заглушить в себе все человеческие чувства...» (стр. 383).

[11] Герасимова писала Достоевскому о предложении выйти замуж, сделанном ей молодым человеком, которого она не любит (стр. 383).

679. Е. С. ИЛЬМИНСКОЙ (стр. 146)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.18а.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 261—262.

[1] Письмо Ильминской неизвестно.

[2] Речь идет о фотографии Щетинина 1861 г., которая была увеличенным и кадрированным переснимком с фотографии М. Б. Тулинова того же года.

680. С. Е. ЛУРЬЕ (стр. 146)

Печатается по копии А. Г. Достоевской: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.31.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 260—261.
Подлинник неизвестен.
Ответ на письмо Лурье от 13 февраля 1877 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29768, лл. 10—11).
Лурье ответила 28—29 марта (там же, 12—14).

[1] См. примеч. 4.

[2] В январском выпуске «Дневника писателя» 1877 г. было объявлено, что февральский выпуск выйдет в свет 28 февраля (см.: *ДП₂*, стр. 28). Он был подписан к печати лишь 4 марта.

[3] Описание похорон доктора Гинденбурга, содержавшееся в письме Лурье, было перепечатано Достоевским в главке «Похороны „Общечеловека"» главы третьей «Дневника писателя» за март 1877 г. (см. наст. изд., т. XXV, стр. 88—90). Готовя эту публикацию, Достоевский сделал в письме Лурье свыше десяти мелких поправок. В ответном письме 28—29 марта Лурье писала: «. . . я буду очень довольна, если Вы в своем „Дн‹евнике› пис‹ателя›" упомяните Гинденбурга, если Вам угодно, то поставьте всю его фамилию, для него еще больше чести, если больше людей будут о нем знать, да и им не хуже. . .» (л. 13 об.).

[4] Лурье писала Достоевскому в феврале: «За меня сватается два жениха, один доктор, другой кандидат университета, оба богатые ‹. . .›, мамаша хочет, чтоб я непременно вышла за доктора, красавца и богача. и надворный советник он ‹. . .› Его фамилия Блох ‹. . .› Но разве я могу выйти замуж не любя? Пожалуйста, дайте мне совет ‹. . .› Я ему скажу, что не люблю его, тогда он, конечно, не захочет жениться, а ему 35 л‹ет›, а мне еще нет 19» (л. 10 об.).

681. А. П. ФИЛОСОФОВОЙ (стр. 147)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 262, № 9.
Впервые опубликовано: *РС*, 1883, № 10, стр. 231 (без указания адресата и с заменой в обращении имени и отчества: NN).
12 марта 1877 г. приходилось на субботу, а не на пятницу. Судя по содержанию, письмо написано ранее субботы. Вероятно, Достоевский ошибся в дате, и письмо следует датировать 11 марта 1877 г., приходившимся на пятницу.

[1] Письмо Философовой, на которое отвечает Достоевский, неизвестно.

[2] Достоевский, познакомившийся с Философовой в 1871—1872 гг., бывал у нее с визитами неоднократно. «На одном из литературных вечеров ‹. . .› я познакомилась с Ф. М. Достоевским, — вспоминала Философова. — Я помню, как я счастлива была его видеть! На другой день он ко мне приехал, а затем мы часто виделись. Как много я ему обязана, моему дорогому, нравственному духовнику!» (Сборник памяти А. П. Философовой. Пг., 1915, т. 1, стр. 258. См. также здесь о Достоевском по Указателю имен; повторно: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 322—323. См. также стр. 324—326). Философова, известная своим демократизмом и симпатиями к участникам революционного движения, вступала в споры с Достоевским, не принимая его «Бесов» и некоторых идей «Дневника писателя». Достоевский принимал участие в благотворительных концертах в салоне Философовой.

[3] О каких стихах идет речь, неизвестно.

682. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 148)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 314.
Год устанавливается по помете Александрова: «1877». Число и месяц определяются по содержанию (см. примеч. 1 и 2).

[1] Продолжение и окончание второй главы мартовского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. Достоевский выслал Александрову 30 марта (см. письмо 683).

[2] Под «адрессами», вероятнее всего, имеются в виду три обращения к читателям, составивших главку III «Нашим корреспондентам». Она была напечатана на 84 странице мартовского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. (см. наст. изд., т. XXV, стр. 93). Иных «адрессов» в «Дневнике писателя» этого года нет.

683. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 148)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 315.
Год устанавливается по содержанию. В письме говорится о еще не готовом мартовском выпуске. В 1877 г. он был подписан к печати 1 апреля: мартовский же выпуск «Дневника писателя» 1876 г. был подписан цензором на выпуск в свет уже 30 марта.

684. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 148)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 315.
Датируется по содержанию (см. примеч. 1). На письме помета Александрова: «1877».

[1] Речь идет о главке I («Похороны „Общечеловека“») третьей главы «Дневника писателя» за март 1877 г. (см. наст. изд., т. XXV, стр. 88—90). В ней было перепечатано описание похорон доктора Гинденбурга из письма к Достоевскому С. Е. Лурье от 13 февраля 1877 г. (см. письмо 680 и примеч. 3 к нему).

[2] Корректурные листы мартовского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. не сохранились.

685. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 149)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 316.
Датируется по содержанию: в письме речь идет о мартовском выпуске «Дневника писателя» 1877 г. (см. примеч. 3). На письме помета Александрова «31 марта 1877».

[1] Достоевский послал Александрову наборную рукопись главки II «Единственный случай» третьей главы мартовского выпуска «Дневника писателя» 1877 г.

[2] Объявление о «Русской старине» в мартовском выпуске «Дневника писателя» 1877 г. не было помещено.

[3] В февральском выпуске «Дневника писателя» 1877 г. было объявление, что выпуск за март выйдет в свет 2 апреля (см.: $ДП_2$, стр. 56). 1 апреля он был подписан цензором к печати.

686. А. Ф. ГЕРАСИМОВОЙ (стр. 149)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.21.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 325.
Ответ на письмо Герасимовой от 15 марта 1877 г. (см.: *Д, Письма*, т. III, стр. 385—386).

[1] Охарактеризовав своего отца как необразованного человека, противящегося всякому просвещению, Герасимова писала Достоевскому: «Вы, конечно, понимаете, что нелегко говорить таким образом о своем отце, нелегко тем более, что я все-таки люблю его, люблю за то, что в нем, несмотря на его недостатки, есть и такие качества, какие дай бог иметь всякому образованному человеку» (стр. 385).

[2] Герасимова писала Достоевскому в ответ на его письмо от 7 марта 1877 г. (см. письмо 678): «Я <...> охотно променяю ее (Медицинскую Академию. — *Ред.*) на университетские курсы, если последние дают больше знаний: всестороннее образование, конечно, прежде всего <...> я думаю <...> месяцев чрез шесть, если обстоятельства не переменятся, выбрать который-нибудь из двух исходов» (стр. 386).

[3] Лето 1877 г. — со второй половины мая по 5 или 6 сентября — Достоевский с семьей провел в имении И. Г. Сниткина Малый Прикол в Курской губернии. В начале июля на несколько дней приезжал в Петербург. См. письма 697, 701, 709 и примеч. к ним.

687. С. Е. ЛУРЬЕ (стр. 150)

Печатается по копии А. Г. Достоевской: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.31.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 263—265.
Ответ на письмо Лурье от 28—29 марта 1877 г. (хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29768, лл. 12—14. Один фрагмент опубликован: *Д, Письма*, т. III, стр. 386).
Лурье ответила 7 мая 1877 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29768, лл. 15—16).

[1] См. примеч. 3 к письму 680.

[2] Лурье спрашивала Достоевского: «Не готовиться ли к экзамену? Согласия родителей я никогда не получу, и даже папаша говорит, что средств не даст...» (л. 13). Она сообщала писателю, что старается быть полезной людям: «...даю уроки (конечно бесплатные и без ведома родителей) в одном училище <...> У меня есть 25 (верно) бедных, где я бываю, помогаю насколько возможно...» (л. 13). Указывает, что, однако, это не может заполнить ее жизнь.

[3] В ответном письме от 7 мая 1877 г. С. Лурье сообщила Достоевскому: «Я послушалась Вашего совета, Федор Михайлович, обещала целый год до будущего августа остаться в Минске, чем родители очень довольны...» (л. 15 об.).

[4] С. Лурье писала Достоевскому, что ее жених-доктор — заявил: «...что хотя у меня только 12 тыс. приданого, а не 30 т., как у моей подруги но он предпочитает меня...». Это вызвало ее возмущение: «...после этого я наотрез отказала матери, даже говорить о нем. Что же это в самом деле такое, ну а если у меня и совсем не будет приданого, что тогда?» (л. 12).

[5] Достоевский отвечает на следующие слова из письма С. Лурье: «Почему Вы, Федор Михайлович, до сих пор не советовали мне читать Гюго. Я читаю его „Misérables" и положительно в восхищении...» (*Д, Письма*, т. III, стр. 386). Она отдает предпочтение Гюго перед Гете и Шекспиром, ибо «...нет у них <...> тех прочувствованных, из души вылившихся мест, той любви и веры в человечество, того горячего патриотического чувства, которым проникнуто каждое его (Гюго. — *Ред.*) слово» (там же). Несколько раньше, в записной тетради 1875—1876 гг., Достоевский сам сравнивал Гюго с Шекспиром: «У Виктора Гюго бездна страшных ху-

дожественных ошибок, но зато то, что у него вышло без ошибок, равняется по высоте Шекспиру» (наст. изд., т. XXIV, стр. 119). См. ниже примеч. 6. См. также примеч. 8 к письму 612.

[6] «Отверженных» В. Гюго Достоевский впервые прочел в 1862 г. во Флоренции (см. об этом: *Биография*, отд. II, стр. 244). Чрезвычайно высокая оценка «Отверженных» содержится в предисловии Достоевского к публикации романа Гюго «Собор Парижской богоматери» (*Вр*, 1862, № 9). По его утверждению, это — «...роман, в котором великий поэт и гражданин высказал столько таланта, выразил основную мысль поэзии в такой художественной полноте, что весь свет облетело его произведение» (наст. изд., т. XX, стр. 28. См. также на стр. 274—275 библиографию работ, посвященных отношению Достоевского к Гюго). Создавая в 1865—1866 гг. роман «Преступление и наказание», Достоевский размышлял над теми же проблемами, что волновали Гюго в его «Отверженных» (там же, т. VII, стр. 404—405). Версилов в «Подростке» (1875) встречу «беглого каторжника с ребенком, с девочкой, в холодную ночь, у колодца» в романе Гюго отнес к самым сильным, припоминающимся на всю жизнь сценам у великих художников (см. там же, т. XIII, стр. 382). «Великое в веке: „Пиквик“, „Notre Dame“, „Misérables“», — утверждал он в записной тетради 1876—1877 гг. (там же, т. XXIV, стр. 133; см. также стр. 159, 166).

[7] Об этом суждении Тютчева о «Преступлении и наказании» Достоевский писал 9 апреля 1876 г. Х. Д. Алчевской (см. письмо 612), а также в записной тетради 1875—1876 гг. (наст. изд., т. XXIV, стр. 119).

[8] В 1877 г. в записной тетради Достоевский отнес Жана Вальжана к таким душам, которым «великая идея передается» и которые «заняты высшими идеями жизни» (наст. изд., т. XXV, стр. 227). См. также письмо 612 и примеч. 8 к нему.

[9] 7 мая 1877 г. Лурье ответила Достоевскому на это его утверждение: «Когда я писала Вам первое письмо, я прочла всего 2 тома его „Misérables“. Теперь я согласна, что там много недостатков, но это не умаляет цену Myriel'y, Valgean'y...» (л. 16).

[10] В письме Лурье приведены два «анекдота» из жизни «минских чудаков». В первом она рассказала о сцене в библиотеке: «Входит барышня ‹...› обращается к молодой девушке, которая раздает книги ‹...›:

— Нет у вас романов Белинского?

— Таких романов нет.

(Бар‹ышня› презрительно улыбается).

— А повестей Писарева?

— И этого нет.

— Наконец, романы Добролюбова есть же?

— Нет.

— Чтоб нельзя было достать ни одной путной книги!

И удалилась, а я не могши удержаться хохотала» (л. 1 об.).

Второй «анекдот» касается Достоевского: «На днях встречаю молодого человека, знакомого. Обращаюсь к нему:

— Я слышала, что вы получаете много газет и жур‹налов›. Нельзя ли достать у вас „Дневник писателя“?

— Такого „Дневника“ нет, Вы ошибаетесь, есть „Варшавский дневник“.

— Да есть же, говорят Вам.

— А кто издает?

— Ф. М. Достоевский.

— Тот же?

— Да.

— Разве он из Сибири пишет?

— Из какой Сибири?

— Да его же сослали.

А это один из лучших молодых людей у нас, какая тоска с ними!» (л. 13).

688. В. И. ЛАМАНСКОМУ (стр. 152)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2373.
Впервые опубликовано: *РМ*, 1915, № 11, стр. 127—128.

[1] Имеется в виду извещение о собрании С.-Петербургского Славянского благотворительного общества (см. примеч. 3). Достоевский с 1873 г. был его членом, участвовал в собраниях. Известный ученый, историк-славист Ламанский был одним из руководителей Общества. В 1877—1879 гг. был товарищем председателя.

[2] Достоевский в марте объявил, что апрельский выпуск «Дневника писателя» 1877 г. выйдет в свет 30 апреля (см.: *ДП*$_1$, стр. 92), но подписан к печати он был лишь 4 мая.

[3] Ламанский, вероятно, обратился к Достоевскому с просьбой написать проект адреса Славянского благотворительного общества императору Александру II по случаю объявления Россией 12 апреля 1877 г. войны Турции (предположение было высказано А. С. Долининым: *Д, Письма*, т. III, стр. 386). Вскоре 1 мая 1877 г. на общем собрании членов Общества был утвержден проект этого адреса (см. протокол собрания в кн.: Первые 15 лет существования С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. СПб., 1883, стр. 440). В 1880 г. Достоевским был написан текст адреса от этого Общества Александру II по случаю двадцатилетия его царствования (хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29624).

689. О. А. АНТИПОВОЙ (стр. 153)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.19.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. III, стр. 326.
Ответ на письмо Антиповой от 21 апреля 1877 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29634, лл. 7—10; частично опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 387).
Антипова ответила 22 апреля 1877 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29634, л. 11, датированное. На конверте «22 апреля 1877», помета Достоевского: «Антипова».)

Письму Антиповой (без даты, на конверте штамп: 21 апреля 1877 г., помета Достоевского: «Антипова»), на которое отвечает Достоевский, предшествовали три ее письма января—февраля 1877 г. (там же, лл. 1—6). В первом из них она писала: «Мне семнадцать лет <...> давным-давно хочется видеть себя уже ..., как бы сказать, *действующей*, что ли...» (л. 1 об.). Далее она сообщала: «Приготовлялась я в гимназию — не выдержала, это меня страшно, страшно покоробило. Год занималась дома, снова стала держать экзамены, опять-таки неудача, и выдержала, да не все, сильно чем-то захворала и не попала в гимназию <...> Через несколько времени поступила в пансион <...> не окончив по болезни вышла и оттуда» (л. 2). Письмо заканчивалось словами: «Я убеждена в вашу снисходительность (так! — *Ред.*), г-н Достоевский, вы единственный можете понять каждое состояние человека» (л. 3 об.). Антипова неверно указала в своем адресе номер дома, а потому ответ Достоевского до нее не дошел. Обеспокоенная отсутствием его она пишет в недатированном письме: «Что же это, господин Достоевский, неужели и вы? Ведь я целую неделю с мучением ждала вашего ответа» (л. 4). Достоевский в конце январского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. поместил в разделе «От редакции» следующее обращение: «Очень просят г-жу О-гу Ан-ову, писавшую в редакцию о своих занятиях по экзамену, сообщить свой адрес вернее, данный ею в Моховой улице оказался ошибочным» (наст. изд., т. XXV, стр. 36). Письмо Достоевского, которым он ответил на первое письмо Антиповой и которое вернулось к нему из-за неверного адреса, неизвестно. После появления «Дневника писателя» Антипова послала Достоевскому третье письмо: «Я положительно не понимаю, коим образом могла выйти ошибка в адресе, он был совершенно верен, и я его опять повторяю:

Моховая улица, дом Есакова № 26 (в первом же письме: 24. — *Ред.*), квартира № 24. Господи, пожалуйста, только поскорей, я уже жду с таким нетерпением. Благодарю вас, господин Достоевский. Ф. Антипова. 1 февраля 1877 года. Зачем это „писавшую о своих занятиях по экзамену“?» (л. 6).

[1] Антипова сообщала Достоевскому, что она сдала экзамен по закону божию, всеобщей и русской истории. «Я сейчас от третьего экзамена (по географии. — *Ред.*) приехала, — писала она, — и господи ты, боже мой, я ведь его не сдала!» (*Д, Письма*, т. III, стр. 387). Она описала в письме тяжелую домашнюю обстановку. «Отчаяние доходит до безумия, страшной, невыносимой боязни смерти», — заканчивала Антипова свое письмо.

[2] Антипова в своем первом письме (см.: *Д, Письма*, т. III, стр. 387) произвольно соединила два разных по смыслу текста из Евангелия (см. Евангелие от Матфея, гл. 7, ст. 7 и 8 и гл. 25, ст. 29).

690. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 154)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 317.

[1] Достоевский отправил Александрову наборную рукопись главок I и II для первой главы апрельского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. Эта рукопись (автограф) с названными в письме вставками и листом 6 с выноской названия второй главы хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I.2.12а (авторская нумерация листов: 1—10).

[2] На следующий день Достоевский послал Александрову продолжение второй главы (см. письмо 691).

691. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 154)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 317.
Год устанавливается по содержанию (см. примеч. 1 и 2). На письме помета Александрова: «1877».

[1] Достоевский, как и предполагал накануне (см. письмо 690), отправил Александрову главки III и IV для первой главы апрельского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. Наборная рукопись (автограф) хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I.2.12 (авторская нумерация листов: 11—16).

[2] 12 апреля 1877 г. архимандрит Леонид направил Достоевскому письмо с выпиской из книги Ив. Аболенского «Московское государство при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне, по запискам архидиакона Павла Алеппского» (Киев, 1876). Эту выписку Достоевский и переслал Александрову. Он очертил текст и на полях сделал для типографии помету: «петитом» (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.16). Указанный Достоевским текст процитирован в IV главке («Мнение „тишайшего“ царя о Восточном вопросе») первой главы апрельского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. (см. наст. изд., т. XXV, стр. 103—104; см. также стр. 317).

[3] Объявление о подписке на «Дневник писателя» 1877 г. открывало мартовский и апрельский выпуски (см.: *ДП*$_2$, стр. 58 и 85).

692. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 155)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 317.
Письмо расположено Александровым между письмами к нему от 26 и

30 апреля 1877 г. (см. письма 691 и 693) и им соответственно пронумеровано. Таким образом устанавливается год его написания (см. также примеч. 1).

[1] Речь идет о наборной рукописи рассказа «Сон смешного человека» (глава вторая апрельского выпуска «Дневника писателя» 1877 г.). Рукопись (автограф) хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I.2.12. Авторская нумерация посланных листов: 7—12. На л. 7 продолжена фраза, начатая на л. 6.

693. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 155)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 318.

[1] В последних числах апреля Достоевский заканчивал вторую главу апрельского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. Характер сведений в этом письме не позволяет судить, о какой именно главке идет в нем речь.

694. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 155)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 318.

[1] Достоевский послал Александрову наборную рукопись рассказа «Сон смешного человека» (вторая глава апрельского выпуска «Дневника писателя» 1877 г.). Рукопись (автограф) хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I.2.12.

[2] Рассказ «Сон смешного человека» был напечатан без цензурных изъятий (см. наст. изд., т. XXV, стр. 104—119).

[3] В главе второй апрельского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. вслед за «Сном смешного человека» были напечатаны главки «Освобождение подсудимой Корниловой» и «К моим читателям» (см. там же, стр. 119—121).

695. А. С. СУВОРИНУ (стр. 156)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 93, I.1268.
Впервые опубликовано: Письма русских писателей к А. С. Суворину. Л., 1927, стр. 329.

[1] В письмах от 6 и 7 мая 1877 г. П. А. Илинский извещал Достоевского о собрании Общества любителей духовного просвещения, назначенном на 9 мая (*ГБЛ*, ф. 93, I.5.32). Следовательно, в данном письме Достоевского речь идет о дате нового собрания, совпадающей с его отъездом в Курскую губернию (см. письмо 697).

[2] Замечание Достоевского относится к следующему месту из статьи Суворина «„Анна Каренина" и ее общественное значение»: «Истинный художник остался верен законам страсти и, сорвав поэтический ореол с нее, представил ее в настоящем виде... Стоило ли это доказывать — другой вопрос: но это „общественное" значение „Анны Карениной" бесспорно» (*НВр*, 1877, 13 мая, № 432). См. примеч. 6 к письму 558.

696. А. П. НАЛИМОВУ (стр. 156)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 42. На полях помета М. И. Семевского: «Напеч. в „Русск. ст." 1884 г.». Рядом с датой письма помета неизвестного: «1877».

Впервые опубликовано: *РС*, 1884, № 9, стр. 677 (без указания фамилии адресата).

Год определяется по помете на письме (см. выше). 19 мая 1877 г. приходилось на четверг.

[1] Письмо Налимова к Достоевскому неизвестно. О дальнейшей судьбе Налимова см. ниже, стр. 350.

[2] Речь идет об отъезде в Курскую губернию (см. письмо 697).

[3] О пребывании Достоевского в Главном инженерном училище в 1837—1843 гг. см. наст. изд., т. XXIX_1, письма 12—21 и примеч. к ним. См. также: И. Д. Якубович. Достоевский в Главном инженерном училище. — *Материалы и исследования*, т. V, стр. 179—186.

[4] В 1843—1844 гг. Достоевский служил в инженерном корпусе С.-Петербургской инженерной команды. Диктуя свою биографию жене, писатель сказал: «Был оставлен на службе в Петербурге, но другие цели и стремления влекли его к себе неотразимо. Он особенно стал заниматься литературой, философией и историей. В 1844 году вышел в отставку и тогда же написал <...> „Бедные люди“» (наст. изд., т. XXVII, стр. 120).

697. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 157)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Александров*, стр. 302—303.

[1] В усадьбе Малый Прикол семья Достоевских находилась по приглашению брата А. Г. Достоевской И. Г. Сниткина, предложившего Достоевским провести лето в его имении, куда они выехали 19 мая 1877 г. (см. письмо 696, а также: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 312).

[2] Достоевский прибыл в Петербург 5 июля (см. письмо 701). Майско-июньский выпуск «Дневника писателя» появился несколькими днями позднее: дата цензурного разрешения на нем — «8 июля 1877 г.», но отпечатан весь тираж был к 11 июля (см. письмо 704).

[3] Выпуск занимает ровно 3 печатных листа (48 страниц).

[4] Латинский текст из «Prognosticationes» («Книги предсказаний», 1528) Иоанна Лихтенбергера, используемый, по словам Достоевского, лишь как «мистическая аллегория», «похожая несколько на правду», для иллюстрации собственных мыслей, был выбран в соответствии с этими указаниями (см. наст. изд., т. XXV, стр. 122, 125, 410—411).

[5] Об аналогичном случае в 1876 г. с Н. А. Ратынским см. письма 616 (и примеч. 3 к нему) и 617. В начале 1877 г. из-за столкновения в Цензурном комитете (в связи с обсуждением по докладу Ратынского и запрещением статьи Достоевского «Старина о „петрашевцах“», предназначенной для январского выпуска «Дневника писателя», — см. письмо 670, примеч. 1) создалась конфликтная ситуация, которая вообще чуть не привела к разрыву между автором «Дневника» и его постоянным цензором, но она разрешилась примирением между ними (см.: *РЛ*, 1970, № 4, стр. 114—118 и наст. изд., т. XXV, стр. 328—329). В июне 1877 г. Ратынский уехал из Петербурга в отпуск (см. письмо 701), и велись переговоры о временном назначении вместо него другого цензора, в частности Д. П. Скуратова (см. письмо 700, примеч. 2), но в конце концов цензорство «Дневника писателя» до возвращения Ратынского было поручено Н. Е. Лебедеву (см. письмо 701, примеч. 4).

[6] Написал ли Достоевский Пуцыковичу, неизвестно.

698. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 158)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Александров*, стр. 303—304.

Речь идет о второй и третьей главе майско-июньского выпуска «Дневника писателя» 1877 г.

[2] См. письмо 697.

699. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 159)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 123, оп. 3, № 149.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 318.

Датируется 29 июня 1877 г. по помете Александрова («1877») и в связи с письмом 700, высланным в тот же день из Малого Прикола.

[1] Речь идет о начале третьей главы майско-июньского выпуска «Дневника писателя» 1877 г.

700. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 159)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 123, оп. 3, № 149.

Впервые опубликовано: *Александров*, стр. 304.

Датируется 1877 г., так как отправлено из Малого Прикола.

[1] Достоевский высылает продолжение отправленной ранее части третьей главы майско-июньского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. (см. письмо 699). Окончание этой главы он отправил 1 июля (см. письмо 701, примеч. 6).

[2] В связи с поданным Достоевским в момент обострения отношений между ним и Н. А. Ратынским прошением об издании «Дневника писателя» без предварительной цензуры и отъездом последнего на летний период (см. письмо 701 и примеч. 4 к нему) возникли задержки с прохождением через цензуру этой части «Дневника...», о которых М. А. Александров 30 июня 1877 г. сообщал В. Ф. Пуцыковичу: «Цензор Скуратов не принимается цензуровать „Дневника писателя“, не получив на то предписания от Комитета, а Комитет *не дает* этого предписания, заставляя печатать *без предварительной цензуры*, чего *никак* не желает Федор Михайлович из-за проволочки восьмидневного лежания выпуска в Комиссии. Прошлый раз цензор был по его просьбе; я полагаю, что теперь его дадут по *Вашей просьбе*» (*ЛН*, т. 86, стр. 456).

701. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 160)

Печатается по тексту первой публикации: *Д, Письма к жене*, стр. 218—219 (со сверкой по копии А. Г. Достоевской: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.54, стр. 20—23). Подлинник неизвестен.

[1] В начале июля 1877 г. А. Г. Достоевская вместе со старшими детьми Любой и Федей ездила в Киев «поклониться тамошним святыням», отправившись из Малого Прикола вместе с Достоевским, который, проводив их до станции Коренево, последовал в Петербург (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 312—313).

[2] Достоевская сообщила мужу о своем пребывании в Киеве в письме от 5 июля 1877 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 249).

[3] См. письмо 697, примеч. 5 и письмо 700, примеч. 2.

[4] Подав вследствие конфликта с Ратынским 21 февраля 1877 г. прошение в Главное управление по делам печати о разрешении ему издавать «Дневник писателя» без предварительной цензуры и получив в конце марта положительную на него резолюцию (см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 37 и примеч. к нему), Достоевский, однако, почти сразу же, как отмечалось ранее (см. письмо 674, примеч. 2), и в дальнейшем (о чем

свидетельствует данное письмо) сам все же предпочитает прибегать к предварительной цензуре, чтобы обезопасить себя от последующих нареканий или прекращения издания. 5 июля 1877 г. цензором «Дневника писателя» был утвержден в Цензурном комитете временно до приезда Ратынского из отпуска Н. Е. Лебедев (подробнее см. наст. изд., т. XXV, стр. 329—330 и *РЛ*, 1970, № 4, стр. 116—120).

[5] М. Н. Сниткина, двоюродная сестра А. Г. Достоевской, выполняла поручения по рассылке «Дневника писателя» (о чем А. Г. Достоевская упоминала в указанном выше письме из Киева — см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 249). Письма (записки) М. Н. Сниткиной к Достоевскому, как и его письменные обращения к ней, неизвестны.

[6] Речь идет о пересланном из Малого Прикола окончании третьей главы майско-июньского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. (см. письмо 700).

[7] Последнее издание романа «Униженные и оскорбленные» (Ф. Стелловского, т. II «Полного собрания сочинений» Достоевского) вышло в 1865 г. Запрос на книгу от «купца» (вероятно, книгопродавца) Николаева, полагавшего, что этот роман недавно переиздан самим писателем, по-видимому, подсказал Достоевскому мысль о подготовке нового собственного издания «Униженных и оскорбленных», которое было осуществлено в 1879 г. (см. наст. изд., т. III, стр. 517). С «требованием» продать роман обратились из магазина ввиду того, что с конца 1872—начала 1873 г. Ф. М. и А. Г. Достоевские организовали собственное книжно-торговое дело на дому (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 245—251).

702. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 161)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.30, лл. 1—2.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 219—221.
Достоевская ответила 14 июля 1877 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 255—256).

[1] Как видно из следующего письма к Достоевской, опубликовать объявление о выходе майско-июньского выпуска «Дневника писателя», готового в достаточном количестве экземпляров только к 11 июля, Достоевскому удалось лишь в «Новом времени» (см. письмо 704 и примеч. 2 к нему).

[2] Переписка Достоевской и М. Н. Сниткиной неизвестна.

[3] См. письмо 701, примеч. 5.

[4] Имеется в виду письмо К. П. Победоносцева от 6 июля 1877 г. (см.: *ЛН*, т. 15, стр. 134).

[5] Опубликованная в № 8 «Северного вестника» от 8 мая 1877 г. статья Наблюдателя была направлена против пересмотра судом присяжных под влиянием печатных выступлений Достоевского в октябрьском и декабрьском номерах «Дневника писателя» за 1876 г. дела Е. П. Корниловой. На статью Наблюдателя Достоевский ответил не в июльско-августовском, как собирался, а в декабрьском номере «Дневника писателя» за 1877 г. (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 92—110). См. также письма чиновника судебного ведомства К. И. Маслянникова и Е. П. Корниловой к Достоевскому, опубликованные И. Л. Волгиным (*ВЛ*, 1971, № 9, стр. 193—196). См. письма 656, 659.

[6] Д. Н. Овсянников распродавал «Дневник писателя». Сохранилось его письмо к Достоевскому от 2 марта 1877 г. с просьбой о выдаче ему 300 экземпляров (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29796).

703. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 164)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.16.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 274.

[1] Майско-июньский номер «Дневника писателя» вышел 11 июля (см. письмо 704).

704. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 164)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.30, лл. 3—4.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 221—223.
Достоевская ответила 14 июля 1877 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 255—256).

[1] Речь идет об майско-июньском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г.

[2] В «Новом времени» (1877, 12 июля, № 491) было помещено сообщение о выходе в свет майско-июньского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г.

[3] См. примеч. 5 к письму 701.

[4] Достоевский, вероятно, выдал книги не самому Н. Я. Оглоблину, протоиерею киевского Софийского собора, ставшего владельцем книжного магазина, а его посланному, так как А. Г. Достоевская незадолго до этого, 5 июля 1877 г., сообщая Достоевскому о своих встречах в Киеве с различными книгопродавцами, писала: «Оглоблин (Литов) принял нас как родных, познакомил с семьей, угостил кофеем и непременно потребовал, чтоб мы сегодня у него обедали» (*Д, Переписка с женой*, стр. 249).

[5] Речь, скорее, идет о петербургском представителе фирмы Глазуновых И. И. Глазунове, а не о московском А. И. Глазунове, так как ниже о пересылке экземпляров «Дневника писателя» в Москву И. Г. Соловьеву говорится отдельно.

[6] Сохранились также подробные списки о рассылке «Дневника писателя» по городам и губерниям (см.: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.16).

[7] См. Офиц. письма и делов. бумаги, № 36 и примеч. к нему.

[8] Судя по мемуарам В. П. Мещерского, он в это время часто находился в Москве, присылая оттуда корреспонденции в «Гражданин»; упомянутая же поездка его в Турцию «на театр войны» через Кавказ в Александрополь, а затем на Карс состоялась не в июле, а поздней осенью «в конце октября» 1877 г., причем, по собственному свидетельству, ему принадлежит «первая реляция» в «Московские ведомости» М. Н. Каткова о штурме Карса (см.: В. П. Мещерский. Мои воспоминания. СПб., 1898, ч. 2, стр. 311, 347—365).

705. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 166)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.30, лл. 5—6.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 224—226.

[1] Достоевский выехал из Петербурга в Москву не 16, а 17 вечером (см. письмо 708).

[2] Достоевская сообщала в письме из Малого Прикола 14 июля: «Я тебе написала 2 письма, одно из Киева от вторника 5-го, другое отсюда от субботы 9-го, это третье, надеюсь, что ты их получил» (*Д, Переписка с женой*, стр. 256). Письмо Достоевской от 9 июля 1877 г. не сохранилось (см. примеч. 1 к телеграмме 706).

[3] См. телеграмму от 17 июля 1877 г. (706) и примеч. 1 к ней.

[4] См. письмо 708, примеч. 4.

[5] М. Н. Спиткина оказывала помощь в рассылке «Дневника писателя».

[6] Достоевский должен был встретиться с Ф. И. Салаевым по делам продажи своих сочинений в Москве и получить у него деньги по счету за 10 экземпляров «Преступления и наказания», 10 экземпляров «Подростка», 50 экземпляров «Записок из Мертвого дома», 5 экземпляров «Идиота» и

5 экземпляров «Бесов» (см. счет в письме А. Г. Достоевской от 14 июля 1877 г.: *Д, Переписка с женой*, стр. 256).

[7] Речь идет о внесенных А. А. Рудиным, знакомым Достоевских по Старой Руссе, по их просьбе, деньгах одному из братьев В. П. или Е. П. Печаткиных за поставляемую для «Дневника писателя» бумагу; под «хозяином» подразумевается А. П. Струбинский, в доме которого на Греческом проспекте жили тогда Достоевские.

[8] См. письмо (телеграмму) 706.

[9] Встреча с И. С. Аксаковым состоялась в Москве 18 или 19 июля 1877 г. Она описана в июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» 1877 г., где в первой главе воспроизведен «разговор ... с одним московским знакомым» по возвращении Достоевского через Москву в Курскую губернию. Характеризуя собеседника как своего «давнего московского знакомого», с которым он «редко» видится, но «мнение» которого «глубоко» ценит, и замечая, что услышал «кое-что весьма любопытное из текущего, чего и не подозревал», Достоевский далее приводит темы их общей беседы — о значении для человека «святых воспоминаний» детства (в связи с намерением Достоевского «посетить» Даровое), о разрушении строя старой семьи, запечатленного в автобиографических повестях Л. Толстого, и возникновении «случайных семейств», о новых вопросах, являющихся у народа после реформы, о выходе восьмой последней части «Анны Карениной». Высказывания собеседника («Могуча Русь, и не то еще выносила. Да и не таково назначение и цель ее, чтоб зря повернулась она с вековой своей дороги <...> и задерживать, отдалять вопросы вовсе не надо...» и т. п.), а также иронический выпад против скептических суждений героя романа Толстого о добровольческом движении в помощь братьям-славянам были созвучны настроениям Достоевского (см. наст. изд., т. XXV, стр. 172—175).

706. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 169)

Печатается по черновому автографу: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29499.
Впервые опубликовано: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 264.
Год устанавливается по адресу направления телеграммы.

[1] Как видно из письма Достоевской от 14 июля 1877 г., все в семье было благополучно (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 255). Обеспокоившая Достоевского задержка в получении корреспонденций от жены объясняется тем, что одно из ее писем, отправленное по возвращении из Киева в Малый Прикол, от субботы 9 июля (см. упоминание о нем в указанном выше письме А. Г. Достоевской) пропало (см. письмо Достоевского к ней от 17 июля), а с посылкой следующего письма она промедлила из-за отсутствия оказии по доставке его в город (см. об этом также в указанном выше письме ее от 14 июля).

707. И. Г. СНИТКИНУ (стр. 169)

Печатается по черновому автографу: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29499.
Впервые опубликовано: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 264.
Датируется по аналогии с посланной одновременно телеграммой к А. Г. Достоевской (706).

708. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 170)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.30, лл. 7—8.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 226—228.
Ответ на письмо Достоевской от 14 июля 1877 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 255—256).

[1] См. письмо (телеграмму) 706, примеч. 1.

[2] Имеется в виду проживавшая у Достоевских Прохоровна.

[3] Достоевская писала по этому поводу в своих воспоминаниях: «...под влиянием случившегося с ним приступа эпилепсии муж совершенно забыл про наше соглашение (посылать ему письма через старшего дворника их дома. — *Ред.*) и про то, что если б я посылала письма, адресуя прямо на его имя, то главный почтамт, имея сделанное им весною пред отъездом в деревню распоряжение, отсылал бы мои письма в Мирополье, как поступал со всею многочисленною корреспонденцией, адресованною мужу на Петербург» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 313).

[4] Достоевский осуществил свое намерение и по пути в Малый Прикол из Москвы заехал на два дня — 20 и 21 июля — в Даровое, имение, принадлежавшее его родителям и перешедшее к его сестре В. М. Ивановой. «Сорок лет я там не был и столько раз хотел туда съездить, — писал Достоевский в связи с этой поездкой в первой главе июльско-августовского «Дневника писателя» 1877 г., — <...> это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь и где всё полно для меня самыми дорогими воспоминаниями». И далее, обобщая свои размышления о значении подобных впечатлений для него и людей его поколения, писатель заключал: «Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек» (наст. изд., т. XXV, стр. 172). По свидетельству А. Г. Достоевской, основанному на рассказах родных и самого Достоевского по возвращении из Дарового, он там «посетил самые различные места в парке и окрестностях, дорогие ему по воспоминаниям, и даже сходил пешком (версты две от усадьбы) в любимую им в детстве рощу „Чермашню", именем которой он потом назвал рощу в романе „Братья Карамазовы". Заходил Федор Михайлович и в избы мужиков, своих сверстников, из которых многих он помнил. Старики и старухи и сверстники, помнившие его с детства, радостно его приветствовали, зазывали в избы и угощали чаем» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 313). См. также: воспоминания крестьянина Дарового И. Макарова в статье Д. Стонова «Сельцо Даровое» («Красная нива», 1926, № 16) и статью В. С. Нечаевой «Из литературы о Достоевском (Поездка в Даровое)» («Новый мир», 1926, № 3, стр. 128—144).

[5] Речь идет о тетрадках самой А. Г. Достоевской, которые она просила привезти.

709. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 171)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 319.

Письмо датируется концом августа 1877 г., так как написано оно в имении Малый Прикол Курской губернии, где Достоевский проводил только лето 1877 г., и содержит известие о скорой встрече с адресатом в начале сентября в Петербурге.

[1] Объявления (о возможности на льготных условиях получить у автора «Дневника писателя» другие его сочинения — «Бесы», «Идиот», «Записки из Мертвого дома», «Подросток», о выходе в свет четвертого издания «Преступления и наказания», о дне выпуска следующего сентябрьского номера и т. п.) были напечатаны в соответствии с распоряжением Достоевского в конце «Дневника писателя» за июль—август 1877 г.

[2] Это сообщение о выезде из Мирополья 2-го сентября и возвращении в Петербург 5-го или 6-го уточняют воспоминания А. Г. Достоевской, которая писала: «Лето 1877 года прошло для всей нашей семьи весело и благополучно, и мы только жалели, что не могли остаться в деревне и на сентябрь. Но надо было выпускать в свет двойной летний номер, июль-август, и к концу августа мы вернулись в Петербург. Началась обычная, полная мелких треволнений жизнь. Ежедневно стали посещать Федора

Михайловича лица знакомые и незнакомые» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 314).

³ См. письмо 697, примеч. 5.

⁴ Письмо о бумаге, вероятно, обычно ее поставлявшим в эту пору для «Дневника писателя» братьям В. П., Е. П. или К. П. Печаткиным, или одному из них, написанное, судя по контексту, по поручению Достоевского А. Г. Достоевской, неизвестно.

710. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 172)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 320.

¹ Речь идет о «продолжении» июльско-августовского выпуска «Дневника писателя», первые главы которого были высланы в конце августа 1877 г. (см. письмо 709).

² Имеется в виду приезд Достоевского в Петербург из Малого Прикола 5 июля 1877 г., когда он опередил посылку одной из частей полулистов «Дневника писателя» за май—июнь 1877 г. (см. письмо 701).

711. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 172)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 320.
Записка датируется началом сентября 1877 г., так как тесно связана по содержанию с письмом к М. А. Александрову от 1 сентября 1877 г. (710), где говорилось, что весь июльско-августовский выпуск «Дневника писателя» (главы I, II) займет три с половиною печатных листа.

712. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 172)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.16.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 324.
Датируется 1876—1877 годами, так как записки подобного рода к брату Достоевский неоднократно посылал на протяжении 70-х годов, через некоторое время после возвращения из-за границы: 1872 и 1873 гг. исключаются ввиду того, что 9 сентября 1872 г. братья Николай и Андрей обедали у Ф. М. Достоевского (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 203), а 14 сентября 1873 г. последний отправил Н. М. Достоевскому письмо несколько иного характера (о возможности передать ему деньги через «Наталью», своей болезни и занятости) и не мог 15 сентября беспокоиться о том, что долго не видел его у себя; в 1874 г. Ф. М. Достоевский с семьей проводил осень и зиму в Старой Руссе, а в 1875 г. они около 15 сентября только выехали из Старой Руссы (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, с. 283), в 1878, 1879 и 1880 гг. Достоевского в эту пору вообще не было в Петербурге.

713. Ю. А. МЮЛЛЕРУ (стр. 173)

Печатается по тексту первой публикации: *Биография*, отд. II, стр. 327. Подлинник неизвестен.
Ответ на письмо Мюллера от конца августа ст. ст. (начала сентября н. ст.) 1877 г. (см.: *Д, Письма*, т. III, стр. 390).

¹ Мюллер писал Достоевскому из г. Крестцы Новгородской губернии: «Я недавно случайно ознакомился с Вашим „Дневником писателя“ по вы-

пускам прошлого года и вследствие этого считаю своим долгом, именно долгом, выписать его в нынешнем году. Посреди нашей обыденной, захолустной жизни такие честные убеждения, как Ваши, необходимы, как всякое нравственное встряхивание» (стр. 390). К письму Мюллер прилагал деньги для оформления ему подписки на «Дневник писателя» на оставшиеся месяцы 1877 г. Судя по второму сохранившемуся его письму к Достоевскому от 27 января (8 февраля) 1878 г., в котором он сообщал о задержке доставки ему «декабрьского за прошлый год № „Дневника писателя", вышедшего, как видно по газетам, 17 января», просьба его была исполнена (см.: *ИРЛИ*, № 29783).

[2] Свое первое письмо к Достоевскому Мюллер заключал словами: «При этом, как особой милости, я просил бы Вас, высокоуважаемый Федор Михайлович, прислать мне хоть две-три строчки Ваши для сохранения и передачи моим детям памяти об одном из честнейших людей» (стр. 390).

714. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 173)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2567, оп. 2, № 273.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 302 (с датой: 24 октября 1873 г.).

Датируется 1877 г., так как в письме идет речь о передаче «рукописи», по всей вероятности, «Дневника писателя», из которой Достоевский посылает для наборщиков один «листочек». Такими небольшими порциями часто поступал в типографию «Дневник писателя» (ср. письма М. А. Александрову). В пору редакторства Достоевского в «Гражданине» 24 октября 1873 г. приходилось на среду, а 24 октября 1874 г. — на четверг: в эти дни журнал только собирался, печатался же он обычно в пятницу — воскресенье (см.: *Александров*, стр. 192), и заботиться о том, чтобы занять наборщиков в момент написания записки, не было бы необходимости. По всем этим соображениям, а также по помете Александрова («1877») и бумаге (на такой же бумаге письмо 724) письмо и датируется 24 октября 1877 г.

715. В. П. ГАЕВСКОМУ (стр. 173)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 109.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 320.

[1] Достоевский, по всей вероятности, обращался к В. П. Гаевскому как председателю Литературного фонда. Возможно, что при личной встрече они должны были договориться об организации какого-либо мероприятия (литературного вечера, например), которое бы помогло Достоевскому выйти из затруднительного материального положения.

[2] Ответное письмо В. П. Гаевского неизвестно.

716. Д. В. АВЕРКИЕВУ (стр. 174)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 6 (Д. В. Аверкиева), № 14.
Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 49—50, стр. 632.
Ответ на письмо Аверкиева от 21 октября 1877 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.1.76).

[1] Аверкиев 21 октября 1877 г. обратился к Достоевскому, после публикации «Подростка» снова сблизившемуся с редакцией «Отечественных записок», «с покорнейшею просьбой» по поводу своей новой пьесы. «Дело вот в чем, — сообщал Аверкиев. — Я написал комедию, которую по причинам, важным для меня лично, мне не хотелось бы помещать в „Рус-

ском вестнике". Главнейшую причину я, впрочем, могу объяснить откровенно. Мне просто надоело печататься в одном и том же журнале, многие статьи коего мне не только не нравятся, но как г-на Авсеенко просто претят. А между тем вследствие исключительного сотрудничества в „Русск‹ом› вестн‹ике›" я считаюсь почему-то не только солидарным, но как бы ответственным за все в нем помещаемое. Вот мне и вздумалось попытать счастья, нельзя ли напечататься где-либо в другом местс. Самым подходящим журналом мне кажутся „Отечеств‹енные› записки". Вы знаете там всех, а я никого, а потому я и решаюсь просить Вас позондировать это дело. Если и не удастся, то все как будто легче получить отказ не лично, а через третье лицо.

Теперь несколько слов о комедии. Она, как говорится, из современного быта и в стихах. Зовется „Непогрешимые", ибо непогрешимость, по-моему, есть un vice à la mode (модный порок. — *Ред.*), как говорит мольеровский Дон Жуан. В ней задеты и скороспелые богачи или финансисты, как их зовут для пущей важности, и либеральные баре, и адвокаты, и газетчики. Эти лично, а мимоходом и другие. Нигилистов нет, ибо они уже повывелись, а остались, вообще говоря, одни *гилисты*, от слова *гиль*.

Комедия написана в чисто комическом духе, что ныне редкость, без всякого сентимента, без убийств и полиции и вообще без всяких натянутостей, на что ныне мода. Надеюсь, что смеху в ней достаточно ‹...› Я, как Вам известно, довольно прилежный, хотя, быть может, и достаточно негодный, ученик старых писателей и к новшествам пе расположен: я думаю, что пошлость убивается смехом».

Достоевский возлагал на Аверкиева после выхода «Комедии о российском дворянине Фроле Скобееве» (1869) большие надежды, рассматривая его в одном ряду с Островским и находя, что у него по сравнению с последним, возможно, не найдется «столько блеску в таланте и в фантазии ‹...›, но изображение и дух этого изображения — безмерно выше ‹...› и *главнее* всего ‹...›, что это *изображение в самом деле* именно то́ настоящее, что и было» (см. наст. изд., т. XXVIII_2, стр. 36).

[2] Консерватор по убеждениям, Аверкиев, наиболее известный современникам как автор упомянутой выше «Комедии о ... Фроле Скобееве» и драмы «Каширская старина» (1872), с первых шагов своей литературной деятельности занял позиции, враждебные революционно-демократическому крылу русской литературы и журналистики. Еще в первой половине 60-х годов, принимая активное участие в сатирической литературе, Аверкиев поместил большое количество пародий и эпиграмм на деятелей прогрессивной печати в юмористическом журнале «Оса», редактировавшемся Ап. Григорьевым. Имея в виду эти и подобные им публицистические выступления Аверкиева, Д. И. Писарев в 1865 г. в статье «Прогулка по садам российской словесности» назвал его рыцарем «мракобесия и сикофантства». Со столь же резкими определениями фигурировало его имя в публицистике Щедрина 60-х годов, включившего сатирические намеки на Аверкиева в «Историю одного города» и «Современную идиллию».

[3] Ср. аналогичное суждение Достоевского о подходе редакции «Отечественных записок» к авторам с «сомнительной» репутацией в письме его к А. Г. Ковнеру от 14 февраля 1877 г. (№ 673).

[4] О встрече своей с Некрасовым и Салтыковым, состоявшейся в середине ноября, Достоевский сообщил Аверкиеву 18 ноября (см. письмо 717).

[5] Речь идет о С. В. Аверкиевой, с которой Достоевский встречался как в 1870-х, так и в начале 80-х годов.

717. Д. В. АВЕРКИЕВУ (стр. 175)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 6 (Д. В. Аверкиева), № 14.
Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 49—50, стр. 632—633.
Аверкиев ответил 22 ноября 1877 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.1.76).

[1] См. письмо 716, примеч. 1.

[2] См. письмо 716, примеч. 2.

[3] Как отмечает А. Н. Михайлова, первый публикатор писем Достоевского к Аверкиеву, Аверкиев при старой редакции «Отечественных записок», благодаря покровительству С. С. Дудышкина, напечатал там свою комедию в стихах «Леший» (1866 № 9) и помещал компиляции об иностранной (преимущественно английской) литературе. После перехода журнала к Некрасову он, как бы не понимая того, что «Отечественные записки» изменили направление и для них его имя явилось бы одиозным, «спешит напомнить о себе» и предлагает в один из первых номеров журнала на 1868 г. перевод баллады Гете «Коринфская невеста». Некрасов ответил ему сдержанным отказом (см.: *ЛН*, т. 49—50, стр. 631, 634). Как видно из письма Достоевского, и вторая попытка Аверкиева проникнуть на страницы пользовавшегося наибольшим общественным признанием журнала была обречена на неудачу.

[4] Выражая Достоевскому признательность в письме от 22 ноября 1877 г. за «благорасположение» и «хлопоты», Аверкиев отказывался понимать принципиальность руководителей передового журнального органа эпохи, отстаивавших последовательность его направления. «Меня, признаюсь, несколько поразило, — пишет он, — выражение Некрасова, что я *всё*, что ни писал, писал против них и их направления. Конечно, это неправда, я о них думал только мимоходом, в досужие часы. Говоря откровенно, я полагал, что мои шпильки столь же мало тревожат других, как их меня. Выходит наоборот. Выходит, что в самом деле есть какое-то направление, в чем доселе я смел сомневаться. По крайности, сомневался в их серьезности. Но, быть может, я сужу слишком по-художнически». И далее он соглашается не отходить от «Русского вестника», о «разрыве» с которым «и не думал», а заботился, по его словам, лишь о том, чтоб у него были «два издателя или покупателя».

[5] См. письмо 716, примеч. 5.

718. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 175)

Печатается по подлиннику: Гос. музей К. А. Федина (г. Саратов), ГММ 10073.

Впервые опубликовано: «Звезда», 1930, № 6, стр. 262.

[1] Речь идет об окончании заключительной третьей главы ноябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г. (дата цензурного разрешения — 30 ноября 1877 г.).

[2] После трех неудачных штурмов летом 1877 г. укрепившейся в Плевне турецкой армии во главе с Османом-пашой в сентябре и октябре русско-румынские войска при участии болгарских ополченцев сначала блокировали, затем полностью осадили Плевну, а 28 ноября (10 декабря) 1877 г. добились отступления турок из города. Как сообщалось в «Голосе», весть о падении Плевны распространилась в самый день события, еще до официальных извещений, «одновременно во всех уголках Петербурга», придав городу «тот восторженный, ликующий характер, который почему-то всегда считался чуждым северной столице», вызвав ряд «манифестаций» (*Г*, 1877, 30 ноября, № 292). Как и предсказывал Достоевский в октябрьском выпуске «Дневника писателя» 1877 г., после взятия Плевны и последовавшей затем победы на Шипкинском перевале явился «у турок прежний упадок духа», обусловивший окончательный перелом в русско-турецкой войне (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 43, 375).

719. А. П. ФИЛОСОФОВОЙ (стр. 176)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 262, № 9.
Впервые опубликовано: *PC*, 1883, № 10, стр. 231 (без указания адресата и с заменой в обращении имени и отчества: NN).

[1] Это письмо Философовой неизвестно.
[2] См. письмо 718, примеч. 1.
[3] См. письмо 681, примеч. 2.

720. П. А. ИСАЕВУ (стр. 176)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 164—165.
Впервые опубликовано: *CB*, 1891, № 11, стр. 30.

[1] Это письмо Исаева к Достоевскому с денежной просьбой неизвестно.
[2] Речь идет о временном прекращении издания «Дневника писателя» (см. письмо 722, примеч. 3).
[3] Очевидно, во время пребывания Достоевского в июле (18—19) проездом в Москве (см. письмо 705 и примеч. 1, 9 к нему).
[4] Исаев в феврале 1872 г. по рекомендации П. И. Ламанского, несколько раз помогавшего по просьбе Достоевского в устройстве его пасынка на работу (см. наст. изд., т. XXVIII_2, письмо 347, примеч. 6), поступил на службу в Петербургское отделение (Правление) Волжско-Камского коммерческого банка, затем в январе 1873 г. перевелся в Московское отделение (Бухгалтерию) этого банка, через полгода уволился, но затем в декабре 1874 г. восстановился в прежнем отделении (см. справку о его службе: *ИРЛИ*, № 32643). В не дошедшем до нас письме к Достоевскому он, по всей вероятности, сообщал о своем намерении вновь оставить это место и переехать в Петербург.
[5] Речь в данном случае идет не о П. И. Ламанском (который к этому времени умер), а о брате его Е. И. Ламанском, занимавшем должность Управляющего Государственным банком и тоже способствовавшем определению Исаева на службу в 1872 г. и затем переводу его в Москву. А. Г. Достоевская в своих мемуарах, говоря о том, что П. А. Исаев «не умел понимать своего положения» и принимал дружелюбное к нему отношение, проявляемое ради Федора Михайловича, как должное, приводит как пример эпизод именно с Е. И. Ламанским: «Здесь (в Москве. — *Ред.*) он многим в банке наговорил о том, что его „отец“ Достоевский дружен с Ламанским и что вообще у него большие связи. Как-то Ламанскому, проездом через Москву, случилось посетить Волжско-Камский банк <...> Е. И. Ламанский представлял собою большую финансовую силу, и его торжественно встретили в банке. Узнав о его приезде, Павел Александрович отправился в зало, где собрались директора, подошел к Ламанскому, протянул ему руку и произнес: „Здравствуйте, Евгений Иванович, как поживаете? Вы меня, кажется, не узнали? Я — сын Достоевского. Вы меня видали у папа́“. — „Извините, я вас не узнал, вы очень изменились“, — ответил Ламанский. — „Дело к старости идет, — рассмеялся Павел Александрович, — да и вы, батенька, изменились порядочно!“ — и при этом самым любезным образом похлопал Ламанского по плечу <...> Можно себе представить, как этот бесцеремонный поступок Павла Александровича повлиял на мнение его начальства» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 117).
[6] Исаев был отчислен от Московского отделения Волжско-Камского банка «за сокращением штата служащих» в 1878 г. и 5 января того же года принят в Петербургское его отделение (см. указ. выше — примеч. 4 — справку о службе).
[7] Речь идет о Н. М. Исаевой и детях Феде и Вере (см. письмо 604, примеч. 14).

721. Л. А. ОЖИГИНОЙ (стр. 177)

Печатается по тексту первой публикации: «Русь», 1881, 15 августа, № 40, стр. 22—23 (перепечатано: *Биография*, отд. II, стр. 327—328).
Подлинник неизвестен.

[1] Письмо Ожигиной, на которое отвечает Достоевский, неизвестно. Видимо, в нем содержался отзыв о «Дневнике писателя». Позднее проживающий с Ожигиной в одном городе товарищ молодости Достоевского, профессор Харьковского университета Н. Н. Бекетов, в ответ на просьбу писателя сообщить сведения «о личности» его корреспондентки, охарактеризовал ее в письме от 18 августа 1878 г. как «женщину переходного времени, <...> не первой молодости (лет за 35)», начавшую «жить в ту эпоху, когда русская женщина впервые встрепенулась и захотела самостоятельной независимой жизни». Рассказав о попытке ее сначала изучить медицину, пока не закрылись перед женщинами «стены наших университетов», о не удовлетворивших ее занятиях преподавательницы женской гимназии и решении выразить себя в литературе автобиографическим романом «Своим путем», помещенным в «Отечественных записках», о пребывании ее в Петербурге, принявшем ее в лице литературного кружка «довольно ласково и снисходительно», но произведшем на нее «тяжелое впечатление», о возвращении ее в Харьков и работе близ него наставницей и ее надеждах продолжить «литературные труды», Бекетов писал: «...она несомненно женщина очень впечатлительная и даже несколько восторженная и как таковая не всем, конечно, может нравиться и бывает тяжела и даже несколько докучлива, не замечая, конечно, этого, — но я думаю, что душа у ней хорошая — она, во всяком случае, женщина очень развитая, много над собой трудившаяся, я с удовольствием изредка проводил с нею время, но мое знакомство с нею хотя и давнее, но все-таки отрывочное; мы часто беседовали с нею об Вас по поводу Вашего „Дневника“, о прекращении которого я очень сожалею и сожалею вдвойне, так как причина этого Ваше слабое здоровье» (*ГБЛ*, ф. 93, II.1.75).

[2] Достоевский отправил данное письмо в адрес Н. Н. Бекетова, и, возможно, до Л. А. Ожигиной оно дошло позднее, так как, получив от нее второе письмо от 7 января 1878 г., Достоевский 28 февраля 1878 г. вновь обратился к ней с вопросом, написал ли он ей «ответ»?

[3] См. письмо 722, примеч. 5.

722. С. Д. ЯНОВСКОМУ (стр. 178)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.49.
Впервые опубликовано: «Русский современник», 1924, № 1, стр. 184—185.
Ответ на письмо Яновского от 8 (20) августа 1877 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29915).

[1] Отклик на признание Яновского в письме из Веве: «Прошлое лето Вы провели в Курске — это ведь моя родина, а потому я, читая майский и июньский №№ „Дневника“, постоянно думал о моей родине и об Вас, и Вы становились мне совсем уж родным и близким. Я невольно переходил моим воспоминанием в то, что пережито и перечувствовано было нами в нашем прошедшем, и мне очень и очень хотелось и хочется сказать Вам, дорогой мой Федор Михайлович, что очень я Вас всегда любил и дорожил Вашею ко мне привязанностью».

[2] Достоевский посылает Яновскому 1-й том «Сочинений Аполлона Григорьева», изданный Н. Н. Страховым в 1876 г. На письме Достоевского есть помета от редакции «Дневника писателя» об отправке тома и уплате за «Дневник» 1877 г. в счет полученных от Яновского 6 рублей.

[3] Речь идет о решении прекратить «на год или два», как полагал Достоевский, издание «Дневника писателя» «по недостатку здоровья» и ввиду необходимости отвлечься от срочной ежемесячной беседы с читате-

лем для «художнической работы» над «Братьями Карамазовыми» (см. его обращение «К читателям» в октябрьском и декабрьском выпусках «Дневника писателя» 1877 г.: наст. изд., т. XXVI, стр. 34, 126—128). Однако возобновить «Дневник писателя» Достоевскому удалось лишь в 1880 г., причем изданы были только «единственный» августовский выпуск 1880 г., посвященный речи Достоевского о Пушкине на открытии памятника поэту в Москве, и подготовленный незадолго до смерти январский выпуск 1881 г.

[4] Судя по записи, сохранившейся на обратной стороне листка с зафиксированной для себя 24 декабря 1877 г. заметкой «Memento. На всю жизнь» (см. наст. изд., т. XVII, стр. 14, 443—444), Достоевский в это время замышлял издание ежемесячного журнала (от 7 печ. листов и более) и составил программу его первой книжки, в которую должны были входить роман, повесть, стихи, хроника последних событий, интересных в политическом и нравственном отношении, «Дневник писателя», дневниковые заметки А. У. Порецкого, критическая статья (возможно, о Грибоедове), рецензии на текущие книги, курьезы из газет и журналов (см. там же, т. XXVI, стр. 175, 510—511).

[5] Отклики на издание «Дневника писателя» см. в публикации И. Л. Волгина «Письма читателей к Ф. М. Достоевскому» (*ВЛ*, 1971, № 9, стр. 173—196) и в его статьях «Достоевский и русское общество. 1. О направлении „Дневника писателя“. „Дневник писателя“ и русская пресса»; 2. «„Дневник писателя“ и его корреспонденты» (*РЛ*, 1976, № 3, стр. 123—143). См. также обзоры читательских писем: наст. изд., т. XXII, стр. 306—315; т. XXV, стр. 350—358.

[6] Эти строки Достоевского об «оригинальности» позиции либеральной газеты «Голос», редактируемой А. А. Краевским, в освещении событий сербской (1876) и текущей русско-турецкой войны явились ответом на просьбу Яновского от лица «всех» его русских знакомых в Веве «вразумить старца Краевского в том, что писать такие нелепые статьи, какие он пишет в своем туркофильствующем „Голосе“, и подводить так некстати в фельетонах рассказы о самоубийстве какого-то купчика, попавшего на очередь в ратники, и о несостоявшихся заседаниях в думе — это возмутительно!». Недовольство Яновского могла, например, особенно вызвать передовая статья в № 174 «Голоса» от 4 (16) августа 1877 г., в которой, критикуя командование, не выставившее должного количества войск в начале войны, что заставило прибегнуть к дополнительной мобилизации в июле, во время разгара полевых работ, анонимный корреспондент писал: «Ко всему этому присоединился призыв ратников. Мы не беремся определить, была ли нужда немедленно, в самую рабочую пору, осуществлять эту меру; но полагаем, что исполнение ее в конце августа или в начале сентября много бы облегчило население.

Нынешняя война, несмотря на ее популярность, все же не имеет для русского народа такого значения, как отечественная война 1812 года или даже война 1853—1855 годов, когда неприятель вторгся в пределы государства; а потому вкоренившееся в народе убеждение, что ратников призывают лишь в тех случаях, когда отечество в опасности, наводит его на неверную мысль, что дела наши на Дунае и на Кавказе очень плохи, чему как бы подтверждением служат известия о неудаче под Плевною и наступившее потом продолжительное отсутствие всяких известий собственно с театра войны». Тональность этой и подобных ей критических статей, конечно, не могла импонировать и Достоевскому, посвятившему много страниц «Дневника писателя» 1876 и 1877 гг. эпохальному значению участия России, русского народа, в освободительном движении славян (см. преамбулу к «Дневнику писателя» за 1877 г.: наст. изд., т. XXV, стр. 333—334).

[7] Яновский сообщал Достоевскому: «Все русские, у меня бывающие, а их счетом человек 8 и все люди хотя и хворые, но совсем хорошие, просят меня передать Вам их душевную благодарность за то удовольствие, которое они ощущают, читая Ваш „Дневник“».

723. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 180)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 323.
Датируется записка предположительно декабрем 1877 г. по помете Александрова («1877»), поместившего ее (л. 41) перед двумя другими декабрьскими письмами этого года. Вероятно, Александров должен был внести сделанные Достоевским в корректуре исправления в одну из глав декабрьского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. (возможно, первую).

724. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 180)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 313.
Датируется предположительно декабрем 1877 г. по помете Александрова («1877»), поместившего к тому же его предпоследним среди писем к нему Достоевского (л. 42), перед заключительным письмом, связанным с окончанием декабрьского выпуска 1877 г. (725). Письмо, очевидно, относится к первой главе именно этого выпуска. Сохранившаяся наборная рукопись этой главы содержит по авторской нумерации 19 листов. Достоевский сообщал в письме о высылке «конца» по 17-й полулист, а «дальнейшее», 18-й и 19-й полулисты, собирался доставить позже.

725. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 180)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 303 (с датой: середина ноября 1873).
Датируется декабрем 1877 г. по помете Александрова («1877») и в связи с упоминанием в записке объявления о Синклере (у Достоевского описка: о Спенсере, — но такого объявления ни в «Гражданине» 1873—1874 гг., ни в «Дневнике писателя» 1876—1877 гг. нет; чтение в первой публикации «о Самаре», позволившее отнести письмо к 1873 г., ошибочно). Объявление о Синклере завершает декабрьский выпуск «Дневника писателя» за 1877 г. Датировка декабрем подтверждается и тем, что сам Александров поместил данную записку последней среди писем к нему Достоевского 1877 г. (л. 43).

[1] Речь идет о последней второй, главе декабрьского выпуска.
[2] В объявлении Достоевский рекомендовал читателям только что вышедшую в русском переводе книгу члена английского парламента Т. Синклера «Восточный вопрос прошедшего и настоящего. Защита России», отмечая, что «трудно написать более популярную, более любопытную и более дельную книгу <...> по истории Восточного вопроса», в которой «так теперь нуждаются», и подчеркивая, что Синклер является «защитником русских интересов» (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 128).

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

29. ИСПРАВНИКУ Г. СТАРАЯ РУССА Э. М. ГОТСКОМУ-ДАНИЛОВИЧУ (стр. 181)

Печатается по подлиннику: Государственный архив Новгородской области, ф. 138, оп. 1, № 2663, л. 7 (прошение рукою А. Г. Достоевской, подписанное Достоевским).

Впервые опубликовано: *РЛ*, 1963, № 4, стр. 200 (с ошибочным указанием шифра хранения).

[1] Речь идет о предстоящей поездке в Эмс.

[2] Во время хлопот о заграничном паспорте в Старой Руссе Достоевский окончательно убедился, что за ним осуществляется секретный полицейский надзор. Заграничный паспорт сроком на шесть месяцев был получен им 6 мая 1875 г. — лишь после благожелательного ответа из 3-го отделения канцелярии с.-петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова на запрос новгородского губернатора (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 277—278; А. Жаворонков, С. Белов. Дело об отставном подпоручике Федоре Достоевском. — *РЛ*, 1963, № 4, стр. 197—202; А. З. Жаворонков. Полицейское дело о секретном надзоре за Ф. М. Достоевским в Старой Руссе (1872—1876 гг.). — Изв. АН СССР, Отд. литературы и языка, 1965, т. XXIV, вып. 4, стр. 329—340; Г. Ф. Коган. Достоевский в документах III отделения. — *ЛН*, т. 86, стр. 599—601).

[3] Вид на жительство (паспорт) был выдан Достоевскому в Семипалатинске для проезда в Тверь. Текст этого документа опубликован: *Д, Письма*, т. I, стр. 543—544.

30. В КАНЦЕЛЯРИЮ НОВГОРОДСКОГО ГУБЕРНАТОРА (стр. 181)

Печатается по подлиннику: Государственный архив Новгородской области, ф. 138, оп. 1, № 2663, л. 14. На письме пометы Достоевского: «2 августа 1875 г.» и А. Г. Достоевской(?): «Отправлено на почту 4 августа 1875 г., заказным».

Впервые опубликовано: *РЛ*, 1963, № 4, стр. 201 (с ошибочным указанием шифра хранения).

[1] Речь идет об Э. В. Лерхе. См. также Офиц. письма и делов. бумаги, № 29 и примеч. 2 и 3 к нему.

31. ДОГОВОР С П. Е. КЕХРИБАРДЖИ НА ПЕРВОЕ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА «ПОДРОСТОК» (стр. 182)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, II.5.68 (рукою писца, подпись Достоевского). Факсимиле подлинника см.: *ЛН*, т. 77, стр. 36.

[1] См. примеч. 1 к письму 596.

32. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ (стр. 182)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 776, оп. 5, № 132, л. 1.
Впервые опубликовано: *НВр*, 1885, 28 января, № 3204, стр. 2.

[1] Это замечание Достоевского свидетельствует о предварительных переговорах, которые велись им с административными инстанциями по делам печати. Об успешном характере этих переговоров (и, по-видимому, не только с С.-Петербургским цензурным комитетом) свидетельствуют следующие факты: 21 декабря (накануне подачи комментируемого прошения) в газете «Голос» (1875, № 352, стр. 7) появляется объявление о подписке на «Дневник писателя», а 23 декабря (на следующий день после подачи прошения) князь В. В. Оболенский, владелец типографии, в которую перешел бывший метранпаж типографии Траншеля М. А. Александров (где печатался редактировавшийся Достоевским «Гражданин»), обращается в С.-Петербургский цензурный комитет со следующей просьбой: «Имею честь покорнейше просить о назначении цензора и о разрешении пред-

ставлять в корректурных листах сочинения Достоевского „Дневник писателя“, который будет выходить выпусками от одного до полутора листа каждый месяц, цена отдельному выпуску 20 к., а по подписке в год 2 р. Содержатель типографии кн. Оболенский. 23 декабря 1875» (*ЦГИА*, ф. 777, оп. 3, ед. хр. 69, л. 2). См. также наст. изд., т. XXII, стр. 136, 400—401).

² 27 декабря начальник Управления по делам печати В. В. Григорьев представил министру внутренних дел А. Е. Тимашеву доклад, в котором писал, что «полагал бы возможным удовлетворить <. . > ходатайство просителя с тем, чтобы сочинение это выходило с дозволения предварительной цензуры». Получив в тот же день разрешение министра, Григорьев 31 декабря 1875 г. отправил в С.-Петербургский цензурный комитет бумагу о разрешении издания «Дневника писателя» «ежемесячными выпусками <. . .>, но с тем, чтобы сочинение это выходило в свет не иначе, как с позволения предварительной цензуры» (см.: *РЛ*, 1970, № 4, стр. 106—108). В тот же день, 31 декабря, уведомление о разрешении издания было отправлено Достоевскому. В уведомлении сообщалось: «Отставной подпоручик Федор Достоевский обратился в Гл<авное> упр<авление> по д<елам> п<ечати> с прошением о разрешении ему издавать сочинение его „Дневник писателя“ ежемесячными выпусками и открыть на издание оного подписку: за год по 2 р. с. без пересылки, а за отдельный нумер 20 коп. Гл<авное> упр<авление> по д<елам> п<ечати> сим объявляет просителю, что г. м<инистр> вн<утренних> д<ел> изволит разрешить ему издавать вышеназванное сочинение на предложенных им основаниях, с тем, чтобы сочинение это выходило не иначе, как с дозволения предварительной цензуры» (*ЦГИА*, ф. 777, оп. 3, ед. хр. 69, л. 3). См. также: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 239, 240, 260; наст. изд., т. XXII, стр. 264—279.

33. В КНИЖНЫЙ МАГАЗИН М. О. ВОЛЬФА (стр. 183)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.3.48.
Публикуется впервые.

Адресат устанавливается на основании объяснительной записки А. Г. Достоевской, приложенной к письму Достоевского: «В книжный маг<азин> Вольфа. За отсутствием меня, Федор Михайлович иногда продавал сам книги книжным магазинам и <не> найдя полностью книг, выдавал подобные расписки. Федор Михайлович был всегда доволен, если ему удавалось успешно справиться с продажею книг» (*ГБЛ*, ф. 93, I.3.48).

¹ Речь идет об экземплярах собственного издания романа «Идиот» (СПб., 1874) и «Записок из Мертвого дома» (СПб., 1875).

34. В РЕДАКЦИЮ «ХАРЬКОВСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» (стр. 183)

Печатается по копии А. Г. Достоевской: *ИРЛИ*, № 30707, л. 10.
Подлинник неизвестен.
Впервые опубликовано: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 242.
Датируется по содержанию письма.

¹ Объявление об издании «Дневника писателя» в 1876 г. в «Харьковских губернских ведомостях» напечатано не было. Аналогичные письма были разосланы Достоевским и в другие губернские города (см. письмо 608 и примеч. 1 к нему).

² Получил ли Достоевский ответ на свое предложение, неизвестно. Писатель просил ответить на свой домашний адрес. М. А. Александров, вспоминая о времени издания «Дневника писателя», писал: «Жил в то время Федор Михайлович на Греческом проспекте, в доме, стоящем между греческой церковью и Прудками» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 241).

35. В КОМИТЕТ ПО УСТРОЙСТВУ МУЗЫКАЛЬНО-ТАНЦЕВАЛЬНОГО ВЕЧЕРА В ПЕТЕРБУРГСКОМ СОБРАНИИ ХУДОЖНИКОВ В ПОЛЬЗУ СТУДЕНТОВ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ 2 ДЕКАБРЯ 1876 Г. (стр. 184)

Печатается по черновому автографу в записной тетради 1876—1877 гг.: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.15, л. 90 об.

Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 253 (повторно: *ЛН*, т. 83. стр. 467).

36. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ (стр. 184)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 776, оп. 5, № 132, л. 5.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 335—336.

[1] Просьба Достоевского была удовлетворена. Ему было выслано следующее уведомление Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел:

«29 января 1877 года. Отставной подпоручик Федор Достоевский обратился в Главное управление по делам печати с прошением о разрешении ему издаваемый им ежемесячными выпусками сборник под названием „Дневник писателя“ продавать с нынешнего 1877 года по 25 к. за выпуск.

Главное управление по делам печати сим объявляет просителю, что ему разрешено такое изменение подписной цены издания.

Причитающийся гербовой сбор уплачен.

И. д. Начальника Главного управления по делам печати В. Григорьев.

И. д. правителя дел В. Адикаевский» (*ГБЛ*, ф. 93, II.3.26).

На последней странице январского выпуска 1877 г. было помещено объявление: «Отдельные номера „Дневника писателя“ в розничной продаже будут продаваться по 25 коп.» (см.: *ДП*$_2$, стр. 28).

37. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ (стр. 185)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 776, оп. 5, № 132, л. 8.

Впервые опубликовано: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 260.

[1] Просьба Достоевского была удовлетворена. 31 марта 1877 г. исполняющий должность начальника Главного управления по делам печати В. Григорьев уведомил С.-Петербургский цензурный комитет: «Г-н управляющий Министерством внутренних дел изволил разрешить отставному подпоручику Федору Достоевскому издаваемую им ежемесячными выпусками книгу под заглавием „Дневник писателя“ печатать впредь без предварительной цензуры» (*РЛ*, 1970, № 4, стр. 117). Но и в дальнейшем «Дневник писателя» продолжал выходить под цензурой. См. об этом: наст. изд., т. XXV, стр. 328—330; *РЛ*, 1970, № 4, стр. 114—115.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

658$_1$. А. А. РОМАНОВУ, наследнику (стр. 186)

Печатается по черновому автографу: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.1. См. письмо 658 и примеч. к нему.

КОЛЛЕКТИВНОЕ

10. А. Ф. ПИСЕМСКОМУ (стр. 188)

Печатается по подлиннику телеграммы: *ИРЛИ*, ф. 232, № 39, л. 23.

Впервые опубликовано: *МВед*, 1875, 21 января, № 19; повторено: А. Ф. Писемский. Письма. М.—Л., 1936, с. 717 (Литературный архив).

[1] 19 января 1875 в библиотечном зале Университета на заседании Общества Любителей Российской словесности состоялось чествование А. Ф. Писемского в связи с 25-летием его литературной деятельности. Помимо телеграммы петербургских литераторов юбиляру был вручен адрес петербургских литераторов, подписанный двадцатью семью лицами, в том числе: Ф. Бергом, Бильбасовым, Костомаровым, Краевским, С. Максимовым. Адрес гласил: «Исполненные искреннего и неизменного уважения к Вашей литературной деятельности, с сердечным сочувствием приветствуем двадцатипятилетнюю годовщину ее. Да процветает Ваш талант на многие годы и служит общему делу с присущею ему правдивостью и силой, не тревожась случайными и преходящими недоразумениями». А также — телеграмма начальника репертуарной части императорских С.-Петербургских театров И. С. Федорова; телеграмма артистов императорских С.-Петербургских театров; адрес Общества любителей музыкального и драматического искусства в Москве; телеграмма от П. К. Щебальского, письма от И. А. Гончарова и И. С. Тургенева. См.: Юбилей А. Ф. Писемского. — *МВед*, 1875, 21 января № 19. См. также: А. Ф. Писемский. Письма. М.—Л., 1936, с. 717—724.

СПИСОК НЕСОХРАНИВШИХСЯ И НЕНАЙДЕННЫХ ПИСЕМ И ДЕЛОВЫХ БУМАГ 1875-1877 годов

1875

311. Н. А. НЕКРАСОВУ

27—28 апреля 1875. Старая Русса

Упоминается в письме Некрасова Достоевскому от 30 апреля ст. ст. 1875 г.: «Многоуважаемый Федор Михайлович. Вместо рукописи («Подросток». — *Ред.*) получил вчера Ваше письмо» (*Некрасов*, т. XI, стр. 361). Ср. с письмом Некрасова к Достоевскому от 24 марта 1875 г., где также затрагивается вопрос о предстоящей публикации «Подростка». В этом письме Некрасов устанавливает крайний срок присылки рукописи — 29—30 марта—1 апреля (там же, стр. 353).

312. С. А. ИВАНОВОЙ

5 (17) июня 1875. Эмс

Упоминается в письме к Е. П. Ивановой от 5 (17) июня 1875 г.: «При сем прилагаю к ней (С. А. Ивановой. — *Ред.*) письмецо...» (см. стр. 37).

313. Е. П. ИВАНОВОЙ

Первая половина июня 1875. Петербург

Упоминается в письме Е. П. Ивановой к Достоевскому (от 19—20 июня 1875 г.) (почтовый штемпель: Москва, 20 июня 1875 г.): «Добрейший и уважаемый Федор Михайлович, большое спасибо за письмо, которое, несмотря на многое, все-таки произвело на меня весьма хорошее впечатление» (*ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 172).

314. В РЕДАКЦИЮ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

21 июня (3 июля) 1875. Эмс

Упоминается в письме Достоевского к жене от 21 июня (3 июля) 1875 г.: «Я решился и написал сегодня Некрасову письмо <...> Письмо адресовал в редакцию „Отеч<ественных> записок“, с просьбою к редакции переслать прилагаемое к Некрасову письмо...» (см. стр. 56). С этим сопроводительным письмом в редакцию «Отечественных записок» Достоевский послал также несохранившееся письмо к Некрасову от того же числа (см. ниже, № 315).

315. Н. А. НЕКРАСОВУ

21 июня (3 июля) 1875. Эмс

Упоминается в письме Достоевского к жене из Эмса от 21 июня (3 июля) 1875 г.: «Я решился и написал сегодня Некрасову письмо...» (см. стр. 56). Здесь же излагается содержание письма, касающееся публикации в «Отечественных записках» романа «Подросток». Очевидно, об этом несохранившемся письме упоминает Некрасов в письме к Достоевскому от 20 августа ст. ст. 1875 г.: «Многоуважаемый Федор Михайлович, приехав сюда, я нашел в конторе письмо мое к Вам из Карабихи, писанное в ответ на Ваше из Эмса. Оно пришло позднее, чем Вы были в Петербурге» (см.: *Некрасов*, т. XI, стр. 370).

316. Н. А. НЕКРАСОВУ

Около 1 декабря 1875. Петербург

Упоминается в письме к Н. П. Вагнеру от 4 декабря 1875 г., в котором Достоевский сообщает, что, посетив на днях Некрасова и не застав его дома, оставил для него рукопись сказки Вагнера для публикации в «Отечественных записках» и «приложил тут же написанное у него письмо» к Некрасову (см. стр. 65).

1876

317. Н. П. СЕМЕНОВУ

15 января 1876. Петербург

16 января 1876 г. Семенов писал Достоевскому: «На записку Вашу от 15 января спешу уведомить, что Ник‹олай› Яковл‹евич› свободен во вторник 18 янв‹аря›, а я хотя и обещал в одном месте быть, но оттуда могу приехать, хотя и несколько позже, поэтому, чтобы не откладывать, мы будем между 8 и 9 час‹ами› вечера Ник‹олай› Яковл‹евич›, а я попозже, 18 янв‹аря›. Поэтому до приятного свидания» (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.93). Речь идет о встрече Достоевского с Н. П. Семеновым и Н. Я. Данилевским.

318. В РЕДАКЦИЮ «КАВКАЗСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Первая половина января 1876. Петербург

Н. Ф. Юшков 20 января 1876 г. писал Достоевскому: «Прочитав в различных столичных органах прессы о Вашем намерении предпринять оригинальное и небывалое до сих пор издание „Дневника писателя“, я тотчас же был намерен сам войти в сношение с Вами, по Вашему изданию, но Вы предупредили меня, прислав предложение вступить с Вами в обмен изданиями» (Встречи с прошлым. М., 1970, стр. 48; см. аналогичное письмо в редакцию «Харьковских губернских ведомостей» — наст. том, стр. 183). Достоевский ответил Юшкову 5 февраля 1876 г. — см. стр. 74—75.*

---

* В записной тетради 1875—1876 гг.: «Отвечать Симбирской библиотеке. ‹...›

Написать заслуженному профессору. ‹...›

[Февраль] Март: 1) *Момбелли.* — Написать: Алчевской — Перетолчину — Заслуженному профессору. ‹...› — Отто — Петерсону» (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 112). Кроме мартовского письма Х. Д. Алчевской (см. стр. 75), перечисленные письма другим адресатам неизвестны.

319. Д. ТИТОВУ

Около 12 марта 1876. Петербург

13 марта 1876 г. (этим числом подписано приложенное к письму стихотворение) Титов ответил Достоевскому: «Ах, кабы Вы знали, как обрадовало меня Ваше письмо. В нем Вы пишете насчет моих стихов, что они неправильны — дай бог исправиться, писать лучше, — мне еще 17 лет... вся жизнь впереди — и если у меня есть что-нибудь такое, то успеет выработаться. По правде Вам сказать, я совершенно не понимаю самого ‹себя› ‹...›, то ‹...› утешаю себя, ободряю ‹...›, — а то бывают минуты, что проклинаю все свои затеи, как видно в приложенном, при сем письме, листке новых стихов, написанных мною под тягостным впечатлением ‹...› В письме Вы пишете, Федор Михайлович, чтобы я когда-нибудь пришел к Вам. Но до пятницы на страстной неделе не могу выбрать время. Если бог приведет, то приду в этот день, в означенные Вами часы». Вспоминая эту свою встречу с Достоевским, за которой последовал ряд других посещений, Титов писал 2 сентября 1876 г.: «...где бы мне не пришлось влачить свою безотрадную жизнь, что бы со мной не случилось — а вечер 27-го апреля 1876 года (то есть мое первое знакомство с Вами) я никогда не забуду; не забуду также и Вас, добрейший Федор Михайлович!... Если соблаговолите чем-нибудь ответить, то адрес мой ‹...› сын кучера Дмитрий Титов» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29869; *Ланский, Утраченные письма*, стр. 207).

320. В. П. МЕЩЕРСКОМУ

Около 24 марта 1876. Петербург

Приглашая Достоевского на очередную «среду» 24 марта 1876 г., Мещерский писал: «Сердечное Вам спасибо за то, что не удержались написать мне ‹...› Очень, очень прошу *хоть на часок* пожаловать сегодня ко мне: надо кое о чем посоветоваться» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29777).

321. Н. Е. ЛЕБЕДЕВУ

29 мая 1876. Петербург

Упоминается в письме Достоевского к Х. Д. Алчевской от 29 мая 1876 г., в котором рассказывается о ряде осложнений в связи с выходом майского выпуска «Дневника писателя» 1876 г.: «...присылают из типографии известие, что исчез мой цензор, уехал из Петербурга, ‹...› бросаюсь к другому цензору, Лебедеву, у Исакиевского собора (с которым не знаком), и — не застаю дома. Сажусь у него и начинаю описывать ему мое положение в письме, оставляю корректуры...» (см. стр. 82).

322. П. Н. ПОЛЕВОМУ

18 июня 1876. Старая Русса

7 июня 1876 г. к Достоевскому обратился Полевой с просьбой сообщить о себе биографические сведения для его «Истории русской литературы в очерках и биографиях» (3-е изд.) и разрешить снять фотографию с портрета Достоевского работы В. Г. Перова в галерее П. М. Третьякова. 26 июня 1876 г. он благодарит писателя «за скорый и любезный ответ» и обещание в письме от 18 июня доставить «биографические данные к концу августа», причем выражает признательность «не только от себя, но и от лица всей русской учащейся молодежи...». На гравировку портрета В. Г. Перова Достоевский в этом письме также дал согласие (*Ланский, Утраченные письма*, стр. 209). Однако «сведений» о себе Достоевский в эту пору не доставлял (см. т. XXVII, стр. 384—385).

323. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

12 (24) июля 1876. Эмс

18 июля 1876 г. А. Г. Достоевская ответила из Старой Руссы: «Ты меня очень огорчил, дорогой мой Федичка, твоим вчерашним письмом в несколько строк. Я вижу, что ты в страшном беспокойстве на наш счет; ты упрекаешь меня, что я тебе не написала. Но, голубчик мой, ведь я тебе написала тотчас же как приехала, то есть в среду, а пошло оно в четверг, след‹овательно›, ты бы должен его получить в понедельник. По всей вероятности, ты его получил во вторник и теперь на меня не сердишься. (ишь какой злой, что-то, должно быть, нехорошее жене написал, если нашел нужным сам зачеркнуть)» (*Д*, *Переписка с женой*, стр. 227). В письме от 13 (25) июля Достоевский сообщал: «В зачеркнутых строчках во вчерашнем письме я было написал, что если и по телеграфу во вторник не получу ответа, то в среду уеду отсюда, и так бы непременно сделал. Но слава богу, всё хорошо...» (см. стр. 95).*

324 К. П. ПЕЧАТКИНУ

Середина августа 1876. Старая Русса

Упоминается в письме Достоевского к М. А. Александрову от 21 августа 1876 г.: «Мы написали *Печаткину*, чтоб в типографию было доставлено 38 стоп бумаги, но сомневаемся в том, что поставили плохой адрес, так что письмо к Печаткину могло и не дойти» (см. стр. 122). Письмо, по-видимому, было написано от имени Достоевского А. Г. Достоевской.

325. В. А. САВОСТЬЯНОВОЙ

6 сентября 1876. Петербург

Поздравляя 6 сентября 1876 г. брата Андрея с замужеством его дочери Варвары, Достоевский одновременно извещал, что отправляет письмо ей самой с объяснением «причины» невозможности «урваться» на свадьбу. 12 октября 1876 г. Савостьянова писала: «Извините меня, дорогой дядя, что отвечаю только теперь на Ваше любезное письмо; нечего и говорить, что я читала его с восхищением. От души рада, что понравилась Вам во время нашего непродолжительного знакомства и надеюсь, что, узнав меня покороче, Вы еще больше полюбите меня...». В свою очередь муж племянницы Достоевского В. К. Савостьянов выражает в отдельном письме «искреннее желание» также познакомиться и «заслужить ‹...› родственное расположение...» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29840).

326. В. А. ФАУСЕКУ

11—12 ноября 1876. Петербург

30 октября 1876 г. гимназист из Харькова Фаусек обратился к Достоевскому с просьбой прислать ему какой-либо автограф, «хоть несколько

---

* В записной тетради 1875—1876 гг. среди заметок, относящихся приблизительно к этому периоду (ниже на той же странице запись «сна» в ночь с 18 на 19 июля 1876 г.): «— Написать Соне и Елене Павловне» (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 113). Письма Достоевского к С. А. Ивановой (в замужестве Хмыровой) и Е. П. Ивановой от июля или августа 1876 г. неизвестны.

Возможно, что июнем—июлем датируются также два несохранившихся письма Достоевского к В. А. Алексееву, связанные по содержанию с ответом Достоевского от 7 июня 1876 г. на первое письмо корреспондента, сведения о которых приводит публикатор известного нам письма Достоевского к В, А, Алексееву (см. стр. 249).

строк» (*ИРЛИ*, № 29877). Получив от Достоевского «милое, любезное, бесконечно дорогое» письмо, Фаусек 15 ноября 1876 г. писал: «А Ваши строчки будут иметь для меня большое значение, и в трудную минуту жизни, в несчастии, или на краю преступления или подлости, я думаю, один взгляд на них даст мне силы душевные, и думая о Вас, который так много страдал, я уже легко перенесу свои личные невзгоды» (*ГБЛ*, ф. 93, II.9.83).

327. А. И. НОРМАНСКОМУ

Около 19 ноября 1876. Петербург

В письме от 13 ноября 1876 г. Норманский, молодой человек, больной чахоткой, просит Достоевского рекомендовать его куда-нибудь или переводчиком с французского, или корректором, особенно в расширяющую штат с нового года газету «Новое время», или на должность при читальном зале Публичной библиотеки. «Вы, конечно, изумитесь, почему я обращаюсь именно к Вам <...> На это я Вам скажу, — признается он, — что и сам не могу объяснить себе такую странность, разве попробую таким образом: прошлую ночь тоска не дала мне заснуть; чтобы рассеяться, я взял октябрьскую тетрадь Вашего „Дневника“ и как раз попал на статью „Простое, но мудреное дело“. Прочитавши, подумал: „Хороший, должно быть, человек автор“; потом вспомнил „Записки из Мертвого дома“ и опять подумал, что люди, так много, как Вы, страдавшие, всегда помогают нуждающимся, и вдруг мелькнула мысль: напишу я ему, попрошу...». 25 ноября 1876 г. Норманский сообщал Достоевскому: «20 ноября получил я Ваше письмо, которого положительно не ожидал как от человека очень занятого. Каждое Ваше слово идет от души, потому вполне верю, что Вы не можете достать места; но все-таки сердечно благодарю за обещание иметь меня в виду и за сочувствие, которое одно может поднять каждого падающего духом». И далее он разъясняет, что он более всего желал бы иметь от Достоевского рекомендательное письмо при открытии вакансии в Публичную библиотеку (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29793; *Ланский, Утраченные письма*, стр. 220—221).

328. А. П. КОРБА

16—20 ноября 1876. Петербург

9 ноября 1876 г. Корба из Минска, препроводив Достоевскому в качестве отклика на последний номер «Дневника писателя» свою статью «Лето 1876 г.», посвященную теме единения интеллигенции с народом в подготовке к войне за освобождение славян, просила помочь ей как начинающей писательнице. 4 декабря 1876 г. она благодарила Достоевского за «строки, полные любезного внимания», и писала: «Ваше столь дорогое для меня письмо я получила 22 ноября и, согласно Вашему указанию, хотела быть у Вас в первых числах настоящего м<еся>ца. Однако вследствие разных обстоятельств пришлось отложить поездку в Питер еще на целый месяц» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29746; *Ланский, Утраченные письма*, стр. 216).

329. Л. ГИСЛЯНЗОНИ

1875—1876 г. <?>

Из письма Гислянзони к А. Г. Достоевской от 12 февраля 1881 г. известно, что она «пять лет тому назад» обращалась к Достоевскому «с просьбой о вспомоществовании». Достоевский, пишет она, «не отказал мне в своей помощи, но, кроме того, прислал мне эти деньги при таком добром, отцовском письме, что я приняла эту милостыню не краснея, и вполне уверена, что, кроме Вас и бога, никто о том не знает. Да будет вечная память тому, кто так великодушно умел утешать в нужде и

горе!..». Несколькими строками выше она сообщала, что Достоевский «велел», если она будет «в крайности, опять к нему обратиться» (*ЛН*, т. 86. стр. 547).

1877

330. О. А. АНТИПОВОЙ

Вторая половина января 1877. Петербург

В середине января Антипова обратилась к Достоевскому с письмом, в котором делилась своими переживаниями в связи с неудачной попыткой поступления в гимназию. Достоевский ей ответил, но в адрес, указанный Антиповой на конверте, вкралась ошибка, и письмо его было возвращено обратно, так как после получения от своей юной корреспондентки второго письма с обидой за его молчание, он поместил в конце январского выпуска «Дневника писателя» запрос о более точном адресе О. А. Антиповой (см. выше, примеч. к письму 689).

331. К. В. НАЗАРЬЕВОЙ

4—6 февраля 1877. Петербург

3 февраля 1877 г. Назарьева обратилась к Достоевскому как «страстная почитательница» его «дивных и глубоких творений» с вопросом, «где можно купить его „Бедных людей"», одновременно восторженно отозвавшись о его «Дневнике писателя» и особенно о «Кроткой». Получив ответ Достоевского, она писала 7 февраля 1877 г.: «Я не могу Вам передать словами того счастья, которое охватило меня, когда я получила Ваше письмо ‹...› Простите, глубоко уважаемый Федор Михайлович, мою смелость послать Вам мой труд. Примите его только как выражение моего желания чем-нибудь отблагодарить Вас за Ваше теплое движение, за Ваше слово: „Ваш друг, если позволите". Только Вы, такой глубокий, *всё* понимающий человек могли так чудно, так тепло, добро и ласково отнестись и отозваться на мое письмо, на то, что вылилось из моей души. Спасибо Вам, значит, Вы и в жизни такой же хороший, как в своих произведениях!» (*ВЛ*, 1971, № 9, стр. 179—181). К. В. Назарьева послала Достоевскому книгу «Иллюстрированные рассказы из природы и жизни (Для детей старшего возраста)» (СПб., 1877; сохранился форзац с надписью «от составительницы и издательницы» — *ГБЛ*, ф. 93, II.7.5).

332. А. Ф. ГУСЕВУ

Середина февраля 1877. Петербург

20 февраля 1877 г. Гусев — профессор Казанской духовной академии — написал Достоевскому в связи с его откликом на первое свое приветственное письмо ему как автору «Дневника писателя»: «Сегодня я имел удовольствие получить от Вас письмо и спешу отвечать на него. Позвольте мне немного поспорить с Вами и тем начать мое письмо к Вам. Вы изволите писать: „вряд ли я столь достоин Ваших похвал; и кроме того, если бы и мог что сказать о бессмертии души и особенно о Христе, то вряд ли смогу это исполнить", дорогой Федор Михайлович (позвольте так назвать Вас), поверьте, в наше грустное время заслуживает человек похвалы ‹...›, как скоро он осмеливается печатно исповедовать свою веру в бога, во Христа и в бессмертие, несмотря на противоположные симпатии окружающей среды и на характер голосов и мнений, всецело царящих в так называемой светской журналистике и литературе ‹...› Вы, далее, изволите писать о том, поражаюсь ли я разливом неверия? ‹...› Вы изволите писать, что атеисты верят искренности и честности Ваших задушевных идей..» (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.139 и отрывок: *РЛ*, 1976, № 3, стр. 136).

333. В. К. СТУКАЛИЧУ

Середина марта 1877. Петербург

Юноша Стукалич отправил Достоевскому из Витебска письмо с изложением глубоко интимных обстоятельств своей жизни. 19 марта 1877 г. (дата на почтовом штемпеле), получив ответ Достоевского, он писал: «Ваше письмо порядком огорошило меня. Оно показало мне также, какой Вы человек. Радуюсь, что попал на хорошего человека. Впрочем, все это выходит как-то неловко, лучше обращусь прямо к делу. Вы пишете гадательно... не обнадеживая. Я не хочу от Вас помощи и гадательной в денежном отношении. Не за этой помощью я к Вам обращался и не такой помощи жду. Относительно переводческой работы я писал больше для очистки совести. Если, думаю, работы много, то и мне кое-что перепадет. Отбивать же у других хлеб я не охотник.

Недослышу я не на одно, а на оба уха, хотя слышу обыкновенный разговор. Оглох я уже давно и мало надеюсь на излечение. Мне двадцать лет, а оглох я девяти. <...> Вы говорите: достаньте денег. Я об этом хлопочу <...> Может быть, и еще достану денег, не знаю, но я решился ехать на пасху в Петербург и с этими 30 р. <...> Вы говорите, что я мало развит духовно. Это правда. Но я не мог умолчать о семействе, иначе Вам не совсем понятно бы было мое письмо <...> Вы говорите о женитьбе, но женитьба решительно невозможна для меня...» (*ГБЛ*, ф. 93, II.9.32).

334. Н. С. ДРЕНТЕЛЬНУ

Вторая половина марта 1877. Петербург

14 марта 1877 г. Дрентельн, молодой человек, недавно вышедший из гимназии, в будущем известный физик-популяризатор, обратился к Достоевскому с письмом: «Милостивый государь Федор Михайлович.

Пишущий сии строки, будучи уверен, что „Дневник" Ваш расходится в почтенном количестве экземпляров, покорнейше просит Вас, если найдете возможным, сообщить о том несколько числовых данных. Да не покажется Вам странным такой вопрос: он вызван искреннейшим уважением к Вашей нового рода деятельности на литературном поприще, и отсюда — желание иметь некоторое представление о количественном распространении „Дневника" в русском обществе.

Один из постоянных Ваших читателей (неподписчиков)...» На конверте этого письма помета Достоевского: «Известить Дрентельна. Отвечено» (*ВЛ*, 1971, № 9, стр. 179).

335. С. И. ПОМЕРАНЦЕВОЙ

Вторая половина марта 1877. Петербург

Классная дама Оренбургского Николаевского института Померанцева, подписавшая свое письмо «Одна из Ваших подписчиков на „Дневник"», 15 марта 1877 г. обратилась к Достоевскому с просьбой: «Не можете ли Вы мне написать свое мнение насчет стихотворений, которые я Вам посылаю. Они написаны семнадцатилетней девушкой, кончающей свое образование нынешнею весною в Николаевском Оренбургском институте <...> Я ей посоветовала окончить свое образование в высших женских курсах (учиться же она не любит), не бросать писать стихи и заниматься усердно (что она обещает исполнить), и тогда только из нее может выработаться что-нибудь хорошее. Она пришла в восторг, когда я обещала обратиться за советом к Вам насчет ее рифмы <...>

Еще просьба: что нужно делать тем, которые только формулируют свою речь, затрудняются в размышлениях и составлении разборов о прочитанном? До сих пор я воспитывала и репетировала не далее двенадца-

тилетнего возраста, а теперь приходится иметь дело и с шестнадцатилетними, которым бы хотелось помочь...» (В письмо вложены четыре стихотворения: «Элегия», «Со мною бог», «На кладбище», «Соловей и ива»). На конверте рукой Достоевского пометы: *«Стихи из Оренбурга надо ответить»*. И далее: *«Отвечено». (Ланский, Утраченные письма*, стр. 206).*

336. С. К. ГОВОРОВУ

Март—апрель 1877. Петербург

В конце февраля—марте 1877 г. петербуржец Говоров решился «прямо» обратиться к Достоевскому, который «впервые», по его признанию, заговорил с ним в «Дневнике писателя» «на родном, понятном <...> языке», с вопросом об изменении своей жизненной судьбы и приобщении к литературной деятельности (примерная датировка переписки определяется упоминанием во втором уже ответном письме Говорова чтения «два месяца тому назад» декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. — см. ниже). «Я с Вами совершенно незнаком, и знаю о Вас лишь понаслышке да по Вашим сочинениям; но меня что-то неудержимо влечет к Вам, и я верю и надеюсь, что в Вас источник моего опасения, — писал Говоров. — Не разрушайте этой веры, ею, может быть, только и красится жизнь моя; если Вы не спасете меня вполне, то, наверное, хоть отчасти оживите мое существование — отрезвите меня, заставите мой мозг деятельнее работать, заставите мою душу глубже и сильнее чувствовать. И это уже — очень много (пожалуй — и все). И я знаю, что Вы — честный и добрый — не откажетесь помочь мне <...> Итак — у меня к Вам просьба: я хочу видеть Вас, говорить с Вами, смотреть на Вас и — главное — выслушать от Вас несколько слов беззастенчивой правды <...> Я — сырой материал, из которого может со временем выработаться либо то, либо другое. Но я хочу, чтобы из меня непременно вышло что-нибудь хорошее, и чем скорее — тем лучше <...> Вы оцените строго и правдиво мои попытки <...> я ищу у Вас, хочу лишь узнать — годен ли я к чему-нибудь на этом поприще, способен ли я здесь принести пользу людям. Если нет — я круто поверну на другой путь, сумею найти себе другую работу». Характеризуя свое окружение как «пошлейшую» среду Молчалиных, Говоров просил: «Вы — честный, смелый и сильный — согрейте меня, обнадежьте меня, дайте мне убежать от самого себя <...> Ответьте мне, молю Вас, поскорее: можете ли Вы для меня уделить час или два из какого-нибудь ближайшего вечера». Достоевский ответил Говорову, и встреча их состоялась. И, как известно из следующего после нее письма, была назначена и вторая, на которую Говоров собирался принести свою повесть «Урод», написанную ранее для литографированного журнала Пажеского корпуса и посвященную теме «самоубийства человека, искавшего всеобъемлющей любви», и сообщал, что прочел пропущенную им ранее в «Дневнике писателя» за декабрь 1876 г. и указанную ему, по всей вероятности, До-

* Вероятно, во второй половине марта 1877 г. был написан ответ и С. П. Кедрову, обратившемуся к Достоевскому из г. Епифани Тульской губернии с просьбой о совете в связи с опубликованным в приложении к февральскому номеру «Дневника писателя» объявлением о «Самоучителе рисования» П. П. Федорова, на который он уже по прежнему объявлению в «Гражданине» выслал деньги летом 1875 г., а также по поводу неполучения им и его знакомыми «Гражданина», несмотря на переведенные на него деньги в декабре 1876 г. Извиняясь, что обременяет Достоевского «не относящимся» до него делом, Кедров писал 15 марта 1877 г.: «Для меня довольно, если Вы, милостивый государь, прочтете только настоящее письмо, а если ответите мне (на что прилагаю почтов<ую> марку), то это будет большим Вашим снисхождением ко мне». На конверте помета Достоевского: «Ответить священнику» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29740).

стоевским, полемику с г-ном Энпе о самоубийствах. Имея в виду свое первое свидание с Достоевским, Говоров восклицал: «Ваш разговор со мной из моей головы не выходит: такой широкости и глубины понимания я ни в ком еще не встречал — как же после этого на Вас не надеяться-то?» (*Ланский, Утраченные письма*, стр. 205; *ИРЛИ*, ф. 100, № 29678).

337. А. Е. ГОРНУ

Конец марта—начало апреля 1877. Петербург

Редактор французской газеты «Journal de St.-Petersbourg» Горн просил у Достоевского в письме от 23 марта 1877 г. позволения напечатать перевод «Кроткой», выполненный одним из сотрудников газеты. При этом Горн предложил писателю просмотреть перевод в корректуре и авторизовать его. Достоевский ответил согласием. Об этом свидетельствует более позднее письмо Горна (на французском языке) от 9 июня 1877 г. «Любезно разрешив мне опубликовать перевод Вашей интересной повести, — писал Горн, — Вы выразили желание получить специально отпечатанный для Вас экземпляр „Кроткой“. Я позволил себе отпечатать пятьдесят экземпляров; оставляю себе десяток и прошу Вас оказать мне любезность принять остальные и распоряжаться ими по своему усмотрению...» (*Ланский, Утраченные письма*, стр. 215. Перевод Л. Р. Ланского).

338. В. Н. АНДРЕЕВУ

Середина—вторая половина апреля 1877. Петербург

14 апреля 1877 г. Андреев, автор отпечатанной в той же типографии князя В. В. Оболенского, где издавался и «Дневник писателя», книги «Жизнь и деятельность баронессы Розен, в монашестве игуменьи Митрофании» (СПб., 1876), вызвавшей, по признанию Андреева, нападки прессы, обратился к Достоевскому с просьбой: «Глубоко веря, что Ваше имя высоко чтится в нашем литературном мире и что Ваша протекция в нем настолько сильна, что отказ на Ваше ходатайство в чем бы то ни было — немыслим, я, повторяю, беру на себя смелость просить Вас порекомендовать меня какой-либо редакции петербургской газеты в качестве корреспондента с театра только что начавшейся войны между Россией и Турцией. Конечно, сознаюсь сам, моя просьба странна, то есть, прибегая к Вашему ходатайству, я не даю Вам никаких данных для характеристики моего собственного „я“ или, иначе выразиться, навязываю Вам рекомендацию совершенно Вам незнакомой личности. Все это, конечно, справедливо, но если Вы отнесетесь сочувственно к моей просьбе и пожелаете лично увидеться со мной, то я вполне уверен, что препятствие, подобно выше приведенному мною, будет по возможности устранено». На конверте его письма помета Достоевского: «Военный корреспондент. Отвечать. Отвечено» (*ВЛ*, 1971, № 9, стр. 187).

339. С. Е. ЛУРЬЕ

Май 1877. Петербург

14 июля 1877 г. С. Е. Лурье писала Достоевскому: Странно, что во всех особенно важных для меня случаях я, не отдавая себе впрочем отчета, почему-то обращаюсь прямо к Вам». Далее она сообщала, что «давно не писала», так как не получала ответа на свое письмо, но «главная причина», по ее словам, была в том, что ей «решительно ‹...› показалось», что в его «последнем письме звучит натянутость, вежливость, нужно-де ответить» (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.31). Это письмо Достоевского, являющееся, по всей вероятности, ответом на письмо Лурье от 7 мая 1877 г., в котором она писала о своем увлечении поэзией Гюго, о своих планах

на будущее и посылала на отзыв начало сделанного ею перевода на французский язык повести Достоевского «Кроткая» (см.: *ИРЛИ*, № 29768), до нас не дошло.

340. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

9 июля 1877. Петербург

Сохранился конверт от письма Достоевского к жене — почтовые штемпеля: Петербург, 1877, июля 9; Мирополье, 1877, июля 13 (*ИРЛИ*, ф. 100, № 30684).

341. В. П., Е. П. или К. П. ПЕЧАТКИНЫМ

Первая половина—середина августа 1877. Малый Прикол

Упоминается в письме Достоевского к М. А. Александрову от конца августа 1877 г.: «Бумага Вам уже, конечно, доставлена в типографию. Мы об ней отсюда им (Печаткиным, ср. № 324. — *Ред.*) писали» (см. стр. 171). Письмо, по-видимому, было написано от имени Достоевского А. Г. Достоевской.

342. С. Е. ЛУРЬЕ

Конец августа 1877. Малый Прикол

3 сентября 1877 г. (почтовый штемпель на конверте) Лурье писала Достоевскому: «Наконец я собралась ответить на Ваше далеко не лестное для меня письмо, оно произвело на меня ужасное впечатление, я так много много плакала <...> Теперь о Вашем письме, я уже могу совершенно спокойно говорить о нем. Во-первых, Ваша резкость ничем не мотивирована. Я с жиру бешусь. Почему Вы это думаете? Потому что я не пишу причину, заставившую меня желать во что бы то ни стало уехать из дому, а я ее не пишу по причине моей гордости, я не хочу жаловаться <...>, но Вы меня вынуждаете <...>, у меня есть очень веские причины, из-за которых я терпеть не могу своего дома, хотя ужасно люблю каждого члена отдельно и в особенности папашу, он очень честный человек, но <...> сойтись же с кем-нибудь в доме нет человеческой возможности, мечта родителей выдать меня за богача никогда не осуществится, дело в том, что им решительно все равно, кто бы он ни был; я терпеть не могу этого общества, где постоянно только играют в карты <...> Можно себе составить внутренний мир и довольствоваться этим. Я так и сделала. Я сама много читаю, занимаюсь, и вдруг Вы мне пишете, что я не развита и не [обра<зована>]. Я это отрицаю, во всяком случае я развитее большого числа студентов, с которыми пришлось встречаться, конечно развитие понятие относительное, и я вовсе не говорю, что мне не нужно еще развиваться и развиваться <...> Вы это заключаете из двух книжек, которые Вы мне дали читать и которые или вовсе не произвели на меня впечатления или впечатление недостаточное. Помнится, я взяла у Вас „Записки Екатерины“ и „Европу и Россию“ Данилевского. „Записки Екатерины“ были для меня вещью не новой, я читала <...> Шерра, да и еще множество вещей, относящихся к эпохе Екатерины, <...> Елизаветы Петровны и других личностей, имевших влияние на судьбу русского народа, я очень хорошо сохранила в памяти, что же касается до книги Данилевского, то та произвела на меня очень сильное впечатление, говорить Вам об этом для меня было невозможно. Представьте себе, что я в первый раз в жизни слышала и читала что-нибудь подобное. Европа была с детства моим идеалом, я верила в силы, в могущество русских, но учиться они должны у Европы, и что же? Вы мне даете „Россию и Европу“, где гнилой Запад признается ни на что негодным, и я не могла сразу поверить ему и вдруг переменить весь свой образ мыслей <...> Что значит, Федор Михайлович, что я жить не умею? Как это учатся жить? Теперь я за границу

не могу поехать, но в будущем году верно поеду на выставку в Париж» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29768).

Возможно, что было еще 5 писем Достоевского к Лурье. Из любезного письма профессора Калифорнийского института технологии (США) Д. Шерона нам стало известно, что в этом институте хранятся воспоминания профессора П. Эпштейна, сына Лурье. В них, в частности, утверждается: «У нее было десять писем Достоевского, написанных его аккуратным и красивым почерком — их вполне можно было бы назвать образцом каллиграфического искусства. Из них три затерялись еще при ее жизни <...> Остальные семь сохранились, к моменту ее смерти находились в ее владении. Когда некто по фамилии Розанов писал биографию Достоевского, он запросил у нее официально эти письма, она послала ему их, и он, вероятно, снял с них копии, которые могут находиться в каком-то архиве, я никогда не смог их разыскать». В архиве В. В. Розанова (*ЦГАЛИ, ГБЛ*) ни подлинников этих писем Достоевского, ни копий с них не имеется.

343. К. С. КОНСТАНТИНОВУ

Середина октября 1877. Петербург

12 октября 1877 г. Константинов писал Достоевскому из Петербурга: «Отец мой был бедным учителем: рано умерев, он оставил мне азбуку да еще два или три кое-каких руководства; с этим наследством вышел из меня честный ремесленник — и это, конечно, слава богу, а еще больше слава богу за то, что я вижу в себе сильные задатки литературного таланта, но, зная, что человеку легко быть пристрастным к себе, я думаю: не заблуждаюсь ли я относительно себя? — Будьте так добры — не откажитесь быть моим судьею... Я не осмелился послать к Вам моих произведений с этим письмом, не испросив у Вас позволения на это». На конверте Достоевский пометил: «Ответил» (*Ланский, Утраченные письма*, стр. 206). Позднее Константинов, вероятно, по предложению Достоевского в недошедшем письме, выслал ему тетрадь со своими стихами, так как в письме от 19 ноября 1877 г. он отправляет в дополнение к этой тетради еще пять стихотворений (*ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.79).

344. В. М. ИВАНОВОЙ

Около 20 октября 1877. Петербург

Иванова, проживающая в Даровом, благодарит брата и А. Г. Достоевскую за выраженное ей в письме «доброе расположение» и обещание выслать ей деньги: «Спасибо, спасибо Вам, мои милые, что хотите помочь мне. Вы сами и не ведаете, сколько Вы мне делаете добра, мне и моим детям. Насчет же наследства, видит бог, что я и забыла о нем. Для меня оно казалось всегда самым несбыточным делом, и потому, может быть, я переношу потерю его гораздо легче многих <...> Ты желаешь знать, милый Федя, приехали ли после твоего отъезда Маша и Соня. Не прошло и получаса как приехала Маша, но Соня по неимению экипажа не могла приехать, потому что чувствовала тогда себя не особенно хорошо и потому не рискнула ехать в телеге. Хотели даже послать за тобой и просить воротиться, но не решились этого сделать» (на конверте почтовый штемпель: Зарайск, 22 октября 1877: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29725).

345. А. В. ЛОХВИЦКОМУ

Конец октября 1877. Петербург

Лохвицкий писал Достоевскому 1 ноября 1877 г.: «С 25 октября я был в Петербурге, сегодня возвратился и застал Ваше письмо, на которое спешу отвечать.

Мне было бы *особенно* приятно помочь Вам в Вашем деле, но не могу Вам обещать по следующей причине: 15 ноября назначено в Бирюче к слушанию уголовное дело, по которому я состою защитником; по расчислению поездов я должен выехать из Москвы 10-го и никак не позже 11 ноября. Вы видите, что я не могу быть в Петербурге 11 ноября ‹...› Может быть, заседание для слушания дела по существу будет назначено после 20 ноября, тогда я могу быть в Петербурге и охотно явлюсь Вашим защитником ‹...› Справьтесь об этом и уведомьте меня» (*ЛН*, т. 86, стр. 460). Дело по наследству Куманиной было отложено больше чем на год, и вел его со стороны Достоевских В. И. Люстих, так как А. В. Лохвицкий к этому времени был исключен из состава присяжных поверенных.

346. Л. ЦЕПЕЛИН

Ноябрь 1877. Петербург

19 ноября 1877 г. обитательница каких-то «московских углов» Л. Цепелин, получив от Достоевского денежную помощь, писала: «Благодарю, ‹...› Вас за Вашу *братскую* помощь, а еще больше благодарю за Ваш простой, задушевный ответ!». «Вы больны? — заканчивала она свое письмо, — и несмотря на это у Вас хватило терпения написать мне? Прижимаю Ваши дорогие строки к губам и молю Всевышнего, чтобы Он скорее исцелил Вас и сохранил бы еще на многие, многие лета! Не думайте, чтобы я сейчас написала фразу: я действительно горячо почитаю Ваш талант и Ваш светлый ум...» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29890; *Ланский, Утраченные письма*, стр. 221).

347. Н. Я. КАПУСТИНОЙ

Вторая половина ноября 1877. Петербург

В письме от 9 ноября 1877 г. Капустина извинялась перед Достоевским за «смелость», на которую она решилась после знакомства с его «Дневником писателя», и обращалась к нему за советом, стоит ли ей осуществить свое «желание писать», продолжить свои «пробы» пера или «посвятить себя» другому своему «делу, рисованию». Во втором своем письме от 16 ноября она снова оправдывалась и сообщала: «Я дочь того советника Капустина (см. о нем: наст. изд., т. XXVIII$_2$, стр. 570—571. — *Ред.*), который служил в Омске в то время, когда Вы были там в крепости и потом солдатом. Вы бывали у нас, также мать рассказывала мне и о Дурове. Ваш комендант крепости де Граве был мой крестный отец». В 1867 г. семья Капустиной, после смерти ее отца, перебралась в Петербург. Получив, по всей вероятности, от Достоевского вскоре после своего первого письма ответ, Капустина писала 21 ноября 1877 г.: «Тысячу раз благодарю Вас за Ваше письмо и за Вашу доброту. Я не стою ее. Вы не можете себе представить, как мне стыдно за то, что я написала. А вы еще пишете: „не сердитесь“. Вы еще слишком мягко написали ‹...› Как осмеливаюсь я просить совета, надоедать такому человеку, как Вы, да потом еще оскорбить его! Как мне дорого Ваше письмо. Я много раз перечитывала его. Оно будет служить мне уроком и укором в моем необдуманном поступке, в моей раздвоенности. Оно, может быть, поможет мне отучиться от нее. Конечно, не скрою от Вас, мне очень хотелось бы показать Вам хоть что-нибудь в те четверть часа, которые Вы мне назначили, даже просто лично попросить у Вас прощенья. Но я боюсь, воспользовавшись теперь Вашей добротой, помешать Вам. Да притом Вы были еще не совсем здоровы...» (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.76).

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ[1]

[1] Цифры соответствуют номерам писем.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ПРЕБЫВАНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО с 1875 по 1877 г.

1875. Старая Русса — январь—4 февраля..
Новгород — 4 февраля.
Петербург — 5 февраля—16 февраля.
Старая Русса — 17 февраля—11 мая.
Петербург — 12 мая—15 мая.
Старая Русса — 16 мая—23 мая.
Петербург — 24 мая—25 мая.
Берлин — 26—27 мая (7—8 июля).
Эмс — 28 мая (9 июля)—3 (15) июля.
Берлин — 4 (16) июля.
Петербург — 6 июля—9 июля.
Старая Русса — 10 июля—ок. 14 сентября.
Петербург — ок. 15 сентября—декабрь.

1876. Петербург — январь—10 июня.
Старая Русса — 11 июня—29 июня.
Петербург — 30 июня—5 июля.
Берлин — 7 (19) июля.
Эмс — 8 (20) июля—7 (19) августа.
Петербург — 10 августа—11 августа.
Старая Русса — 12 августа—27 августа.
Петербург — 28 августа—декабрь.

1877. Петербург — январь—19 мая.
Малый Прикол — 21—22 мая—3 июля.
Петербург — 5 июля—17 июля.
Москва — 18 июля—19 июля.
Даровое — 20—21 июля.
Малый Прикол — 21 июля—1 сентября.
Петербург — нач. сентября—декабрь.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО[1]

---

[1] Страницы текстов писем печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными. Редакторские названия неосуществленных замыслов произведений и статей даются в угловых скобках.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН [1]

---

[1] Указатель относится к обеим книгам тома (XXIX_{1-2}). Имена, упомянутые только в примечаниях, в указатель не включены. Адресаты писем отмечены одной звездочкой, адресаты несохранившихся и ненайденных — двумя звездочками. Страницы текстов писем печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными.

Достоевского Любови. См. о нем: *Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 220—233 — XXIX_1, 244—248, 251, *490*

Бах (Bach), хозяйка отеля «Ville d'Alger» в Эмсе, в котором Достоевский жил в 1874 и 1876 г. — XXIX_2, 32, 94, 96, *210*

Белинский Виссарион Григорьевич — см. т. XXVIII_2, указатель имен — XXIX_1, 16, 18, 19, 31, 118, 145, 170, 208, 214, 215, 260—263, *390, 396, 406, 444, 471, 476, 478, 499, 500*; XXIX_2 *237*

***Белов* Евгений Александрович (1826—1896), историк, преподаватель, журналист. Учился в Казанском университете, в молодости испытал влияние идей утопического социализма. С 1873 г. — сотрудник «Гражданина». 23 июля 1873 г. Достоевский писал жене: «Мне ужасно начинает нравиться один из моих новых сотрудников Белов (пишет критические статьи, кажется, мы могли бы сойтись)» (см.: т. XXIX_1, стр. 282). Занимался также чтением присылаемых в редакцию «Гражданина» статей. 15 августа 1873 г. между Достоевским и Беловым произошла размолвка по литературно-идеологическим мотивам, о характере которой дают представление опубликованные выдержки из писем Белова к Достоевскому (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 341—342). Известны 3 письма Белова к Достоевскому (1873; *ГБЛ*). Сведения о несохранившемся письме Достоевского к Белову см.: XXIX_1, стр. 561, № 302 — XXIX_1, 282, 561; XXIX_2, 188

Бернар (Bernard) Клод (1813—1878), французский естествоиспытатель, физиолог, один из основоположников современной физиологии и экспериментальной медицины, академик. Об отношении Достоевского к Бернару см. выше, примеч. 5 к письму 678 — XXIX_2, 144, *283*

Бессонов Петр Алексеевич (1828—1898), литературовед, фольклорист, славист. Публиковал памятники русского народного творчества (Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1—10. 1860—1871; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, вып. 1—4, 1861—1867; Калики перехожие, вып. 1—6, 1861—1864), а также болгарского и сербского народов — XXIX_2, 43, *213*

Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897), историк, общественный деятель, академик. Один из основателей Высших женских курсов в Петербурге (Бестужевские курсы), председатель СПб. Славянского благотворительного общества. Знакомство Достоевского с ним относится к 1877 г. (см. выше, примеч. 1 к письму 600). 4 мая 1800 г. на общем собрании членов Славянского общества Бестужев-Рюмин предложил избрать Достоевского депутатом от Общества на открытие памятника Пушкину в Москве (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 297). 1 февраля 1881 г. произнес речь на погребении Достоевского на Тихвинском кладбище (см.: *Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 393), 14 февраля выступил с речью памяти Достоевского на заседании Славянского общества (напечатана: «Полярная звезда», СПб., 1881, № 2, стр. 149—152). Сохранилось одно письмо Бестужева-Рюмина к Достоевскому (1880; *ГБЛ*), письма писателя к нему неизвестны — XXIX_1, *393, 459*; XXIX_2, 68, *228, 284*

Бетховен (Beethoven) Людвиг ван (1770—1827) — XXIX_1, 326, *393, 459, 532*; XXIX_2, 53, 106, *258*

Бирон Эрнест-Иоганн, граф, герцог Курляндский (1690—1772), фаворит императрицы Анны Иоанновны — XXIX_1, 41

Бисмарк (Bismarck) Отто (1815—1898), князь, германский государственный деятель, министр-президент Пруссии, рейхсканцлер Германской империи. Достоевский настороженно следил за политической деятельностью Бисмарка, общее отношение его к ней было весьма отрицательным (о Бисмарке в публицистике Достоевского см. наст. изд., т. XXVII, по указателю имен) — XXIX_1, 182, *544*

Благосветлов Григорий Евлампиевич (1824—1880), публицист, общественный деятель, соратник Д. И. Писарева, в 1860—1866 гг. — редактор журнала «Русское слово» — XXIX_1, 257, *497*

Блюхер (Blücher) Гебхардт-Леберехт (1742—1819), прусский генерал-фельдмаршал, князь Валыптатт. Главнокомандующий прусско-саксонской армией, довершившей разгром войск Наполеона I в битве при Ватерлоо (1815) — XXIX_1, 179

(1876) и одно письмо Вольфа к Достоевскому (1878; *ГБЛ*) — XXIX_1, 290; XXIX_2, 183, *191, 307*

Воскобойников Николай Николаевич — см. т. XXVIII_2, указатель имен — XXIX_1, 223

Врангель Александр Егорович — см. т. XXVIII_2, указатель имен — XXIX_1, *400*

Вундерфрау — см. *Гогенестер*

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), поэт, критик, друг Пушкина. Достоевский встретил его в Эмсе в 1875 г., но, по-видимому, не познакомился с ним — XXIX_2, 32, *210*

Гаврилов Михаил Гаврилович — см. т. XXVIII_2, указатель имен — XXIX_1, 75, 158, 190, 211, *416*

**Гаевский* Виктор Павлович (1826—1888), юрист, историк литературы и библиограф. Особую ценность представляют его статьи и публикации о Пушкине. Был одним из основателей Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (1859 г.), постоянно принимал участие в его делах, будучи вначале его секретарем, а затем в течение многих лет его председателем. Достоевский особенно часто общался с ним в 1863—1864 гг., когда был избран секретарем Литературного фонда вместо Гаевского. В 1873 г. Гаевский выступает поверенным Достоевского в деле о нарушении им как редактором «Гражданина» цензурного устава за публикацию заметки «Киргизские депутаты в С.-Петербурге». В 1873—1874 гг. Достоевский и Гаевский участвовали в издании сборника «Складчина» в пользу голодающих Самарской губернии. В 1878 г. Достоевский обращался к Гаевскому, который, по свидетельству А. Г. Достоевской, был с ним «очень хорош», как к юрисконсульту Государственного банка в связи с делом по наследству А. Ф. Куманиной и по его рекомендации поручил дело В. О. Люстиху (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 466). В конце 1870-х—начале 1880-х годов Гаевский заботится об организации литературных чтений в пользу Общества с участием Достоевского или с исполнением его произведений. Известны 6 писем Достоевского к Гаевскому (1877—1880) и 8 писем Гаевского к Достоевскому (1864—1880; *ГБЛ, ИРЛИ*) — XXIX_2, 173—174, *299*

Гамбетта (Gambetta) Леон Мишель, французский политический и государственный деятель, лидер республиканцев, один из основателей Третьей республики. В 1870—71 гг. — министр внутренних дел «правительства национальной обороны», в 1879—81 гг. — председатель палаты депутатов, премьер-министр и министр иностранных дел в 1881—82 гг. Достоевский писал о Гамбетте в «Дневнике писателя» 1873, 1876 и 1877 гг. (см. наст. изд., т. XXVII, по указателю имен). «Бисмарки, Биконсфильды, французская республика, Гамбетта и т. д. — всё это, как сила, один только мираж, и чем дальше, тем больше» — отметил писатель в записной тетради 1880—1881 гг. (там же, т. XXVII, стр. 59) — XXIX_1, 357; XXIX_2, 36, 41, *213*

Ган Теокар, барон, генерал-майор. Достоевский познакомился с ним в петербургской лечебнице Л. Н. Симонова в 1875 г.; встретил его в 1876 г. в Эмсе. Достоевский изобразил Гана в первой главе июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 57, 380) — XXIX_2, 110, 111, 113, *260*

Генслер Иван Семенович — см. XXVIII_2, указатель имен — XXIX_1, 262, *500*

**Герасимова* А. Ф., дочь кронштадтского купца, окончила гимназию. Известны 2 ее письма к Достоевскому с просьбами о совете (1877; *Д, Письма*, т. III, стр. 383, 385—386) и 2 ответных письма Достоевского (1877) — XXIX_2, 143—145, 149—150, 193, *283—284, 287*

Герцен Александр Иванович — см. т. XXVIII_2, указатель имен — XXIX_1, 113, 207, *471*

Гете (Goethe) Иоганн-Вольфганг (1749—1832) — XXIX_1, 211, *474*; XXIX_2, 151, 287, 301

о летних впечатлениях» (см. наст. изд., т. V, стр. 47 и 362) и в записной тетради 1876—1877 г. (там же, т. XXIV, стр. 210) — XXIX_1, 325, *532*

***Каченовский* Владимир Михайлович (1826—1892), сын историка М. Т. Каченовского, литератор и переводчик, сотрудничал в журналах «Иллюстрация», «Развлечение». Знакомство с ним Достоевского относится к 1834 г., когда оба они были отданы родителями в частный пансион Л. И. Чермака, где обучались по 1837 г. Переписка между Достоевским и Каченовским завязалась в 1874 г. Каченовский неоднократно обращался к писателю с просьбами о литературной и материальной помощи. При содействии Достоевского Каченовскому была оказана в 1880 г. Литературным фондом материальная помощь. Известны 2 письма Достоевского к Каченовскому (1880) и 6 писем Каченовского к писателю (1874, 1880; *ГБЛ*, *ИРЛИ*). Сведения о несохранившемся письме Достоевского к Каченовскому см.: XXIX_1, стр. 562, № 306. Известны 2 письма 1880—1881 гг. Каченовского к А. Г. Достоевской (*ЛН*, т. 86, стр. 519, 551). Воспоминания Каченовского о Достоевском см.: *МВед*, 1881, 31 января, № 31. Об отношениях Достоевского и Каченовского см.: Б. Н. Капелюш. Неопубликованное письмо Достоевского к В. М. Каченовскому. — *Достоевский и его время*, стр. 248—250.

**Кашпирев* Василий Владимирович (1836—1875), литератор, издатель и официальный редактор журнала «Заря» (1869—1872). Достоевский познакомился с ним в 1869 г. В 1870 г. в «Заре» была напечатана повесть «Вечный муж»; в 1869—1870 гг. Достоевский начал писать рассказ в «Зарю»; замысел этот не был осуществлен (см. наст. изд., т. IX, стр. 192—194, 470—472). Знакомство с Кашпиревым перешло в дружеское общение Достоевских с ним и его женой Софьей Сергеевной (о ней см. ниже). «Оба супруга были очень симпатичны, — вспоминала А. Г. Достоевская, — и Федор Михайлович любил посещать их. У них в 1873 году состоялся в присутствии многих литераторов интересный вечер, когда известный писатель А. Ф. Писемский читал свой не напечатанный еще роман „Мещане“» (*Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 256. См. также: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 200, 205, 220; *ЛН*, т. 86, стр. 417). Известны одно письмо Достоевского к Кашпиреву (1870) и 3 письма Кашпирева к писателю (1869—1870; *ГБЛ*) — XXIX_1, 20, 21, 23, 25, 31—33, 46, 47, 49, 59, 62—64, 66—74, 77—90, 105—108, 113, 114, 117, 119, 126, 127, 132—134, 227, 268, 272, 280, 324, *390, 393, 397, 398, 403, 404, 410, 411, 413—420, 432, 434—437, 506, 507, 552, 553*; XXIX_2, 11, 29, 188, *197, 208*

Кашпирева Софья Сергеевна (ум. после 1891), жена В. В. Кашпирева (см. о нем выше), с 1870 г. издательница и редактор журнала для детей «Семейные вечера». Как и ее муж, была другом семьи Достоевских. Сохранились четыре ее письма к Достоевскому (1873, 1878; *ИРЛИ, ГБЛ*). См. о Кашпиревой: *ЛН*, т. 86, стр. 264 — XXIX_1, 268, 272, 273, 280, 324; XXIX_2, 29, *197, 208*

Кашпиревы — см. *Кашпирев* В. В. и *Кашпирева* С. С.

***Кедров* Сергей П., священник из г. Епифани Тульской губ., читатель «Дневника писателя». Известно одно его письмо к Достоевскому (1877; *ИРЛИ*). По-видимому, писатель ему ответил, см. об этом т. XXIX_2, стр. 317.

**Кехрибарджи* Платон Евгеньевич (ум. 1882), издатель и книготорговец. В ноябре 1875 г. Достоевский заключил с ним договор (см.: т. XXIX_2, Офиц. письма и делов. бумаги, № 31) на отдельное издание романа «Подросток». Книга вышла в свет в начале 1876 г. Известны одно письмо Достоевского к Кехрибарджи (1875) и 3 письма Кехрибарджи к писателю (1875—1879; *ГБЛ*) — XXIX_2, 64, 73, 75, 182, *223, 236, 306*

**Кишенский* Дмитрий Дмитриевич (1830-е—после 1916) — писатель, драматург. Получил образование в Главном Педагогическом институте (СПб). В 1850-х гг. жил в Саратове и сблизился здесь с молодежью, разделявшей социалистические взгляды. Позднее однако резко изменил свою позицию, встав на платформу позднего славянофильства. В 1870-х гг. жил в Москве; в 1873 г. написал комедию «Савраски», в 1876—1877 гг. пытался издавать «Журнал для всех». В 1873 г. в «Гражданине» (№№ 23—25) была

опубликована его драма из народной жизни «Пить до дна — не видать добра», получившая высокую оценку Достоевского в «Дневнике писателя» 1873 г. (глава «По поводу новой драмы». См. наст. изд., т. XXI, стр. 96—105). После этого Кишенский предложил в «Гражданин» драму «Падение» (пасквиль на современную молодежь, так называемых нигилистов) и серию публицистических статей под общим заглавием «Отчего в России нет граждан». Опубликован был только пролог к драме «Падение» с редакторскими поправками Достоевского (*Гр*, 1873, № 34). Отказ Достоевского напечатать статьи и полностью всю драму привели к разрыву отношений между ним и Кишенским. Сохранились 6 писем Кишенского к Достоевскому 1873 г. (*ГБЛ, ИРЛИ*) и одно черновое письмо Достоевского к Кишенскому (1873). См.: *Материалы и исследования*, т. II, стр. 199—207 — XXIX_1, 300, *512—514, 560*

Киреевский Иван Васильевич (1806—1856), философ, литературный критик, публицист. Один из основоположников славянофильства — XXIX_1, 207, *471, 477*

Киреевский Петр Васильевич (1808—1856), брат И. В. Киреевского, фольклорист, археолог, археограф, переводчик, публицист-славянофил. Основной труд, опубликованный посмертно, «Песни, собранные Киреевским», в. 1—10. М., 1860—1874 — XXIX_1, 207

Клайр (Klair) — медиум, приглашенная из Англии А. Н. Аксаковым. Достоевский присутствовал на ее спиритических сеансах (отчет о них см.: *СПбВед*, 1876, 16 марта, № 75; 1876, 29 февраля, № 9) и упомянул о ней в мартовском выпуске «Дневника писателя» 1876 г. в главке «Опять только одно словцо о спиритизме» (наст. изд., т. XXII, стр. 129, 131) — XXIX_2, *230, 231*

Клейн Лев Карлович (ум. 1899), петербургский книгопродавец, бравший на комиссию сочинения Достоевского, изданные самим писателем — XXIX_1, 280, 282, 290, *509, 510*; XXIX_2, 19, *203*

Клюшников Виктор Петрович (1841—1892), писатель, автор антинигилистических романа «Марево» (1864) и повести «Не-Марево» (1871) — XXIX_1, 37, 152, *402, 405, 447*

Кобякова — см. *Студзинская А. П.*

* *Ковнер* Аркадий (Авраам-Урия, Альберт) Григорьевич (1842—1909), публицист, писатель. Из бедной еврейской семьи, жившей в Вильно. Годы 1861—66 провел в Киеве, 1866—71 — в Одессе. Выпустил две книги статей и очерков: «Памфлеты» (1865) и «Связка цветов» (1868). В 1871 г. переехал в Петербург, сотрудничал в журналах «Дело», «Всемирный труд», «Еврейская библиотека». С 1872 г. стал вести постоянную фельетонную рубрику «Литературные и общественные курьезы» в газете «Голос». Здесь, в частности, выступил с критикой «Дневника писателя» 1873 г. Ответ Ковнеру содержали «Две заметки редактора» Достоевского (см. наст. изд., т. XXI, стр. 156). Ковнер служил в ссудном банке. В 1876 г. за подлог и присвоение 168 тысяч казенных денег был осужден в арестантские роты на четыре года, которые позже были заменены тюремным заключением и ссылкой в Сибирь. С 1877 г. до середины 90-х гг. жил в Тобольске, Омске. Затем переехал в Варшаву и вскоре в Ломжу. Сохранилось 6 писем Ковнера к Достоевскому (1877, 1878; *ГБЛ*). Два из них — от 26 и 28 января 1877 г. — см.: Л. Гроссман. Исповедь одного еврея. М.—Л., 1924, стр. 99—111, и выше, примеч. 12 к письму 673. Известно ответное письмо на них Достоевского (1877). В письме от 6 января 1882 г. из Омска Ковнер предложил О. Ф. Миллеру напечатать это письмо Достоевского, но с купюрами (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29561. л. 1). 23 февраля Ковнер сообщил Миллеру: «Получив Ваше почтенное письмо от 2 февраля, спешу препроводить при сем подлинное письмо Достоевского...» (там же, л. 2). Достоевский ответил Ковнеру так же в мартовском выпуске «Дневника писателя» 1877 г. (см. наст. изд., т. XXV, стр. 58—63, 383). Подробную характеристику Ковнера и его литературной деятельности см.: Л. Гроссман. Исповедь одного еврея... (на стр. 48 см. указание на библиографию работ о Ковнере) — XXIX_2, 138—141, 191, *278—281, 300*

Кожанчиков Дмитрий Ефимович (ум. 1877), петербургский издатель и книгопродавец, получал для продажи издания произведений Достоевского. Известны 3 письма Кожанчикова к писателю (1874; *ГБЛ*) — XXIX_2, 19, *203*

**Козлов* Павел Алексеевич (1841—1891), поэт и переводчик, начал печататься в 1870 г., в 1884 г. вышло двухтомное собрание его «Стихотворений». Задуманный им в 1875 г. сборник беллетристического содержания, участвовать в котором он приглашал Достоевского, не состоялся. Известно одно письмо Достоевского к Козлову (1875) и 2 письма Козлова к нему (1873—1875; *ГБЛ*). О несохранившемся письме Достоевского к Козлову 1873 г. см. т. XXIX_1, стр. 558—559, № 291 — XXIX_2, 22, *205*

Колосов, главный обвиняемый по уголовному процессу 1874 г. о подделке акций Тамбово-Козловской железной дороги. Врач-акушер. Послужил прототипом Стебелькова в романе «Подросток» (см.: *Долинин*, стр. 142—149; наст. изд., т. XVII, стр. 314—315, 373) — XXIX_1, *525*

Колосов П., секретарь редакции журнала «Русский вестник» — XXIX_1, 24, *399*

Коля, Николя — см. *Достоевский* Н. М.

Комаровский Егор Евграфович, граф (1803—1875), адъютант принца Евгения Вюртембергского — XXIX_2, *210*

**Кони* Анатолий Федорович (1844—1927), юрист, крупнейший судебный и общественный деятель, литератор, почетный академик (1900). После окончания юридического факультета Московского университета служил в Москве, Харькове, был прокурором Петербургского окружного суда, а затем обер-прокурором кассационного департамента Министерства юстиции. Приобрел широкую известность после суда по делу В. И. Засулич (31 марта 1878 г.), на котором под председательством Кони ей был вынесен оправдательный приговор. Достоевский присутствовал на этом заседании суда среди представителей печати. Кони был в дружеских отношениях с Некрасовым, Тургеневым, Л. Толстым, Короленко. Много внимания уделял просветительской деятельности, выступал с лекциями в Соляном городке (эту деятельность Кони активно продолжал и после Октября). Воспоминания о встречах с представителями русской культуры, записки судебного деятеля составили большой труд Кони «На жизненном пути» (1912—1929). Достоевский познакомился с Кони в 1874 г. Как прокурор петербургского Окружного суда, Кони перенес выполнение решения суда об аресте писателя на удобный для него срок. «За любезным письмом Достоевского (см. выше письмо 521. — *Ред.*), — вспоминал Кони, — последовало его посещение, отвечая на которое, я убедился воочию, в какой скромной и даже бедной обстановке жил, мыслил и творил один из величайших русских писателей» (*Кони*, т. 6, стр. 432—433). В 1874 г. Достоевский просил Кони содействовать посещению арестантского отделения для малолетних в Тюремном замке (см. об этом в письме Кони к писателю от 7 мая 1874 г. — *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 226 и *Кони*, т. 8, стр. 38). 27 декабря 1875 г., сопровождаемый Кони и М. Е. Ковалевским, Достоевский провел целый день в колонии для малолетних преступников на Охте (см. об этом: *Кони*, т. 6, стр. 437—438). Это посещение описано в «Дневнике писателя» 1876 г., впечатления от него отразились в рассказе «Мальчик у Христа на елке» (см. наст. изд., т. XXII, стр. 17—24, 321, 325—329). Впечатления эти имели значение и для работы над романом «Подросток» (см. там же, т. XVII, стр. 266). Упоминания о Кони и его рассказах писателю см. также: т. XXIV, стр. 54, 97, 98, 101, 103, 140, 144, 397. В 1875 г. Кони, по всей вероятности, принимал участие в смягчении режима Достоевского как поднадзорного лица и снятия с него надзора полиции (см. об этом: *ЛН*, т. 86, стр. 601). Кони присутствовал на Пушкинском празднике в Москве, восторженно принял «Речь о Пушкине» Достоевского (см.: *Кони*, т. 6, стр. 438—440 и т. 8, стр. 152). 2 февраля 1881 г. Кони произнес речь памяти Достоевского на годовом собрании Юридического общества. В несколько измененном виде она легла в основу очерка «Федор Михайлович Достоевский» (см. там же. т. 6, стр. 406—427). Позже Кони напечатал еще очерк «Ф. М. Достоевский» и статью «Еще о Достоевском» (см. там же,

стр. 428—453. Очерки и статьи о Достоевском входили и в различные издания книги «На жизненном пути»). После смерти писателя поддерживал отношения с А. Г. Достоевской и членами ее семьи. Сохранилось одно письмо Достоевского к Кони (1874) и 3 письма Кони к нему (1874—1875; *ГБЛ, Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 226 и *Кони*, т. 8, стр. 38). См. также два письма Кони к А. Г. Достоевской 1890 г. (*Кони*, т. 8, стр. 111—114) — XXIX_1, 314, *524, 525*; XXIX_2, 18, 28

Константин XI (1403—1453), последний византийский император, правивший в 1449—1453 гг. — XXIX_1, 40, *407*

Конопыгин, книгопродавец — XXIX_2, 165

***Константинов* К. С., петербургский ремесленник. Посылал Достоевскому свои стихотворения, два из которых писатель отредактировал, намереваясь, по-видимому, передать в «Гражданин» (см. об этом: *Материалы и исследования*, т. VI, стр. 250—251). Известны 2 его письма к писателю (1877; *ЦГАЛИ*). О несохранившихся письмах Достоевского см.: т. XXIX_2, стр. 320, № 343.

Конради Евгения Ивановна, урожд. Бочкарова (1838—1898), журналистка, переводчица, сотрудница «Женского вестника», «Недели», «Вестника воспитания и обучения», «Северного вестника» — XXIX_1, 114

Константинов Н. — см. *Леонтьев* К. Н.

***Корба* Анна Павловна, урожд. Мейнгардт (1849—1939), начинающая писательница из Минска, автор статьи «Лето 1876 г.», которую прислала Достоевскому. Сестра милосердия во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Член партии «Народная воля». См. о ней: И. Волгин. Последний год Достоевского. М., 1986, стр. 462—470. Известны 2 письма ее к Достоевскому (1876; *ИРЛИ*). Сведения о несохранившемся письме Достоевского к ней см.: т. XXIX_2, стр. 314, № 328.

Корнилов Иван Петрович (1811—1901), государственный деятель, член Совета Министерства народного просвещения, председатель Славянского благотворительного комитета, членом которого был Достоевский. Известны одно его письмо к Достоевскому, а также расписка в получении денег (1873; *ГБЛ*) — XXIX_2, 9, 12, 14, 16, 196, *198, 200, 201*

Корнилов Степан Корнилович, муж Е. П. Корниловой (см. ниже). Известно одно его письмо к Достоевскому (1878; *ГБЛ*) — XXIX_2, 130

Корнилов Федор Петрович (1829—1875), брат Н. П. Корнилова. Статс-секретарь, член Государственного совета — XXIX_2, 14, *200*

Корнилова Екатерина Прокофьевна (ок. 1856—1878), петербургская швея; привлекалась в 1876 г. к суду за то, что выбросила из окна свою падчерицу. В «Дневнике писателя» 1876 г. Достоевский высказал убеждение, что ее поступок был совершен в состоянии аффекта. Об его участии в решении дела Корниловой, закончившегося оправдательным приговором, см. наст. изд., т. XXIII, стр. 136—140; т. XXIV, стр. 36—43; т. XXV, стр. 119—121 и примеч. к ним. См. также выше письма 656, 659 и примеч. к ним. Известны одно письмо Корниловой к Достоевскому (1877; *ВЛ*, 1971, № 9, стр. 194) и одно его письмо к ней (1878) — XXIX_2, 129, 131, 141, 163, *193, 270—273, 279—280, 294*

Корш Евгений Валентинович (1851—1913), адвокат, поверенный Н. М. Достоевского в деле о наследстве А. Ф. Куманиной. См.: *ЛН*, т. 86, стр. 432 — XXIX_1, 290, 313, 321, *529*; XXIX_2, 15, 29, 30, *200, 208, 209*

Костомаров Николай Иванович (1817—1885), историк, этнограф, писатель, критик (см. о нем т. XXVIII_2, указатель имен). Достоевский внимательно следил за длительным, с 1860 г., спором Костомарова и М. П. Погодина о происхождении и облике Московских князей, в частности в 1864 г. — о Дмитрии Донском. В связи с этим он задумал статью о последнем. См. об этом: наст. изд., т. XX, стр. 176, 364—365; В. А. Викторович. О двух историко-публицистических замыслах Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. VI, стр. 137—148 — XXIX_1, 107, 264, *437, 502, 520*; XXIX_2, 11, *309*

Костюрин, владелец дачи в Моногарове под Москвой, которую хотели снять Достоевские в 1872 г. — XXIX_1, 234, 235, *489*

Лесаж (Lesage) Ален Рене (1668—1747), французский писатель эпохи Просвещения, автор комедий и сатирических романов. Особенно прославился сатирическими романами «Хромой бес» (1707) и «Похождения Жиль Бласа из Сантильяны» (1715). Последний Достоевский высоко ценил и не раз упоминал, см. наст. изд., т. XXIV, стр. 30, 323, 325 — XXIX_1, *514*

Лесков Николай Семенович (1831—1895) — XXIX_1, 106, 117, 172, *432. 455*; XXIX_2, *228*

Лихачева Елена Осиповна (1836—1904), детская писательница и публицистка, жена В. И. Лихачева (издатель — до 1876 г. — газеты «Новое время»). В 1860—1870-х гг. напечатала в «Отечественных записках» свои корреспонденции из Сербии (1876) и ряд статей по женскому вопросу (см. также выше, примеч. 4 к письму 637). Была председателем Общества для содействия Высшим женским курсам. Достоевский встречался с нею в Эмсе в 1876 г. — XXIX_2. 117, *262*

**Лобода* Стефания Матвеевна (1827—1887), писательница, печаталась под псевдонимом Крапивина; сотрудничала в «Детском чтении», «Пчеле», «Еженедельнике Нового времени», «Семье и школе». Публиковалась в «Гражданине». Сохранились одна записка Достоевского к Лободе (1874) и 5 ее писем к Достоевскому (1873—1879; *ГБЛ*), связанных с ее сотрудничеством в «Гражданине» — XXIX_1, 317, *517, 522, 527*

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — XXIX_1, 114

**Лонгинов* Михаил Николаевич (1823—1875), историк литературы, библиограф, библиофил. С 1871 г. — начальник Главного управления по делам печати, заслуживший дурную славу реакционера и притеснителя. Известен своими публикациями и исследованиями главным образом по литературе XVIII и первой половины XIX в. («Неизданные материалы для истории царствования Екатерины Великой» (1858), «Новиков и московские мартинисты» (1867) и др.). Начал печатать в 1850-х гг. стихи под псевдонимом «Скорбный поэт». В 1859—1864 гг. был секретарем Общества любителей российской словесности В эти годы он держался либерального направления, но в середине 1860-х гг. проявил себя как враг свободомыслия, резко ухудшил положение печати введением составленных им «Правил» 31 мая 1872 г. См. о нем: *ЛН*, т. 22—24, стр. 737—754. Достоевский был знаком с ним с 1860-х гг., есть свидетельство об их совместном выступлении на благотворительном утреннике в Москве 4 апреля 1864 г. (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 395—396). Сохранилось одно официальное письмо Достоевского Лонгинову (1873), письма Лонгинова к Достоевскому неизвестны — XXIX_1, 376, *542, 543*

***Лохвицкий* Александр Владимирович (1830—1884), известный юрист. Защищенная в качестве докторской диссертации книга Лохвицкого «Губерния, ее земские и правительственные учреждения» (СПб., 1864) вызвала широкий отклик в современной прессе и обратила на себя внимание Достоевского. В «Эпохе» была помещена в сентябрьском номере за 1864 г. заметка (без подписи) «Несколько слов по поводу книги г. Лохвицкого. . .». В 1877 г. Достоевский обратился к Лохвицкому с просьбой быть его поверенным в деле по куманинскому наследству, на что тот дал согласие, однако рассмотрение дела было отложено и впоследствии велось другим юристом. Известно одно письмо Лохвицкого к Достоевскому (1877; *ИРЛИ*), являющееся ответом на несохранившееся письмо Достоевского к нему — см.: т. XXIX_2, стр. 320—321, № 345.

Лукерья, прислуга Достоевских — XXIX_2, 36, 116, *262*

**Лурье* Софья Ефимовна (1858—1895), девушка из еврейской семьи, дочь банкира, приехавшая в Петербург из Минска и обратившаяся к писателю за советом. Знакомство Достоевского с ней состоялось весной 1876 г. после обмена письмами и перед отъездом Лурье в качестве сестры милосердия в Сербию (см.: *ВЛ*, 1971, № 9, стр. 181—182). Достоевский упоминает о Лурье в «Дневнике писателя» 1876 г. (наст. изд., т. XXIII, стр. 51—53); одно из ее писем публикует частично в «Дневнике писателя» 1877 г. (см. там же, т. XXV, стр. 89—90). Известны 3 письма к ней Достоевского (1876—1877) и 9 ее писем к писателю (1876—1877; *ИРЛИ*).

Османской империи, положив конец существованию Византии — XXIX$_1$, 40, *407*

· *Мещерский* Александр Петрович (1837—1875), брат В. П. Мещерского, флигель-адъютант — XXIX$_1$, 8, 195

**Мещерский* Владимир Петрович, князь (1839—1914), писатель и публицист. Внук историка Н. М. Карамзина. Окончил Училище правоведения, служил в Министерстве внутренних дел, а с 1870 г. в Министерстве народного просвещения. Идеолог контр-реформ во второй половине 70-х гг.; был лично близок ко двору — особенно в царствование Александра III и Николая II. Издатель консервативно-монархической газеты-журнала «Гражданин» (1872—1914). Как беллетрист выступил в конце 60-х гг. Автор многочисленных (частью — сатирических) романов из великосветской жизни («Женщины из петербургского большого света» (1874), «Один из наших Бисмарков» (1874), «Тайны современного Петербурга» (1876—1877), «Граф Обезьянинов» (1879), «Мужчины петербургского большого света» (1897) и мн. др.). Как публицист выступал в «Северной пчеле», «Русском инвалиде», «Русском вестнике» и других периодических изданиях. Достоевский познакомился с ним в 1872 г. и в 1873—1874 гг. был редактором «Гражданина». Однако уже скоро начались трения писателя с Мещерским, вызванные различиями их общественных позиций. Они привели к уходу Достоевского из «Гражданина». В своих мемуарах «Мои воспоминания» (СПб., 1897—1912) Мещерский тенденциозно изобразил свои отношения с Достоевским, затушевав их идейные расхождения. Сохранились 4 письма Достоевского Мещерскому (1873, 1874) и 53 письма и записки Мещерского к Достоевскому (1872—1880; *ГБЛ, ИРЛИ*). Об отношениях Достоевского с Мещерским см.: *Достоевская А. Г., Воспоминания* (по указателю имен) — XXIX$_1$, 262, 268, 270, 274, 276, 278, 280, 284, 285, 288, *293, 303, 305—308, 314, 315, 318, 320, 361, 375, 390, 484, 506, 507, 509, 510, 517—519, 522, 525—526, 530, 531, 538, 543, 559—561*; XXIX$_2$, 8, 27, 29, 49, 188, *194, 195, 207, 208, 216, 275, 295, 312*

**Миллер* Орест Федорович (1833—1889), историк литературы, фольклорист, публицист либерально-славянофильского направления. В 1858 г. защитил магистерскую диссертацию «О нравственной стихии в поэзии на основании исторических данных», вызвавшую отрицательный отзыв Н. А. Добролюбова (*С*, 1858, № 10). С 1860-х гг. занимался фольклором (докторская диссертация «Илья Муромец и богатырство киевское», 1869). Как фольклорист примыкал к мифологической школе, вел полемику с В. В. Стасовым о происхождении русских былин. С 1863 г. доцент, с 1870 г. — профессор СПб. университета. В 1874 г. составил на материале своих лекций книгу «Русская литература после Гоголя», в которой большое внимание уделил творчеству Достоевского. Миллер — деятельный член Славянского комитета. По общественно-политическим взглядам близок либеральному славянофильству. В 1887 г. за резкое выступление против М. Н. Каткова Миллер был вынужден уйти в отставку. Достоевский познакомился с ним в начале 1870-х гг. Достоевский первоначально оценивал Миллера довольно пренебрежительно, относя его к числу «застаревших либералистов» (см. наст. изд., т. XVI, стр. 6). Личное сближение между ними началось после выхода лекций «Русская литература после Гоголя» (см. там же, стр. 257). Появление статей Миллера «Славянство и Европа» (СПб., 1877) способствовало сближению с ним Достоевского. После смерти Достоевского Миллер принимал участие в составлении книги «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского» (СПб., 1883), где напечатал «Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского». Он составил из текстов писателя сборник «Русским детям» (СПб., 1883), написал очерк «Дом и кабинет Достоевского» (*ИВ*, 1887, № 3). Сохранились одно письмо Достоевского Миллеру (1874) и 8 писем Миллера Достоевскому (1874—1880 г.; *ГБЛ* и *ИРЛИ*; опубликованы 2 письма: *Достоевский и его время*, стр. 278—279) — XXIX$_1$, 311, 321, *449, 523, 530*

***Милюков* Александр Петрович — см. т. XXVIII$_2$, указатель имен — XXIX$_1$, 54, 124, *436, 556*

Минаев Дмитрий Дмитриевич — см. т. XXVIII_2, указатель имен — XXIX_1, 18, 395, *398*

Миша — см. *Достоевский* М. М. (племянник)

Мостовский, лицо неустановленное — XXIX_1, 295

**Мюллер* Юрий Александрович, житель г. Крестцы Новгородской губернии, подписчик «Дневника писателя», приславший Достоевскому восторженный отзыв о нем. Известны 2 письма Мюллера к Достоевскому (1877—1878; *Д, Письма*, т. III, стр. 390 и *ИРЛИ*) и одно ответное письмо Достоевского к нему (1877) — XXIX_2, 173, *298—299*

Мясниковы А. К. и Н. К., подсудимые уголовного процесса конца 1872—начала 1873 г. — XXIX_1. 255, *495*

**Надеин* Митрофан Петрович (1839—1916), общественный деятель, книгопродавец, изобретатель. Участвовал в Крымской войне, был офицером-артиллеристом. Народник по убеждениям. Будучи кандидатом в мировые посредники, пытался действовать в своем общении с крестьянами в духе народнических идей. Открытый им в Петербурге «Книжный магазин для иногородних» также был связан с деятельностью писателей и революционеров-народников. Его посещали Н. К. Михайловский, С. В. Степняк-Кравчинский, Н. В. Чайковский, Л. Э. Шишко. С 1880-х гг. Надеин отходит от революционного движения, продолжает заниматься книготорговлей. Последние десятилетия жизни увлекался изобретательством в области санитарной очистки городов. Знакомство Достоевского с Надеиным относится к началу 1870-х гг. В его магазине продавались сочинения писателя. После банкротства А. Ф. Базунова Достоевский перенес подписку на «Дневник писателя» в магазин Надеина. Известно одно письмо Достоевского к Надеину (1876). Сохранились 3 письма Надеина к писателю (1873, 1874, 1876; *ГБЛ, ИРЛИ*. Письмо 1876 г. см. в примеч. 2 к письму 649). См. некролог: Н. В. Чайковский. М. П. Надеин. — «Речь», 1916, 27 марта — XXIX_2, 19, 126, *203, 236, 265—266*

Надя — см. *Исаева* Н. М.

***Назарьева* Капитолина Валерьяновна (1874—1900), урожд. Манкошева, детская писательница, поклонница таланта Достоевского (см. запись Достоевским ее петербургского адреса: *ЛН*, т. 83, стр. 468, *Материалы и исследования*, т. 6, стр. 26 и отзыв ее о «Кроткой»: наст. изд., т. XXIV, стр. 390). Известны 3 письма ее к Достоевскому (1877; *ГБЛ*); сохранился также форзац ее книги «Иллюстрированные рассказы из природы и жизни (Для детей старшего возраста)». СПб., 1877, с дарственной надписью Достоевскому (см.: *Описание*, стр. 525). Сведения о недошедшем до нас ответе Достоевского на ее первое письмо см.: т. XXIX_2, стр. 315, № 331.

**Налимов* Александр Павлович (1853—1917), литератор, сотрудник ряда журналов и газет («Вестник Европы», «Литературный вестник», «Образование», «Русская школа», «Современность»). Автор статей и заметок о Пушкине, Григоровиче, сборниках «Знание», исторических трудах В. И. Семевского (перечень его статей см.: А. В. Мезьер. Русская словесность с XI по XIX столетия включительно. СПб., 1899, по указателю имен). В 1880 г. напечатал рецензию «Сила или бессилие „Дневника писателя“ Ф. М. Достоевского» («Современность». 1880, 20 августа, № 148; см. также наст. изд., т. XXVI, стр. 486—487). Известно одно письмо Достоевского к Налимову (1877). Письма Налимова к писателю неизвестны. См. некролог: А. Гуревич. А. П. Налимов. — «Русская школа», 1917, № 9—12, стр. 29—30 — XXIX_2, 156—157, *291—292*

Наполеон I (1769—1821) — XXIX_1, 179

Наполеон III (1808—1873) — XXIX_1, 176

Настасья, прислуга, дочь Прохоровны, няни в доме Достоевских — XXIX_1, 282, 508

Наталья, кухарка Достоевских в Старой Руссе — XXIX_1, 280

Наташа — см. *Иванова* Н. А.

**Некрасов* Николай Алексеевич — см. т. XXVIII_2, указатель имен —

(1873—1880) и 40 его писем к писателю (1873—1880; *ЛН*, т. 15, стр. 124—149). О Достоевском и Победоносцеве см.: Л. Гроссман. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов. — Там же. стр. 83—123; В. А. Туниманов. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя». — В кн.: *Достоевский — художник и мыслитель*, стр. 165—210 — XXIX$_1$, *510, 518*; XXIX$_2$, 73, 162, *199, 235, 236, 272, 294*

**Погодин* Михаил Петрович (1800—1875), писатель, историк, журналист, с 1840-х гг. — представитель теории «официальной народности», примыкавший к монархическому правому течению внутри славянофильства. Окончил Московский университет. Издавал «Московский вестник» (1827—1830), «Русский исторический сборник» (1837—1844), журнал «Москвитянин» (1841—1856). Сотрудник «Гражданина». В связи с этим возникла переписка его с Достоевским. Сведений о их личных встречах нет. Отношение Достоевского к Погодину было внешне уважительным, но холодным. См.: В. А. Викторович. О двух историко-публицистических замыслах Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. VI, стр. 137—153; Л. Е. Барсукова. Переписка Ф. М. Достоевского с М. П. Погодиным. — *Звенья*, т. VI, стр. 439—441. Сохранились 3 письма Достоевского Погодину 1873 г. и 6 писем Погодина Достоевскому (1864, 1873; *Звенья*, т. VI, стр. 442—452) — XXIX$_1$, 261, 307, 308, *520, 527, 543*

***Полевой* Петр Николаевич (1839—1902), сын издателя «Московского Телеграфа», критика и писателя Н. А. Полевого; историк литературы, беллетрист. В связи с намерением включить в третье издание своей «Истории русской литературы в очерках и биографиях» главу о Достоевском обратился в 1878 г. к писателю с просьбой сообщить ему биографические сведения и дать согласие на воспроизведение в книге портрета Достоевского работы В. Г. Перова. Взамен не попавшей в «Историю...» главы о Достоевском Полевой напечатал о нем критико-биографический очерк с гравированным перовским портретом («Огонек», 1879, №№ 33—34). Известны 2 письма Полевого к Достоевскому (1876; *ГБЛ*). О несохранившемся письме Достоевского к Полевому см.: т. XXIX$_2$, стр. 312, № 322.

**Полонский* Яков Петрович — см. т. XXVIII$_2$, указатель имен — XXIX$_1$, 149, 230, 315, 316, 340, 344, *437, 446, 458, 487, 525, 526*; XXIX$_2$, 75, 188, *192, 205, 237—238*

***Поляков* Борис Борисович (ум. 1884), петербургский адвокат, поверенный Достоевского в процессе с издателем Ф. Т. Стелловским и в деле о наследстве А. Ф. Куманиной. Достоевский высказывался о нем резко отрицательно. Об отношении Достоевского к Полякову см. также: *ЛН*, т. 86, по указателю имен. Известны 11 писем Полякова к Достоевскому (1872—1881; *ИРЛИ, ЦГАЛИ*). Сведения о несохранившемся письме Достоевского к Полякову см.: т. XXIX$_1$, стр. 559, № 294. Сохранились письма Полякова к А. Г. Достоевской — XXIX$_1$, 223, 224, 266—268, 270, 273, 290, 321—323, 382—383, *483, 505, 548, 549, 559*; XXIX$_2$, 12, 14, 15, 27, 29, *198, 200, 221, 228*

***Померанцева* София Ивановна, классная дама Николаевского института в Оренбурге, подписчица на «Дневник писателя». Известно одно письмо Померанцевой к Достоевскому (1877; *ГБЛ*). Сведения о несохранившемся его ответе см.: т. XXIX$_2$, стр. 316, № 335.

Попов М. В., владелец книжного магазина в Петербурге; находившегося под Пассажем (см.: *Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 248).

**Порецкий* Александр Устинович (1818—1879) — см. т. XXVIII$_2$, указатель имен — XXIX$_1$, 14, 168, 171, 172, 228, 271, 273, 281, 299, 310, 361, *389—391, 453, 473, 485, 486, 506, 507, 509, 513, 521, 554*; XXIX$_2$, 18, 22, 49, 132, 179, 188, *191, 205, 217, 271*

**Потоцкий* Павел Платонович, юнкер Михайловского артиллерийского училища (Петербург), откликнувшийся взволнованным письмом на майский выпуск «Дневника писателя» 1876 г. Текст единственного его письма к Достоевскому см. выше, в примеч. 1 к письму 620; писатель ответил на него 10 июня 1876 г. — XXIX$_2$, 86—87, 191, *193, 251*

Прасковья, прислуга Достоевских — XXIX$_1$, 324, *508*; XXIX$_2$, 103

Прац (Пратц) Карл-Эдуард (1805—1885), владелец типографии и бумажный фабрикант — XXIX$_1$, 8, 9, 210

***Прибыткова* Варвара Ивановна, петербургская дама, спиритка, жена (или сестра) журналиста-спирита Прибыткова. Достоевский, по его собственному признанию, был с ней знаком «лишь самым отдаленным образом» (см. его письмо к Н. Н. Ливчаку от 6 мая 1878 г.). Посылала для публикации в «Гражданине» статью «Болезнь нашего времени». Автор «Воспоминаний о Достоевском» («Ребус», 1885, № 25), в которых сделана попытка охарактеризовать отношение писателя к спиритизму. О ее взаимоотношениях с Достоевским см.: *Д, Письма*, III, стр. 318; *ЛН*, т. 86, стр. 464. Известно одно письмо Прибытковой к Достоевскому (1873; *ИРЛИ*), являющееся ответом на недошедшее письмо Достоевского. Сведения об этом письме см.: т. XXIX$_1$, стр. 561, № 305 — XXIX$_1$, 309, *520—521, 561*

Прохоровна, няня в доме Достоевских, нянчила сына Федора, позднее, не живя в семье постоянно, навещала Достоевских. Ф. М. Достоевский относился к ней с большой симпатией. По словам А. Г. Достоевской, она изображена в романе «Братья Карамазовы» «в виде старушки, подавшей за упокой души живого сына, от которого не получала известий» (см.: *Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 272, 320. Ср.: наст. изд.; т. XIV, стр. 47; т. XV, стр. 533). В записной тетради 1875—76 гг. Достоевского записан ее адрес: «В 6-й роте Измайловского полка, дом № 22, кварт. № 7» (*Материалы и исследования*, т. VI, стр. 27) — XXIX$_1$, 285, 295; XXIX$_2$, 15, 91, 103, 160, 163, 166, *200*

**Пуцыкович* Виктор Феофилович (1843—после 1912), писатель и публицист консервативного направления. Юрист по образованию, доктор прав. Выступал со статьями на юридические темы (*Гр*, 1872). Был секретарем редакции «Гражданина» во время редакторства Достоевского, а после ухода писателя с поста редактора заменил его в этой должности. С 1877 по 1879 г. был владельцем этого журнала. С конца 1879 по 1881 г. издавал в Берлине «Русский гражданин», а в 1903—1912 гг. газету «Берлинский листок». Живя в Германии, сотрудничал в газетах «Русский труд», «Московские ведомости», «Новое время». Знакомство Достоевского с ним относится ко времени их совместной работы в «Гражданине». Достоевский относился к Пуцыковичу дружелюбно, но не слишком уважительно, справедливо считая его человеком неглубоким и непомерно честолюбивым. Пуцыкович оставил воспоминания о Достоевском, отрывки из которых публиковал в газетах (*НВр*, 1902, 16 января, № 9292; *МВед*, 1910, 28 января, № 22 и 9 июня, № 130). Наиболее полно воспоминания опубликованы в газете Пуцыковича «Берлинский листок» (во всех вышедших номерах). Воспоминания содержали публикацию писем Достоевского к Пуцыковичу и касаются их разговоров на политические темы. Написанные чрезвычайно тенденциозно, воспоминания Пуцыковича призваны изобразить Достоевского как крайнего консерватора, врага всего нового в общественной жизни. Они почти не содержат новых фактов биографии писателя и подчас просто недостоверны. Известны 14 писем Достоевского Пуцыковичу (1873—1879) и 67 писем Пуцыковича Достоевскому (1873, 1880; *ГБЛ* и *ИРЛИ*) — XXIX$_1$, 257, 277, 300, 302, 323, 361, 379—380, *389, 390, 497, 506—507, 538*; XXIX$_2$, 8, 10, 18, 27, 29, 34, 160, 166, 188, *196, 216, 292*

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — XXIX$_1$, 16, 36, 75, 114, 118, 140, 207, 208, 215, 216, 331, 396, *402, 472, 477, 478*

Разин Алексей Егорович — см. XXVIII$_2$, указатель имен — XXIX$_1$, 75, *417*

Ратынский Николай Антонович (1821—1887), цензор, член совета Главного управления по делам печати. В 1840-х гг. — секретарь при директоре Департамента общих дел Министерства внутренних дел; знакомый М. В. Петрашевского, привлекался к допросу по делу петрашевцев (см.: *Дело петрашевцев*, т. 1, стр. 179; т. 3, стр. 403), сотрудничал в «Отечественных записках» и «Русской старине» (см. о нем: *РЛ*, 1970, № 4,

стр. 108—109). Был цензором «Дневника писателя» 1876 и 1877 гг. По его представлению Цензурный комитет запретил к печати ряд мест, в том числе главку «Старина о петрашевцах» из январского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 276—278; т. XXV, стр. 328—332) — XXIX$_2$, 82, 123, 141, 154, 158, 160, 171, *265, 275, 277, 282, 292, 293*

Раухфус Карл Андреевич (1835—1915), известный русский врач-педиатр — XXIX$_1$, 281

Рафаэль (Raffaello) Санти (1483—1520) — XXIX$_1$, 40

**Романов* Александр Александрович (1846—1894), наследник, второй сын Александра II, с 1881 г. — император Александр III. Будучи наследником, пользовался у представителей придворно-правительственных (Победоносцев, который был его советником и руководителем, Мещерский) и отчасти славянофильских (И. С. Аксаков) кругов репутацией лица, способного осуществить их заветные чаяния. Достоевский по возвращении из-за границы в 1872 г. обратился к нему (возможно, через Мещерского) с просьбой о поддержке. Несколько позднее Достоевский препроводил ему отдельное издание «Бесов», а затем несколько выпусков «Дневника писателя» 1876 г. В 1880 г. по приглашению «цесаревича» состоялась встреча между ним и Достоевским. По свидетельству дочери, Достоевский держался на ней независимо, «вел себя во дворце, как он привык вести себя в салонах своих друзей», «говорил первым, вставал, когда находил, что разговор длился достаточно долго...» (*ЛН*, т. 86, стр. 307). Известны 3 письма Достоевского к А. А. Романову (1872—1876) и есть сведения об одном несохранившемся (см. т. XXIX$_1$, стр. 557, № 280) — XXIX$_1$, 226, 260, *389, 484, 498—499, 557*; XXIX$_2$, 132, 133, 186—187, *271, 272, 308*

Рохель Александр Ансельмович, доктор, директор Старорусских минеральных вод, автор книги «Старорусские минеральные воды» (СПб., 1880), имевшейся в библиотеке Достоевского. См. о нем: *Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 224, 228, 235—236 — XXIX$_1$, 236, 238

Рубинштейн Николай Григорьевич (1835—1881), выдающийся русский пианист, дирижер, педагог, музыкальный и общественный деятель, брат А. Г. Рубинштейна — XXIX$_1$, 227, 235, *489*

Рудин Александр Александрович, близкий знакомый Ф. М. и А. Г. Достоевских, проводивший вместе с их семьей в конце 70-х годов лето в Старой Руссе, а с 1880 г. в течение нескольких лет живший там постоянно; бывая в Петербурге, он выполнял различные поручения Анны Григорьевны. Сохранилось 15 писем Рудина к А. Г. Достоевской (*ИРЛИ*) — XXIX$_2$, *296*

***Румянцев* Иоанн (Иван Иванович, 1835—1904), священник, настоятель Георгиевской (Благовещенской) церкви в Старой Руссе. Начиная с лета 1872 г., когда Достоевские снимали у Румянцевых дачу, между ними и семьей писателя установились дружеские отношения (см.: *Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 223). По свидетельству современников, Румянцев «был человек незаурядный», не продвинувшийся «ни на шаг по пути духовной карьеры» и не заслуживший от начальства «за всю свою жизнь <...> ни одного знака отличия» (Н. Ф. Скарская и П. П. Гайдебуров. На сцене и в жизни. М., 1959, стр. 255—256). «Батюшка Румянцев, — писал Достоевский К. П. Победоносцеву 25 июля 1880 г. — есть мой давний и истинный друг, достойнейший из достойнейших священников, каких только я когда-нибудь знал». После смерти Достоевского он заведовал открытой Анной Григорьевной школой имени писателя. См. о нем также: *Рейнус*, стр. 6—8; А. В. Круглов. Поездка в Старую Руссу. — *ИВ*, 1895, № 4, стр. 135; некролог «Друг Достоевского» — «Новости», 1905, 12 (25) февраля, № 36. Переписка Достоевского и Румянцева не сохранилась, см. т. XXIX$_1$, стр. 557—558, №№ 285, 286. Известны письма Румянцева к А. Г. Достоевской (*ЦГАЛИ*) — XXIX$_1$, 236, 238, 239, 274, 277, 324, 334, 343, 347, 370, *490, 491, 504, 508, 533, 540, 557—558, 566*; XXIX$_2$, *200, 202, 207, 258*

Руссо (Rousseau) Жан-Жак (1671—1741) — XXIX$_1$, 214

**Рыкачев* Михаил Александрович (1840—1919), муж племянницы пи-

при подготовке реформы 1861 г., служил в Министерстве юстиции, с 1868 г. — сенатор; писатель и переводчик (за перевод стихотворений Мицкевича в 1886 г. получил Пушкинскую премию). Автор книги «Русская номенклатура растений». Достоевский общался с ним, иногда совместно с их общим знакомым Н. Я. Данилевским в 70-х гг., по возвращении из-за границы (см.: *Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 237), и обращался к нему в связи с его занятиями ботаникой за справкой по лесоводству (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 291). Известна одна записка Семенова к Достоевскому (1876; *ГБЛ*), являющаяся откликом на несохранившуюся записку к нему Достоевского (см.: т. XXIX$_2$, стр. 311, № 317) — XXIX$_2$, 134, *311*

Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович — см. т. XXVIII$_2$, указатель имен — XXIX$_1$, 220, *481*

Серов Александр Николаевич (1820—1871), композитор, автор опер «Юдифь», «Рогнеда», «Вражья сила» — XXIX$_1$, 206, *469*

Серно-Соловьевичи, братья — Николай Александрович (1834—1866) и Александр Александрович (1838—1869) — революционеры-демократы, соратники Н. Г. Чернышевского — XXIX$_1$, 15

Сеченов Иван Михайлович (1829—1905), естествоиспытатель-материалист, основоположник отечественной школы физиологии. Об отношении Достоевского к Сеченову и его труду «Рефлексы головного мозга» см. выше письмо 678 и примеч. 6 к нему — XXIX$_2$, 144, *283, 284*

Симонов Л. Н., петербургский врач, в его лечебнице Достоевский в 1875—1876 гг. лечился разреженным воздухом («под колоколом») — XXIX$_2$, 8—15, 18, 19, 113, *195, 196, 260*

Синклер Т., баронет, член английского парламента, автор книги «Восточный вопрос прошедшего и настоящего. Защита России», которая в переводе под ред. В. Ф. Пуцыковича вышла в Петербурге (1878). В декабрьском выпуске «Дневника писателя» 1877 г. Достоевский напечатал объявление о ее выходе и рекомендовал ее читателям (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 26, 128, 432) — XXIX$_2$, 180, *305*

Славянский — см. *Агренев-Славянский* Д. А.

Сливчанский, петербургский домовладелец. В доме его — угол Лиговского проспекта и Гусева переулка Достоевские жили в 1873—1874 гг. (см.: *Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 253) — XXIX$_1$, 293, 296, 298. 317, *508, 521*

Случевский Константин Константинович (1837—1904), поэт. Начал печататься в «Современнике» в 1860 г.; писал также рассказы и повести. Достоевский познакомился со Случевским зимой 1873—74 гг. в связи с подготовкой сборника «Складчина», в котором оба участвовали. В 1874 г. они виделись в Эмсе, встречались начиная с 1879 г. в салоне Е. А. Штакеншнейдер. В 1879—1880 гг. Достоевский присутствовал в ее салоне на любительском представлении «Каменного гостя» Пушкина, в котором играли Случевский и Страхов (см. об этом в публикации А. М. Березкина писем Е. А. Штакеншнейдер к Достоевскому: *Материалы и исследования*, т. 5, стр. 267—269). Достоевский и Случевский неоднократно выступали на одних и тех же литературных вечерах. Достоевский был любимым писателем Случевского. На смерть писателя Случевский откликнулся стихотворением «Памяти Достоевского» (*НВр*, 1881, 1 февраля, № 1771). В 1889 г. Случевский написал очерк жизни и деятельности Достоевского, которым открылся первый том «Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского» (3-е изд. СПб., 1889). Переписки между ними, по-видимому, не было. А. Г. Достоевская поддерживала до самой смерти поэта дружеские отношения с ним, сохранилась их переписка (*ИРЛИ*). Исследователями отмечена связь некоторых мотивов и тем поэзии Случевского с творчеством Достоевского (см.: А. В. Ф е д о р о в. Поэтическое творчество К. К. Случевского. — В кн.: К. К. С л у ч е в с к и й. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1962, стр. 23—24 («Библиотека поэта»)). См.: Т. П. М а з у р. Достоевский и Случевский. — *Материалы и исследования*, т. 3, стр. 209—217 — XXIX$_1$, 332, *533*

пуска «Дневника писателя» 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 55—60, 397). После смерти писателя Хохрякова напечатала очерк «Из воспоминаний о Федоре Михайловиче Достоевском» («Церковно-общественный вестник», 1876, 6, 8 и 17 февраля, №№ 16—18). Подробный очерк жизни и деятельности Хохряковой см.: А. И. Фаресов. Забытая писательница и ее заслуги. — *РС*, 1908, №№ 9—11; см. также: *Материалы и исследования*, т. V, стр. 257—259 — XXIX$_2$, 125, *265—266*

Цветугин (или Цветухин), посредник между Майковым и Стелловским в деле по взысканию с последнего гонорара за самовольное напечатание романа «Преступление и наказание» — XXIX$_1$, 174, 175, *461*

Цейдлер Петр Михайлович (1821—1873), педагог и литератор, в 1860 г. был назначен членом Общего присутствия духовно-учебного управления при Синоде и начальником синодального архива, в 1864 — директором Дома воспитания бедных детей, ставшего под его руководством образцовым учреждением. В эти же годы он редактирует журналы «Иллюстрация» и «Воскресный досуг». Достоевский познакомился с ним еще в 1810-х гг. в доме Майковых и продолжал встречаться в 1860—70-х гг. — XXIX$_1$, 229. *486*

***Цетлин*, Л. фон, москвичка, обратившаяся к Достоевскому за материальной поддержкой. Известно одно письмо ее к Достоевскому (1877; *ИРЛИ*). О несохранившемся письме Достоевского к ней см.: т. XXIX$_2$, стр. 321, № 346.

Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) — XXIX$_1$, 118, *471*

Чаев Николай Александрович — см. т. XXVIII$_2$, указатель имен; XXIX$_1$, 114, 152, 223

Черенин Михаил Михайлович, московский книгопродавец, бравший на комиссию издания Достоевского. Достоевский познакомился с ним в 1859 г. в Твери. См.: *ЛН*, т. 86, стр. 440 — XXIX$_1$, 369, *540*

Чернышевский Николай Гаврилович, см. т. XXVIII$_2$, указатель имен — XXIX$_1$, *396, 406, 408*

Черткова Елизавета Ивановна, содержательница приюта для бедных детей в Петербурге, так называемой «Школы оборвышей» — XXIX$_2$, 77, 242

***Чехович* Вячеслав Венедиктович, кредитор Достоевского. Сохранились 3 его письма к Достоевскому (1872, 1873; *ИРЛИ*). О несохранившемся письме (1872) писателя к Чеховичу см.: т. XXIX$_1$, стр. 558, № 290.

Шаликова Наталья Петровна (1815—1878), княжна, дочь писателя П. И. Шаликова, сестра жены М. Н. Каткова Софьи Петровны. Писательница (псевдонимы — О. Нарская и Н. Горская). В 1850-х гг. печаталась в «Современнике», в 1860—1870 гг. сотрудничала в «Русском вестнике». Достоевский познакомился с нею в 1865 г. в Висбадене, встречался на водах в Эмсе в 1874 и 1875 гг. Сохранились 3 письма Шаликовой к Достоевскому (1873, 1874; *ГБЛ*). Письма Достоевского к ней неизвестны. О Шаликовой см.: *Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 263 — XXIX$_1$, 335—337, 340—343, 356; XXIX$_2$, 62

Шам (Хам) (1819—1879), французский художник-карикатурист, псевдоним А.-Ш.-Г. Ное (A.-Ch.-H. Noé). См. о нем в статье Достоевского «Выставка в Академии художеств за 1860—61 год» (наст. изд., т. XIX, стр. 162)) — XXIX$_2$, 92, *254*

Шармер Е. Ф., петербургский портной — XXIX$_2$, 29, *208*

Шевяков Владимир Васильевич (ум. 1889), с 1875 г. муж сестры писателя Александры Михайловны — XXIX$_1$, 321, *530*; XXIX$_2$, 66, 67, 129, *226, 229*

Шевякова Александра Михайловна, урожд. Достоевская, в первом браке — Голеновская (см. т. XXVIII$_2$, указатель имен) — XXIX$_1$, 59, 93,

103, 104, 113, 227, 232, 234, 290, 313, *414, 422, 524*; XXIX_2, 29. 66, 67, 129, *200, 208, 226, 229*

Шекспир (Shakespeare) Уильям (1564—1616) — XXIX_2, 151, *287, 288*

Шенк Константин Александрович (1829—1912), главный военный врач Семеновского госпиталя в Петербурге, приезжавший с 1857 по 1894 г. с больными солдатами на летние сезоны в Старую Руссу; автор статьи «О старорусских минеральных водах» («Современный лечебник», 1875, январь); лечил детей Достоевского (см. о нем: *Достоевская А. Г., Воспоминания,* стр. 224, 228, 235—236) — XXIX_1, 228—230, 236, 241, 245, 248, 271. 323, 324, 339, 347, 349, *505*

Шер Ольга Федоровна, урожд. Нечаева, дочь деда Достоевского Ф. Т. Нечаева от второго брака. Наследница А. Ф. Куманиной. См. ниже: *Шеры*

Шеры — О. Ф. Шер (см. выше) и ее сын В. Д. Шер, представлявший интересы матери на суде по куманинскому наследству. — XXIX_1, 266, 267, 270, 290, *421, 503, 512, 524, 549*; XXIX_2, 67, *200, 228, 212, 227*

***Шкляревский* Александр Андреевич (1837—1883), писатель, автор нескольких «уголовных» романов. Опубликовал в «Гражданине» ряд статей и рассказов, в частности рассказ «Накануне защиты преступника (Из записок присяжного поверенного)» (1873, 19 марта, № 12). Был лично знаком с Достоевским. Известны 7 писем Шкляревского к Достоевскому (1873—1874; *ГБЛ*). Сведения о несохранившемся письме Достоевского к Шкляревскому 1873 г. см.: т. XXIX_1, стр. 559, № 292. О взаимоотношениях Достоевского и Шкляревского см.: *ЛН*, т. 86, стр. 429, где опубликованы фрагменты из писем Шкляревского Достоевскому. Об одной из встреч Достоевского и Шкляревского см.: В. В. Тимофеева (О. Починковская). Год работы со знаменитым писателем. — *ИВ*, 1904, № 2, стр. 523—525 — XXIX_1, *559*; XXIX_2, *225*

Штакеншнейдер Адриан Андреевич (1841—после 1916), брат Е. А. Штакеншнейдер, сын архитектора А. И. Штакеншнейдера, юрист. Знакомство Достоевского с ним состоялось, по-видимому, в 1873—1874 гг. А. А. Штакеншнейдер, будучи прокурором Изюмского окружного суда и по определению Достоевского «большим практиком» (см. письмо к Н. А. Любимову от 16 ноября 1879), консультировал Достоевского по вопросам юриспруденции, в частности при создании «Братьев Карамазовых» (см.: *Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 354—355; наст. изд., т. XV, стр. 437, 445) — XXIX_1, 349, 350, 353, 354, 356, 359, 360, *536*

Штраус (Strauss), семья немецких композиторов: Иоганн (1804—1849), его сыновья — Иоганн (1825—1899), Йозеф (1827—1870), Эдуард (1835—1916) — XXIX_2, 43, *214*

***Шуттенбах* А., арестант, участь которого была облегчена в результате вмешательства Достоевского (замена каторги ссылкой в Сибирь). Известно письмо Шуттенбаха Достоевскому (1874; *ИРЛИ*), содержащее благодарность за сочувствие и «бескорыстную помощь». Сведения о недошедшем письме Достоевского к Шуттенбаху см.: т. XXIX_1, стр. 562, № 308.

Щебальский Петр Карлович (1810—1886), критик, историк литературы, сотрудник «Русского вестника» — XXIX_1, 124, 402, *435*; XXIX_2, *309*

Щекатов Афанасий, писатель и переводчик. Автор изданий: Картина России (1807), Словарь географический Российского государства. Ч. 1—7. М., 1807—1809 — XXIX_1, 308

Юлия Александровна — см. *Иванова* Ю. А.

**Юркевич* Михаил Андреевич, помощник инспектора Кишиневской духовной академии. Известно одно его письмо к Достоевскому (1876; *ИРЛИ*, частично опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 376). Достоевский ответил ему (1877). В январском выпуске «Дневника писателя» 1877 г. (глава вторая, главка «Именинник») он привел отрывок из письма Юркевича

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Места хранения рукописей

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ГЦТМ — Государственный Центральный Театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).

Печатные источники

Александров — М. А. Александров. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 гг. — *РС*, 1892, № 4 и 5.
Алчевская — X. Д. Алчевская. Передуманное и пережитое. М., 1912.
БВ — «Биржевые ведомости» (газета).
Библиотека — Л. П. Гроссман. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919.
Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб., 1883 (Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, т. 1).
ВЕ — «Вестник Европы» (журнал).
ВЛ — «Вопросы литературы» (журнал).
Волоцкой — М. В. Волоцкой. Хроника рода Достоевских. 1506—1933. «Север», М., 1933.
Г — «Голос» (газета).
Гончаров — И. А. Гончаров. Собрание сочинений, тт. I—VIII. Гослитиздат, М., 1952—1955.
Гр — «Гражданин» (газета).
Гроссман, Жизнь и труды — Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. «Academia», М.—Л., 1935.
Гроссман, Семинарий — Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. ГИЗ, М.—Пг., 1922.
Д, Материалы и исследования — Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Изд. АН СССР, Л., 1935.
Долинин — А. С. Долинин. Последние романы Достоевского. «Сов. писатель», М.—Л., 1963.
Достоевская, А. Г. Воспоминания — А. Г. Достоевская. Воспоминания. «Художественная литература», М., 1971.

Достоевская, Библиографический указатель — А. Достоевская. Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, собранных в Музее памяти Ф. М. Достоевского в Московском историческом музее. Пб., 1906.

Достоевская, Л. Ф. — Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. Пер. с нем. Л. Я. Круковской. Под ред. и с предисл. А. Г. Горнфельда. ГИЗ, М.—Пг., 1922.

Достоевский, А. М. — А. М. Достоевский. Воспоминания. Ред. и вступ. статья А. А. Достоевского. «Изд. писателей в Ленинграде», 1930.

Достоевский в воспоминаниях — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, тт. I—II. «Художественная литература», М., 1964.

Достоевский и его время — Достоевский и его время. Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера. «Наука», Л., 1971.

Достоевский — художник и мыслитель. — Достоевский — художник и мыслитель. Сб. статей. «Художественная литература», М., 1972.

ДП$_1$ — Ф. М. Достоевский. Дневник писателя за 1876 г. СПб., 1876.

ДП$_2$ — Ф. М. Достоевский. Дневник писателя за 1876 г. и 1877 г. СПб., 1879.

Д, Переписка с женой — Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка. «Наука», Л., 1976.

Д, Письма — Ф. М. Достоевский. Письма, тт. I—IV. Под ред. А. С. Долинина. ГИЗ—«Academia»—Гослитиздат. Л.—М., 1928—1959.

Д, Письма к жене — Письма Ф. М. Достоевского к жене. Предисл. и примеч. Н. Ф. Бельчикова. Общая ред. В. Ф. Переверзева. М.—Л., 1926.

Звенья — Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX вв., тт. I—IX. «Academia»—Госкультпросветиздат, М.—Л., 1932—1951.

ИВ — «Исторический вестник» (журнал).

Из архива Достоевского — Из архива Достоевского. Письма русских писателей. М.—Пг., 1923.

Ильин — Н. Ильин. Достоевский в споре за куманинское наследство. — Звенья, 1951, т. IX, стр. 547—559.

Кони — А. Ф. Кони. Собрание сочинений, тт. I—VIII. «Юридическая литература», М., 1966—1969.

Лапский, Утраченные письма — Л. Лапский. Утраченные письма Достоевского. — *ВЛ*, 1971, № 11, стр. 196—222.

Лит. архив — Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения, тт. 1—6. М.—Л., 1938—1961.

ЛН — «Литературное наследство», тт. 1—94. Изд. АН СССР—«Наука», М., 1931—1983. Издание продолжается.

А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому — Н. Т. Ашимбаева. Письма А. Н. Майкова к Ф. М. Достоевскому (1868—1870). — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1982. «Наука», Л., 1984, стр. 60—98.

Материалы и исследования — Достоевский. Материалы и исследования, тт. I—VII. «Наука», Л., 1974—1986. Издание продолжается.

МВед — «Московские ведомости» (газета).

НВр — «Новое время» (газета).

Некрасов — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, тт. I—XII. Гослитиздат, М., 1948—1953.

ОЗ — «Отечественные записки» (журнал).

Описание — Описание рукописей Ф. М. Достоевского. Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957 (Библиотека СССР им. В. И. Ленина—Центральный Государственный архив литературы и искусства—Институт русской литературы АН СССР).

РВ — «Русский вестник» (журнал).

Рейнус — Л. М. Рейнус. Три адреса Ф. М. Достоевского. Лениздат, Л., 1985.

РЛ — «Русская литература» (журнал).

РМ — «Русская мысль» (журнал).

РО — «Русское обозрение» (журнал).

РС — «Русская старина» (журнал).

Салтыков-Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в двадцати томах. «Художественная литература», М., 1965—1977.

Сб. Достоевский, I — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник 1. Под ред. А. С. Долинина. «Мысль», Пб., 1922.

СВ — «Северный вестник» (журнал).

СПбВед — «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы, тт. I—XL. Изд. АН СССР—«Наука», Л., 1934—1986. (Институт русской литературы АН СССР).

Толстой — Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, тт. 1—90. ГИЗ—Гослитиздат, М.—Л., 1928—1964.

Тургенев, Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма, тт. I—XIII. Изд. АН СССР—«Наука», М.—Л., 1960—1968.

Фридлендер — Г. М. Фридлендер. Реализм Достоевского. «Наука», М.—Л., 1964.

Шестидесятые годы — Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940.

Э — «Эпоха» (журнал).

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

1875

1876

1877

Официальные письма и деловые бумаги

1875

1876

1877

Указатели

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

Редакционная коллегия:

В. Г. БАЗАНОВ (*главный редактор*),
В. В. ВИНОГРАДОВ, *Ф. Я. ПРИЙМА*,
Г. М. ФРИДЛЕНДЕР (*заместитель главного редактора*),
М. Б. ХРАПЧЕНКО

Тексты подготовили и примечания составили:

И. А. БИТЮГОВА, Г. Я. ГАЛАГАН, Г. В. СТЕПАНОВА,
И. Д. ЯКУБОВИЧ

Редакторы XXIX, тома

В. А. ТУНИМАНОВ, Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

*

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Том XXIX, кн. 2

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Оформление художников *С. Н. Тарасова* и *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Г. А. Смирнова*
Корректоры *Н. Г. Каценко* и *Э. Г. Рабинович*

Сдано в набор 30.07.86. Подписано к печати 11.11.86. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага офсетная № 1 Гарнитура обыкновенная Печать офсетная Усл. печ. л. 23.5. Усл. кр.-от. 24.5. Уч.-изд. л. 28.37. Тираж 55000 (2-й завод 25001—55000 Тип. зак. № 676. Цена 3 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.